

Н. И. ТОЛСТОЙ

История
и структура
славянских
литературных
языков

·Наука·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Н.И.ТОЛСТОЙ

История
и структура
славянских
литературных
языков

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
В.Н. ЯРЦЕВА

МОСКВА
НАУКА
1988

Толстой Н.И.

Т 52 История и структура славянских литературных языков.
М.: Наука, 1988. — 239 с.
ISBN 5-02-010890-1

В центре внимания автора — функция древнеславянского литературного языка как общего литературного языка южных и восточных славян, его структура, локальные разновидности, эволюция, его роль в развитии отдельных славянских литературных языков. Предлагается система признаков для типологической классификации славянских литературных языков. Освещаются основные аспекты изучения славянских литературных языков в трудах В.В. Виноградова и Н.С. Трубецкого, основоположников науки о литературных языках.

Для всех, интересующихся историей славянских языков.

Т 4602010000-198
042(02)-88 324-88-III

ББК 81

ISBN 5-02-010890-1

© Издательство "Наука", 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение истории славянских литературных языков имеет свою, хотя и недолгую историю. В конце 20-х и начале 30-х годов нашего века появляются первые программные работы В.В. Виноградова, Н.С. Трубецкого, "Тезисы" Пражского лингвистического кружка. Они доказывают со всей очевидностью, что история литературного языка — дисциплина, принципиально отличная от истории языка вообще — исторической фонетики, морфологии и синтаксиса, исторической диалектологии. В то же время окончательно преодолевается односторонний младограмматический подход к литературному языку как к языку искусственному и потому недостаточно отражающему чисто языковые законы развития языка. Сравнительно-историческая младограмматическая методология предпочитала обращаться к не стесненным литературной нормой языковым идиомам и даже в нормированных книжных языках типа старославянского видеть в первую очередь и почти исключительно материал для историко-генетических исследований, для восстановления форм и структуры праславянского или индоевропейского языка. Иными словами, внелингвистический аспект литературного языка почти полностью игнорировался, так же как и проблема связи истории литературного языка с историей литературы. Между тем проблема возникновения и развития всякого литературного языка, древнего и нового, есть проблема не только и даже не столько лингвистическая, сколько историко-культурная, ибо лингвистика способна ответить на вопрос, как, в каких формах шло формирование языка и протекала его эволюция, что оставалось стабильным и что изменялось, создавало новую картину языка, но неспособна объяснить, почему в равных языковых, но неравных исторических условиях развитие близкородственных языков часто шло по разному пути. На вопрос, почему, уже отвечает история культуры, история общественной мысли и общественного лингвистического "вкуса". Пути становления славянских национальных литературных языков определялись характером этнического самосознания и самопознания славянских народов в эпоху их национального возрождения, а история древнеславянского литературного языка была сопряжена с кирилло-мефодиевской культурно-религиозной традицией, с идеей славянской взаимности и единства. Развитие

отдельных славянских литературных языков было взаимосвязано косвенно, через древнеславянский (старославянский) язык, как язык надэтнический и наднациональный, и непосредственно — путем двусторонних и многосторонних контактов.

Все эти вопросы стали серьезно разрабатываться в последнее предвоенное время и первые послевоенные десятилетия, главным образом, на материале отдельных славянских литературных языков, в первую очередь русского (труды В.В.Виноградова, Л.В.Щербы, Г.О.Винокура, Б.В.Томашевского и др.) и чешского языка (труды Б.Гавранка и др.). В последние годы интерес к истории славянских литературных языков сильно возрос — появились исследования и монографии почти по каждому славянскому литературному языку. Не остались без внимания и лужицко-сербские языки, и так называемые славянские малые литературные языки (русинский, кайкавский, чакавский, кашубский и др.).

Все большее внимание стал привлекать древнеславянский (старославянский и церковнославянский) литературный язык. Благодаря надэтническому функционированию, посреднической роли и параллельному употреблению с отдельными древними славянскими литературными языками, этот язык в общеславянской литературно-языковой ситуации во многие периоды своего развития занимал ключевые позиции, влияя на структуру и взаимоотношения литературных языков, на их стилистические возможности.

Древнеславянский литературный язык — важное звено в образовании типологически различных языковых ситуаций в разные периоды развития славянских литературных языков. Славянские литературные языки демонстрируют целую гамму разнообразных отношений с другими стратами (идиомами) в пределах одного языка (просторечием, говорами, языком фольклора). От этих отношений зависит и характер стилистических систем отдельных языков. Этим проблемам посвящена первая часть книги. Структура и эволюция древнеславянского языка и соотношение его локальных типов рассматривается во втором разделе книги. Древнеславянский язык, имеющий свою тысячелетнюю историю, был языком, стойко сохранявшим свою грамматическую конструкцию, несколько изменявшим свой фонетический облик и допускавшим в этой области и в области лексики некоторые местные варианты и нововведения. Это приводило отдельных лингвистов к ложному впечатлению неподвижности, окаменелости и даже "мертвенности" этого языка, к мнению о том, что у этого языка отсутствует история, отсутствовало развитие, в то время как строгая нормированность и сакральность древнеславянского языка, употребление его в церковной и прежде всего в литургической сфере делало этот язык высокоавторитетным и во многих отношениях образцовым для славянских языков, параллельно с ним функционировавших, к нему примыкавших и на определенном этапе развития всецело или частично от него зависевших. Древнеславянский язык уже на первом этапе своего развития (т.е. старославянский язык) имел свои локальные варианты или типы, которые были взаимосвязаны и затем во все периоды развития древнесла-

вянского языка тяготели к общей норме, к общему уровню стандартизованности по принципу сообщающихся сосудов. Изучение отдельных типов позднего периода истории древнеславянского языка важно для понимания языковой ситуации и литературно-языковых процессов в эпоху зарождения национальных литературных языков как в южно-, так и в восточнославянских землях. Взаимодействие русского, сербского и болгарского литературных языков в XVIII в. было активным и тесным, благодаря посреднической роли общего для русских, сербов и болгар древнеславянского (церковнославянского) языка. Достаточно сложная картина соотношения литературных языков мира *Slavia Orthodoxa* несколько проясняется свидетельством книжников XVI—XVII вв. о происхождении, диалектной основе, функциях и названиях литературного языка. Древние представления могут не совпадать с современными концепциями, но авторы этих концепций должны их знать и с ними считаться.

Устойчивость языка, стиля, орфографических и грамматических норм и словообразовательных моделей древнеславянского языка поддерживалась и закреплялась устойчивостью славянских книжных и культурных традиций, восходящих к временам славянских первоучителей — солунских братьев. Поэтому в третьем разделе книги рассматриваются культурологические и языковые аспекты создания и первоначального распространения славянской письменности и книжности в связи с христианизацией славянского этноса и укреплением славянского этнического самосознания, а также значение кирилло-мефодиевской традиции для относительно позднего периода развития славянской письменной культуры, особенно для эпох, когда эта культура подвергалась насильственной ассимиляции или активному воздействию неславянских традиций. Четвертый раздел книги трактует проблемы, связанные со способами разграничения древнеславянского литературного языка с древнесербским или древнерусским при особом внимании к жанровой классификации текстов и их языку. В нем рассматривается также южнославянская культурно-историческая ситуация накануне образования национальных литературных языков, борьба конкурирующих проектов и норм, предлагаемых для нового литературного языка у сербов и у словенцев, предпосылки формирования языка такого типа и характеристика сменяемого новым языком "славено-сербского" языка XVIII в.

Закljučают книгу два историографических этюда, посвященные ученым, заложившим фундамент науки о славянских литературных языках, — В.В. Виноградову и Н.С. Трубецкому. При этом особое внимание уделено их взглядам на характер и структуру древнеславянского литературного языка.

Неоднократные беседы с В.В. Виноградовым на темы о литературном языке оказали на автора большое влияние, о чем автор считает своим долгом сказать с чувством благодарности и благоговения перед памятью учителя.

В работе над этой книгой автору оказали неоценимую помощь его соавтор по ряду работ и постоянный научный собеседник и оппонент С.М. Толстая, его ученица В.Ю. Панкова и А.А. Архипов.

1. ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ ЯЗЫКОВЫМ ИДИОМАМ (стратам) (опыт сравнительного рассмотрения)

Сравнительному изучению славянских литературных языков в данной работе придается вполне определенный смысл. Наше внимание обращено не на рассмотрение литературных языков во внутрилингвистическом плане, не на сравнение элементов и систем звукового, грамматического и лексического строя, особенностей и форм развития нормы литературного языка (орфоэпии, орфографии, грамматических правильностей и неправильностей, стилистических средств и т.п.), а на анализ внешнелингвистического плана¹, на рассмотрение соотношения литературного языка с языковыми образованиями другого рода, с другими идиомами или стратами — с диалектами, просторечием, народно-поэтическим койне и т.п., наконец, на некоторые элементы внелингвистического плана, на характеристику соотношения литературного языка и фольклора, литературы, культуры и этноса.

Сравнительное изучение славянских литературных языков может и должно иметь особый аспект, связанный с изучением общих и различных моментов внутриязыкового функционального членения отдельных языков, и быть посвящено определению позиции литературного языка внутри такого членения, выяснению соотношений моделей такого членения в современных условиях и в предшествующие периоды развития славянских языков. Во всех случаях и для всех моделей литературный язык является важным, определяющим звеном или блоком в общей схеме соответствий. От характера этих соответствий и прочности связей в них зависит и характер самого литературного языка. Общая схема соответствий отражает состояние языка, которое проявляется в языковой ситуации. При этом, согласно Г.В. Степанову, под состоянием языка следует понимать "совокупность всех видов его вариативности как функционально нагруженных, так и не имеющих ясно выраженной функциональной нагрузки (парадигматический план)", а под языковой ситуацией — "отношение языка или его части, характеризующегося данным состоянием, к другим языкам или к другой части того же языка, и проявляющееся в различных формах пространственных и социальных взаимодействий (синтагматический план)"². В дополнение к этому можно говорить о лингвистически существенной

внеязыковой ситуации, причисляя к ней отношение языка к формам культуры, социальной структуры общества, этнической структуры, в которой функционирует язык, и т.п.

Поскольку литературный язык есть одно из мощных орудий культуры и в то же самое время важный компонент (сегмент) культуры (национальной, народной, наднациональной или надэтнической, ареальной, локальной и т.п.), то проблемы типологии внутреннего, функционального членения языка и типологии языковых ситуаций тесно связаны с проблемами типологии внеязыковых ситуаций, типологии культуры, культурных ареалов.

Обратимся, однако, к лингвистическим вопросам языкового анализа. Для развития сравнительно-исторического славянского языкознания (так же как и для индоевропейского или германского) и для его утверждения в качестве профилирующей славистической дисциплины было весьма существенно выделение конкретных и четких языковых признаков, численно ограниченных и устойчивых, при помощи которых проводился анализ, классификация славянских языков и реконструкция праславянского языка³. Сопоставительное языкознание не имеет такого "отработанного" списка показателей-признаков даже в пределах отдельных уровней языка и опирается то на один, то на другой круг фактов. Что же касается сравнительного изучения славянских литературных языков, прежде всего в отношении их "внешней структуры", их функционирования и места в общем языковом состоянии, то признаки, по которым они сравниваются, еще только намечаются и вырабатываются, а тем самым, естественно, устанавливается и предмет и метод всей дисциплины в целом. Именно поэтому мы сочли нужным часть нашей работы посвятить краткой, далеко не исчерпывающей истории вопроса и разбору выдвигавшихся в последние полтора-два десятилетия показателей-признаков, характеризующих славянские литературные языки. Отметим попутно, что значительная часть этих признаков после некоторой модификации может быть применена при сравнительном изучении славянских культур, хотя "язык" культуры и естественный литературный язык — явления субстанционально разнородные.

Важно напомнить также, что сравнительное изучение славянских литературных языков начиналось именно с анализа культурологического аспекта и сфер функционирования этих языков, а не с их внутрисистемного рассмотрения. Еще в конце XIX в. А.С. Будилович в книге, которая в свое время привлекла незаслуженно малое внимание специалистов, а в наши дни уже и вовсе почти забыта⁴, довольно подробно рассмотрел историю развития и функционирования основных западноевропейских языков — греческого, латинского, итальянского, испанского, французского, английского, немецкого и славянских — церковнославянского, русского, сербскохорватского, чешского и польского. И хотя А.С. Будиловича можно упрекнуть в предвзятости некоторых позиций, ведущей к преувеличению роли отдельных языков, в том числе и русского, однако он первый подошел к сравнительному изучению славянских

литературных языков как к особой проблеме и даже дисциплине и выдвинул, хотя и не очень четко, ряд релевантных для такого изучения показателей. К их числу он относил: а) связь литературного языка с говорами, б) влияние церковнославянского языка или других "образованных" литературных языков, в) однородность (или разнородность) "диалектических (диалектных. — Н.Т.) стилий, входящих в образованный язык", г) непрерывность (или прерывность) развития литературного языка, д) степень ограниченности состава и строя литературного языка. Эти показатели А.С. Будилович выделил на основе наблюдений над историческими судьбами русского литературного языка и назвал их "историко-диалектическими условиями развития русского языка".

Более трех десятилетий спустя, в 1927 г. в иной научной атмосфере и в иных условиях научного труда Н.С. Трубецкой обратился к той же проблеме сопоставления русского литературного языка с историей других славянских литературных языков. Н.С. Трубецкой в качестве "свойств" русского и других славянских языков вычленяет прежде всего связь с традицией, отмечая, что "кроме языков сербскохорватского и словенского, совершенно выпавших из всякой связи с литературно-языковыми традициями, современные славянские литературные языки по признаку примыкания к определенной традиции распадаются на две группы — группу церковнославянской традиции (русский и болгарский литературные языки) и группу польско-чешской традиции (польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий и украинский литературные языки)"⁵. "Связь между литературными языками первой группы есть связь по преемству, связь же между литературными языками второй группы есть связь по влиянию. Различие это, конечно, объясняется разницей во времени возникновения источников традиций и той и другой группы". Таким образом, Н.С. Трубецкой к "свойству" наличия или отсутствия традиции добавляет признаки времени возникновения традиции и непрерывности (прерывности) традиции ("русский язык из всех современных славянских литературных языков имеет за собой наиболее долгую и непрерывную литературно-языковую традицию")⁶. Этим обуславливается однородность и устойчивость (resp. неоднородность, неустойчивость) "внешнего облика литературного языка". По мнению Н.С. Трубецкого, такой однородностью и устойчивостью обладает русский язык в отличие, скажем, от словацкого второй половины XIX в. и начала XX в., и в этом одно из преимуществ русского языка⁷. Не без участия Н.С. Трубецкого были написаны известные "Тезисы" Пражского лингвистического кружка, в которых особое внимание уделялось церковнославянскому языку (для него был выделен особый раздел) как общеславянскому литературному койне и "его литературным диалектам" — большому количеству местных редакций⁸. Возможно, что этот раздел принадлежит почти целиком перу Н.С. Трубецкого, так как в нем многое перекликается с текстом статьи "Общеславянский элемент в русской культуре". Однако наиболее существенно, пожалуй, то, что "пражцы" при рассмотрении лите-

ратурных языков обратили серьезное внимание на их функциональный аспект и стали рассматривать литературный язык как сложную многослойную структуру, как образование полифункциональное, в отличие от народных говоров, в принципе выполняющих одну функцию — коммуникативную. Безусловно, именно многослойность и полифункциональность литературного языка создает и определяет разнообразие отношений литературного языка с другими идиомами (стратами), и, как уже отмечалось, наоборот, во многом эти соотношения определяют характер литературного языка.

В 30-е годы XX в. разработка конкретного материала и теоретических вопросов, относящихся к истории конкретных славянских литературных языков, главным образом русского и чешского, связана с именами В.В. Виноградова и Б. Гавранка. В послевоенный период появились новые авторы и новые работы по всем славянским литературным языкам. Однако трудов, охватывающих славянские языки и исследующих их в сравнительном плане, и в этот период было мало. Среди них следует снова вспомнить разыскания Б. Гавранка, В.В. Виноградова, в которых основное внимание сосредоточивалось либо на взаимных языково-литературных связях и влияниях, либо на различиях литературных языков в донациональную и национальную эпохи, а также на отношении создателей литературных языков и норм XIX в. к традиции и к выбору диалектной базы.

В начале 60-х годов Д. Брозовичем, автором этих строк и рядом других славистов (А. Едличкой, М. Затовканюком и др.) был поставлен вопрос о выработке системы признаков для сравнительно-типологического изучения славянских литературных языков в их современном состоянии и в предшествующие эпохи⁹.

В 1965 г. мною предлагался следующий ряд критериев, определяющий характер литературного языка: 1. Отношение к традиции (к церковнославянскому языку и т.п.). 2. Отношение к диалектной базе: а) опора на одну основную диалектную базу; б) попытка контаминации отдельных диалектных баз (с учетом степени отвлеченности литературного языка от диалектной базы). 3. Наличие областных литературных языков (или их отсутствие). 4. Наличие разных культурно-языковых центров и их конкуренция (или их отсутствие). 5. Наличие городского койне-просторечия и т.п., влияющего на литературный язык (или его отсутствие)¹⁰.

Как видно из этого перечня, к сожалению, многие релевантные признаки, в том числе и диахронические, например, признак прерывности/непрерывности развития, выдвинутый еще А. Будиловичем и Н.С. Трубецким, не были приняты во внимание.

В том же 1965 г. в более четкой форме свой, более полный список критериев предложил известный хорватский славист Д. Брозович. Он попытался классифицировать современные славянские литературные языки по следующим восьми показателям: 1. Наличие высокой степени автономности и черт искусственности стандартных (т.е. литературных) языков (или их отсутствие). 2. Наличие

перерыва в истории стандартного языка (или отсутствие такового). 3. Наличие гомогенной диалектной основы стандартного языка (или негомогенность грамматической и лексической структуры основы). 4. Отсутствие влияния больших соседних или родственных славянских языков (или его наличие). 5. Отсутствие существенно различных славянских элементов (или их наличие). 6. Наличие свободного перехода между разговорным стандартом и интердиалектами. 7. Наличие дублетных норм, сосуществующих без осязаемой поляризации (или с осязаемой поляризацией). 8. Наличие всех функций и возможностей передать при помощи национальной языковой формы особенности интернациональной цивилизации (культуры)¹¹. Нетрудно заметить, что в этом перечне Д. Брозович поставил в один ряд признаки синхронные (1, 3, 5, 6 и др.) и диахронические (2, 4...), а также выдвинул некоторые признаки, дифференциальная способность которых недостаточно выразительна и ярка.

С учетом этих моментов нами в 1966 г. был предложен перечень показателей, состоящий из двух разделов: I — синхронные показатели, II — диахронические показатели. Он выглядел следующим образом. I раздел: 1. Наличие диалектной базы и близость к ней стандартного литературного языка. 2. Близость стандартного литературного языка к народно-поэтическому койне (при условии его наличия). 3. Наличие разных типов-вариантов литературного языка. 4. Наличие автономных по отношению к стандартному литературному языку "диалектных", областных языков. II раздел: 1. Разрыв с традицией в истории литературного языка. 2. Перерыв в общем развитии литературного языка. 3. Смена диалектной базы в истории литературного языка¹².

В 1967 г. в статье "Славянские стандартные языки и сравнительный метод" Д.Брозович на новых основаниях предложил 15 показателей, в которые в общем вошли и прежних восемь (из работы 1965 г.). Эти вопросы были сгруппированы в три раздела: А. Способ формирования и функционирования стандартных языков (пункты 1—4); В. Характер диалектной основы стандартного языка и его отношение к нации (пункты 5—9) и С. Отношение к другим стандартным языкам (пункты 10—15). Матрица идентификации славянских литературных языков была выработана с привлечением следующих показателей: 1. Языки с высокой (~ низкой) степенью автономности и гибкой стабильности. 2. Языки с сосуществующими (~ поляризованными) дублетами в пределах нормы. 3. Языки с непосредственным переходом от стандартной формы к диалектам (~ с субстандартом в качестве посредника). 4. Языки с непрерывным (~ не непрерывным) развитием современной субстанции и структуры. 5. Языки с гомогенной (~ негомогенной) исконной диалектной основой. 6. Языки, у которых диалектная основа была нормирована непосредственно (~ посредством предварительной фольклорной стилизации). 7. Языки, обладающие культурным интердиалектом (~ лишенные его). 8. Языки со всеми (~ не со всеми) поливалентными функциями. 9. Языки, соответствующие (~ не соответствующие) формуле "1 стандартный язык — 1 нация". 10. Языки

с собственной диалектной основой стандартности (~ языки, в основе которых присутствуют иноязычные элементы той же языковой семьи). 11. Языки, создавшие стандартную форму на основе преимущественно собственных субстанциональных элементов (~ в результате заимствования части субстанциональных элементов из родственных языков). 12. Языки, в целом свободные (~ несвободные) от влияния более крупных и развитых стандартных языков той же семьи. 13. Языки, в которых норма ограничивает (~ не ограничивает) возможности неспонтанного калькирования. 14. Языки не склонные (~ склонные) к сильным пуристическим тенденциям. 15. Языки, отражающие и обслуживающие гомогенную (~ гетерогенную) цивилизацию.

Схематически Д. Брозович представил соотношение всех славянских языков в виде таблицы, из которой мы приводим только начало, касающееся восточнославянских языков.

Стандартный язык	Номер критерия														
	А				В					С					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
русский	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	±
белорусский	-	+	+	+	+	+	-	±	+	+	-	-	+	+	±
украинский	-	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	+	+	±

Знаку + Д. Брозович приписал "значимость" — 2 очка, знакам + и — одновременно — 1 очко, знак — имеет 0 очков. Русский язык, таким образом, получает 27 очков (также и польский), белорусский — 20 (также и хорватский вариант сербско-хорватского языка), украинский — 17 (также и нижнелужицкий), чешский — 23 очка и т.п. Производились и другие подсчеты (по критериям-признакам, по рубрикам и т.п.), на которых мы сейчас не будем останавливаться. Скажем лишь несколько слов о возникающих трудностях и спорных моментах.

Увеличение числа критериев должно, как будто, приводить к более полной и детальной характеристике литературных языков в сравнительном плане, но, с другой стороны, оно осложняет сравнение и ставит в данном случае в один ряд довольно разнородные явления-показатели. Разнородность пятнадцати приведенных выше показателей заключается не только в том, что современные (синхронные) особенности перемежаются с особенностями историческими (диахроническими), например, пункт 2-й — поляризация/неполяризация дублетных норм и пункт 4-й — прерывность/непрерывность развития, но и в том, что довольно четкие дифференциальные признаки, такие как 5-й — о гомогенности/негомогенности диалектной основы — находятся рядом с признаками очень нечеткими, такими как 1-й — о высокой/низкой степени автономности и гиб-

кой стабильности. В первом варианте этот показатель формулировался как "наличие высокой степени автономности и черт искусственности литературного языка или отсутствие таковых". Но следует учитывать, что и автономность и искусственность присущи всем литературным языкам и являются их основным отличием от остальных языковых идиомов-стратов. Кроме того, и автономность и искусственность есть уже некоторый обобщенный результат других более конкретных явлений и показателей — близости или удаленности от диалектной базы, связи с традицией или отсутствием таковой и т.д. и т.п. Видимо, включение такого показателя, как автономность и гибкая стабильность, не совсем оправдана, как не оправдано во многих случаях, а может быть и вообще, приписывание знаку + (наличия) двух очков, знаку - (отсутствия) нулевого очка, знакам + и - одновременно (\pm) одного очка, как это сделал Д. Брозович. Явления и признаки лингвистического и социолингвистического характера, приведенные Д. Брозовичем, не равнозначны и не равноценны. Это признает и пользующийся ими автор, указывая, что "не все 15 критериев имеют одинаковый вес при оценке стандартности"¹³. Едва ли поэтому все они должны получать одинаковых два балла. К тому же и представлены они, опять-таки, по признанию самого автора схемы, в разных литературных языках с разной полнотой и интенсивностью. Обозначение знаком + зависит от того, как сформулирован вопрос: то, что стоит на первом месте в вопросе, получает +. Например, языки с сосуществующими дублетами в пределах нормы получают + (все славянские, кроме сербскохорватского), языки с "поляризованными" дублетами в тех же пределах - (сербскохорватский). Но маркированным показателем как раз является "поляризованность", и можно было бы с равным или даже большим успехом приписать знак + сербскохорватскому языку, а всем остальным славянским — знак -. Маркированной можно считать и так называемую "фольклорную стилизацию" (пункт б), приписывая украинскому, сербскохорватскому и македонскому знак +, а всем остальным славянским языкам знак -, а не наоборот, как предлагает Д. Брозович. К примеру, также пункт 7-й, касающийся языков с так называемым "культурным (интер)диалектом", приписывает знаки + русскому, польскому и чешскому, а всем остальным — знак -. Но если бы он был сформулирован иначе и касался прочной связи литературного языка с диалектной базой (или отсутствием таковой), что по сути дела является одним и тем же, то, наоборот, все славянские языки, кроме русского, польского и чешского, получили бы знаки +. Кстати, в современных условиях мне неизвестны "культурные (интер)диалекты" русского, польского и чешского языков. Их можно предположить в истории этих языков, а не в современном состоянии. Что же касается чешского обиходного литературного языка (obecná čeština), то по многим показателям культурным интердиалектом его считать трудно¹⁴.

Переходя к рассмотрению третьей группы признаков, выдвинутых Д. Брозовичем, следует прежде всего отметить, что боль-

шинство из них связано с проблемой заимствований. Проблема эта достаточно сложная, так как нет ни одного славянского литературного языка, ни одного славянского языка вообще и ни одного его страта (диалекта, просторечия, фольклорного койне), лишенного заимствований или имеющих их в малом числе. Заимствования эти совершались во все периоды истории славянских языков вообще и славянских литературных языков, в частности, начиная от эпохи возникновения старославянского языка и кончая становлением и развитием славянских литературных языков новой формации. Нельзя не принимать во внимание и того, что заимствования, особенно нового времени, относятся почти исключительно к лексическому уровню языка. Впрочем, это положение касается и пуристических неологизмов, которые, однако, характерны лишь для периода формирования славянских национальных литературных языков, и то далеко не всех. Д. Брозович принимает во внимание в своих критериях влияние и заимствования в пределах славянских языков, в то время как в отдельные периоды истории славянских литературных языков зафиксировано значительное воздействие западноевропейских языков (например, французского на русский в XVIII и в начале XIX в.), равно как и влияние на некоторые славянские языки, отразившееся и в их литературной форме, восточных, прежде всего тюркских языков (например, турецкого на сербский или болгарский). Наличие тюркизмов, прежде всего в славянских диалектах, а затем и литературных языках побуждало многих филологов прошлого (Вука Караджича и др.) и некоторых современных лингвистов рассматривать их как неотъемлемый компонент народного, по терминологии Д. Брозовича, "собственного субстанционального элемента". Наконец, еще сложнее ситуация с определением "славянизмов" как заимствованных или "своих", "собственных" элементов, так как на Руси, например, было принято в XV—XVI вв. по старым старославянским (южнославянским) моделям производство значительного числа новых церковнославянских (древнеславянских) слов и оборотов, которые затем воспринимались в качестве общелитературных в других странах, где господствовала церковнославянская традиция (*Pax Slavia Orthodoxa*). Очевидно, что такие церковнославянизмы не поддаются однозначному определению по "табели о рангах" (*rang listi*) Д. Брозовича. Особый вопрос связан с ролью греческого языка с самого начала возникновения славянской письменности и древнейшего общеславянского литературного языка — старославянского и в более поздний период, а также языка латинского, функционировавшего у славян еще до появления таких крупных и древних западославянских литературных языков, как чешский и польский, и позже вплоть до XVII — XVIII вв. Наконец, для чешского и словенского языка в первую очередь существенна роль немецкого языка в славяноязычной среде, которую далеко не всегда можно оценивать как негативную. Греческий язык византийской эпохи в средневековый период играл роль второго языка у православных славян; у славян католического исповедания роль греческого и старославянского играла латынь. В локальных

зонах в определенные периоды вторым или даже третьим языком оказывался немецкий, а в еще более узкой локальной сфере (в Далмации) — итальянский. Функционирование неславянских языков в славянских землях относится к проблеме языковой ситуации, однако, эта ситуация влияла на языковую субстанцию и создавала условия для активного процесса заимствования, калькирования и т.п.¹⁵ В отдельные исторические периоды, помимо всестороннего воздействия на сакрально- и культурноязыковую сферу древнеславянского (церковнославянского) языка в мире *Slavia Orthodoxa*, в ареале *Slavia Latina* наблюдалось влияние чешского языка на польский, а в западнорусской (украинско-белорусской) зоне мира *Slavia Orthodoxa* — польского языка на обиходно-литературную "простую мову"¹⁶. Такое положение, как отмечалось выше, Н.С. Трубецкой рассматривал как усвоение церковнославянской стихии "по преемству" и восприятие чешской или польской традиции "по влиянию". Отметим, что такое восприятие по влиянию было частичным, а не глобальным, как церковнославянское. Наконец, общеизвестно воздействие русского языка на южнославянские в XVIII—XIX вв. и на чешский в XIX в. Оно тоже не было однородным, ибо на одни языки (сербский, болгарский) оно распространялось в русле древнеславянской (церковнославянской) традиции, а на другие (словенский, хорватский вариант хорваткосербского) вне ее.

Все это говорит о сложности отношений к другим стандартным (литературным) языкам в разный период их истории и о практической невозможности свести их к шести показателям, предлагаемым Д. Брозовичем. Это не означает, однако, что исторические процессы не оставляют следов в языках нового времени, что на их основании нельзя характеризовать современные литературные языки, что преемство и влияния не придают литературному языку специфическую окраску. Дело в том, что не все явления можно обобщать как признаки и, наконец, само обобщение может носить различный характер в отношении его точности и адекватности фактам. И уж, безусловно, выдвинутые на спорных основаниях или без достаточной аргументации, мало релевантные или неудачно сформулированные признаки в матрице идентификации Д. Брозовича, которую автор не совсем удачно называет "табелью о рангах", так как эта табель не предлагает иерархии признаков, не дискредитируют саму идею создания подобных матриц или табелей и не ставят под сомнение целесообразности их применения как инструмента сравнительного исследования. Поэтому в современном языкознании Д. Брозовичу принадлежит почетное место теоретика и исследователя славянских литературных языков.

Перечень основных признаков, который предлагается нами ниже, носит предварительный характер, — он выдвигается в целях его обсуждения и с перспективой возможных поправок и дополнений. При его разработке мы исходили из нескольких предпосылок.

Во-первых, мы считали целесообразным выдвигать сначала признаки, характерные для современных славянских языков, а признаки, типичные для их прежних состояний, — во вторую очередь.

Парадигма или модель, отражающая иерархическое построение форм существования языка — различных его страт, может быть успешно, с должной полнотой и точностью соотношений построена для современных славянских языков, в то время как для древних славянских языков, особенно для устных форм их существования, о такой полноте говорить не приходится, а приходится заниматься реконструкцией и выработкой ее методов, так как классические методы формальной реконструкции, применяемые в сравнительно-историческом языкознании, в данном случае во многом неприменимы.

Попутно заметим, что хорошее знание современной функциональной стратификации языка и ее типологических показателей может быть с успехом использовано при реконструкции функциональной парадигмы более ранних периодов развития того же или родственного языка. Поэтому, если, применяя сравнительно-исторический метод, мы в абсолютном большинстве случаев исходим из прасостояния, в славистике — из праславянского языка, и этот праязык служит нам исходной системой, организующей всю схему соотношений генетического, хронологического и формального плана, то при изучении функциональной стратификации языка и связанного с ней функционирования литературного языка во всех его разновидностях исходной основой (моделью), как правило, служит современное состояние. Наконец, если задачей сравнительно-исторического метода является реконструкция дописменного состояния, и она с успехом осуществляется, то реконструкция функциональных парадигм прошлого возможна, на наш взгляд, только в случае наличия письменных источников, так же как без этих источников невозможна или нереальна реконструкция литературного языка.

Во-вторых, современные славянские языки, т.е. языки второй половины XIX и XX в., имеют каждый в отдельности в принципе более полную численно и иерархически более "разветвленную" парадигму, чем те же языки в предшествующие периоды, в том числе и в период средневековья. Однако следует учесть, что такая "разветвленность" и полнота парадигмы современных языков достигается за счет упрощения языковой ситуации.

Языковая ситуация в древности была более сложной и более многоплановой, а литературный язык не был поливалентным. Аналогичные отношения наблюдаются и в сфере развития культуры, и в сфере развития этноса. Появление нации упрощает этническую ситуацию, способствует формированию национальной культуры и поливалентного литературного языка. Но именно в этот же период идет процесс интенсивного свертывания специфических надэтнических форм культуры и специфического надэтнического литературного языка — древнеславянского (церковнославянского) или латинского. Поэтому после ряда признаков, определяющих современное состояние языка, главным образом по отношению к другим стратам, предлагается ряд признаков, имеющих историческую (диахроническую) направленность.

В-третьих, при выдвижении ряда признаков существен вопрос о степени обобщенности каждого признака. В фонологии дифферен-

циальным признаком считается тот, который имеет смысловозначительную функцию, остальные признаки — интегральные. В семасиологии нет единого мнения о признаках-семах, но в принципе признаком-семой является тот компонент значения, который создает новый смысл (обычно он отражает какое-то свойство предмета или понятия; неотраженные в языке свойства можно считать интегральными).

Что же касается предлагаемых нами признаков литературного языка, то они в большинстве случаев являются признаками отношений (такие мы предлагали в 1966 г. называть "реляционными"), например, отношения к диалектной базе, или признаками наличия/отсутствия компонента — непосредственного (например, нормы) или автономного, сопутствующего (например, разговорно-обиходной разновидности, территориального варианта и т.п.). Но есть группа признаков, характеризующих процесс (прерывность/непрерывность развития, разрыв с традицией или ее сохранение, смена диалектной базы) и даже языковое состояние (характер двуязычия или диглоссии и т.п.). Эти признаки либо относятся к диахронии, либо к несовременной, исторической стратификации языка. В этих случаях противопоставленность признаков менее четкая.

Еще меньшей четкостью отличаются отношения к другим литературным языкам, учтенные Брозовичем. По этой причине в нашем перечне признаки этого плана отсутствуют. Признак, в принципе, не должен быть сложным, многокомпонентным, состоящим из ряда признаков. Поэтому мы отказываемся и от "признака" степени автономности и черт искусственности.

В-четвертых, при выделении признаков исходным материалом служили славянские языки, и именно для их исследования и выработывалась схема сравнения. Однако имплицитно учитывались особенности других европейских литературных языков, что придает приводимой ниже схеме не узкоспециальный, а более универсальный характер. Схема, вероятно, во многом применима к исследованию балканских литературных языков или языков средне-европейских и т.п. Наконец, некоторые признаки конкретизируются и объясняются положениями под буквами а, б, в (признаки 1 и 2).

Все признаки могут быть разделены по их общим особенностям на четыре группы.

А. Соотношение литературного языка с другими формами существования (стратами) языка и особенности его структуры (синхронный лингвистический аспект).

Б. Особенности исторического развития литературного языка (диахронический лингвистический аспект).

В. Особенности языковой ситуации в истории литературного языка (историко-культурный аспект).

Г. Соотношение литературного языка с литературой, фольклором, культурой и этносом (социумом) (этнокультурно-филологический аспект).

Группа признаков А:

1. Наличие/отсутствие диалектной базы и близость/удаленность к ней (от нее) литературного языка.
 - 1 а. Наличие одной базы/попытка контаминации двух и более баз.
 - 1 б. Сильная/слабая дробность и дифференциация диалектов.
 - 1 в. Территориальный (крестьянский) диалект/городской диалект (койне) в качестве базы литературного языка.
2. Близость/отдаленность литературного языка к народнопоэтическому койне.
 - 2 а. Сильная/слабая развитость народно-поэтического койне.
3. Наличие/отсутствие разговорно-обиходной разновидности литературного языка.
4. Наличие/отсутствие территориальных вариантов литературного языка.
5. Стабильность/нестабильность нормы литературного языка.
6. Наличие/отсутствие просторечия, городского койне.
7. Наличие/отсутствие автономных по отношению к литературному языку малых "локальных" литературных языков.
8. Неограниченность/ограниченность функций литературного языка, т.е. его "поливалентность"/"неполивалентность".

Группа признаков Б:

1. Сохранение традиции/разрыв с традицией в истории литературного языка.
2. Непрерывность развития/перерыв в развитии в истории литературного языка.
3. Неизменность/смена диалектной базы в истории литературного языка.
4. Давнее/недавнее возникновение литературного языка (традиции).

Группа признаков В:

1. Гомогенное/гетерогенное двуязычие (многоязычие) или диглоссия литературных языков.
2. Функционально-парадигматическая связь с межславянским (древнеславянским) литературным языком/отсутствие этой связи.
3. Наличие/отсутствие культурно-языкового центра (центров).

Группа признаков Г:

1. Соотнесенность разных типов литературного языка (или разных литературных языков) с разными жанрами литературы (или литератур) этнического и надэтнического характера/отсутствие такой соотнесенности, т.е. связь литературно-языковой ситуации со структурой литературы/отсутствие такой связи.
2. Соотнесенность народно-поэтического койне со структурой фольклора/отсутствие такой соотнесенности.
3. Соотнесенность литературно-языковой ситуации со структурой книжной и народной духовной культуры и их корреляцией/отсутствие такой соотнесенности.
4. Соотнесенность литературно-языковой ситуации со структурой социума и этноса. Использование разными сословиями (классами) разных языков или типов языков/отсутствие такой соотнесенности.

Последняя группа признаков выявляется не очень четко, и в прежних перечнях показателей она отсутствовала.

По перечисленным признакам можно построить матрицу-схему по образцу той, которую использовал Д. Брозович, снабжая каждую рубрику соответствующим знаком плюс или минус. Однако мы ограничимся лишь характеристикой отдельных славянских языков по приведенным признакам, чтобы не занимать много места таблицей с 12 столбцами (по числу языков) и 23 строками (по числу признаков).

Обратимся к рассмотрению признаков группы А. Современный сербскохорватский литературный язык является классическим литературным языком, имеющим прочную и непосредственную связь и близость к четко очерченной диалектной базе (1А). Такой базой является восточногерцеговинский диалект штокавского диалектного массива сербскохорватского языка. Это положение распространяется на фонетический (с допущением вариантов, о чем см. ниже), акцентологический, морфологический, синтаксический, а в общих чертах — и лексический уровень. Сербскохорватский литературный язык имеет одну диалектную базу (1а А) в виде крестьянского территориального диалекта (1в А) при наличии средней дробности штокавского диалектного массива (1б А). Современный болгарский язык довольно четко связан с диалектной базой территориальных северо-восточных говоров (р-ны Габрова, Сливена, Великого Тырново)¹⁷ и близок к ней (1А, 1а А), при наличии средней дробности болгарских диалектов (1б А) и при некотором влиянии (в фонетике, ударении, лексике) западноболгарских языковых черт и софийского городского койне (1в А). Для македонского литературного языка, современной форма которого возникла лишь в середине XX в., характерна также близость к диалектной основе — к территориальным среднемакедонским говорам, которые при не очень большой дробности диалектов являются единственной базой литературного языка (1а А, 1б А, 1в А), очень близкого к живой народной речи. Для словенского литературного языка также можно установить диалектную базу, которой является территориальный нижнекраинский ("доленьский") диалект (1а А, 1в А) при значительном влиянии соседнего крупного и конкурирующего верхнекраинского ("гореньского") диалекта и при очень большой дробности всего словенского диалектного континуума в целом (1б А). В отличие от других южнославянских литературных языков словенский язык имеет ослабленную связь с диалектной базой и несколько отвлечен от нее (1 А), что объясняется известной искусственностью словенского литературного языка и значительной удаленностью друг от друга основных словенских диалектов.

Западнославянские литературные языки по тем же признакам демонстрируют иную картину. Самый значительный из них по числу носителей — польский в современных условиях не имеет диалектной базы (1 А). База эта с трудом обнаруживается и для предшествующих периодов развития польского литературного языка, так как поныне не закончена дискуссия о том, какой диалект —

великопольский или малопольский — лег в основу польской литературно-языковой формы. В связи с этим не может быть четкого ответа и на вопрос о крестьянском или городском диалекте в основе литературного языка (1в А) и ясности в том, сколько диалектных баз могло быть у польского литературного языка (1а А). При таком положении относительно небольшая дифференциация польских диалектов (исключая кашубский) существенной роли не играет.

Иная ситуация с чешским литературным языком, для которого можно выделить пражский диалект (по всей вероятности, городское койне) в качестве единственной диалектной основы (1а А, 1в А) при слабой дробности диалектов (кроме моравских) и их современной сильной "стертости" (1б А).

Словацкий литературный язык, как язык относительно новый, приобретший современную литературную форму лишь в середине XIX в., по своему характеру и месту в функциональной парадигме приближается к типу южнославянских языков, в первую очередь сербскохорватского. Для него характерно наличие одной диалектной базы (территориальные среднесловацкие говоры), очень близкой к литературному языку (1 А, 1а А, 1в А), при средней дробности словацких диалектов (1б А).

Что касается двух лужицких языков, то каждый из них также близок к своим диалектным базам, непосредственно с ними связан и ввиду малочисленности носителей языка и самих территориальных диалектов вопрос о их дробности (1б А) и нескольких диалектных базах (1а А) отпадает сам по себе.

Для современных восточнославянских литературных языков также характерно наличие диалектной базы, притом одной, а не нескольких (1а А), при средней дробности диалектов и не очень тесной связи с диалектной базой русского (великорусского) литературного языка и более тесной — языков украинского и белорусского. Судя по новейшим данным и исследованиям можно предположить, что не столько территориальный (крестьянский) московский говор, сколько московское городское койне составило базу русского литературного языка. Для украинского можно принять положение о киевско-полтавском диалекте как о базовом (1а А, 1в А), хотя в XIX в. роль западных "галицийских" говоров была значительна и могла сложиться ситуация контаминации двух диалектных баз или даже двух вариантов украинского литературного языка наподобие сербскохорватской. Не очень четко выявляется диалектная база белорусского литературного языка. Вероятно, ее составляют центральные и северно-западные говоры. Таким образом, 12 современных славянских литературных языков могли бы быть построены по определенному ранжиру от языка, у которого диалектная база почти отсутствует или во всяком случае неясна (польского), и языков со значительным удалением от диалектной базы (русского, чешского, словенского) до языков с максимальным приближением к диалектной базе типа сербскохорватского.

Второй признак ярче всего выражен опять-таки в сербскохорватском языке, где близость литературного языка к народно-поэти-

ческому койне очень значительна и где само койне базируется на восточногерцеговинском диалекте. Это народно-поэтическое койне — плод развитой сербскохорватской фольклорной традиции, богатой эпическими жанрами и устойчивыми поэтическими средствами. Роль фольклорной традиции и фольклорного языка в становлении национальных литературных языков может быть отмечена у македонцев, в меньшей мере — у украинцев, болгар, словаков, белорусов и лужичан. Она мало заметна в языках, сохраняющих в значительной мере давнюю книжную традицию, — русском, чешском, польском и в более “молодом” — словенском. Народно-поэтические элементы и элементы книжные, архаические оказываются, таким образом, взаимоисключающими. Они проявляются в тех литературных языках, где старая традиция или вытеснена, или вообще отсутствовала. Однако в прошлом в истории славянских литературных языков могло быть иное распределение и иная функция народно-поэтического койне, как это хорошо показала А.В. Десницкая, описывая албанское наддиалектное койне и диалектные формы речи¹⁸. Естественно, что албанская ситуация близка к южнославянской. Что же касается развитости народно-поэтического койне у отдельных славянских народов, то этот вопрос, к сожалению, недостаточно изучен применительно к отдельным традициям. Он остается, так же как и язык фольклора, “белым пятном” для многих славянских этно-языковых зон.

Третий признак — наличие разговорно-обиходной разновидности — присущ, по-видимому, далеко не всем современным славянским литературным языкам. Этот признак, или, точнее, это явление — для многих славянских языков относительно новое, появившееся и утвердившееся в период расширения функций литературного языка вплоть до полной поливалентности. В прошлом, при иной системе соотношений, его функции выполняло городское койне или просторечие, что, однако, не дает нам основания ставить между ними знак равенства. Разговорно-обиходная разновидность наблюдается в современных славянских литературных языках, сохранивших или восстановивших древнюю книжную традицию, — чешском, русском, польском, отчасти в словенском¹⁹. При этом надо учитывать, что русская разговорная речь далеко не адекватна чешскому обиходному литературному языку (*obesná čeština*), так как их друг от друга отличает много черт, касающихся и функциональной, и структурно-формальной стороны. При большой близости литературных языков к диалектной базе и тесной связи с ней у славян не возникает четко оформленной разговорно-обиходной разновидности литературного языка. Эта разновидность наиболее ярко выражена в чешском, где за ней нельзя не признать статуса отдельного идиома (страта), в то время как в русском и польском ее во многих случаях трудно выделить из нормированного литературного языка и воспринять как отдельный страт.

Четвертый признак — наличие территориальных вариантов литературного языка — в современном славянском мире характерен только для территории распространения сербскохорватского языка,

которому принадлежат два варианта — так называемые "белградский" и "загребский" варианты. Они различаются на фонетическом, в малой мере — на грамматическом и в значительной мере — на лексическом и на словообразовательном уровнях. Варианты эти в принципе нормированы и автономны друг по отношению к другу, поэтому самым недопустимым нарушением нормы считается смешение двух вариантов в речи одного лица (например, произношение то[вѣра]'вѣра', то[вјѣра]).

Пятый признак, касающийся стабильности нормы, для типологии современных языков мало показателен, но существен. Однако, например, для синхронной картины состояния славянских литературных языков второй половины XVIII в. ответы на этот вопрос обнаружили бы по языкам разнообразную и яркую палитру. Все же и в нынешних условиях по данному показателю славянские языки ведут себя по-разному, в особенности если рассматривать не весь язык в целом, а отдельные его уровни, в первую очередь лексический уровень²⁰. В этом случае снова сербскохорватский язык будет сильно выделяться на общеславянском фоне значительной свободой своей лексической нормы, что связано также со стилистической структурой и стилистическими возможностями этого языка²¹.

Шестой признак, указывающий на наличие/отсутствие просторечия или общегородского койне, что в принципе не одно и то же, но близко друг к другу, так же как и предыдущий признак, в современных условиях вырисовывается уже не очень ярко, в то время как в XIX в. и даже в начале XX в. он был в отдельных славянских языковых ареалах ярко выражен. Правда, русское просторечие имеет свою специфику и оказывается чем-то средним между разговорно-обиходной разновидностью литературного языка и общегородским койне. С другой стороны, в болгарском и сербскохорватском языках длительное время сохранялись городские диалекты, что, однако, не идентично общегородскому койне. Страты этого типа подвижны и не всегда устойчивы.

Седьмой признак довольно показателен и ярок, но присущ небольшому числу языков, в прошлом связанных с макроареалом *Slavia Latina*. Сербскохорватский литературный язык, точнее, лишь его хорватский вариант, имеет в качестве "спутника" литературные микроязыки — чакавский, кайкавский. Первый из них обладает территориальными разновидностями. Менее ярко этот признак выражен в словенском ареале (прекмурский и резьянский микроязыки), и в особых условиях бытует кашубский в Польше. Поэтому проблематична возможность приписывания этого признака (7) польскому литературному языку. Так как носителем ляхского литературного микроязыка *de facto* в наше время является один человек — известный поэт Ондра Лысогорский, можно считать, что чешскому литературному языку этот признак не свойствен. Территориально изолированным и специфическим литературным микроязыком является русинский, не имеющий функциональной связи ни с украинским, ни со словацким литературным языком. Скорее такую связь можно установить с сербскохорватским, так как он бытует в Югославии,

но отсутствие прямых и ближайших генетических связей русинского языка с сербскохорватским не позволяет считать его "спутником" последнего. Статус и функционирование "малых" славянских литературных языков — чрезвычайно важная и интересная проблема, требующая более подробного и детального изложения. Она во многом освещена и разработана в обстоятельной монографии А. Д. Дуличенко²².

Признак восьмой, отмечающий неограниченность функций литературного языка, присущ всем современным славянским литературным языкам, кроме двух лужицких — верхне- и нижнелужицкого, уступающих некоторые функции (деловую и т.п.) немецкому языку.

Вторая группа признаков (группа Б) отражает отдельные существенные явления исторического развития славянских литературных языков. Сохранение традиции (1 Б) свойственно русскому, чешскому и польскому языку в полной мере, а болгарскому и украинскому — в неполной. Сербскохорватский литературный язык возник в результате довольно решительного разрыва с традицией, как с сербской, так, в принципе, и с хорватской стороны. Некоторые языки не имели или не имеют давней традиции (но это уже относится к п. 4 той же группы признаков — группы Б).

Почти все славянские литературные языки развивались непрерывно и последовательно (2 Б). Перерыв в развитии можно отметить только для белорусского и македонского языков и, безусловно, для словенского, если вести его литературно-языковую историю от Брижиньских (Фрейзингенских) отрывков XI в. Что же касается признака неизменности (или смены) диалектной базы (3 Б), то такое явление можно наблюдать в истории хорватского литературного языка и, как полагал Н.С. Трубецкой²³, в истории словацкого литературного языка (смена западнословацкой диалектной базы на среднесловацкую). Принятая некоторыми словаками в начале XIX в. так называемая "бернолаковщина" была, по сути дела, не столько ориентацией на западнословацкий диалект, сколько стремлением сохранить связь с чешским языком или даже сохранить саму чешскую языковую основу, которая считалась авторитетной и традиционной в словацкой среде до середины XIX в. Литературный чешский язык, как известно, употреблялся словаками много столетий подряд.

В непосредственной связи с предшествующими показателями находится четвертый показатель этой группы (4 Б) — давность литературного языка и его традиции. Славянские литературные языки макроареала *Slavia Orthodoxa* — русский, украинский, белорусский, сербскохорватский (сербский вариант), болгарский и македонский связаны с кирилло-мефодиевской традицией, т.е. с литературным языком славянских первоучителей IX в. (самые ранние дошедшие до нас памятники X—XI вв.). В дальнейшем многие из этих языков возникали путем отпочкования, путем отталкивания их литературной формы от древнеславянских (церковнославянских) норм или норм другого славянского языка (с давней традицией), возникали путем постепенного ответвления. Классический

пример тому — история восточнославянских литературных языков — русского, украинского и белорусского. Некоторые языки, как отмечалось выше, пережили разрыв с традицией (1 Б). В мире *Slavia Latina* зарождение или предыстория двух крупных литературных языков — чешского и польского относится к XIII—XIV вв., и лишь в конце XVIII в. зарождается словацкий язык, опять-таки путем отпочкования от чешского. XVI век — век Реформации — вызвал к жизни два лужицких литературных языка и словенский. История славянских литературных языков знает не только процесс отпочкования, но и акты объединения. До XIX в. разные по форме и по судьбам сербский и хорватский литературные языки образуют единое целое со сложной функциональной структурой (парадигмой), с двумя вариантами и наличием малых “областных” литературных языков.

Естественно, что историю литературного языка, как и историю языка вообще (историческую грамматику), можно изучать путем последовательного сравнения разных хронологических (синхронных) срезов. Тогда многие показатели группы А дадут иную картину, чем в современных литературных языках. К примеру, наличие вариантов обнаружится не только у хорватского языка, но и у других славянских языков, и т.п.

Показатели, характеризующие особенности языковой ситуации (группа В) выдвинуты нами с большим учетом прежних языковых состояний, чем теперешних. Это объясняется тем, что с формированием и утверждением позиций национальных литературных языков, т.е. славянских литературных языков эпохи развитой нации, языковая ситуация почти во всех славянских странах в значительной мере унифицировалась. Литературные языки (кроме двух серболужицких) стали поливалентными, т.е. обслуживающими все сферы общения и информации, исчезло или приобрело другой характер двуязычие (гетерогенное осталось только в Лужицкой Сербии, а гомогенное — на Украине, в Белоруссии, отчасти в других зонах), свелась на нет конкуренция культурных центров в отношении норм и культурного образца литературного языка (кроме случая с двумя вариантами сербскохорватского языка с центрами в Белграде и в Загребе), число носителей литературного языка очень резко возросло.

Рассмотрим признаки этой группы (группы В) кратко и по порядку. Первый из них касается гомогенности/негомогенности двуязычия (1 В), очень существенного и яркого признака в истории славянских литературных языков. Почти все славянские литературные языки с самого начала, т.е. со своего возникновения и до национального периода, развивались в условиях двуязычия (или диглоссии), что характерно, впрочем, и для большинства европейских и многих азиатских языков. Гомогенное, генетически и формально однородное двуязычие (или диглоссия) фиксируется в литературных языках макроареала *Slavia Orthodoxa*, в котором повсюду в прошлом функционировал древнеславянский (церковнославянский) язык, о чем упоминалось выше при описании признака 4 Б. Ситуация двуязычия во многих языках этого макроареала дли-

лась до XVII в. включительно и сильно влияла на статус, форму и функцию отдельных славянских языков²⁴. В условиях гомогенной диглоссии древнеславянский (церковнославянский) язык мог входить в функциональную парадигму конкретного славянского литературного языка (древнерусского или древнесербского и т.д.), а в некоторые периоды он мог четко противопоставляться последнему и функционировать параллельно, создавая ситуацию двуязычия (2 В). При этом сама форма и структура конкретного славянского языка обычно была близкой к древнеславянской. Такое соотношение и вхождение в функциональную парадигму языка в принципе и фактически было невозможно при гетерогенном двуязычии (или диглоссии), которое пережили языки макромира *Slavia Latina*, функционировавшие наряду с латинским, немецким, а в некоторых узколокальных зонах в определенный период — с итальянским (1 В).

Любопытна ситуация, складывавшаяся в эпоху позднего средневековья и Возрождения для хорватского литературного языка, имевшего помимо ряда локальных вариантов одновременную культурно-языковую связь и с миром *Slavia Latina* и с миром *Slavia Orthodoxa* и находившегося в условиях и гетерогенного, и гомогенного двуязычия, благодаря сохранению хорватами- "глаголяшами" кирилло-мефодиевской глаголической традиции. В среде западно-русских (украинских и белорусских) униатов наблюдалась близкая ситуация одновременной принадлежности двум культурным мирам.

Последним признаком третьей группы обозначена особенность или способность литературного языка опираться на несколько культурных центров или на один центр (3 В). Выше отмечалась современная тенденция к моноцентризму, однако в прошлом наличие нескольких центров или миграция центров было делом нередким и не обязательно связанным с наличием вариантов литературного языка. Обилие локальных центров (и вариантов) было характерно для Словении еще в первой половине XIX в.²⁵, для Болгарии того же и даже более позднего периода, отчасти для Белоруссии и Словакии во второй половине XIX в., не говоря уже о ситуации в более ранние периоды и эпохи.

Связь литературного языка с центрами культуры, книгопечатания и т.п. следовало бы рассматривать в четвертой группе признаков соотношения литературного языка с литературой, фольклором, культурой и этносом, однако обоснование необходимости выдвижения таких признаков и особенно их рассмотрение заняло бы очень значительное место. Поэтому мы сейчас ограничиваемся указанием на то, что применительно к древнесербской ситуации выяснение структуры жанров древнесербской литературы позволило определить, в каких жанрах употреблялся древнеславянский (церковнославянский) язык сербской редакции, а в каких — преимущественно древнесербский язык. С жанровыми особенностями текстов могут быть соотнесены и типы древнесербского языка²⁶. Подобные наблюдения могут быть проведены и над жанрами фольклора, и над обслуживающим его народно-поэтическим койне и диалектами, наконец, над связью языка с народной культурой и структурой эт-

носа (социума), над связью литературного языка со структурой общества. В.Н. Ярцева справедливо замечает, что "по сравнению с территориальными диалектами границы, разделяющие социальные варианты литературного языка, выглядят зыбкими и во времени легко смещаемыми"²⁷.

В итоге можно сказать, что многие из приводимых нами показателей—признаков взаимосвязаны, даже взаимообусловлены или взаимоисключаемы. Наличие давней и к тому же непрерывной традиции почти исключает существование вариантов литературного языка, тесной связи с диалектной базой, использование народно-поэтического койне при формировании национального литературного языка, но стимулирует возникновение разговорной разновидности литературного языка (здесь особенно показателен чешский пример!), стабильность нормы и значительный слой архаических языковых элементов, создающих "закрытую" стилистическую структуру. Этот первый тип литературного языка характерен для русского, чешского и польского литературных языков.

Разрыв с традицией либо ее отсутствие или неприятие ее из другого источника обуславливает прочную связь с диалектной базой, с народно-поэтическим койне при его достаточной развитости, относительную свободу нормы, возможность (но не обязательность!) вариантов и малую долю архаических элементов в языке, создающих "открытую" (для диалектов и т.п.) стилистическую структуру. Во многих случаях, возникая, новый язык отталкивался от старого, архаического и формально, и структурно-функционально. Отталкивание или отмежевание могло происходить от собственного прежнего состояния (сербский случай), от прежней диалектной базы путем ее смены (хорватский случай), от ближайшего родственного литературного языка, в состав которого он входил в роли "диалекта" (словацкий — от чешского, украинский, белорусский — от русского или древнеславянского; аналогично — македонский).

Первый тип языка можно условно назвать "архаическим", ко второму типу языка — "новому" можно отнести сербскохорватский, словацкий, белорусский и македонский. Среднюю позицию между этими типами ("средний" тип) занимают словенский, болгарский, украинский и ниже- и верхнелужицкий языки.

По справедливому суждению М.М. Гухман, "в идеале общая типология языковых ситуаций должна быть ориентирована не только на современные закономерности, но и на функциональные системы, существовавшие в более ранние исторические эпохи". При этом общая типология языковых ситуаций включает "в качестве основного звена типологию функциональных парадигм"²⁸. Это означает, что следовало бы подвергнуть функциональному рассмотрению все славянские литературные языки в разные периоды их развития или в разные хронологические этапы вообще, а также "малые" славянские литературные языки, имеющие свою давнюю историю (чакавский, кайкавский, кашубский) и надэтнический древнеславянский язык во всех его локальных вариантах в соотношении с другими славянскими литературными языками в разные периоды их истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О различии внутрилингвистических, внешнелингвистических и внелингвистических факторов см.: *Толстой Н.И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. М., 1974. С. 18—19.

² *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976. С. 30—31.

³ Признаки эти хорошо известны рефлексы *ǣ* (ять), *ь* и *ѣ* (еро), *ѣ*, *ѣ* (носовых), сочетаний *tort, tolt, ort, olt, tj, dj* и др. В основном они диахронического (исторического) порядка, но успешно применяются и для характеристики (классификации и т.п.) современного (синхронного) состояния.

⁴ См.: *Будилович А.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава, 1892. Т. I—II.

⁵ *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания [б/м.], 1927. С. 78. Н.С. Трубецкой среди современных литературных языков не упоминает белорусского и македонского. Последний до 1945 г. не имел литературной кодификации. Включение украинского в ареал с польско-чешской традицией спорно. См. также: *Толстой Н.И.* Мысли Н.С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Калинин, 1981.

⁶ *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 80.

⁷ Там же. С. 80—81.

⁸ Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 32—34.

⁹ См.: *Brozović D.* Vuk i novoštokavska folklorna koine (Prilog tipologiji slavenskih standardnih jezika) // — *Slavia*. 1965. R. XXIV. Seš. 1. S. 1—27; *Толстой Н.И.* О последней попытке применения "Общеславянской азбуки" к словенскому литературному языку // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 260—262.

¹⁰ *Толстой Н.И.* О последней попытке применения... С. 260—262.

¹¹ *Brozović D.* Op. cit. S. 1—27.

¹² *Толстой Н.И.* К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его "стандартности" // Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968. С. 128—129. См. то же в сокращенном виде: Ашхабад, 1966. С. 44—47.

¹³ *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // ВЯ. 1967. N 1. С. 28.

¹⁴ См.: *Нещименко Г.П.* Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985. С. 70—71.

¹⁵ *Worth D.S.* The "Second south slavie influence" in the history of the russian literary language (Materials for a discussion) // American contributions to the IX International congress of slavists [Cambridge, Mass] 1983.

¹⁶ См.: *Martel A.* La langue polonaise dans les pays ruthènes Ukraine et Russie Blanche 1569—1667. Lille, 1938; *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации М., 1963.

¹⁷ См.: *Венедиктов Г.К.* Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения // ВЯ. 1971. N 4.С. 73—89; *Он же* Из истории современного болгарского литературного языка. София, 1981. С. 119—141.

¹⁸ См.: *Десницкая А.В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

¹⁹ См.: *Говорните форми и словенските литературни јазици.* Скопје, 1973.

²⁰ Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1974.

²¹ *Толстой Н.И.* К вопросу о зависимости элементов стиля... С. 130—134.

²² *Дуличенко А.Д.* Славянские литературные микроязыки. Таллин, 1981.

²³ *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент... С. 80.

²⁴ *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка... С. 243—253.

²⁵ Толстой Н.И. О последней попытке применения "Общеславянской азбуки"...С. 260—262.

²⁶ Толстой Н.И. Однос старог српског књишког језика према старом словенском језику // Научни састанак слависта у Вукове дане 8. Београд, 1978. С. 15—25; Он же. Культурно- и литературно-историческе предпосылки образовања националних литературних језика // Формирање нација у Централној и Југо-Востојној Европи. М., 1981. С. 122—134.

²⁷ Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969. С. 254.

²⁸ Гухман М.М. Введение // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981. С. 9

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ЭЛЕМЕНТОВ СТИЛЯ СТАНДАРТНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ОТ ХАРАКТЕРА ЕГО "СТАНДАРТНОСТИ"

В заглавии статьи содержатся три основных термина — стиль, стандартный литературный язык и стандартность, обозначающих явления или феномены разного порядка. Из них первые два давно вошли в научный оборот и стали многозначными, третий — только вводится в научную терминологию и завоевывает право на существование. Именно поэтому каждый термин-понятие требует сейчас своего "рабочего" определения, хотя бы краткого и подчиненного поставленной общей проблеме.

Элементы стиля. Стил. Стилистика. В качестве исходной, "рабочей", хотя и достаточно абстрактной, дефиниции стилистики можно принять определение Л.В. Щербы¹, которым оперируют В.В. Виноградов² и многие другие лингвисты. Л.В. Щерба не считал, очевидно, это определение полным и окончательным, так как привел его попутно, вместе с общими рассуждениями о современном русском литературном языке. "Русским филологам, — отмечал Л.В. Щерба, — предстоит еще большая работа по созданию настоящей полной стилистики русского литературного языка. В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют дополнительный оттенок. Из всего сказанного ясно, что развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотносенных друг с другом"³.

Иными словами, всякая стилистика зиждется на системе синонимов, на синонимике лексической, словообразовательной, морфологической и синтаксической, на синонимике слова, сочетания слов и текста, на синонимике основных единиц языка и их комбинаций. При этом очевидно, что лексическая синонимика оказывается главным или наиболее ярким показателем дифференциации основного

и дополнительных (по терминологии Л.В. Щербы) кругов. Ей преимущественно и будут посвящены наши дальнейшие наблюдения и примеры.

Принципиально возможны и практически известны языки, лишенные синонимии, а тем самым и разных стилистических "функций", — языки, имеющие одну только функцию — общения (обиходно-бытовую), или только функцию сообщения (научную, или обиходно-деловую). Такие "языки" нельзя назвать литературными языками (стандартными литературными языками), так как они не обладают всеми функциями последних (см. далее, с. 29). В лучшем случае о них можно сказать, что они созданы на базе стандартных литературных языков. Бессинонимичными языками являются, например, различные искусственно созданные "минимальные" языки, скажем, японский язык для английских летчиков, изобретенный во время второй мировой войны, или русский язык органической химии, высшей математики либо ядерной физики и т.п., где все термины однозначны, строго соотнесены с денотатами и друг с другом в одной стилистически нейтральной плоскости. Такой нейтральный научный язык, эмоциональный показатель которого равен нулю, можно трактовать как стиль лишь в сравнении с другими сферами проявления языка, ибо сама по себе нулевая стилистическая функция, взятая в системе других стилистических функций, становится функционально (стилистически) окрашенной (отмеченной) подобно тому, как оказывается значимым нуль морфемы в парадигматическом ряду других морфем. Так можно говорить об особой стилистической нагрузке и функционировании научных терминов, например, в поэтическом языке, скажем, А. Вознесенского, но нельзя говорить о таковой в книге М.И. Корсунского "Атомное ядро" (М., 1956).

Таким образом, стилистическая окраска, стилистическая отмеченность слова, которую многие лингвисты считают даже компонентом его значения, зависит, так же как и само значение слова, от места, которое слово занимает в определенной системе, или ряду слов. Для стилистики наиболее существенны и показательны синонимические ряды слов. Именно на них в первую очередь обращается внимание исследователей каждого отдельного литературного языка.

Дело обстоит гораздо сложнее в тех случаях, когда нужно переходить к проблемам сопоставительной стилистики родственных или даже неродственных литературных языков. Здесь уже нельзя ограничиться просто конфронтацией (сопоставлением) отдельных синонимических дифференциальных признаков отдельных членов ряда хотя бы потому, что такие ряды в разных литературных языках не всегда окажутся структурно гомогенными. В задачу исследователя будет входить также, а может быть, и прежде всего, определение характера "стандартности" сравниваемых стандартных литературных языков, от которого зависит характер стилистической структуры, стилистических возможностей, стилистический инвентарь, а тем самым и принципы выбора синонимических средств для различных стилистических регистров любого стандартного литературного языка.

Стандартный литературный язык. В отличие от Д. Брозовича⁴, для которого термин "стандартный" является по сути дела синонимом термина "литературный" и который применяет, хотя и с некоторой оговоркой эпитет "стандартный" даже к таким древним периодам, как период XVI в.⁵, мы считаем возможным называть стандартным литературным языком лишь литературный язык в эпоху сформировавшейся нации, т.е. в принципе видеть в этом термине тот же смысл, что и в термине национальный литературный язык⁶.

Возможно, что значительная часть спора вокруг этой проблемы возникла по мотивам терминологического характера. А.В. Исаченко, например, предлагал литературным языком называть исключительно язык, обладающий четырьмя свойствами: 1. поливалентностью, 2. нормированностью, 3. общеобязательностью для всего коллектива, 4. стилистической дифференцированностью, т.е. лишь современные национальные литературные языки, а для более ранних эпох употреблять соответственно только термин "письменный язык"⁷. Но здесь, вероятно, принципиально более важно четкое осознание не столько структурного, сколько функционального различия между литературным языком донациональной и национальной эпохи.

Естественно, что, когда речь идет о языках середины XX в., другим синонимом термина "стандартный литературный язык" окажется современный литературный язык.

Термин "стандартный язык-диалект" впервые ввел в нашу научную литературу Е.Д. Поливанов, который воспринимал его как синоним термина "литературный", или "общерусский". Он говорил о "стандартном общерусском языке дореволюционной эпохи, являющемся "социально-групповым диалектом интеллигенции" и о "языковом стандарте наших дней", — социальный субстрат которого значительно расширился"⁸. Вероятно, термин "стандартный язык" можно было бы не вводить в обиход, сохраняя устоявшееся — литературный язык, если бы от последнего можно было создать производное *литературность* в нужном нам смысле слова. Этим собственно только и можно объяснить наше стремление в ряде случаев заменять термин литературный язык термином стандартный. Другие доводы, изложенные Д. Брозовичем, нам не кажутся столь существенными, тем более, что в нашей науке достаточно четко различаются понятия "литературный язык" и "язык литературы".

Стандартность литературного языка. Под термином "стандартность" предлагается понимать совокупность релятивных признаков (свойств) национального (стандартного) литературного языка, определяющих его характер через отношение к нестандартным феноменам (к диалектам, койне и т.п.), к другим стандартным языкам, наконец, к другим историческим состояниям (эпохам) того же самого литературного языка донационального периода.

Релятивными эти признаки называются потому, что они выявляются лишь в результате соотношения, притом одна их часть выявляется в синхронном плане, а другая — в диахроническом (их не следует смешивать или рассматривать линейно, равноправно).

К синхронным релятивным признакам следует отнести:

1. Наличие диалектной базы и близость к ней стандартного литературного языка.

2. Близость стандартного литературного языка к фольклорно-поэтическому койне. Естественно, при условии его наличия.

3. Наличие разных типов — *вариантов* стандартного литературного языка.

4. Наличие автономных по отношению к стандартному литературному языку "диалектных", областных языков.

К диахроническим релятивным признакам следует отнести:

1. Разрыв с традицией в истории литературного языка.

2. Перерыв в общем развитии литературного языка. Иначе говоря, случай, когда век или несколько веков литературного языка не существовало.

3. Смена диалектной базы в истории литературного языка.

Если говорить о положении вещей в плане их исторического развития, то, естественно, состояние предшествующих эпох (диахронические признаки) определило современное состояние (синхронные признаки), т.е. синхронные признаки зависят от исторических.

Если взять современные славянские литературные языки и применить к каждому из них анкетный метод, то ответы на анкету о их стандартности будут различного, иногда прямо противоположного порядка.

Наличие или отсутствие отдельных релятивных признаков, так же как и их соотношение в конкретном языке, характеризуют особенности литературного языка в целом — его "стандартность", равно как и специфику его стилистической структуры, в частности.

Если обратиться к более знакомому нам русскому материалу, то можно отметить, что современный русский литературный язык отличается устойчивой связью с традицией, выражающейся в наличии значительного числа архаических церковнославянских элементов.

Следует заметить, что понятия "церковнославянизм" и "архаизм" не синонимичны, хотя бы потому, что не все церковнославянские элементы в современном русском литературном языке можно причислить к архаизмам. Такие церковнославянизмы, как *враг, плен, горящий, кипящий*, воспринимаются как обычные нейтральные слова современного русского языка, лишённые дополнительной стилистической окраски, в то время как их исконно русские соответствия *ворог, полон, горючий, кипучий* ощущаются теперь как архаизмы или элементы высокого стиля, т.е. одного порядка с такими церковнославянизмами, как *град, глас, вящий* и т.п. Связь русского литературного языка с диалектной средневеликорусской базой опосредствована, а роль народно-поэтического койне в формировании его современного состояния, так же и состояния в XIX в., была минимальна. Современный русский литературный язык не имеет локальных типов-вариантов литературного языка, подобно тому как имел его украинский в XIX в., или имеет сербскохорватский в наши дни. Он обслуживает все сферы бытовой, общественной

и государственной жизни и является языком интернациональным, языком межнационального общения. В рамках современного русского языка не бытуют местные, областные русские языки, служащие орудием локальной, областной литературы или хотя бы только поэзии. Русский литературный язык не знал перерыва в своем историческом развитии в отличие, например, от белорусского или словенского литературного языка, а также смены диалектной базы, подобно хорватскому литературному языку (позже хорватскому варианту литературного сербскохорватского языка).

Все это во многом определило характер стилистических средств русского литературного языка, в котором дифференциация в пределах синонимического ряда опирается на признаки **архаичности** (церковнославянизмы и т.д.) и **неархаичности** (= **нейтральности**), затем **нейтральности** и **просторечности** и т.п.

Если обратиться к примерам, приведенным в уже упоминавшейся работе Л.В. Щербы, то мы найдем такие ряды, как *хладный* — *холодный*, *пламень* — *пламя* (можно было бы добавить *огонь* и *поломя*), *лик* — *лицо* — *морда* — *рожа*, *вкушать* — *есть* — *уплетать* или *жрать*⁹.

В той же работе Л.В. Щерба привел одно очень тонкое и важное наблюдение. "Любопытно только отметить, — говорил он, — что в литературном языке почти что нет способов локализовать точнее русские крестьянские диалекты; по-видимому, здесь превалирует социальная точка зрения. Так называемые областные слова (подчеркнуто мною. — Н.Т.), в значительном количестве вошедшие в русский литературный язык, имеют целью характеризовать действующих лиц как крестьян: таковы — *зипун* в смысле кафтан, *пальто*, *панева* в смысле юбка, *рушник* (ручное полотенце), *зимник* в смысле санный путь, *избоина* в смысле жмыхи, *редина*, *зимнина* в смысле редкая ткань, *рядно* в смысле грубый холст и т.д."¹⁰

Иначе говоря, в современном русском языке "областные слова" в большинстве случаев только по своему происхождению являются областными, диалектными, ибо при употреблении в литературном языке они не ощущаются как специфически локальные, ограниченные определенным ареалом распространения.

Иное положение наблюдается в современном сербскохорватском литературном (стандартном) языке. В нем ощущается достаточно четкая локализация значительной части лексического фонда, выступающего обычно в двух вариантах: сербск. (белградск.) *хлеб* — хорватск. (загребск.) *kruh* 'хлеб'; сербск. *железничка станица* — хорватск. *kolodvor* 'вокзал'; сербск. *недеља дана* — хорватск. *tjedan* 'неделя'; сербск. *после* — хорватск. *парокон* 'после', и т.д.¹¹

Таково положение в простом нейтральном стиле. Однако и вся стилистическая система сербскохорватского литературного (стандартного) языка строится по несколько иному, чем в русском литературном языке, принципу.

Если в русском литературном языке есть ряд *плат* — *полотенце* — *рушник* (церковнославянское — нейтральное — "областное"), то в сербскохорватском языке нет соответствующего по стилистическим

параметрам ряда, а есть ряд *нешкир* — *убрус* — *ручник* — *отирач* — (*отарак*) — *личьяк* 'полотенце', в котором первые два, пожалуй, можно признать равноправными литературными вариантами — первый, *нешкир* характерен для сербского (белградского) варианта, второй, *убрус*, да, вероятно, и третий, *ручник* — больше для хорватского варианта. Одновременно *ручник* можно рассматривать как областное слово (юго-западное — герцеговинское и далматинское), но в полной мере областными окажутся боснийское сараевское *отарак* (отчасти *отирач*) и боко-каторское, южно-далматинское *личьяк*, которые, однако, могут встретиться в художественной литературе и представлены в словарях.

Любопытно, что некоторые слова, относящиеся к разным вариантам стандартного литературного сербскохорватского языка, т.е. только к хорватскому, или только к сербскому варианту, выступающие или выступавшие в роли междиалектных, или межязыковых синонимов и подлежащие часто переводу с одного варианта на другой¹², постепенно входят в единую для всего сербскохорватского литературного языка, т.е. для обоих его вариантов, общую более усложненную и дифференцированную лексико-семантическую систему. Напомним приведенный Д. Брозовичем для такого случая пример. Еще в начале нашего века в сербском варианте стандартного литературного языка для обозначения товарооборота и средства сообщения существовало только *саобраћај*, а в хорватском — только *promet*, теперь же и хорваты, и сербы употребляют *promet* в одном значении 'товарооборот', а *saobraćaj* в другом — 'средства сообщения между людьми'¹³.

Таким образом, в формировании единой стилистической системы сербскохорватского литературного языка, в создании стилистически дифференцированных синонимических рядов основную роль играли противопоставления не по линии архаичности — неархаичности и, наконец, просторечности, как в русском — (церковнославянское — "общерусское" нейтральное "областное", просторечное), а различные межрегиональные "стандартно" вариантные и междиалектные синонимы.

Это произошло потому, что во второй половине XIX в. сербскохорватский литературный язык после реформы Вука Караджича и Людевита Гая оказался в каком-то смысле в роли младописьменного языка, а русский литературный язык оставался старописьменным, в связи с тем, что, как говорилось выше, сербскохорватский литературный язык в своей недавней истории имел достаточно резкий разрыв с церковнославянской традицией (сербский вариант) и смену диалектной базы (хорватский вариант). Он установил в период своего формирования прочную связь с народно-поэтическим койне и до сих пор обладает не только двумя локальными типами-вариантами, но и, что самое примечательное, так называемыми "диалектными" чакавским и кайкавским поэтическими языками.

Если сербский (белградский) и хорватский (загребский) варианты единого литературного языка, сохраняя еще значительные различия

в лексике и в общем незначительные в фонетике (орфоэпии), обладают единым грамматическим строем (морфологией и синтаксисом) и близкой фонетической структурой на штокавской диалектной основе, то фонетика, морфология, синтаксис и лексика чакавского и кайкавского языков (диалектов) довольно резко отличаются от штокавского. Эти различия, может быть, даже большие, чем между великорусским, белорусским и украинским диалектными типами.

Однако чакавский и кайкавский языки (или диалекты) можно очень условно назвать "литературными", ибо их функциональная сфера крайне ограничена. Они моновалентны, так как ими пользуются только в поэзии, они не распространяются на прозу, а тем более в сферу делового языка. Будучи жанрово ограниченными, они могут рассматриваться как дополнительные компоненты стилистической системы сербскохорватского литературного языка, как особый поэтический язык с автономным лексическим и морфологическим составом и иной фонетической и акцентуационной структурой, дающей новые метрические рисунки, обогащающей возможности сербскохорватской стихотворной речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 121.

² См.: *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 7.

³ См.: *Щерба Л.В.* Указ. соч. С. 124.

⁴ См.: *Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // ВЯ. 1967. N 1.

⁵ См. рассуждения Д. Брозовича (Указ. соч. С. 22—23) о древнем штокавском письменном языке, о словенском языке П. Трубара. Хотя справедливости ради следует отметить, что в общем все построения Д. Брозовича относятся к современному этапу развития стандартных (литературных) языков.

⁶ О неправомерности употребления термина "национальный" язык без определения "литературный" см. в нашем ответе на вопрос "Създаване на койне в славянските езици и неговото влияние върху литературните езици" // Славянска филология. С. 1963. Т. IV. С. 46. См. также: *Бернштейн С.Б.* К изучению истории болгарского литературного языка // Вопросы теории и истории языка. М., 1963. С. 41. Мысли о том, что "национальный язык" без литературной формы есть по сути дела ненужная фикция, была высказана мною еще на "Совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков" в декабре 1960 г. (см.: ВЯ, 1961. N 2. С. 159. Там же — о неопределенности и нецелесообразности употребления терминов "язык народности" — "национальный язык").

⁷ См.: ответ на вопрос: "Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов?" // Сборник ответов на вопросы по языкознанию. М., 1958. С. 24.

⁸ См.: *Поливанов Е.* О фонетических признаках социально-групповых диалектов и в частности русского стандартного языка // За марксистское языкознание. М., 1931. с. 119 и др.

⁹ См.: *Щерба Л.В.* Указ. соч. С. 121.

¹⁰ См.: *Там же.* С. 120.

¹¹ См.: *Guberina P., Krstić K.* Razlika izmedju hrvatskoga i srpskoga književnog jezika, Zagreb, 1940.

¹² Ср. разные, белградское и загребское издания газеты "Борба". См. также статью: *Гудков В.П.* О различиях между двумя вариантами сербскохорватского литературного языка // Сов. славяноведение, 1965. N 3.

¹³ См.: *Брозович Д.* Указ. соч. С. 17.

II. ВЗАИМОСВЯЗЬ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОБЩЕМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ЮЖНЫХ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Дальнейшее плодотворное и успешное изучение ранних периодов истории славянских литературных языков, в первую очередь восточно- и южнославянских — русского, отчасти украинского и белорусского, сербского и болгарского, в значительной степени осложняется из-за отсутствия исследований литературного древнеславянского языка, т.е. языка старославянского и церковнославянского¹. Молчаливое или прямое признание существования древнеславянского литературного языка в эпоху средневековья и даже в преднациональный период можно найти во многих исследованиях прежних лет и в ряде работ последнего времени, однако до сих пор, как правило, проблемы, связанные с его историей, почти не изучались самостоятельно и поднимались главным образом в связи с рассмотрением различных периодов истории отдельных славянских языков, в связи с вопросом о тех или иных влияниях, с проблемой самобытности, с проблемой соотношения "книжного" и "народного" начал. А между тем данные письменных памятников различных славянских народов позволяют поставить вопрос о существовании единого славянского литературного языка, функционировавшего с IX в. почти до конца XVIII в. и распространенного среди восточных и части южных славян, а в ранний период и среди славян западных. Древнеславянский литературный язык, таким образом, может иметь и свою внешнюю и внутреннюю историю и свою специфическую проблематику.

Историю древнеславянского литературного языка на первых этапах исследования целесообразно строить, используя метод синхронных срезов, т.е. рассмотрения хронологически одновременно написанных или переписанных памятников, возникших на территории так называемого "греко-славянского мира", т.е. в среде православных восточных и южных славян и влахо-молдаван². Производя синхронные срезы по эпохам, мы можем говорить о единстве древнеславянского литературного языка лишь в том случае, если примем не только положение о смене норм в плане диахроническом (т.е. изменение в произношении того или иного звука, например *q*, замена той или иной морфологической формы или синтаксической конструкции другой, изменение словарного состава и т.п.), но и положение

об изменчивости свободы нормы, ее границ, допустимости большего или меньшего числа вариантных форм и языковых элементов.

В последнем случае при сравнении разных синхронных срезов мы обнаружим часто значительное различие и будем вынуждены для каждой отдельной эпохи пользоваться приемом, близким к приему моделирования, т.е. устанавливать определенные нормы, не соответствующие вполне исторически известным нормам той или иной школы письменности (например, тырновской или ресавской). Иными словами, критерии для определения единства древнеславянского литературного языка в различные эпохи будут различными, так же как окажутся различными и сферы функционирования древнеславянского литературного языка в разнообразных жанрах литературы (письменности), бытовавшей у отдельных южно- и восточнославянских народов.

1

Старославянский язык рассматривался до сих пор преимущественно как система или модель, из которой исходили при реконструкции праславянского языка³, т.е. при установлении языкового состояния более раннего периода, либо при объяснении отдельных, диахронически исследуемых фактов исторической фонетики и грамматики конкретных славянских языков, т.е. при объяснении состояния более позднего периода. С позиции науки о литературном языке старославянский язык стали рассматривать лишь недавно и то преимущественно в плане его внешней истории, однако не менее важной является задача внутреннего рассмотрения старославянского языка как структурного целого⁴, оказавшегося после своего возникновения в качестве литературного языка в определенных коррелятивных отношениях с живыми славянскими, в том числе и южнославянскими и древнемакедонскими диалектами. Это был язык "священный", т.е. нормализованный, функционально отличный от народно-разговорного языка, как всякий литературный язык, в известной степени искусственный и в эпоху средневековья ареально-интернациональный (ср. в его составе моравизмы, восточноболгаризмы, грецизмы, латинизмы и т.п.)⁵.

Подобному представлению о старославянском языке несколько не противоречит тот факт, что его диалектной основой было древнее македонское наречие⁶. В типологически сходных условиях и соотношениях произошло совсем недавно возникновение современного македонского литературного языка, почти не имевшего ближайшей литературной традиции и созданного в кратчайший срок на основе центральных македонских говоров. Современный македонский литературный язык нельзя считать простой фиксацией в литературе прилепско-велесских говоров: он оказывается отличным от последних и функционально, и формально.

Возникши в качестве литературного языка, старославянский язык оказался тем эталоном-моделью, который определял формальную, в значительной степени лексическую и даже стилистическую сторону

древнеславянского литературного языка в течение почти всей его истории.

Этому положению во многом способствовало то обстоятельство, что древние памятники, переведенные Кириллом и Мефодием и их учениками, имели в древнеславянской письменности главенствующую роль с точки зрения канонов того времени, находясь иерархически в высшей позиции. Если рассматривать южно- и восточнославянскую письменность — древние южно- и восточнославянские литературы — не в плане ее национального своеобразия (что, разумеется, также может оказаться необходимым) или в аспекте ее "художественности" и светскости, а в аспекте, требующем определения норм и функциональных границ литературного языка и притом с подходом строго историческим, не допускающим модернизации и замены древних норм и канонов современными представлениями, то эта письменность может быть схематически представлена как фигура с рядом иерархически подчиненных ярусов, отражающих различные жанры, в которой вслед за каноническими (евангелие, псалтырь и др.) и литургическими текстами следует литература аскетическая, проповедническая ("слова" и т.п.), агиографическая, повествовательная (повести, "романы" и т.п.), апокрифическая, историческая (хронографы, летописи), паломническая ("хождения" и др.), художественно-поэтическая, публицистическая и др. Безусловно, внутри этой фигуры соотношение ярусов по жанрам требует детализации и является значительно более сложным, чем приведенный нами порядковый перечень. Однако при определении норм древнеславянского литературного языка следует учитывать в принципе хорошо известный факт, что тексты верхнего яруса оказываются более консервативными и более четко нормированными, дающими меньше число отклонений от устанавливаемой для каждой эпохи модели, а в текстах нижнего яруса строгость нормы оказывается более свободной, более подверженной влиянию народно-разговорного "субстрата". При этом некоторые памятники останутся вовсе вне установленных нами границ, вне сферы древнеславянского литературного языка. Правда, такое соотношение в разные эпохи будет различно; кроме того, близость к языковой норме или отдаленность от нее для самого верхнего яруса может быть далеко не одинакова и внутри одного жанра (например, в жанре повестей).

Устойчивость (но не неизменность) основных элементов модели старославянского языка в течение веков объясняется устойчивостью литературы, которую древнеславянский литературный язык обслуживал. Во-первых, в основном своем ядре (в него входят прежде всего верхние ярусы) эта литература оказывается единой для всего "греко-славянского" ареала, во-вторых, в ней почти не было произведений, имевших для более поздних эпох лишь историко-литературное в нынешнем понимании этого слова значение. Памятники ее сохраняли потенциал современности для читателей в течение пяти и более столетий⁷. Длительность литературной жизни таких памятников, как Александрия, Сказание об Индейском царстве, Житие Варлаама и Иоасафа, История Иудейской войны Иосифа

Флавия, Троянская притча, Стефанит и Ихнилат и др., не говоря уже о канонических произведениях, наконец, довольно высокая техника и точность копирования списков⁸ поддерживали непрерывность традиции древнеславянского литературного языка. Древнеславянский литературный язык был одним из основных формальных показателей средневековой "синкретической" литературы⁹. Характерно, что его исчезновение происходит почти одновременно с исчезновением самой этой литературы, с переходом ее от "синкретизма" к художественности, с исчезновением всего комплекса религиозных, моральных и эстетических представлений, характерных для греко-славянского мира периода X—XVII вв.

2

Стремление к сохранению древних норм и поиски древних списков для копий характерны почти для всех эпох вплоть до XVII в. Оно особенно ярко и своеобразно преломилось в Московской Руси, где обе враждующие стороны — и сторонники Никона, исправлявшего книги по древним образцам, и раскольники, охранявшие древность с незначительными и довольно ранними отклонениями, принимавшимися за норму, отстаивали один и тот же принцип "святой старины". Отклонения в нормах древнеславянского литературного языка не были коренного характера и сводились в общем к частностям. Различия между изводами¹⁰ в так называемый среднеславянский период (см. ниже схему периодизации) были часто в принципе не большими, чем между трехкратным и двухкратным "аллилуия".

Само понятие нормы для древнеславянского (церковнославянского) языка, сменившего старославянский, может быть представлено в историческом аспекте и воспринято для некоторых эпох достаточно широко, с допущением известных, в первую очередь фонетических, а затем и грамматических и лексических вариантов¹¹. Двойное произношение буквы Ж (как *y* — у русских и сербов и, вероятно, как *ъ* — у болгар) и буквы А (как *'a* — у русских и как *e* — у южных славян) или даже написание *ou* (*o*) вместо Ж и *e* вместо А¹² ничем в принципе не отличается от известного в современном сербскохорватском литературном языке двойного произношения: экавского и екавского — рефлексов бывшего *ǣ* (*лѣно: лепо — лијено*) и ряду других подобных орфоэпических вариантов¹³. Еще меньшее значение следует придавать орфографическим вариантам типа написаний *ia* — *ia̋*, *aa* — *aa̋* и т.п. и прежде всего колебаниям в написании *ъ* и *ь*¹⁴. Разделение многих древнеславянских памятников и их классификация по различным изводам (русским, сербским, болгарским и т.п.) подчинялись прежде всего задачам изучения истории списков и текстов и истории языка (чаще всего исторической фонетики и грамматики, нуждавшейся в пусть даже отрывочных и скудных, но достаточно древних письменно зафиксированных фактах) и в меньшей мере задачам изучения истории литературного языка, требующим в данном случае иного критерия

и подхода. Между тем различное произношение одной графемы (например, Ъ, Ж, А) или "варианты" типа *ночь* — *нощъ*, *свѣца* — *свѣча* могут вполне и безусловно с большим правом рассматриваться как варианты одной, несколько шире понимаемой нормы. Чем разноречивой в написании типа *чвѣтъ* — *чѣтъ*, *цаша* — *ѹша* (новгородское, двинское, псковское) или *вразду* — *вражду*, *зизнею* — *жизнею*, *написи* — *напиши* (псковское) или в более поздний период (XVII в.) типа *Ондръѣй* — *Андръѣй*, *Офонасей* — *Афанасій* (севернорусское, московское) и т.д. Подобным образом может быть поставлен вопрос и о морфологических, синтаксических и лексических вариантах.

Если взять определенные памятники, хронологически относящиеся к одному периоду, например к XV в. или XVI в., и произвести их сопоставление, отвлекаясь от частных фонетических, орфографических и иных вариантов, т.е. допуская известную свободу норм, то во многих случаях окажется, что некоторые, например русские, памятники отстоят по чертам языка и стиля от других русских памятников той же эпохи гораздо дальше, чем от ряда сербских, болгарских и славяно-влахо-молдавских памятников¹⁵.

Язык сочинений Курбского или Грозного, не говоря уже о "Домострое" (этот памятник, видимо, вовсе не надо рассматривать в сфере истории литературного языка), будет дальше от языка произведений митрополита Киприана, Максима Грека, Зиновия Отенского и др., чем язык последних от языка Григория Цамблака, Константина Костенечского и др. Мало соответствий с произведениями современников найдет речевая система произведений протопопа Аввакума (XVII в.) (не говоря уже о списках сочинений, возникших ранее, которые также следует учитывать, ибо они были фактом литературной жизни своей эпохи). А "русский" язык таких произведений, как Александрия, будет в ранних списках мало чем отличаться от языка Александрий сербской и болгарской.

По сути дела в этом случае, как и во многих других, нам будет удобнее признать язык сербской, болгарской, русской, сербо-болгарской, русско-болгарской и др. редакций единым древнеславянским (или "церковнославянским", или "книжнославянским") литературным языком, независимо от того факта, что в разные эпохи он мог находиться под влиянием определенного народно-разговорного субстрата, служившего источником его обогащения, и тем самым изменять свое лицо.

Определив нормы древнеславянского литературного языка, вернее инварианты норм, для каждой эпохи, мы должны также определить круг памятников, входящих в его сферу. При этом целый ряд русских, болгарских, сербских памятников, особенно позднего периода, окажется вне границ этой сферы, однако при их исследовании крайне важным явится определение отношения их языка к языку древнеславянскому. Нельзя начертать процесс истории собственно древнерусского литературного языка (т.е. языка памятников, не входящих в определяемую нами древнеславянскую сферу) в отрыве от процесса истории древнеславянского литературного языка, так как

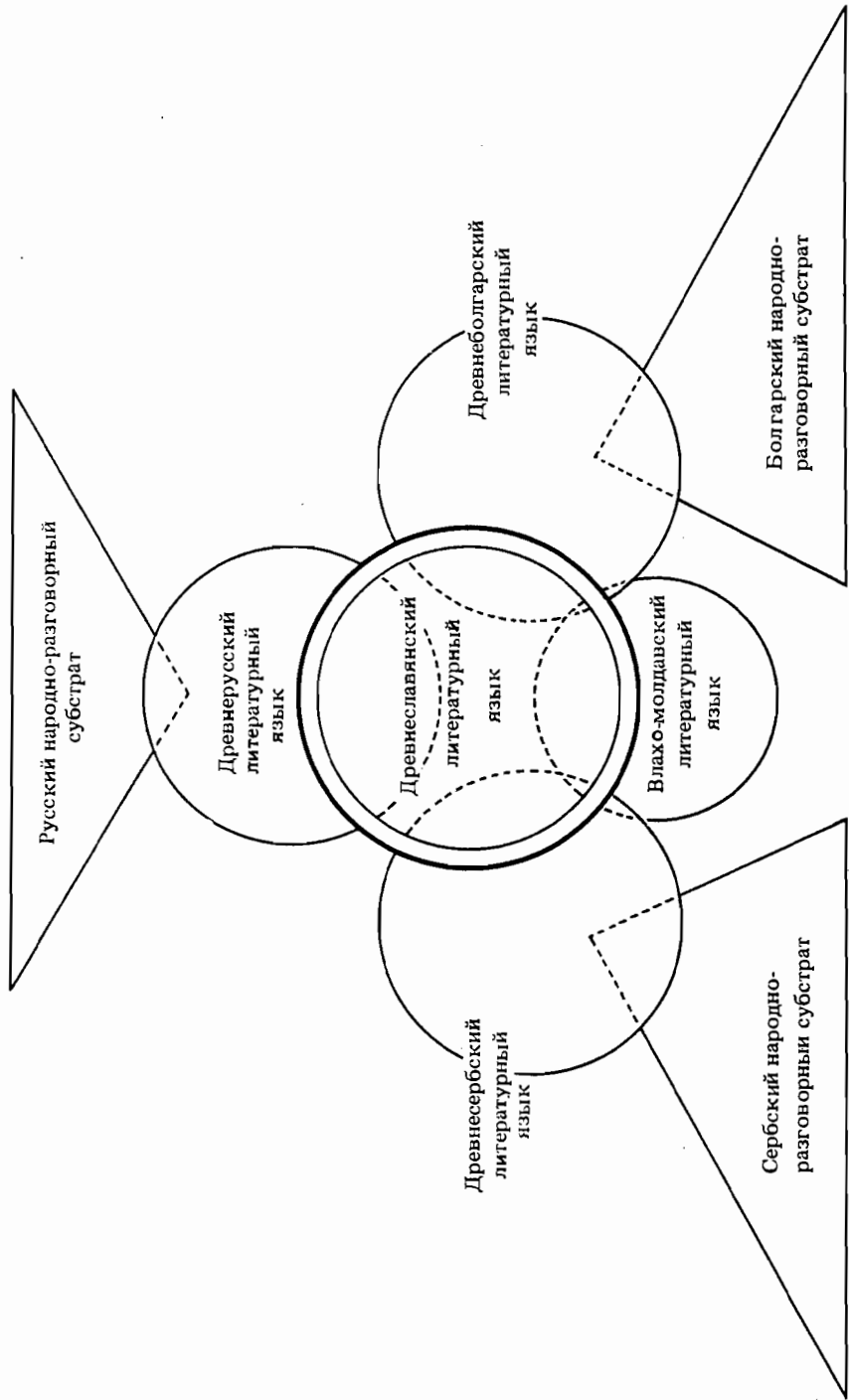
первый не проходил параллельно и независимо от последнего. Древнеславянский литературный язык выполнял роль стабилизатора, и изучение древних восточно- и южнославянских литературных языков без учета их коррелятивных отношений с общим древнеславянским крайне затруднительно. При этом между упомянутыми "языками" в среднедревнеславянский период (см. ниже схему периодизации) слагались отношения не двуязычия (двуязычие было скорее в плане литературного и разговорного языка)¹⁶, а основного ядра и периферийно расположенных вокруг него сфер, где действовали и центробежные и центростремительные силы. Внешними сферами по отношению к древнеславянскому литературному языку и к языку памятников вне его границ (т.е. с довольно ярко окрашенными русскими, сербскими и болгарскими чертами вне норм древнеславянского языка), воздействующими, однако, на всю систему сфер (или "типов") языка древнеславянской письменности, были живые народные диалекты, обозначаемые нами в силу их функциональной роли как народно-разговорные субстраты. Воздействие народно-разговорных субстратов на древнеславянский литературный язык шло во многих случаях не непосредственно, а через периферийные сферы (ср., например, роль письменно-делового языка в поздний период развития древнеславянского литературного языка).

Если положить в основу локальный критерий, т.е. критерий места написания памятника, его перевода или копирования ("извода"), и рассматривать только язык памятников, связанных с одним ареалом (например, восточнославянским, т.е. древнерусским), то обнаружится наличие двух "типов" литературного языка (по терминологии В.В. Виноградова¹⁷) — "книжно-славянского" и "народно-литературного"¹⁸. "Книжно-славянские типы" древнерусского, древнесербского и древнеболгарского¹⁹ литературного языка войдут в качестве компонентов в сферу древнеславянского литературного языка. Памятники "народно-литературного" языка окажутся или вне его сферы, или примыкающими к ней (отметим, что число памятников, четко отражающих "народно-литературный тип", немногочисленно: этот тип лишь в редких случаях будет представленным в своем "чистом" виде, без элементов "книжнославянского").

Вышеизложенные положения можно было бы представить в виде схемы (см. с. 40), которая в известной мере применима ко всем периодам истории древнеславянского литературного языка, но наилучшим образом отражает состояние XIV—XVI вв.

3

При изложенной постановке вопроса о едином древнеславянском литературном языке следует учитывать, что степень его единства в разные исторические эпохи была неодинаковой. В истории древнеславянского литературного языка периоды действия центробежных сил сменялись периодами действия сил центростремительных, ведущих к унификации норм литературного языка. При этом в плане "внешнем" важен учет миграции центров, а в плане "внутреннем" — смена периодов с большей и меньшей свободой нормы. Со сменой

Русский народно-разговорный субстрат

Древнерусский литературный язык

Древнеболгарский литературный язык

Болгарский народно-разговорный субстрат

Древнеславянский литературный язык

Влахо-молдавский литературный язык

Древнесербский литературный язык

Сербский народно-разговорный субстрат

центров часто просходила и смена норм под влиянием того или иного народно-разговорного "субстрата". Тем самым определение норм в различные эпохи (иначе говоря, при различных синхронных срезах) будет различно. "Нормы" эти, или модели, в большинстве случаев не будут совпадать с реально существовавшими в древности нормами отдельных школ (например, тырновской или ресавской). В принципе окажется важным определение инвариантного типа и построение на его основе модели в каждую конкретную эпоху, а затем, для определения исторического процесса, установление преемственности моделей и их отношения к немоделируемому материалу, т.е. памятникам, не фиксирующим языковые факты, которые можно было бы квалифицировать как варианты по отношению к норме. Таким образом, отметим еще раз, не все памятники древнеславянской письменности (русской, сербской, болгарской и др.) войдут в сферу применения древнеславянского литературного языка.

Недостаток конкретных исследований затрудняет построение хотя бы схематической истории древнеславянского литературного языка и его периодизации. Тем не менее такое построение необходимо: древнеславянский язык не оставался неизменным, несмотря на отмеченную выше организующую и нормализующую роль старославянского языка. Расширялся круг письменных памятников, письменность жанрово обогащалась (хотя имелись жанры в южно- и восточнославянских литературах, для которых было менее или мало характерно использование древнеславянского литературного языка); но гораздо большее значение имел тот факт, что в истории древнеславянского литературного языка сменялись хронологически периоды с центростремительными тенденциями и тенденциями центробежными, и происходила довольно последовательно смена центров, постепенная с течением времени их миграция с юга на восток. В некоторые периоды, как, например, в XVII в., обнаруживается наличие двух или более центров (в указанную эпоху — Вильна, Киев и Москва), ведущее к известной двойственности и параллелизму норм (ср., например, различия в первом и втором издании грамматики Мелетия Смотрицкого). Со сменой центров изменился характер соотношения единого древнеславянского литературного языка с народно-разговорными "субстратами". Естественно, что влияние на развитие древнеславянского литературного языка оказывал тот субстрат, где находился центр. Однако и этот вопрос не может разрешаться прямолинейно, без учета конкретных исторических условий: если для школы патриарха Евтимия характерен отказ от проникавших в литературный язык черт живого болгарского языка (анализм, некоторые фонетические явления и т.п.), принципиальный консерватизм, то для более поздней эпохи (например, для московской школы) характерно прямое принятие ряда фонетических, морфологических и лексических элементов живого русского языка (так возникла поздняя русская редакция церковнославянского языка).

Центростремительные тенденции выражались, как мы уже отметили, в унификации норм древнеславянского литературного языка (подчеркнем еще раз: они могли быть различными в разные эпохи),

которая была связана с деятельностью отдельных книжных школ, оказывавших влияние на письменность почти всего южно- и восточнославянского ареала. Здесь, не считая ранней эпохи Кирилла и Мефодия и эпохи царя Симеона, следует отметить деятельность и авторитет тырновской школы патриарха Евтимия в Болгарии, ресавской школы в Сербии и связанную с ней активность Константина Костенечского и Григория Цамблака, второе южнославянское влияние на Руси и "исправление книжное" митрополита Киприана, энциклопедический труд митрополита Макария, деятельность Пахомия Логофета, Максима Грека и др., начало книгопечатания (несколько центров: Краков, Вильна, Острог; Обод, Белград, Горажде; Москва, Тырговище и др.), наконец, формирование "западнорусской" (ранней украинско-белорусской) школы, деятельность князя Острожского и князя Курбского, создание Киевской академии (митрополит Петр Могила и др.), унифицирующую роль норм грамматики Мелетия Смотрицкого и ее влияние на славянском Востоке и Юге и в конце концов — в известной мере — деятельность переводчиков петровского и послепетровского времени в России и влияние их норм на литературный язык Сербии и отчасти Болгарии в XVIII в.

Центробежные устремления носили локальный характер по отношению к единому греко-славянскому миру, если не оказывалось, что те или иные локальные нормы впоследствии, в связи с миграцией центра, становились всеобщими. Они были собственно сербскими, болгарскими, великорусскими, украинскими и т.д. Однако нередко они были локальны и по отношению к отдельному ареалу одной из славянских народностей (например, псковские, новгородские черты). Особенно сильно проявлялись узко локальные тенденции у восточных и южных славян — "иноверцев" (мусульман, протестантов, католиков и др.), ибо отказ от древнеславянского языка знаменовал собой неприятие ряда норм религиозной и общественной жизни и отвечал требованиям "миссионерства". Эти тенденции проявились отчасти, но только отчасти, в новой литературе раскольников, где архаические штампы часто инкрустировались в живую народную речь²⁰, и в полной мере в литературе белорусов-мусульман с арабским письмом (XVI в.), в литературе болгар-протестантов в Семиградье с латинским письмом (XVI в.) и болгар-"павликиан" (католиков) в Болгарии (XVIII в.). Микролокальные потенциально литературные языки белорусов-мусульман и болгар-протестантов и католиков находились полностью вне сферы древнеславянского литературного языка. Что касается литературных языков более широкого локального типа, то они не были свободны от влияния языковой модели древнеславянского литературного языка, и это сказывалось иногда даже не столько в использовании отдельных формальных элементов (фонетического и морфологического характера), сколько в общей структуре и отборе языковых средств (прежде всего лексических) из арсенала народного языка.

Обращаясь к вопросам периодизации истории древнеславянского литературного языка, важно подчеркнуть, что вообще при периодизации истории литературного языка следует руководствоваться иными моментами, чем при периодизации истории языка в плане исторической фонетики и грамматики. Здесь прежде всего должен сказаться иной подход к языковому материалу и источникам. Это важно не только в тех случаях, когда некий этнический комплекс, пользовавшийся одним языком, имевший один народно-разговорный "субстрат", как, например, сербы и хорваты, обладал в определенные периоды двумя (или даже более) литературными языками. Судьба литературного языка в Сербии в средневековый период была ближе к судьбе болгарского литературного языка, где довольно рано была сужена и позже почти оставлена церковно-славянская традиция и развивались очень значительные "областные" литературы со своими литературными языками (далматинская, славонская, кайкавская). Это важно и тогда, когда один народ пользовался одним литературным языком (как, например, болгарский или македонский), который сам возник в раннюю эпоху на основе одного из народных диалектов.

Историк болгарского языка (не литературного!), к примеру, не может пройти мимо памятника XIV в. под названием Троянская притча (из ватиканского списка летописи Манассии). В этом широко известном науке небольшом тексте впервые ярко проявились грамматические черты современного болгарского языка. Текст этот, однако, по своему языку одинок среди памятников XIV в., даже XV в. и начала XVI в. Естественно, что его значение для историка языка столь велико, что периодизация истории болгарского языка во многом строилась и строится отчасти до сих пор на его показаниях. Немалое значение для историка языка имеют также свидетельства Чергедских молитв (памятник XVI в. болгар-протестантов из Семиграда, отражающий народный язык метрополии более ранней поры). Для историка литературного языка, однако, эти памятники не имеют почти никакого значения. Упомянутый список Троянской притчи можно рассматривать в лучшем случае как единичный опыт внедрения разговорного языка в литературный, а вернее было бы его считать образцом литературной малограмотности писца. Наряду с этим одиноким списком существует значительное число списков той же Троянской притчи, довольно последовательно отражающих литературный древнеславянский язык²¹.

В эпоху средневековья литературный язык, как правило, отличался от народного языка, от диалектной речи. Исследователь литературного языка, как отмечалось выше, устанавливает после изучения круга памятников инвариантную норму для определенной эпохи (синтезирующий процесс, после индуктивного анализа), а затем уже, исходя из нее, проводит классификацию всех памятников по признаку их принадлежности к литературной норме (дедуктивный процесс). При этих операциях исключительную роль играет

и статистический фактор. Для историка литературного языка, таким образом, основным и необходимым ориентиром является литературная норма. Вопрос о трудностях ее установления для древних периодов не опровергает этой необходимости. Для историка языка, наоборот, максимально удаленный от литературной языковой нормы и иногда даже единственный в этом отношении памятник становится центральной вехой при его научных построениях.

Современные исследователи литературных славянских языков, особенно восточнославянских, нередко опираются на схему истории языка (т.е. исторической грамматики и лексикологии) и придают особое значение тем памятникам, которые отклоняются от общей инвариантной нормы литературного языка и более других отражают черты народного "субстрата". Это вызывается в некоторых случаях подсознательным стремлением к модернизации древнего периода истории литературного языка, стремлением усмотреть в нем черты, близкие к современному литературному языку, принять их за основные, характерные для всего периода развития. При этом понятие литературного языка (а тем самым и памятников этого языка) часто почти беспредельно расширяется, в его сферу включаются даже частные письма (например, новгородские берестяные грамоты), отдельные юридические документы, произведения устного народного творчества и др.²² Между тем категория литературного языка — явление историческое, изменчивое. В древний период литературный язык не был поливалентен (т.е. не обслуживал все области общественной жизни), он был ограничен в своей функциональной сфере и отличен от языка народного "субстрата". Нередки случаи, когда история литературного языка (особенно некоторые ее хронологические разделы) строится на более периферийных моментах²³; в то же время из нее легко исключаются канонические тексты, аскетические сочинения, апокрифическая, а иногда и вообще вся переводная литература, оказывавшая в древней Руси и на славянском Юге огромное влияние на судьбы литературного процесса и развитие литературного языка²⁴.

Невнимание к переводной литературе, видимо, объяснялось ее источником, но ведь язык этой литературы был не греческим, не латинским или древнееврейским, а своим — древнеславянским. Кроме того, литературная проблема "своего и чужого" в эпоху славянского средневековья и несколько позже воспринималась отнюдь не в том плане, как она начала восприниматься в новое время и воспринимается сейчас. В подходе к этой проблеме у некоторых историков литературного языка снова, надо полагать, сказывается модернизация. Водораздел шел не столько по национальной линии (вернее, народно-племенной), сколько по культурно-религиозной. Историк литературного языка должен иметь представление о древних славянских литературах в целом, об их жанровом разнообразии при общем, в принципе синкретическом, характере, об удельном весе и авторитете произведений отдельных жанров, об их общественном функционировании и роли в истории литературы и письменности, наконец, о их роли в развитии литературного

языка и его стилей. В связи с этим не следует пренебрегать статистическими данными о памятниках, бытовавших, например, в древней Руси. Не отводя в данном случае статистике решающей роли и сознавая, что сохранившееся наследство не отражает полно и достаточно точно древнее состояние, отметим, что все же данные численного соотношения памятников позволяют сделать важные выводы. Описание рукописей общественных книгохранилищ и бывших частных собраний дает ценный материал, но более убедительными оказываются материалы о составе древних (например, монастырских и частных) библиотек. В них можно отметить решительное преобладание канонической, аскетической, агиографической и им подобной литературы. Эта литература, большей частью переводная, была общей для восточных и части южных (православных) славян, а также для валахов и молдаван. На образцах этой же литературы и прежде всего на псалтыри зиждилась средневековая система обучения грамоте и литературному языку.

Лишь в процентно небольшой части, главным образом в более позднюю эпоху, можно отметить в русской, а также в сербской и болгарской литературе наличие произведений, не бытовавших у других славянских народов "греко-славянского мира". К числу почти не бытовавших за пределами узколокального ареала следует отнести памятники деловой речи восточных и южных славян²⁵, возникавшие в целом ряде случаев также по различному византийским образцам²⁶. Однако, несмотря на значительное влияние на язык этих памятников древнеславянского литературного языка, едва ли возможно построение для них единой языковой модели; изучение их языка должно вестись вне сферы древнеславянского литературного языка, отдельно для каждого языка — сербского, болгарского, русского украинского и т.д. Роль языка деловой письменности в период, предшествующий формированию национальных литературных языков, у русских (вернее, у восточных славян), с одной стороны, и у сербов и болгар — с другой, была различна. Если на славянском Востоке, предварительно оформившись, она постепенно начинала проникать в литературный язык, то на славянском Юге из-за отсутствия государственности в этот период она играла ничтожную роль, что позволяет даже говорить о ее деградации по сравнению с средневековым периодом. В эпоху XVII в. в России народно-разговорная "субстратная" речь проникает в литературный древнеславянский язык главным образом посредством деловой письменности — "приказного языка", а в сербский и болгарский язык — непосредственно. В XVIII в., во второй его половине, среднеделовой стиль русского языка оказал сильное влияние на сербский литературный язык, а отчасти и на болгарский.

5

Поиски диалектной основы древнеславянского литературного языка в целом или некоторых его компонентов в отдельные эпохи правомерны для исследователя исторической грамматики и лексикологии того или иного языка, но для исследователя литературного языка

вопрос территориального распространения слова или формы в диалектах, т.е. о их первоисточнике, имеет часто второстепенное значение. Войдя в систему речевых и стилистических средств литературного языка, эти слова и формы должны уже рассматриваться как компоненты его системы, и наличие или отсутствие отдельного слова в том или ином локальном "субстрате", понятность или неудобопонятность его для читателя, мало причастного к "премудрости книжной", не могут быть определяющими и квалифицирующими критериями, если не ставить специальной проблемы о соотношении древнеславянского литературного языка и языка разговорного.

Даже для старославянского языка поиски диалектных истоков относятся больше к области внешнелингвистических исследований и могут не приниматься во внимание при исследовании его с "внутренней" стороны, т.е. при его рассмотрении как языковой системы, выполняющей определенную функцию литературного языка. Ответ на вопрос "откуда?" далеко не всегда дает возможность разрешения вопроса, как используется тот или иной элемент (или ряд элементов) и в каком соотношении он (или они) находится к элементам внутри системы (или просто оказывается вне ее). Более закономерен вопрос, функционирует ли этот элемент или не функционирует, вошел ли он в систему или является чужеродным, иначе — соответствует ли он норме или нет. Известны, конечно, и попытки создания новой нормы (например, язык украинского Пересопницкого евангелия), но тогда прежде всего перестраивается система, а кроме того важно, является ли эта норма общей для всего восточно- и южнославянского ареала, или для его части, или, наконец, она оказывается узлокальной.

В отличие от литературной средневековой латыни в Европе или от арабского литературного языка на Востоке, распространенных на территориях, охватывавших народно-разговорные языки различных семей, старославянский язык, возникший на базе одного из южнославянских диалектов, будучи международным языком славянства, обслуживал, исключая валахов и молдаван, только литературу народов, говорящих на близких к нему наречиях одной языковой семьи, и потому сравнительно легко воспринимал черты других славянских диалектов. Этот процесс усиливался в течение средне- и позднеревнеславянского периода и был тесно связан с фактом миграции центров. На почве народных "субстратов" возникали новые слова и формы, которые условно можно обозначить как "славяно-русизмы", "славяно-болгаризмы", "славяно-сербизмы". Они также (правда, не все — и здесь нужно еще провести специальные исследования) входили в структуру общего древнеславянского литературного языка. Современники, пользуясь ими как компонентами древнеславянского литературного языка, часто осознавали их диалектный первоисточник²⁷. Интернациональный характер древнеславянского литературного языка усугублялся также обилием гречизмов (в синтаксисе, во фразеологии — кальки, в лексике). При этом не следует полагать, что греческое влияние было

однородным и типичным лишь для первого периода истории древнеславянского литературного языка, — оно было характерно почти для всех эпох, в том числе и сравнительно поздних (ср., например, грецизмы в грамматике Мелетия Смотрицкого и возражения Юрия Крижанича).

В различные эпохи возникали сложные соотношения элементов, унаследованных от старославянской письменности, с элементами, проникавшими из того или иного народно-разговорного "субстрата", и, наконец, с элементами иноязычными (неславянскими), в первую очередь греческими, которые также были неоднородны по своему составу и характеру в разные периоды истории древнеславянского литературного языка.

Несмотря на трудность поставленной задачи, исследователь все же может определить нормы древнеславянского литературного языка в различные эпохи, построить при ряде синхронных срезов серию моделей²⁸, определяя при этом состав памятников, входящих в сферу древнеславянского литературного языка и выходящих за его пределы. При этом представляется необходимым особенно четкое и строгое установление границ древнеславянского литературного языка, понимаемого нами как единый язык, а не конгломерат различных литературных языков, хотя естественно, что здесь можно обнаружить ряд переходных моментов.

Отметим, что построение истории древнеславянского литературного языка не отрицает важности исследования истории отдельных славянских литературных языков, а скорее наоборот — оно является необходимым условием создания последних, так как, как уже отмечалось, без учета коррелятивных отношений "локальных" древних славянских литературных языков (древнерусского, древнесербского, древнеболгарского, а затем украинского и белорусского старшей эпохи) с древнеславянским литературным языком изучение их крайне затруднительно. Или, пользуясь терминологией В.В. Виноградова, "народно-литературный тип" из-за крайней неустойчивости его норм, а может быть, и отсутствия их в древнейшую эпоху трудно поддается исследованию без соотношения с моделью (нормой) "книжно-славянского типа".

История древнеславянского литературного языка может быть представлена с опущением всех деталей в следующей весьма предварительной периодизации:

I период: IX—X, отчасти XI в. — ранний древнеславянский литературный язык — старославянский язык. Эпицентр: Македония, Восточная Болгария.

II период: XII—XVI вв. — средний древнеславянский литературный язык:

а) XII—XIII вв. — известная децентрализация;

б) XIV—XV вв. — централизация. Центры: тырновская школа, ресавская школа. "Второе южнославянское влияние" на Руси;

в) конец XV—XVI вв. — смещение центров. Центры: Западная Русь, Москва. Начало децентрализации. Вторая половина XVI в. — выход из сферы древнеславянского литературного языка части кано-

нической и церковно-проповеднической литературы в отдельных локальных ареалах (Пересопницкое евангелие, дамаскины).

III период: XVII—XVIII вв. — поздний древнеславянский литературный язык:

а) XVII в. — децентрализация. Параллельное развитие "ареальных" и "локальных" литературных языков вне сферы древнеславянского литературного языка. Центры: Киев, Вильна, Москва;

б) XVIII в. — последняя централизация под влиянием древнеславянского литературного языка позднего русского типа. Центр: Москва. Наряду с этим, особенно во второй половине XVIII в., зарождение национальных литературных славянских языков.

Период так называемого позднего древнеславянского литературного языка — эпоха XVII—XVIII вв. — характеризуется сложными процессами, подготавливающими почву для образования национальных литературных славянских языков. Начинается "кризис" единого древнеславянского литературного языка, воспринявшего значительное число элементов русского народно-разговорного "субстрата", сужается его функциональная сфера, однако в XVIII в. его унифицирующая роль по отношению к сербскому и болгарскому локальному ареалу еще не утрачивается. Значительно усложняется картина соотношения древнеславянского литературного языка с "деловой речью", с латинскими и западноевропейскими элементами, с разными "стилями" в отдельных славянских литературных языках. Все эти вопросы должны быть рассмотрены отдельно, однако необходимой предпосылкой для этого являются изложенные выше положения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Нами принят вместо широко распространенного термина "церковнославянский язык" термин "древнеславянский" потому, что церковнославянский язык функционировал не только в церковной сфере, а значительно шире и в древности чаще всего имел название просто "словенский".

²Памятники, по своему языку причастные к письменной традиции, установившейся в указанном ареале, но возникшие за его пределами (моравские, хорватские, словенские), должны, по-видимому, в процессе исследования учитываться и рассматриваться во вторую очередь, после установления соответствующей общей модели для ряда памятников русского, сербского и болгарского происхождения. Во всяком случае вопросы изучения древних литературных славянских языков вне вышеуказанного ареала осложняются фактом латинско-славянского, а в некоторых случаях и немецко-славянского и итальянско-славянского двуязычия и рядом иных факторов.

³Ср. мнение А. Мейе: "Состав этого письменного языка, с одной стороны, дает лингвистам почти эквивалент общеславянского, а с другой — представляет для них существенные затруднения: славянские народы, принадлежащие к восточной церкви, усвоили его как язык религиозный и превратили, подобно греческому, византийскому или средневековой латыни, в искусственный язык, называемый церковнославянским. Вследствие этого мы не имеем ни одного древнего памятника, который совершенно точно передавал бы болгарский, сербский или русский языки" (Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 7). Под термином "старославянский язык" мы понимаем только язык ряда памятников X—XI вв. (около 20). Круг этих памятников в принципе уже установлен и принят почти всеми исследователями (см.: Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten, Heidelberg, 1955. S. VII—VIII).

⁴ Из последних работ следует отметить доклад Й. Курца на IV съезде славистов (*Kurz J. Cirkevňšlovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva // Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě 1958*) и статью А. Достала (*Dostál A. Staroslověnština jako spisovný jazyk // Bull. Vysoké školy ruského jazyka a literatury. III. Pr., 1959*).

⁵ Искусственность и интернациональный характер старославянского языка ощущались и в древности. В этом смысле любопытны известные в науке представления Константина Костенечского (XV в.) о том, что основоположники старославянского языка для передачи эллинских (или сирийских, или еврейских) тонкостей "избрáвше тьм'чайш'и и краснѣиш'и роуш'кыи ѣзыкы, къ немже може помоць вѣд'асе блъгарскыи и сръбскыи босньскыи и словѣнскыи и чѣш'каго чѣ'и хрват'скыи ѣзыкы, въ же вмѣстити бж'твнаа писан'а". Константин Костенечский отмечает существование книг первого издания ("книгы прѣвааго издан'а", по предположению В. Ягича — азбукоников), которые включали "избрáнные рѣчи ѣзык'сыи". Создатели старославянского языка, по его мнению, отвергли неуместные, или "простые", или "тесные" слова, "добрѣе же рѣчи ѣ божеуе ѣзыкы вѣзеше, и испльнише оулишнаа ед'ицныи другыи", и и "зда се сице". Автор книги о письменах дает также объяснение, почему язык следует называть славянским: "тогò р'аи'и книжѣвнии с'ни ни блъгарскоу ни сръбскоу с'ю наричють. Нѣ словѣнскоу, ꙗже е' вьсѣхъ с'ихъ плѣмень, нѣ ѡбаче роуш' вѣщ'ше" (см.: *Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. 1. С. 396—398*).

⁶ Ср. важное заключение А. Достала: "Наиболее распространен взгляд, что старославянский язык стал языком литературным уже впоследствии, главным образом в церковнославянский период, когда церковнославянский язык был признан межславянским литературным языком (славянская латынь). Однако необходимо признать литературность старославянского языка уже в период почти с возникновения старославянских памятников, так как с самого начала на этот язык были переведены тексты, очень важные для своего времени, и с самого начала в них изчез характер местного языка. Константин и Мефодий, наоборот, первые же тексты написали для западной славянской области и задумывались о создании большой славянской литературы" (*Dostál A. Staroslověnština jako spisovný jazyk. S. 138, резюме*).

⁷ На этом факте в свое время акцентировал внимание В. М. Истрин [см.: *Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пг., 1922. С. 54*], а недавно его вновь подчеркнул Н. А. Мещерский [см. ответ на анкету ВЯ (1960, N 1. С. 63)].

⁸ При этом некоторые списки были настолько близки друг к другу и так слабо отражали "территориальный субстрат", т. е. черты восточно- или южнославянских диалектов, отличие от черт древнеславянского литературного языка, что в ряде случаев невозможно точно определить "редакцию" памятника. В иных случаях также остается спорным вопрос о первоначальной "редакции", т. е. о месте перевода памятника. Так обстоит и с Хроникой Георгия Амартола и с рядом других переводных произведений. Данные языка часто дают нам в этом отношении очень немного. "Вообще определить язык перевода, — подчеркивает А. С. Орлов, — для X—XI—XII вв. весьма трудно. Ведь литературный язык русские получили из Болгарии и могли так хорошо писать на литературном языке Болгарии и так ловко подражать ему, что лишь в незначительной доле обнаруживали свой русизм" (*Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.; Л., 1937. С. 44*).

⁹ Ср.: *Гачев Г. От синкретизма к художественности // Вопросы литературы. 1958. N 4*.

¹⁰ Говоря об изводах — русском, болгарском, сербском, мы не должны также упускать из виду тот факт, что помимо известного числа списков с довольно "чистыми" изводами было множество списков так называемых "смешанных" изводов, например памятников с чертами русского и болгарского народного языкового субстрата (здесь имеется в виду тот же "средний период" истории древнеславянского литературного языка). Таким является, к примеру, текст "Пчелы" 1599 г. (см.: *Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности, М., 1904. С. 371—392*). В исследованиях отмечаются также "церковнославянский язык болгаро-сербского извода", "церковнославянский язык сербо-болгарского извода" и др. Об их особенностях см.: *Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 80*.

¹¹ Лексические варианты в большинстве случаев представлены как синонимы (иногда со стилистической окраской).

¹² Основные особенности разных изводов в сущности не многочисленны (см. *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 75—87).

¹³ В Болгарии потенциальное наличие двух орфоэпических норм проявилось в различном произношении *ѣ* — восточное как *а* (*бѣх*) и западное как *е* (*бех*). До 1944 г. эта двойственность поддерживалась орфографией, и буква *ѣ* часто произносилась двояко (см.: *Стойков Ст.* Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език // *Годишник на Софийския ун-т, Ист.-филол. факт.* Т. IX—X. Кн. 4, 1948). Подобное различие в произношении буквы *ж* (как *у*, или *а*, или *ѣ*) допускалось и в середине XIX в. некоторыми болгарскими и македонскими филологами и писателями, например Неофитом Рилским, Р. К. Женцифовым и др.

¹⁴ Весьма примечательно мнение А. Вайана, недавно приведенное в резюме к изданному древнеславянского текста проповеди Епифания: "Он (автор А. Вайан) считал важным обратить внимание не только на различия, которые исправляют искаженный текст, но и на те различия, которые дают сведения для истории церковнославянского языка и для истории преобразования двух старославянских редакций, западной (македонской) и восточной (болгарской), в более поздней редакции. Нужно, естественно, сделать выбор различий из отдельных рукописей и остановиться только на тех, которые имеют известное значение, и полностью отбросить исключительно орфографические варианты. Зачем, например, приводить бесконечные случаи колебания еров — *ъ* и *ь*? Чрезмерное внимание к мелким орфографическим частности, что может быть названо "ероманией", оказалось фатальным для подлинной старославянской филологии Ягичевой школы, хотя сам Ягич был великим филологом" (см.: *Vaillant A.* L'homélie d'Épiphane sur l'ensevelissement du Christ // *Radovi Staroslavenskog instituta, Zagreb, 1958.* Кн. 3. С. 101).

¹⁵ Сложнее обстоит дело в отношении списков памятников, возникновение которых относится к более ранним эпохам. В этом случае, в принципе, язык памятника следует стратифицировать в соответствии с временем копирования, а не написания или перевода. Подобное решение нам представляется не лишенным недостатков, но наиболее удачным в плане задач истории литературного языка (не историко-литературных). Язык списков памятников, имевших многовековую историю, особенно поздних, отражает часто значительные изменения норм и характера литературного языка. Некоторые из них уже полностью выходят за рамки древнеславянского литературного языка. Ср., например, списки Александрина (белорусская Александрия XVII в. и др.), "Пчелы" (украинская "Пчела" начала XVIII в.) и др. (см.: *Анічэнка У. В.* Аб курніцкім спісе "Александрыі" // *Весті АН БССР, 1960, N 1; Щеглова С. А.* "Пчела" по рукописям киевских библиотек. СПб., 1910).

¹⁶ Это положение было в общем характерно для Московской Руси (ср. известное свидетельство Генриха Лудольфа о том, что "разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски"), но в Западной Руси (на Украине и в Белоруссии) положение было несколько иным: "западнорусский язык" (древнеукраинский и древнебелорусский) в XVII в. существовал в литературе наряду с древнеславянским, о чем свидетельствует наличие книг с параллельными текстами [например, "Лѣкарство на опсалый умысль чловѣчій" (изд. в Остроге, 1607) и др.]. Интересно малоизвестное свидетельство Зиновия Отеговского (XVI в.) о "книжной речи" и "общей народной речи", изложенное в сочинении "Истины показаніе къ вѣспросившимъ о новомъ ученіи" (см. журн. Православный собеседник, Казань, 1863—1864). Один из клирошан по имени Захарий спросил, как надо говорить: *чаю* или *жду*, сославшись на мнение некоторых, что *чаю* выражает неполную уверенность. Зиновий пояснил, что *чаю* относится к книжной речи, а *жду* — к общей, народной. Значение неуверенности в слове *чаю* привнесено в общую народную речь "христорбными вельможами" (намеки на жидовствующих и ересь Феодосия Косого, против которой направлено все сочинение Зиновия), в то время как семантика слова *чаю* та же, что и *жду*: "Чаянїе бо отъ христорбныхъ вельможъ яко двоемышлено внесено въ народъ; сего ради Максимъ "жду" глагола; а не по книжной рѣчи глагола вмѣсто "чаю" "жду", мянше бо Максимъ, по книжнѣй рѣчи у насъ и обща рѣчь. Мню же и се лукаваго умышленїе въ христорбцѣхъ или въ грубыхъ смыслоу, еже уподобляти и низводити книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей. Аще

же и есть полагати приличнѣйши, мною, от книжныхъ рѣчей и общія народныя рѣчи исправляти, а не книжныя народными обезчещати. Максиму же нѣтъ зазрѣнія, не познавшу опаснѣ языка руссого; но зазрѣніе на христорборцевъ, лукавннвшихъ на священное писаніе. Намъ же любящими Христа, знающимъ языкъ свой и народа общую речъ и вѣдущимъ въ богодухновенномъ писаніи и лежащи о извѣстнѣй надежди чаяніе, не подобаетъ глаголати: "жду воскресенія мертвымъ"; на глаголати намъ тако, якоже святини и сперва преложиша отъ греческаго языка на русскій языкъ: "чаю воскресенія мертвымъ". Ижебо кто извѣстився о нейже вещи часть ея; неизвѣстенъ же кто обѣщаніи, отчаявается (разрядка везде моя. — Н.Т.) (стр. 967).

¹⁷ См.: *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, М., 1958.

¹⁸ Особый вопрос возникает в связи с фольклорно-художественным "стилем", или, как полагают некоторые ученые, "типом". Он далек от сферы древнеславянского литературного языка и находится на грани "народно-литературного" типа и народно-разговорного "субстрата" (или почти целиком в сфере последнего).

¹⁹ Термин "древнеболгарский литературный язык" здесь соответствует не термину "староболгарский" в понимании ряда болгарских филологов (=старославянский), а скорее термину "среднеболгарский".

²⁰ См.: *Sørensen H.Ch.* Die stylistische Verwendung kirchenslavischer Sprachelemente in der Autobiographie Avvakums. Kopenhagen, 1957.

²¹ См., например, перечень списков Троянской притчи в библиографическом справочнике: *Адрианова-Перетц В.П., Покровская В.Ф.* Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. С. 118—123).

²² Едва ли обосновано при построении истории литературного языка обращение к таким источникам, как, например, описание хозяйства замков (описание Киевского, Черкасского, Каневского, Луцкого замков; XVI в.) в курсе истории украинского литературного языка (см. Курс історії української літературної мови. Ред. І. К. Білодід. Київ, 1958. С. 57—61) или жалобы (жалоба полоцкого мещанина Некраса на цыган; XVI в.) в курсе истории белорусского литературного языка (см.: *Шахун Л.М.* Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1960. С. 68—69).

²³ Едва ли можно получить достаточно достоверную картину истории бытовавшего на Руси литературного языка старшего периода по четырем отдельно взятым памятникам (Слово о полку Игореве, Русская Правда, Моление Даниила Заточника и Поучение Владимира Мономаха), из коих первый известен нам по единственному и, видимо, позднему списку (по предположению ряда исследователей, XVI в.), второй — юридический кодекс, отражающий письменно-деловой язык, а два последних — отдельные памятники, дошедшие до нас также в списках XV, XVI вв. и более позднего времени, притом обычно не самостоятельно, а как компоненты летописей и сборников (при их изучении следовало бы обратить внимание на язык летописей и сборников в целом). На это справедливо указывал В.В. Виноградов: "Стилистическая структура и функциональный объем литературного языка исторически изменяются. Литературный язык в собственном смысле этого слова даже по отношению к древнерусской эпохе нельзя смешивать и отождествлять с "письменным языком" или с "письменно-деловым языком", т.е. с письменно-деловой речью, как это часто делается (ср. ссылки на "литературный язык" "Русской правды", новгородских берестяных грамот и т.п.). Для того чтобы убедиться в привычности отождествления понятий "литературный язык" и "письменный язык", в чрезвычайной и необоснованной широте объема понятия "литературный язык" применительно к древнерусской эпохе, достаточно привести несколько цитат из общезвестного труда С.П. Обнорского "Очерки по истории русского литературного языка старшего периода". Здесь и "памятники церковно-религиозного содержания", и творения Владимира Мономаха, и "Слово о полку Игореве", и "Русская правда" в одинаковой мере признаются "источниками русского литературного языка" (*Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 78).

²⁴ Приведем свидетельство А.И. Соболевского: "Переводная литература в древней Руси имела гораздо большее значение, чем оригинальная. Она была несравненно богаче, чем оригинальная. В первые века существования русской письменности число

переводов, сделанных южными славянами с греческого на церковнославянский язык и перешедших от южных славян к нам, было довольно значительно. Можно думать, что в это время русские уже могли читать почти все те южнославянские переводы IX—X веков, которые мы знаем по дошедшим до нас спискам. Между тем число русских оригинальных литературных произведений было совсем ничтожно. В XIV—XV веках литературное богатство Московской Руси было освежено притоком новых южнославянских переводов с греческого на церковнославянский язык, и процентное отношение между числом переводных, с одной стороны, и числом оригинальных русских произведений, с другой, значительно повысилось в пользу переводной литературы" (*Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы.* СПб., 1903. С. V).

²⁵ По меткому замечанию Ф.П. Филина, "...нужно иметь в виду, что грамоты, договоры, письма и т.п., как правило, не предназначались для чтения их "широкой публикой", они не были литературой, поэтому их воздействие на нормы складывавшегося и развивавшегося литературного языка было ограниченным" (см. ВЯ. 1960. N 3.С. 42).

²⁶ См.: *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици XX и XXI // Глас СКА. CLVII. 80. Београд, 1933.

²⁷ Крайне любопытна филологическая часть прения Лаврентия Зизания с игуменом Ильєю и справщиком Григорием. Приводим фрагмент из нее: "И как игумен Илья спросил у Лаврентия про тѣ имена: для чего он их переименил, а написал за лѣпти хлѣбы, а за купину пень? И Лаврентиі, розсмеяся, молвил: Я де купину купиною пишу, а не пнем, а лепти лѣптями, а не хлѣбами; вы де вѣдаете, что купина. И мы ему рекли: Вѣдаем сербским языком купина, а по рускиі кустъ. И потом учал говорити, чтобы де я толко вѣдал, и я бы де свою книгу подал всю на словенском языке государю святейшему патриарху, а то де много перевотчик не так поставил" (см.: Прение... // *Летописи русской литературы и древности*, М., 1859, Кн. 4, С. 88).

²⁸ Отметим важное, с нашей точки зрения, методологическое положение: модель не может быть правильной или неправильной, она может быть удачной или неудачной, более изоморфной по отношению к моделируемому материалу или менее изоморфной. Полного изоморфизма материала и модели, видимо, добиться нельзя.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ТИПОВ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА (вторая половина XVI—XVII в.)

Необходимость детального и всестороннего изучения древнеславянского (церковнославянского) языка была достаточно убедительно аргументирована на дискуссии во время IV (Московского) Международного съезда славистов¹. Обсуждение вопросов формирования и развития национальных литературных славянских языков, в первую очередь восточно- и южнославянских, показало также необходимость построения истории древнеславянского языка как единого литературного (культурного) языка славянства. Однако до сих пор серьезное внимание уделялось лишь древнейшему этапу истории древнеславянского языка — языку старославянскому, языку памятников X—XI вв.; что касается изучения древнеславянских памятников более поздних эпох — вплоть до XVIII в., то они изучались спорадически, главным образом в целях обнаружения в них конкретных локальных, диалектных черт,

присущих отдельным народным (национальным) славянским языкам. Большинство исследователей отказывалось от опытов создания общей истории древнеславянского языка даже в тех или иных локальных ареалах (восточно- или южнославянском или уже — русском, украинско-белорусском, сербском, болгарско-македонском, хорватском глаголическом, влахо-молдавском и т.д.)², не говоря уже о создании общей истории, которая бы охватывала всю территорию так называемого "греко-славянского мира"³.

Отсутствие таких опытов и построений не было в свое время лишено оснований и может быть во многом объяснимо. Во-первых, исследователи младограмматического направления не всегда осознавали необходимость существования двух достаточно четко размежеванных дисциплин: истории языка как такового (вернее, исторической грамматики и исторической диалектологии) и истории литературного языка (здесь для древних эпох важно также разграничение письменного языка вообще и языка "литературного")⁴: во-вторых, древнеславянский язык в более поздние эпохи своего развития в разных локальных ареалах по-разному взаимодействовал со славянскими народно-разговорными субстратами, подвергался их влиянию и был связан с ними то более тесными, то более слабыми узами. Это создавало серьезные препятствия для выяснения норм древнеславянского языка в каждом отдельном ареале, не говоря уже о задачах их установления в масштабе всего "греко-славянского мира". В этом, как указывали неоднократно многие исследователи⁵, основное отличие истории древнеславянского литературного языка от истории, например, латыни и ряда других древних "международных" языков (арабского, санскрита и др.).

История древнеславянского литературного языка, в отличие прежде всего от истории любого славянского языка (не литературного), есть довольно последовательная смена периодов централизации (нормализация) и децентрализации (потеря строгости нормы и проникновение локальных явлений) в плане структурно-нормативном и миграция центров (воздействие народно-разговорных субстратов) в плане экстралингвистическом, т.е. в данном случае географическом⁶. История древнеславянского языка, таким образом, представляется как процесс дискретный, при котором нормализация, как правило, вела к архаизации языка, а история любого славянского языка (предмет исторической грамматики и исторической диалектологии) представляется как процесс более непрерывный, эволюционный.

Естественно, что для истории древнеславянского литературного языка наиболее эффективными и показательными будут исследования, устанавливающие его характер и строй в эпохи так называемой централизации, например, в период деятельности тырновской школы, ресавской школы, связанного с ней и за ней следовавшего второго южнославянского влияния на Русь, или период последнего по времени влияния церковнославянского (древнеславянского) языка русского извода на письменную языковую культуру южных славян (XVIII в.). Древнеславянский язык этих периодов может на определенных этапах исследования при отсутствии дополнительных задач, связанных с исто-

рией отдельных славянских литературных языков, моделироваться самостоятельно как вполне автономное целое, и такая модель будет "рабочей" для всех ареалов его распространения. Гораздо хуже обстоит дело с исследованием древнеславянского языка периодов так называемой децентрализации, ослабления и изменения нормы в отдельных ареалах, которые в некоторых случаях хронологически совпадали с процессом перемещения центра (например, с юга славянства на восток, из Западной Руси в Московскую Русь и т.п.). В этом случае отвод материала взаимодействующих с ним, зарождающихся народных (потенциально-национальных) славянских литературных языков будет в принципе невозможен; кроме того, потребуются в полной мере учет системы предшествующего периода централизации, а в ряде случаев — и последующего периода той же централизации и нормализации. Хронологические срезы, без которых едва ли возможно изучение истории древнеславянского литературного языка⁷, демонстрируют в системе литературного языка явления предшествующих эпох (здесь следует учитывать исключительно явления литературного языка, а не народно-разговорного субстрата), в некоторых случаях даже "архаизмы", неизвестные более ранним хронологическим срезам, т.е. так называемые гиперцерковнославянизмы.

Эти явления, характерные и для других средневековых международных языков, способствовали более широкой коммуникации не только в пространстве (для древнеславянского в ареале "греко-славянского" мира), но и, что не менее важно, во времени. Последнее давало возможность сохранения и усвоения почти в полном объеме всего полутысячелетнего литературного и культурного славянского наследия и вполне соответствовало идеям рассматриваемой эпохи, идеям преемственности древней культуры и даже ее незыблемости (ср., например, отстаивание принципов "святой старины" и нико-нианцами, и старообрядцами).

Между зарождающимися народными ("национальными") литературными языками (белорусским, украинским, отчасти русским, сербским, болгарским) и древнеславянским литературным языком происходил процесс креолизации⁸ и вырабатывался ряд провизорных систем соответствий между ними. Примером такого креолизованного, гибридного языка может служить хотя бы язык Библии Ф. Скорины, возникший в результате несколько идиолектного установления соответствия между древнеславянским языком и белорусской народной речью и элементами чешскими и польскими⁹.

Таким образом, при построении истории древнеславянского литературного языка мы сталкиваемся с соотношениями, типологически сходными с явлениями, известными нам, например, из истории санскрита, требующими в целом панхронического подхода и демонстрирующими, наряду с системой классического санскрита (со строгой нормализованностью и регулярностью норм), систему (или системы) гибридного санскрита¹⁰. Древнеславянский литературный язык позднего периода или несколько шире — периода после второго южнославянского влияния можно было бы, идучи путем аналогии с санскритом, назвать гибридным древнеславянским литературным язы-

ком. В нем, так же как и в гибридном санскрите, на основе модели восточнославянских языков "восстанавливались" церковнославянские формы в духе представлений того времени о древнеславянском языке¹¹. Представления эти не были лишены сильного воздействия модели греческо-византийского языка, а их применение касалось главным образом тех литературных жанров и тех контекстов, которые не были характерны или известны в древнеславянском языке классического периода, т.е. старославянском.

Все восточное славянство (так же как и южное) сохраняло в рассматриваемый нами период многие представления о древнеславянском языке, возникшие в эпоху его нормирования и централизации, которую мы традиционно называем "вторым южнославянским влиянием". Положение, создавшееся в результате этого влияния, было в общем исходным для процессов, характеризующих языковую ситуацию во второй половине XVI и XVII в.

Особенности второго южнославянского влияния в отношении графического оформления рукописей (форма букв, графика), орнамента и орфографии достаточно четко и полно изложены в известных работах А.И. Соболевского, В.Н. Щепкина, М.И. Сперанского и др., и здесь нет нужды излагать их подробно. Важно еще раз подчеркнуть характерную для нормализующей деятельности тырновской и последовавшей за ней ресавской школ, для характеристики их влияния на Руси особенность: смена одной манеры письма другой, одной орфографии — другой произошла решительно, с весьма недолгим и незначительным по числу и типу рукописей переходным периодом. Старший полуустав резко сменяется младшим полууставом. "Это почерки, — отмечает Д.С. Лихачев, — различного характера, смешать которые опытному палеографу невозможно. Существенно, что между ними нет никаких переходов. И, вместе с тем, младший полуустав, не завися от старшего, совершенно ясно выражает свою зависимость от южнославянской графики — от письма болгарских и сербских рукописей"¹². Несколько сложнее дело с орфографией и языком, но и здесь в принципе то же самое: решительное преобладание неполногласных форм (широко известных и ранее), форм с *жд*, *шт* (*ци*), на месте русских *ж*, *ч* (в сочетаниях типа *межда*, *ночь* — черта широко известная и ранее), написания *рь*, *ль*, *рь*, *ль* на месте русских *ор*, *ол*, *ер* (*врѣхъ*, *врѣхъ*), частое употребление *Ж*, наряду с *ъ* (и смешение с ним), написание *а* вместо *я* после гласных (*добраа*), *ь* в конце слов вместо *ъ* (последние две черты до 30-х годов XV в. в восточнославянской письменности были неизвестны).

Этих и некоторых других, в основном орфографических черт было достаточно для паспортизации и классификации рукописей, для предварительной периодизации истории славянской, и в первую очередь восточнославянской письменности. Однако, сөтования новейшего исследователя второго южнославянского влияния Д.С. Лихачева на его недостаточную изученность можно отнести не только к вопросам идейных течений, живописи, архитектуры, церковной жизни, но и к вопросам, казалось бы, более изученным — вопросам языка. Мы до сих пор не имеем исследований по синтаксису и

лексике и располагаем только отдельными, хотя и интересными, наблюдениями по словообразованию (исключительно по *composita*) и стилистике.

А именно в этих сферах литературного древнеславянского языка в новых восточнославянских книжных центрах (в Москве, а также Вильне, Киеве, Остроге, Львове и др.) шел процесс дальнейшего становления и развития языковых и поэтических элементов и норм, генетически связанных с прежними южнославянскими центрами.

Хронологические рамки второго южнославянского влияния вслед за А.И. Соболевским и другими исследователями определяют XIV—XV вв., однако вызванный им процесс развития древнеславянского литературного языка на новой, восточнославянской почве продолжался и в XVI и даже в XVII в., сохраняя в принципе почти неизменным ряд релевантных признаков, которые воспринимались современниками как необходимое соблюдение принципов священной старины.

Эпоха XVI в. в Московской Руси — эпоха, связанная с деятельностью Максима Грека и его сподвижников, была проникнута представлениями, хорошо выраженными Зиновием Отенским в заявлении о том, что следует не книжные речи народными "обещать", а наоборот, от книжных речей и общие народные исправлять. Книжная традиция митрополита Киприана и его соратников продолжалась Максимом Греком и его учениками.

Споры по отдельным частным вопросам нормализации литературного древнеславянского языка, которые могли восприниматься некоторыми учеными даже как протест против южнославянского влияния (см. Д.С. Лихачев. Указ. соч., с. 61—62), например, известный и не совсем справедливый упрек ученика Максима Грека Нила Курлятева в адрес митрополита Киприана, высказанный им в предисловии к Псалтыри (рукопись 1555 г.)¹³, не затрагивали самых основ древнерусской, или шире говоря, древнеславянской книжности той поры, основ, требующих в принципе удаления от разговорной, диалектной речи, возвышенного стиля, "плетения словес", "писания с великою нуждой". Они были направлены, надо полагать, в первую очередь против излишних грецизмов и "старых иностранных пословиц", против механического копирования и бессмысленного восприятия южнославянских по своей модели "норм" древнеславянского литературного языка. Примером такого восприятия явились хорошо известные в восточнославянской письменности гиперцерковнославянизмы типа *"о мланіахъ* (русск. *молонья*; ц.-сл. *мльни*), *о мужду* (ц.-сл. *мжжоу*), *скажду* (ц.-сл. *скажж*), *пръвую стражду* (ц.-сл. *стражж*), *стрѣждаше* (ц.-сл. *стрѣжаше*), *мождааше* (ц.-сл. *можааше*), *погроуждаемъ* (ц.-сл. *погржжасемъ*), *вѣйнїи* (ц.-сл. *воини*), *дѣвльѣ*¹⁴ (ц.-сл. *довльеть*), *дѣ* (ц.-сл. *до*) и т.д. и т.п. (см. примеры у А.И. Соболевского. "Славяно-русская палеография". СПб., 1906, у В.Н. Перетца. "Матеріали до історії української літературної мови". — ЗНТШ, ХСІІ. Львів, 1910 и др.) и, наоборот, гипервосточнославянизмы типа *моромор* (мрамор).

Второе южнославянское влияние, как подчеркивалось неоднократно, сыграло громадную роль в развитии восточнославянской (русской)

культуры, и в первую очередь литературы. По утверждению А.И. Соболевского, почти дословно повторенному В.С. Иконниковым, "по окончании южнославянского влияния (XV в. — Н.Т.) русская литература оказалась увеличившеюся почти вдвое и... вновь полученные ею литературные богатства отличались разнообразием, удовлетворяли всевозможным потребностям и вкусам и давали обильный материал русским авторам"¹⁵.

В целом второе южнославянское влияние оказалось прочным фундаментом для развивавшегося древнеславянского литературного языка конца среднего и позднего периода его истории и функционировавшего при складывании древнерусской литературы XVI—XVII вв. Этот фундамент не удалось устранить и существенно поколебать и в ту пору, когда по Европе прокатился мощный прибой протестантизма, вызвавший ответную волну католической реакции.

Рассмотрение интересующего нас периода — второй половины XVI и XVII в. — следует начать с определения языковой ситуации у восточных славян, так как в это время на их территории находились центры книжных церковнославянских школ, определявших во многом характер единого древнеславянского литературного языка во всем ареале "греко-славянского мира", т.е. у южных славян. Такими центрами были Вильна, Киев (отчасти Львов, Острог, Кутейно как их своеобразные филиалы) и Москва. К концу рассматриваемого нами периода Москва начинает играть роль все более и более доминирующего центра, однако до этого в Юго-Западной Руси, т.е. на землях украинских и белорусских, происходил, почти независимо от Москвы, сложный процесс нормирования древнеславянского (церковнославянского) языка, шедший параллельно с формированием литературного староукраинского и старобелорусского языка.

Принятые нами хронологические рамки — вторая половина XVI — конец XVII в. определяются историческими условиями в центральной, отчасти южной и восточной Европе, повлиявшими на судьбы ряда литературных языков, в том числе и славянских и интересующего нас древнеславянского (церковнославянского).

Реформационная волна, эпицентром которой была средняя Европа, докатилась сначала до Западной, а затем частично и до Московской Руси, а также до славянского Юга. Очень скоро она столкнулась с заслоном контрреформации, с деятельностью Конгрегации de Propaganda Fide, вызывавшей острые религиозные и идеологические столкновения и создавшей на долгий период атмосферу резкой полемики, затрагивающей почти все стороны духовной и социальной жизни. Борьба шла не только по линии католицизма и реформации в том или ином ее виде, борьба шла и по линии католицизма или "унии" и православия¹⁶. Наконец, не следует забывать, что религиозные столкновения были часто лишь внешней формой глубоких социальных противоречий. Для нас особенно важен тот факт, что все эти противоречия находили свое яркое отражение в письменной литературе, которая после изобретения книгопечатания и его быстрого расцвета в Европе приобрела значительно больший круг читателей и шла по пути демократизации. Poleмические задачи,

остро стоящие перед литературой той поры, требовали ее более широкого распространения и доступности массам, чье участие в общей борьбе и полемике было важно для всех воюющих сторон. Московская Русь, хранившая "чистоту риз", и православные южные славяне, заслоненные жестким турецким кордоном от "прелестных ересей" Запада, менее других переживали остроту борьбы, хотя и не оставались к ней безучастными.

Движения реформации и контрреформации ускорили процесс образования ряда европейских народных литературных языков. Он начался очень бурно в середине XVI в. Под непосредственным влиянием протестантизма возникает в результате деятельности Приможа Трубара, Себастьяна Креля, Юрия Далматина и других словенский литературный язык на основе доленьского ("краньского") наречия. С необычайной интенсивностью и жезненностью развивается словенская, по преимуществу конфессиональная литература, лишенная до того какой бы то ни было национальной языковой традиции. В короткий срок, охватывающий около четырех десятилетий, начиная с 1551 г., появляется около пятидесяти печатных книг на словенском языке, в том числе и знаменитая словенская грамматика Адама Богорича (1584)¹⁷. Параллельно со словенской литературой формируется хорватская протестантская литература¹⁸, опирающаяся, правда, на литературно-языковые традиции хорватской "глаголяшской" письменности¹⁹. Реформация вызывает к жизни литературу у сербов-лужицан: в 1548 г. Николай Якубиц переводит евангелие (оставшееся в рукописи) на нижнелужицкий язык, а в 1574 г. в Будишине выходит первая печатная лужицкая книга "Катехизис" Альбина Моллера²⁰.

В пределах "греко-славянского мира", а в то же время также и в связи с реформацией возникает румынский литературный язык²¹, обслуживающий довольно значительную литературу, хотя в пределах Трансильвании, Валахии и Молдавии еще широко бытует древнеславянский язык. Южные соседи южных славян — албанцы и греки также переживают процесс развития народных литературных языков. В связи с деятельностью римской Конгрегации пропаганды в 1555 г. появляется первая печатная книга на албанском языке (гегском диалекте) Meshari — служебник Гьона Бузука²².

В ортодоксальной Греции, в стране с богатой литературно-языковой традицией, идущей от времени античности и блистательной Византии, в той же середине XVI в. обнаруживается целый ряд случаев, когда книжники и проповедники отказываются от кефареуса и обращаются к димотике²³.

В эту же эпоху, в "славяно-латинском мире", в Чехии успешно развивается чешский литературный язык, прочные основы которого были заложены еще в предшествующем веке Яном Гусом и его соратниками. Деятельность "чешских братьев", которая распространялась отчасти и на Польшу, во второй половине XVI в. привела к созданию стилистически образцовой чешской прозы ("Кралицкая библия" 1545—1599), послужившей много позже примером для филологов и писателей чешского национального возрождения. Этот язык был лингвистически зафиксирован Яном Благодиславом в его известной грамматике (1571)²⁴.

Бурные и сложные процессы литературного и литературно-языкового порядка проходят в пределах Речи Посполитой накануне и после ее возникновения, т.е. после Люблинской унии 1569 г. Для польской литературы и литературного языка вторая половина XVI столетия была, как и в Чехии, "золотым веком". Здесь тоже шел процесс упорядочения правописания и грамматических форм, формирование прозаического и поэтического языка, поиски новых, "совершенных" норм, опирающихся, в основном, на узус краковского центра. Этот процесс отражался также и в соседних землях, прежде всего в различных опытах переводов евангелия²⁵. К блестящим образцам светской литературы — произведениям Рея, Кохановского, Бельского, Оржеховского — была близка по языку "духовная", проповедническая и переводная литература таких авторов, как Петр Скарга, Якув Вуек и др.

Земли, сопредельные с польскими и объединенные с ними в 1569 г., переживали общий процесс восприятия идей реформации и сопротивления им. В 1547 г. в Литве М. Мажвидас перевел лютеранский катехизис и положил этим начало своеобразной полемике поисков переводческих норм. Затем следовал перевод кальвинистского катехизиса М. Петявичуса (1598) и наконец католического катехизиса М. Даушки (1595), который во многом определил дальнейшие нормы литовского литературного языка. Кальвинист Симон Будный, ставший впоследствии арианином, переводит в 1562 г. кальвинистский катехизис на белорусский язык, а арианин Василий Тяпинский около 1570 г. издает текст евангелия параллельно на белорусском и древнеславянском. Происходит весьма значительный акт: в конфессиональной литературе, считавшейся священной, наряду с принятым и освященным традицией древнеславянским, вводится новый литературный язык, близкий к народно-разговорному субстрату. Двуязычие воспринимается как законное явление. Несколько иначе, возможно, не без влияния известной ему практики в отношении чешского литературного языка того времени, еще в начале XVI столетия (в 1517 г. — за пять лет до лютеровского перевода евангелия!) разрешал эту проблему Франциск Скорина: сохранив церковнославянскую базу текста, он подновил ее живой, народной в основе своей, белорусской речью.

К этому же времени относятся выполненные на Волини первые опыты перевода евангелия на украинский язык, знаменующие собой значительный отход от церковнославянской традиции, но еще не окончательный разрыв с нею. В период между 1556 и 1560 г. появилась Пересопницкая рукопись, затем в 1571 г. Житомирская рукопись, в 1581 г. рукописное евангелие арианина Валентина Негалевского — перевод с польского евангелия Мартина Чеховича (Раков, 1577). Сюда же можно отнести и рукопись Летковского евангелия, появившегося в 1595 г.²⁶ Так как все эти переводы остались в рукописи, то для дальнейшего формирования литературного языка на Волини и в Западной Руси вообще большого значения они не имели. Тем не менее они указывают на интенсивный процесс складывания литературного украинского языка на новой основе, порывающей с общими традициями древнерусской письменности и обращающей к национальным источ-

никам, к народно-разговорному субстрату. Эти явления можно было наблюдать и раньше в деловой письменности, юридических кодексах, грамотах и т.п., однако их следует несколько ограничивать от общей истории литературного языка, основу которого составляет прежде всего язык литературы. Во второй половине XVI и в начале XVII в. на Украине и в Белоруссии был в принципе единый литературный язык, не считая древнеславянского, однако к его характеристике мы обратимся несколько позже. Отметим только, что для территории Украины, так же как и Белоруссии, характерно для этой эпохи двуязычие или даже многоязычие.

В эту же пору начинает формироваться литературный русский ("московский") национальный язык, хотя в Московской Руси этот процесс не столь ярко выражен и "скачкообразен" как, например, на Руси западной, и осложнен устойчивым бытованием древнеславянской (церковнославянской) традиции²⁷.

Подводя итоги беглой характеристики языково-литературного "ландшафта" в середине XVI в. в Центральной и Восточной Европе, мы можем разделить все нами перечисленные литературные языки на несколько групп:

I. Литературные языки, вновь возникшие, не имевшие ранее (или почти не имевшие) своей литературно-языковой традиции: словенский, лужицко-сербский, литовский, румынский, албанский. Здесь устанавливалось многоязычие: в Словении — латинско-немецко-словенское, в Лужицкой Сербии — латинско-немецко-лужицкое, в Литве — латинско-польско-(отчасти русско-) литовское, в Валахии, Молдавии и Трансильвании — славяно-румынское. Такой билингвизм был гетерогенным.

II. Литературные языки, продолжавшие свою письменную традицию, основа которой была заложена в предшествующие эпохи: чешский, польский, хорватский. Здесь наблюдалось латино-славянское двуязычие, а в некоторых случаях и латино-славяно-немецкое²⁸, латино-славяно-итальянское триязычие. Этот би- и три-лингвизм был также гетерогенным.

III. Литературные языки, также продолжавшие свою письменную традицию при наличии иного типа двуязычия гомогенного, — греческий, русский (великорусский), болгарский, сербский, отчасти "западнорусский" (украинский и белорусский).

Принципиальное отличие такого двуязычия от упомянутого выше заключается в том, что компонентами его являлись литературные языки одной ветви, близко родственные генетически и формально. В некоторых случаях, как для греческого языка и в известной степени для старославянского (древнеславянского) и, например, русского или болгарского, можно говорить о том, что компонентами этого гомогенного двуязычия — двумя его членами — оказывается один и тот же язык (чаще литературный) на разных стадиях его исторического развития: архаический и современный. Аналогичное соотношение, как мы уже указывали, наблюдалось между классическим санскритом, с одной стороны, и буддийским гибридным санскритом, джанайским

санскритом и наконец, различными среднеиндийскими диалектами, — с другой стороны. Применительно к восточно- и южнославянским языкам подобный характер двуязычия дает достаточное основание некоторым исследователям говорить о двух "типах" литературного языка"²⁹.

Таким образом, для ареала "греко-славянского мира" в предшествующий и рассматриваемый период был характерно гомогенное двуязычие (исключение составляет румыно-славянский билингвизм), для остальных же языков, т.е. для центральноевропейского ареала, охватывающего восточную половину широко понимаемого латинского ареала, было характерно гетерогенное двуязычие. Западная Русь — Украина и Белоруссия, где смыкались "греко-славянский" и "славяно-латинский" миры, в середине XVI в. была территорией с очень сложным лингвистическим ландшафтом в смысле употребления литературного языка. Здесь в основном также наблюдалось гомогенное двуязычие, осложняющееся иногда употреблением латинского языка и переходящее в гетерогенное.

Языковая ситуация в Западной Руси во второй половине XVI в. и в XVII в. нас интересует в первую очередь потому, что в эту эпоху, как отмечалось выше, эта территория являлась центром, где определялись нормы древнеславянского языка, оказывающие воздействие на весь греко-славянский ареал. Во второй половине XVI в. и в начале XVII в. этот центр находился в северо-западном крае (условно назовем таким центром город Вильну), в начале и середине XVII в. он сместился на юг (условно обозначим центром Киев), а со второй половины XVII в. господствующее положение занимает Москва. Изложенную в самых общих чертах миграцию центра не следует понимать прямолинейно: нужно учитывать, что в определенные периоды существовала конкуренция центров (Вильны и Киева, Киева и Москвы), параллельное их функционирование, что, наконец, в Западной Руси, в отличие от Московской, где был только один центр — Москва, существовали и менее значительные очаги древнерусской книжности, такие как Острог, Львов, Кутейно и др.

Во второй половине XVI в. и в самом начале XVII в. языковая ситуация в Западной Руси была очень своеобразной. Едва ли можно на территории греко-славянского мира для этого периода, а также последующего и предшествующего обнаружить аналогичное положение, где бы бытующие "типы", "варианты" или, лучше сказать, различные манифестации литературного языка образовывали столь широкий спектр, с многочисленными переходами и оттенками, в котором на одном фланге находился польский язык (тоже славянский!), а на другом — древнеславянский в довольно чистом виде (т.е. близкий к языку эпохи второго южнославянского влияния — XIV—XV вв.). Среднее приблизительное положение занимал западнорусский литературный язык — "для простых людей языка руського" (см. Несвижский катехизис 1562 г.), в одних случаях более приближающийся к белорусскому народно-разговорному субстрату, в других к украинскому, но в принципе никогда не являющийся фиксацией того или иного

белорусского или украинского диалекта, а представляющий собой часто эксперимент создания своеобразного литературного койнэ, основным носителем и потребителем которого была нарождающаяся городская мелкая и средняя торговая буржуазия, военное сословие, отчасти городское и сельское духовенство и мелкая шляхта. Если для польского литературного языка того времени установление нормы (грамматической и лексической) не представляет особых трудностей, если для церковнославянского языка той поры также в конечном итоге была предложена норма (см. грамматику М. Смотрицкого, изданную в Вью), то промежуточные звенья спектра оказывались менее нормализованными и представляли собой часто компромиссные опыты литературного языка: древнеславянско-западнорусские, западнорусско-польские, древнеславянско-западнорусско-польские и т.д.

Пестрота лингво-литературного спектра в Западной Руси во второй половине XVI и начале XVII в. отражала весьма значительную свободу филологического обращения с текстами, в том числе и конфессиональными, вольность, не допускавшуюся ни в пределах Московской Руси, ни у южных православных славян. Этот факт отражает известную толерантность в этом отношении в эпоху правления Сигизмунда II Августа, Стефана Батория и Сигизмунда III Вазы. Свобода выбора литературного языка и свобода норм западнорусского литературного языка, находящегося в стадии становления, во многом устраивала все воюющие и полемизирующие стороны — православных, католиков, протестантов (кальвинистов, антитринитариев и др.)

Не следует полагать, что древнеславянский язык был основным орудием борьбы православных³⁰ украинцев и белорусов за свою национальную самобытность и культуру против католицизма и иноземного шляхетства, владеющих языками латинским и польским. Такое мнение может сложиться в результате ряда свидетельств современников, хотя бы известных высказываний Петра Скарги и возражений Ивана Вишенского. В своем знаменитом сочинении "О jedności Kościoła Bożego" (1574) Скарга писал, что "со словенским языком никто ученых стать не может. И теперь уже почти никто его досконально не понимает", что словенский не имеет ни правил, ни грамматик, ни словарей. и если нужно что-либо понять, то толкуют по-польски, а "счастливый костел Римский" основывается на школах латинских и тем осуществляет свое единство³¹. Со страстью истового полемиста Иван Вишенский возражал, что "дiаволь толикую зависть имаеть на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва... А то для того дiаволь на словенскій языкъ борбу тую маеть, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій: понеже безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, се же есть, кграматикъ, риторикъ, дiалектикъ и прочинхъ ихъ коварствъ тщеславныхъ, дiавола вѣмѣстныхъ"³².

Однако следует заметить, что в Западной Руси и древнеславянский, и греческий, и латинский были в какой-то мере более символами, за которые боролись, хоругвями, осенявшими ратующие станы, что вообще было свойственно духу того времени, сама же борьба велась более светским, более острым оружием — языком, близким к народно-разговорному: "простой русской мовой", поль-

ским языком. Древнеславянский язык, функционировавший в сферах "высокой" литературы, не был и не мог быть полностью приспособлен к полемическому жанру.

Безусловно, ряд деятелей католической реакции в Речи Посполитой, в том числе и Петр Скарга, пытались проводить политику прямого запрета или ограничений древнеславянского языка и даже "простой русской мовы". Однако общая ситуация и результаты борьбы к началу XVII в. оказались иными, чем, например, в Словении, где контрреформация добилась ощутительной парализации литературы на словенском языке³³.

Достаточно стабильное положение "простой русской мовы" и древнеславянского языка, борьба за распространение унии и другие пропагандные интересы побуждали часто католическую партию в Речи Посполитой и даже папский престол в Риме обращаться к языку "простому русскому" и древнеславянскому³⁴, а защитников восточного обряда и приверженности к Константинопольской патриархии — пользоваться языком польским и латинским.

Тот же Петр Скарга уже во втором издании своей знаменитой книги "O jedności Kościoła Bożego" (1590), несколько изменив свою политику, писал: "Если бы мы были прозорливыми, мы бы могли давно иметь русские школы, просмотреть всю их письменность и иметь своих католиков, обученных их славянскому языку", а одно из самых боевых полемических произведений в защиту западнорусской (украинской и белорусской) народности и православия Θρηνοσ (1610) было, как известно, написано на польском языке. Следует отметить, что с 20-х годов XVII в. вообще письменная полемика с униатами велась, в основном, по-польски.

Сколь бы ни были резко противоположны основные догматические и общественно-политические взгляды полемизирующих сторон и как бы ни была велика их стойкость в борьбе и полемике, именно полемика давала основание для выработки общих стилистических приемов, общих композиционных и языковых конструкций и оборотов. Двуязычие (или многоязычие) в лингво-литературном плане оказалось своего рода ареной для риторических турниров, наиболее удобной почвой для языковых влияний, заимствований прямых и скрытых (кальки и т.п.)

Одной их характерных для "западнорусской" (белорусской и украинской) литературы особенностей, не известных ранее во всем "греко-славянском мире", было появление книги с параллельным древнеславянским и "западнорусским" текстом или сравнительно частые публикации одного и того же текста и на польском, и на западнорусском языке (на "простой мове"). Наконец, ряд переводов с польского напминает местами своеобразную транслитерацию с латиницы в кириллицу, с изменением только некоторых фонетических соответствий и сохранением устойчивых морфологических восточнославянских черт.

Таким образом, как мы отмечали, создавался многосегментный языковой спектр и большая свобода нормы, при которой соотношение между различными типами или, лучше сказать, манифестациями

"западнорусского" литературного языка было весьма скользким. Это положение становится очевидным даже из примеров, не исчерпывающих всего разнообразия фактов.

Первым памятником³⁵, где славянский и "западнорусский" (белорусский) текст печатались в две колонки, было Евангелие социанина Василия Тяпинского (около 1570 г.).

Образец языка:

Зачало ѿвангелиа иѿсуса христова сына божиа иакоже естъ писано въ пророцѣхъ. се азъ посылаю ангела моего предъ лицемъ твоимъ, иже приготовить путь твой предъ тобою. Гласа вопиющаго въ пустыни. готовайте путь господень, правы творите стеза его. Бысть ибанаъ крестъ въ пустыни. и проповедана крещениа покаианиа во опущениа греховъ. Нисхождаше къ нему вса иудейскаа страна, и иерусалимане. и крещашася вси во иордані рецѣ ѿ него исповедающе грехи своа. (л. 43)

Початокъ евангелий иѿсуса христа сына божьего. иакъ естъ написано въ пророцѣхъ. ѿто иа посылаю ангела моего передъ обличьемъ твоимъ, который зготовитъ дорогу твою предъ тобою. Голоса кричагого въпустыни. готуйте дорогу паньскую, простые чините сътежкі его. Быль ибанаъ крестътечи въ пвстыни. и проповедаючи крестънье покаианна наопщенья греховъ. И выходила къ немъ вса юдѣскаа сторона, иерусалимане. и крестилисе вси въ ердане рецѣ ѿ него вызнаваючи грехи свой.

(Марка V гл. 1—5 ст.) л. (43)

Того же рода (однако изданная уже православными) старопечатная книга, вышедшая в свет в Остроге в 1607 г. под заглавием: "Лекарство на оспалый умысль чловѣчиа а особливе на затвердѣлыа людскіа заведеныа свѣтомъ, альбо какими грѣхами, до Феодора Мниха, а въ особѣ его до кождога чловѣка, кто въ иакомъ кольвекъ естъ грехъ, съ приложениемъ при концѣ тестамента Василиа Царя Греческого сына своемъ Львѣ Философѣ; переложено съ Греческого Даміаномъ Пресвитеромъ". Приводим для иллюстрации начало первой главы.

На древнеславянском языке:

"Иже встыхъ ѿна нашего ибанаа архієпископа константина града златооустаго слово ѿпокаиіа, кѣеѿдоря мнѣхъ испадшемоу.

Кто дастъ главѣ моей воду, и очима мойма источникъ слезъ. блго время имнѣ естъ ннѣ рецѣ. имнѣжае паче, нежели проркоу ѿномоу. аще бо инеграды многы, ниже сввршѣны страны іазыкъ хотаща плакатиса, іакоже ѿнѣ. ио мнозѣхъ таковыхъ іазыкъ дша достойна, пачеже ичтнѣйша. ибо

То же "русской мовой":

"Тѣежъ слово докождога кто впаль въиакій коль векъ грѣхъ.

Кто дастъ головѣ моей воду, и очомъ моймъ жродло слезъ. пристѣнный естъ часъ имнѣ нынѣ тѣе мовити, идалѣко болшей, анѣжли ѿномъ проркоу. если бо вѣмъ инемѣста многы, анѣ цѣлые повѣты народовъ хочю ѿплаковати, іакъ ѿнѣ. еднаже таковымъ многымъ народомъ равное дши, албо снатъ изацнѣйшей. абовѣмъ лѣпшій естъ едѣнъ который чинитъ волю бжю,

лоучши ёсть ёдинъ твораи волю
гдню, нежели тмы законопре-
стоупныхъ. лоучши оубо бѣ иты
пѣрвѣ ѡтѣмъ іудейски^х. тѣмъ да
никтоже ми зазритъ^и ннѣ, аще иры-
даніа іаже въ прѣрциѣ писаннаа
множайша съпишоу, иѣслнѣйшій
покажоу плачь. нибѣ града разбѣ-
реніе плачю азъ. ниже законопре-
стоупны^х мѡжей плѣненіе. иѣ дши
сѣпѣныа ѡпоустѣніе. и храма
хрѣтонѣснаго низложѣніе и по-
гоубленіе. красотоу бо помысла
твоѣго, юже попали дѣаволь
ннѣ...”

В 1596 г. в Вильне одновременно на польском и “западнорусском” (белорусском) была издана книга Стефана Зизания “Казанье святого Кирилла патриарха іерусалимьскаго, о антихристѣ и знакахъ его з розширеніемъ науки противъ ересей розныхъ. (текст на польскомъ языкѣ: Kazanie ś. Cyrylla Patryarchy Ierolimskiego, o Antychryście u znakochъ jego, z rozszerzeniemъ науки przeciwъ herezjomъ rozny[m].

Образецъ языка:

Coż tu uczynimy? Dziwowałibysmy się temu, kiedybyśmy nie wiedzieli, że ten, który raz przystoyności y wstydlivości granice przeskoczył, pospolicie nader niewstydliwymъ zwykł bywać; a kto się razъ przysięgę zgwałcić ochynie, temu y potymъ zawsze krzywo przysiędz, iakъ jagodkę polknąć. Ganiłibysmy wamъ to y przywodzilibysmy do obaczenia y do pokuty, kiedybyśmy tego skutekъ iaki y was sobie obiecowali, або kiedybyśmy daley w takъ niepewnychъ osobachъ waszychъ korzystowali.

анѣжли тѣсача злостливы^х. лѣпши^и бовѣмъ иты былесъ прѣтѣмъ на^д тѣсачи жидѣвскіе. апрѣто жадець ми втѣмъ нехай. нѣмаеть зазле ёсли и на^д ѡписаный оупро-
роковъ ламѣнтъ. ширѣши и бо^дшии напишоу, и жалостнѣйшю оукажоу причинѣ плачѣ.

немѣста бо вѣмъ збвр^{не}е ѡ плакъю, анѣ злостливы^х людѣй звѣсаче, але дши ётѣбливое спѣстоше^{не}, и цркви х^а всѣмъ маючю оупа^дкою и изгѣбели. цѣудности бовѣмъ оу-
мыслъ твоѣго которю попаливъ дѣаволь тепе^р...”

Штѣжь тутъ учинимо? Дивовалибысмыся тому, кгда бысмы не вѣдали, же тотъ, которій разъ пристѣйности и встыдливости границу перескочилъ, посполите наддаръ невстыдливъ звыкъ бывати; а кто ся разъ присягу згвалтити охинеть, тому и потомъ завше криво присягнути, яко ягоду проколкнути! Ганилибысмы вамъ то и приводилибысмы до обаченья и до покуты, коли бысмы того skutokъ який y васъ собѣ ѡбѣцвали, або коли бысмы далѣй въ такъ непевныхъ особахъ вашихъ користили (РИБ. VII, 1181—1182).

Вслед за ней, также в полемическихъ целяхъ защиты “восточнаго обряда” и народности, вышелъ в 1597 г. в Вильне на польскомъ знаменитый “Апокрисисъ” Христофора Филалета (“ΑΠΟΚΡΙΣΙΣ” або odpowiedź na xiążki o synodzie brzeskim, imieniemъ ludzi starożytney religiey greckiey, przezъ Christophora Philaletha y roguwczą дана”), переведенный два года спустя, в 1599 г. на “западнорусский” языкъ и изданный тоже в Вильне (“Апокрисисъ албо отповѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ, именовъ людѣй старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филялета врхлѣ дана”).

"Апокрисис" Х. Филалета вызвал ответное сочинение со стороны противной партии — "Антиризис" Игнатия Потея³⁶, напечатанный на "западнорусском" языке, вероятно, в Вильне, в 1599 г. и на польском языке — тоже в Вильне в 1600 г. ('ANTI'P'P'HEIΣ abo APOLOGIA przeciwko Krzysztofowi Philaletowi, który niedawno wydał książki imieniem starożytney Rusi religij Greckiey przeciw ksiądzkom o synodzie Brzeskim napisanym w roku Pańskim 1597, W Wilnie. Roku Pańskiego 1600.)

Образец языка:

Ачь кольвекъ бы слушная речъ была для тыхъ, которые Латиньского езыка не розумеють, а звлаща наша Русь милая, на тые его выкруты одъписати, и не треба бы много въ томъ працювати, только, знашедъши вси тые противные выкруты (которыми Филиалеть, яко недошлый, ремесникъ, выбравши съ кузни геретическое, робить), тамже отказы на каждую речъ написаные — переложити на Руское, — але волелемъ то кому ученшому зоставити...

А што поведаетъ: же бито, до везенъя сажано, квалтомъ до тое еднѣности прымушано, — то неправда, Филиалеть! Дано было одному шевчыкови, а снать томужъ предотечы, киемъ отъ старосты; але не за то (хотя бы за таковое блюзнерство огня былъ годен!), але за то, ижъ до вряду замкового, будучы заволаныи, ити не хотель, и слугу подъстаростего зсоромить.

Отрывок из "Отписа":

Блазень бы то кождый таковой быти мусель, если бы для того, ижъ недавно выдруковано, о речи добре ведомой мель вонтъпити!

Ачkoľwiek бы сѣuszna rzecz быѣла для тых, которы Łациньского ієзыка не вмїєіа, а зѣлaszczа наша мїѣла Ruś, на те ієго wykрѣты odpisać, y nie trzeba by się pracować, tylko, nalaszczy wszystkie te obiekcye (w księgach Bellarminowuch) (kteremі Philalet, iako niedoszły rzemieśnik, wybrawszy z kuźni heretyckiey, robi). tamże responsa na każdą rzecz napisane — przełōżyć na Ruskie, — але wołałem to komu wcześszemu zostawić...

(РИБ, XIX, 899—900).

А со powiadasz: że bito, do więzienia sadzano, gwałtem to tey ієднѣności przyмуszano, — то nieprawda, Philalecie! Dano było ієдnemu szewczykowi, а снаć temusz, co się to precursorem wdzieiał (а inszego Krystusa wskazował) od starosty kiem; але nie за то (chocia by за takowe bluźnierstwo ognia był godzien!), але за то, isz do wrzędu zamkowego, będąc pozwany, іść nie chciał, sлугę podstarościego zesromocił.

(РИБ, XIX, 941—942).

Włazen by to każdy taki byдъ musiał, ієśliby dla tego, isz niedawno wydrukowano, о rzeczy dobrze wiadomey miał wąpćić!

(РИБ, XIX, 1105—1106).

Наиболее популярными полемическими произведениями католиков были сочинения иезуита Петра Скарги, издававшиеся на польском языке. Из переводов на "западнорусский" нам известно только "Опи-

санье и оборона събору руского берестейского, въ року 1596, мѣсеца октебра, пристойне одъ старьшихъ згромаженого. У Вильни, Року Божего нароженья 1597³⁷.

Образец языка

Rzeczecie: "nie może trwać to ziednoczenie, iako y inne nie trwały". A kto wie darow Bożych hoyność y szafowanie? Dali Bog, ta będzie trwała. Bo już Grekowie y patryarchowie Carogrodzcy (czego się, Boże, pożał) poniżeni barzo od Pana Boga, zapalać was y burzyć do odszczepieństwa już nie mogą.

(РИБ, XIX, 311—312)

Речете: "не может трвать такъ тое зьедноченье, яко иные не трвали". А хто ведает даровъ Божыхъ гоиносьть и шафованье? Дастъ ли Богъ тутъ будеть трвала. Бо вжо Кгрекове и патриярхове Царогородские (чого се пожалуй, Боже) понижень барзо отъ Пана Бога, запалять васъ и бурить до отщепеньства вжо не могутъ.

Даже при достаточно беглом взгляде на приведенные выше отрывки становится ясным, что "западнорусский" язык тяготел в одних случаях более к древнеславянскому (ср., например, сохранение в языке В. Тяпинского дательного самостоятельного³⁸; в других к польскому (ср. не только полный параллелизм в синтаксисе и лексике, но и передачу ряда фонетических черт, например, *вонтъпитуи* — *watpić* и т.п.). Наиболее непроницаемой в "русской мове" была морфология, но и она — не одна, не вполне устойчива и не лишена, в ряде случаев, некоторых инославянских (польских, древнеславянских) черт.

При всей своей показательности, наглядности и характерности для того времени, параллельные тексты не отражают достаточно полно общего многообразия типов "русской мовы", принятой в литературе (исключая, однако, юридические акты, административные и хозяйственные документы, т.е. деловой язык).

Время бытования параллельных текстов непродолжительно: с конца XVI в. до 30-х годов XVII в. Однако этот период очень важен для процессов формирования древнеславянского языка позднего периода (виленского и киевского центров), "русской мовы" и проникновения польского литературного языка на территорию Белоруссии и Украины. Параллельные тексты, написанные на "русской мове" и польском языке, характерны только для полемической литературы, которая, начиная с 30-х годов XVII в. и вплоть до 60-х годов того же века, ведется почти исключительно на польском языке (в том числе и православными). Одноязычные тексты, т.е. известные только на одном "западнорусском" языке, часто демонстрируют более тесную связь с традицией, сохраняют значительную близость к древнеславянскому литературному языку. Таким памятником, например, является рукописное "Списание против люторов" (1580) и ряд других произведений. "Проста мова" Ивана Вишенского, деятельность которого связана с Афоном, изобилует церковнославянскими. Противоположным по своему характеру, хотя и близким по субстратно-диалектной основе можно считать язык Захарии Копыстенского, который в своей знаменитой рукописной "Палинодии" (1621) продемонстрировал довольно чистую "русскую мову", почти

лишенную церковнославянизмов и базирующуюся на украинской народной речи.

К компромиссному решению стремился их современник и земляк Кирилл Транквилион Ставровецкий, пытавшийся даже обосновать в предисловии к книге "Зерцало богословия" (1618) необходимость синтеза "простого" языка и "словенского"³⁹.

На Украине и в Белоруссии литература конца XVI и особенно начала XVII в. изобиловала различными опытами создания нового литературного языка. Основным материалом все чаще выступает народная диалектная речь, однако она фиксируется не в чистом виде, а сильно препарированной для нужд литературного языка (возможно, подобную "препарацию" подготавливало львовское, виленское и киевское койне), часто с меньшим или большим (иногда и преобладающим) числом церковнославянизмов или полонизмов⁴⁰.

В этой ситуации, так же как и в "кризисе" церковнославянского (древнеславянского) языка и литературы, было бы неправильным видеть что-либо предосудительное. Напротив, шел интенсивный процесс формирования новой литературы и новых литературных языков, процесс, сопутствующий развитию гуманистических идей, освобождению от средневековой схоластики. Историк литературного языка вряд ли сможет без вреда для своих исследований игнорировать процессы, наблюдавшиеся в истории литературы того времени. Возникновение новых задач, ставших перед литературой, новых жанров, расширение и в значительной степени изменение ее функций; ее более светский и полемический характер, наконец, появление массового читателя — все это отражалось на судьбах литературного языка. Процессы, происходившие на Украине и в Белоруссии, находили свое типологическое соответствие в большей или меньшей мере и в центральной Европе, и в Московской Руси, и у южных славян, и, естественно, в Польше. Описывая ход истории польского литературного языка, Т. Лер-Сплавинский отмечал, что "около середины XVI в. постепенно наступил перелом: наряду с латинской письменностью, которой суждено было еще развиваться и дальше, в течение почти всего XVII в., возникает и начинает развиваться литература на польском языке. Она не ограничивается теперь одними псалтырями и молитвенниками, предназначенными преимущественно для женщин и для простого народа, но дает произведения разнородного содержания, как духовного, так и светского, предназначенные для всего образованного и жаждущего знаний общества"⁴¹. Если попытаться в самом схематическом и упрощенном виде представить жанровое разнообразие литературы, бытовавшей в интересующий нас период на Украине и в Белоруссии, и функционирование в ней различных языков (древнеславянского, "русской мовы", польского), то это можно выразить в таблице 1 (с. 69).

Возникшими, в общем неизвестными до второй половины XVI и начала XVII в. жанрами была достаточно многочисленная полемическая литература (около 140 произведений, сочиненных православными, униатами и католиками), отдельные виды церковно-ораторской литературы (погребальные слова, недельные проповеди и т.п.), новые виды исторических сочинений, почти вся виршевая, драматическая

Таблица 1

Литературный жанр	Язык		
	др.-слав.	русск. мова	польск.
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА			
Литургическая (служебники, требники, часословы и т.п.)	+	-	-
Каноническая ("Священное писание")			
а) псалтырь, апостол	+	+	+
б) евангелие, библия	+	+	+
Гомилетическая (включая учительные евангелия)	+	+	
Агиографическая	+	+	+
Дидактическая (катехизисы)		+	+
КОНФЕССИОНАЛЬНО-СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА			
Церковно-ораторская	+	+	+
Пolemическая	+	+	+
СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА			
Исторические сочинения	+	+	+
Переводные повести	+	+	+
Виршевая	+	+	+
Драматическая		+	+
Сатирическая		+	+

Примечание. Знак + обозначает единичность случаев; знак * указывает на переходно-смешанный тип.

и сатирическая литература; в сфере конфессиональной литературы появился новый и важный тип произведений — катехизисы, расширилась сфера собственно гомилетической литературы. Во всех этих жанрах широко применялась "русская мова", иногда почти без церковнославянизмов, иногда, как, например, в церковнопроповеднической литературе, число церковнославянизмов было уже столь значительно, что следует говорить об использовании древнеславянского литературного языка. Показательно, однако, что "русская мова" проникала и в сферу конфессиональной литературы, в каноническую, евангельскую литературу: иногда лишь в частичном симбиозе с церковнославянским языком (переводы Ф. Скорины), иногда же и в более значительном (переводы В. Тяпинского, Пересопницкое, Житомирское евангелия, евангелие Негалевского). Нарративный характер "нового завета" и "ветхого" этому способствовал. Но определяющим был здесь, пожалуй, другой дифференциальный признак — вероисповедный (см. табл.). Наиболее устойчиво сохранялся древнеславянский в псалтыри, служившей основой при овладении грамотой и выдержавшей около 30 изданий. Ф. Скорина в своем издании псалтыри решил дать лишь некоторые глоссы "не рвшаючи самое псалтыри ни в чемъ же", но нам известны два рукописных опыта перевода псалтыри с польского на "западнорусский" язык⁴². В связи с вопросом о языке псалтыря, евангелия и вообще книг рассматриваемого периода следует подчеркнуть важность применения статистического критерия: было бы полезно учесть все известные нам

Таблица 2

Литературный жанр	Вероисповедание			протестанты
	православные	униаты	католики	
КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА				
Литургическая (служебники, требники и т.п.)	др.-сл.	др.-сл.	лат.	—
Каноническая				
а) псалтырь, апостол	др.-сл.	др.-сл.	лат., польск.	русск.*
б) евангелие, библия	др.-сл., русск.	др.-сл., русск.	лат., польск.	русск.
Гомилетическая (включая учительные евангелия)	др.-сл., русск.	др.-сл., русск.	лат., польск.	русск.*
Агиографическая	др.-сл., русск./др.-сл.	др.-сл., русск./др.-сл.	польск./русск.*	—
Дидактическая (катехизисы)	русск. др.-сл./русск.	русск., др.-сл./русск.	лат. польск. (русск.)*	русск.
КОНФЕССИОНАЛЬНО-СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА				
Церковно-ораторская	др.-сл./русск., русск., польск.	др.-сл./русск., русск., польск.	лат. польск.	—
Полемическая	русск./польск.	русск., польск., русск./польск.	русск., польск., русск./польск.	—
СВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА				
Исторические сочинения				
Переводные повести				
Вишевая				
Драматическая				
Сатирическая				
			не дифференцированысь по вероисповедному признаку	

Примечание. Знак * обозначает единичность случаев.

издания на древнеславянском языке и "русской мове" и установить их приблизительное количественное соотношение по жанрам. Рукописные тексты нужно учитывать отдельно. Правда, незнание нами тиражей отдельных книг сделает такой подсчет приблизительным, однако это не снимает необходимости подобной работы. Наконец, несколько различно было отношение к древнеславянскому литературному языку "русской мове", польскому языку, смешанному "русско-древнеславянскому", смешанному польскому с "русской мовой" в среде представителей разных вероисповедных групп. Некоторое представление об этом может дать опять-таки значительно упрощенная и схематическая табл. 2, в которой сознательно не учитываются дипломатика, памятники юридического и хозяйственно-экономического характера и т.п.

Обе приведенные таблицы свидетельствуют о том, что многоязычие в Западной Руси — Украине и Белоруссии не носило характера совершенно стихийного и функционально не упорядоченного явления. Наблюдается определенная закономерность в разделении сфер функционирования, отмеченная, кстати, еще современниками. Известно указание униатского епископа Иосафата Кунцевича (см. его "Уставы $\overline{\text{сгг}}\overline{\text{о}}$ Іwсафа "Архієпіскопа Полоцкаго списаны для презвитеровъ" рукоп. 1700 г.) о том, что "кгда тежъ читаю^т Ева^нгеліе, albo якюю молитвѣ в голо^с, або ектеніи, не маю^т выклада^т словє^нски^х словъ по рѣку, але такъ читати яко написано. зчитан^ое за^с Ева^нгеліе або житіе $\overline{\text{сты}}$ ^х читаючи люде^м, могу^т выкладати..." (цит. по кн.: Карский Е. Ф. Белорусы. Пг., 1921. Т. 3, ч. 2 с. 143). Все же необычайная широта языкового спектра в Западной Руси (Украине и Белоруссии), начиная от древнеславянского и доходя через различные переходные типы и варианты "русской мовы" до польского, появления новых литературных жанров и использование в них бурно развивающегося "западнорусского" литературного языка ("русской мовы"), наконец, проникновение последнего в сферу традиционной конфессиональной литературы, где раньше безраздельно господствовал древнеславянский язык, вызвало кризис древнеславянского языка и необходимость борьбы за его нормализацию и стабилизацию. Именно этот факт, а не упадок образованности и малопонятность языка⁴³, как полагали многие исследователи, явился главной причиной кризиса и основным стимулом, побудившим Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, деятелей Острожского кружка и других приняться за нормализацию древнеславянского языка в плане лингвистическом, за защиту его авторитета и распространения в плане общественно-политическом. Не случайно поэтому возникновение первых грамматик древнеславянского языка произошло именно на территории Западной Руси (Украины и Белоруссии), т.е. там, где в этом особенно остро ощущалась необходимость, и не случайно, что на территории всего греко-славянского ареала вплоть до середины XVIII в. не появилось ни одной грамматики отдельного славянского "народного" (литературного) языка, подобной многочисленным грамматикам, возникшим вне этого ареала: чешским Бенеша Опата и Петра Гзеля (1533), Матвея Бенешовского (1577), Яна Благослава (1571), Лаврентия из Нудождер (1603), и др., словенской Адама

Богорича (1584) и др., хорватской Бартола Кашича (1604) и др., польской Петра Статориуса (1568), Франциска Менинского (1649)⁴⁴ и др. Авторитет древнеславянского литературного языка был еще достаточно силен и на нем по-прежнему зиждилось начальное обучение и дальнейшее образование (уже наряду с греческим и латинским)⁴⁵. Способ нормализации древнеславянского литературного языка в начале XVII в. был двояким. Один — более древний, который по терминологии того времени можно было назвать "исправлением книжным", заключался в филологической обработке древних текстов, преимущественно канонического содержания, в работе, основанной на соблюдении принципа "святой старины" и ставящей своей задачей в общем сохранение архетипа. Всякая филологическая вольность и отклонение от представлений о норме рассматривалось как "растление" и "бляденіе дѣвольское" и могло повлечь за собой в Московской Руси жестокую кару вплоть до острога и заточения. В довольно многочисленных, хотя и отрывочных свидетельствах о текстологической работе на Руси вопросы, которые нам сейчас кажутся чисто филологическими и грамматическими, идут наравне или перемешиваются с вопросами догматическими, т.е. наиболее важными и авторитетными. Сравнить хотя бы уже упоминавшееся прение в Московской книжной палате, где наряду с вопросами о формах аориста *собра* и *изведе*, опатива *да освятится*, *да придет*, *да будет*, лексических *купина* и *куст* разрешались злободневные для того времени догматические вопросы о "единстве Троицы", о "кратности суда божия" и т.п.⁴⁶ Здесь нет нужды в дополнительной аргументации и иллюстрации, — каждый, кто знакомился с обстановкой вокруг никоновской реформы и начала старообрядчества, хорошо себе представляет ситуацию в Московской Руси. В Западной Руси, как уже отмечалось, филологическая вольность не влекла за собой какой-либо строгой физической кары⁴⁷, однако и здесь многие ревнители восточной церкви и ее "святой старины" понимали свою задачу в том же плане, — достаточно вспомнить хотя бы уже приведенную цитату из раннего Ивана Вишенского, утверждавшего, что "языкъ простымъ прилѣжнымъ читаніемъ безъ всякаго ухищренія к Богу приводить, простоту и смиреніе будуетъ и Духа святого подъемлетъ", и потому не нужна ни грамматика, ни риторика, ни тому подобное⁴⁸. Естественно, что такая "текстологическая" работа вела к нормализации древнеславянского литературного языка в основном в сфере канонических текстов и текстов, унаследованных от предшествующих эпох⁴⁹, главным образом от второго южнославянского влияния; все, что оказывалось вне этой сферы (в основном сферы конфессиональной литературы), с трудом поддавалось нормализации: были жанры и контексты, не имевшие своего стилистического, лексического и даже грамматического соответствия в конфессиональной литературе. Это было обширное поле для смешения двух стихий — древнеславянской и народноразговорной.

Второй путь нормализации, до начала XVII в. почти не применявшийся в ареале "греко-славянского мира" и принятый не без влияния филологических традиций, установившихся в мире "славяно-латинском", — путь создания грамматик, выработки грамматических норм

для древнеславянского языка и фиксация его словарного состава в лексиконах. Дело в том, что до появления грамматики Мелетия Смотрицкого у восточных и южных славян фактически не было грамматической кодификации древнеславянского, языка, так как известные, собранные почти все И.В. Ягичем грамматические труды, начиная от "Восьми частей слова" и рассуждения Константина Философа "О письменах" и кончая грамматическими трудами Максима Грека, касались главным образом орфографии, правописания "иноземных имен и речений", преимущественно греческих, и частных отрывочно взятых грамматических вопросов. О том, что нужда в достаточно полных грамматических пособиях на Руси была велика, свидетельствует перевод Доната, который также не может считаться кодификацией древнеславянского языка. Не выполнили этой задачи, хотя и гораздо ближе подошли к ней, предвосхитившие труд Мелетия Смотрицкого "Букварь" Ивана Федорова (1574), "Грамматика" Львовской Братской типографии (1591) и виленская "Грамматика" Лаврентия Зизания (1596), возникшие в рассматриваемый нами период тоже в Западной Руси⁵¹.

К концу XVI и в самом начале XVII в. Западной Руси были успешно применены упомянутые мною два способа нормализации древнеславянского языка — текстологический и грамматический. Первый нашел свое яркое выражение в деятельности Острожского кружка⁵², с которыми были связаны усилия и князя Курбского, и отчасти старца Артемия и которые венчались великолепным изданием знаменитой Острожской библии (1581). Текст этой библии, соответствующий в основном фундаментальной Геннадиевской библии 1499 г., оказался для позднего периода истории древнеславянского литературного языка каноническим; он воспроизводился почти без изменения в Москве в 1663 г. и был известен во всем "греко-славянском мире" как образец вплоть до появления новой редакции в XVIII в., на основе указа Петра I от 14.XI 1712 г.⁵³ Текст и язык Острожской библии, принятый не только восточными славянами, в том числе и старообрядцами, но и южными славянами — сербами, болгарами, отчасти хорватами и, наконец, валахами и молдаванами — послужил моделью-эталоном для языка канонических древнеславянских текстов позднего периода⁵⁴. Естественно, что этот язык не только сильно отличался от языка ранних канонических текстов старославянской эпохи, но он отличался и от языка среднего периода истории древнеславянского языка XIV—XV в. и был ярко выраженным образцом позднего восточнославянского извода, без юсов и ряда других характерных старо- и среднеславянских черт. Однако такой извод в рассматриваемую нами эпоху оказался авторитетным образцом для всего греко-славянского ареала: вот почему мы его принимаем за общую и в какой-то мере обязательную для всех норму позднего периода истории древнеславянского литературного языка.

Литература, в жанровом отношении подчиненная классическому каноническому кругу, но входящая в следующий ярус, более близкий к светскому фундаменту, была проникнута еще более восточнославянскими, особенно западнорусскими элементами, хотя и осталась

по своему языку, в общем, церковнославянской (древнеславянской). Нормированием такого языка во многом и занималась грамматика Мелетия Смотрицкого, отразившая собой, при всем ее сопротивлении стихии "простой мовы", языковую ситуацию Западной Руси. Но грамматика Мелетия Смотрицкого отразила и филологические воззрения своего времени, требующие взгляда на древнеславянский язык сквозь призму греческого языка⁵⁵. По справедливому замечанию проф. П. М. Бицилли, на которое недавно обратил внимание В. В. Виноградов в своем исследовании о языке М. В. Ломоносова, "каждый национальный язык начинается с того, что является "вульгарным" простонародным языком и развивается по образцу другого, "высшего" языка, языка, служащего для него "классическим". Таким классическим языком был в свое время... для староболгарского — греческий "общий" язык; позже для всех православных славян — уже тот же староболгарский, ставший для них "классическим" в качестве языка церкви, "церковно-славянского". Структуры данного "вульгарного" языка и соответствующего "классического" определяют собою отношения второго к первому, а тем самым характер эволюции "вульгарного" языка"⁵⁶.

Деятельность в Западной и отчасти Московской Руси по установлению грамматических и даже лексических норм древнеславянского литературного языка была по отношению к "классическому" греческому языку в какой-то мере ренессансом Кирилло-Мефодиевской миссии и ситуации⁵⁷, с той только разницей, что отдельные ультра "грекофильские" опыты были иногда еще более крайними, но, к счастью, в конечном итоге почти всегда оказывались неактуальными. Это вызвало в ту пору ряд протестов, среди которых, как известно, был и голос Ю. Крижанича⁵⁸.

Выход в свет грамматики М. Смотрицкого в Москве в 1648 г. можно считать значительной вехой, символизирующей победу московского центра и утверждение за ним доминирующего авторитета в отношении норм древнеславянского литературного языка во всем грекославянском ареале⁵⁹. Дата выхода совпадает с началом ратных походов за объединение Руси Малой и Великой (Украины и России — 1648—1654 гг.), с периодом максимальной экспансии польского шляхетства и, скажем, одновременно польского языка на Руси Белой⁶⁰. Московское анонимное издание 1648 г. не было, как известно, простой перепечаткой: в грамматику вводился ряд общевеликорусских черт, например, значительно изменились парадигмы склонения⁶¹. Впрочем, следует отметить, что эти "нововведения" фиксировали то, что уже было в древнеславянском языке позднего московского "извода".

Рамки настоящего раздела не дают возможности охарактеризовать подробно менее сложную, чем в Западной Руси, но все же достаточно своеобразную языковую ситуацию на Руси Московской. Ряд новых исследований, посвященных начальному этапу формирования русского национального языка, довольно полно осветил интересующую нас эпоху⁶².

По общему признанию, литературный язык Московской Руси в эту эпоху не был единым. В общих чертах можно признать наличие двух типов — "народно-разговорного" и "книжно-славянского",

однако, с одной стороны, каждый их них в отдельности существенно отличался от соответствующего "типа" предшествующей эпохи, с другой стороны, становились иными их соотношения и функциональная валентность.

Существенное расширение состава литературы в конце XVI в. и особенно в XVII в. привело к демократизации языка значительной ее части. Бытовавший и в прежние эпохи канцелярский, теперь "приказный" язык и уже достаточно оформившийся разговорный язык — "московское" койне нашли свое яркое выражение в демократической литературе, в повествовательной прозе: в "гишториях", "сказаниях", "баснословных повестях" и "смехотворных письмах"⁶³.

Этому языку противостоял древнеславянский, приукрашенный западно-русским казнодейским "барочным платьем" и продолжавший, в значительной мере, хотя и в несколько иной, частично латинизированной, форме традицию "плетения словес" эпохи второго южнославянского влияния. В сфере древнеславянского языка московского типа в интересующий нас период более в области стилистической или синтаксической и лексической, чем формальнограмматической, существовала также двойственность — два "типа", или две разновидности. Во-первых, уже упомянутая разновидность с цветистым "барочным платьем" и, во-вторых, разновидность со сравнительно строгой "чистотой древних риз", не принимавшая крайностей стилистической системы барокко и стоявшая на том, чтобы, по словам Зиновия Отенского, "не премѣнати простыя рѣчи на краснѣйшія"⁶⁴. Подобно тому как народно-литературный язык и книжнославянский распределялись в общем по разным жанрам, две разновидности древнеславянского языка тоже имели свою жанровую дистрибуцию.

Древнеславянский без "краснейших" речей обслуживал унаследованную от предшествующих эпох каноническую и примыкающую к ней литературу конфессионального характера, а также вновь возникающие произведения, близкие к этому кругу. Такая разновидность древнеславянского языка представлена, например, в "Синодике" XVII в.⁶⁵. Древнеславянский, преисполненный "красных слов", барочного красноречия, обслуживал исключительно новые произведения и жанры, в основном ораторского и ораторско-полемиического типа с большой степенью западно-русского влияния, например сочинения Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого, или с меньшей — например сочинения раскольника Герасима Фирсова⁶⁶.

И. П. Еремин справедливо отмечает, что «"славенский" язык в эти годы обнаруживает тенденцию к своеобразной изоляции, к выделению в особый, рафинированный язык, призванный обслуживать преимущественно "высокие" формы литературы... Сугубо книжный, рассчитанный на узкий круг знатоков и ценителей, он подчас наглухо замыкается в своей собственной системе, искусственно, теплично возвращенной»⁶⁷.

Это стремление к изоляции справедливо связывается с жанровой дистрибуцией. Однако ни изоляция древнеславянского языка, ни жанровая дистрибуция не были достаточно четкими и устойчивыми. Были гибридные образцы, из которых наиболее любопытны почти мозаично

разнородные по языку памятники старообрядческой литературы⁶⁸. На некоторую условность жанровой дистрибуции указывают отдельные произведения и жанры (например переводная историческая литература)⁶⁹, которые служили своеобразным полем для соперничества древнеславянского и народно-литературного русского языка. Был, наконец, новый деловой, научный жанр: таковой явилась, например, возникающая специальная, частично переводная, литература — "Арифметика, сиречь наука числительная" Магницкого, "Козмография", "Аристотелева экономика" и др., где делалась попытка применения древнеславянского языка, но широко был представлен и "народно-литературный", наряду с "иноземными речениями"⁷⁰.

В Московской Руси постоянно скрещивались и сталкивались две противоположные тенденции — тенденция к сближению с народно-разговорным языком и тенденция к нормированию и моделированию "словенского" "высокого" языка, к его обособлению, и вытекающее из этого обращение к неизвестным в народно-разговорном субстрате лексемам и грамматическим формам. В этом отношении показателен трактат того времени "О исправлении в преждепечатных книгах", где почти всегда при наличии двух древнеславянских синонимов — русского (или общевосточнославянского) и южнославянского по происхождению — дается рекомендация и предпочтение последнему. Так, например, в соответствии с "греческим речением нефрус", в некоторых минеях, по мнению автора трактата, неправильно пишется "ѹтрѣбы", "славѣнски же не новѡ, но ѡздрѣвле преводѡмъ глетса бубрѣги, поѡчки, ѣстеси, нырки, тоѡки, токоношенѣа". Перечисляя ряд синонимов, автор предлагает остановиться на одном синониме бубрѣги⁷¹.

Перейдем к беглому обзору языковой ситуации на славянском Юге.

Если строго придерживаться установленных рамок "грекославянского" ареала и оставить в стороне рассмотрение положения в землях Далмации⁶², Боснии, собственно Хорватии и Славонии и ограничиться Сербией, Воеводиной, Черногорией, Македонией, Болгарией, а также Молдавией, Валахией и Трансильванией, то следует отметить, что именно интересующий нас период — вторая половина XVI в. и XVII в. — был периодом самым тяжелым и трудным для книжной образованности и письменности, порой лихолетья и глубокого застоя, который даже нельзя назвать кризисом, так как он был вызван чисто внешней причиной — усилением турецкого гнета. Битва под Веной 1683 г. была кульминацией турецкой экспансии в Европу; затем начался постепенный спад и движение вспять, которое ложилось тяжелым бременем на бесправную "раю" — христианских подданных султана. Литература в славянских землях, подвластных туркам, в этот период почти не развивалась, и многие литературные процессы, свойственные в эту эпоху восточным славянам, она переживала, правда в ускоренном темпе, уже в XVIII в. и даже отчасти в начале XIX в.⁷³

Сербское книгопечатание, предвосхитившее русское⁷⁴, испытало в первой половине XVI в., частично на своей, частично на чужих территориях (Венеция, Тырговиште) процесс быстрого роста⁷⁵, почти прервавшийся, однако, к концу 60-х годов XVI столетия, с тем, чтобы возродиться с новой силой уже в XVIII веке. В ту пору печатались книги

исключительно канонические — евангелия, псалтыри, минеи, служебники, октоихи. В этой сфере конфессиональной литературы средневековья южно-славянская редакция довольно быстро сменяется русской, так как уже с начала XVII в. восточно-славянские издания проникали на славянский Юг, а затем хлынули туда обильным потоком⁷².

Влияние древнеславянского языка московского центра особенно сильно сказалось в XVIII в. на возрождающейся сербской и болгарской литературе. Оно было столь глубоким, что оставило некоторый след даже в народных говорах⁷⁷. В XVIII в. произошло восприятие южными славянами особенностей древнеславянского литературного языка позднего московского "извода", а во второй половине XVI в. и в XVII в. все еще во многом продолжались традиции средневекового славянского языка тырновского и ресавского "изводов". Не слишком многочисленные, но все же широко распространенные в Старой Сербии, Македонии, Западной Болгарии, а отчасти Воеводине, Молдавии и Валахии и Трансильвании списки произведений, унаследованных от предшествующих эпох, были преимущественно ресавской редакции⁷⁸; язык их в основном оставался древнеславянским, и новые черты народно-разговорного субстрата проникали в него спорадически. Существенно иную языковую картину демонстрировали "дамаскины" — сборники поучительного содержания, возникшие по образцу новогреческого сборника "Сокровище" (Θησαυρός) Дамаскина Студита⁷⁹ (первое издание 1557—1558, Венеция) и распространявшиеся преимущественно в Болгарии и Македонии. Они часто хорошо отражали народно-разговорную речь, своим лексическим фондом и особенно грамматическим строем сильно отличающуюся от древней болгаро-македонской (переход от синтетизма к аналитизму, возникновение членных форм и т.д.). Вместе с тем целый ряд списков отражает гибридный язык, проникнутый иногда в весьма значительной степени церковнославянскими элементами⁸⁰. Тем не менее, от языка ряда дамаскинов, через Паисия Хилендарского, Софрония Врачанского и других писателей конца XVIII и начала XIX в. можно провести довольно прямую линию к болгарскому национальному литературному языку.

В собственно Сербии во второй половине XVI и в XVII в. не существовало литературы на языке, достаточно ярко отражающем народно-разговорный субстрат (в отличие, например, от Дубровника, Далмации, Хорватии и Боснии). Средневековый "сербульский" тип, во многом отличный от средневекового древнеславянского, в более чистом его виде был представлен в небогатой литературе переписчиков, сохранив свою традицию до начала XVIII в., до плеяды "рачан". Из этой литературы в языковом и культурно-историческом отношении особый интерес представляют списки сербских летописей. Сербская канцелярская и дипломатическая письменная традиция (грамоты), широко распространенная в предшествующую эпоху и бытовавшая, как известно, даже при дворе турецкого султана⁸¹, в интересующий нас период была достаточно жизненной только в валашских и молдавских господарских и воеводских канцеляриях.

Молдавия и Валахия еще с эпохи второго южнославянского влияния, с деятельности Григория Цамблака и др. выполняла роль актив-

ной культурной посредницы между южными и восточными славянами. Эта роль во многом за ней осталась и во второй половине XVI и в XVII в. Несмотря на параллельное развитие литературы на румынском языке, славянская письменность и литература в этих областях продолжали свое существование. Если исключить обширную дипломатику, изучение которой, вероятно, следует производить автономно от исследования литературного языка вообще, но не исключать летописи, остается значительный круг рукописных памятников (среди них и ряд оригинальных) и печатных книг, отражающих (и это вполне естественно) то восточный, то южный типы древнеславянского литературного языка, однако преимущественно последний. В XVII в. с укреплением киевского центра древнеславянского литературного языка⁸², с приездом в Молдавию киевских учителей и мастеров-печатников, при господарях Василии Лупу и Матее Басарабе, устанавливается восточнославянский тип, и он сохраняется до конца бытования древнеславянского литературного языка в пределах будущей Румынии (до второй половины XVIII в.).

В XVIII в. усиливается приток церковнославянских книг из Москвы и отчасти из Киева в южнославянские земли и на Афон, распространяются нормы, установленные грамматикой М. Смотрицкого, происходит последняя в истории древнеславянского литературного языка централизация и нормализация на основе языка московского центра. Рассмотрение этого периода, чрезвычайно важного для истории восточно- и южнославянских литературных языков донациональной эпохи, уже выходит за хронологические рамки настоящего раздела.

Важно, однако, подчеркнуть одно обстоятельство. Можно, по нашему представлению, говорить о едином древнеславянском литературном языке и его истории именно на том основании, что в разные периоды его развития язык доминирующего центра становился наиболее авторитетным и почти обязательным во всем грекославянском мире, т.е. во всех локальных ареалах. Так было в эпоху второго южнославянского влияния, так было при обратном воздействии на южных славян в XVII и XVIII вв. Таким образом, в конечном итоге, не было локально замкнутого независимого и параллельного развития древнеславянского языка в отдельных странах или локальных ареалах, а шел процесс развития, при котором соотношения между отдельными изводами устанавливались по "принципу сообщающихся сосудов" с обнаружением стремления к общему уровню.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. доклады и выступления Й. Курца, Б. Гавранка, А. Достая, Й. Хамма, Л. М. Шакуна, В. Киаса и др. в кн.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии, М., 1962. Т. 2.

² Ср. сетования и замечания А. И. Соболевского о том, что "историк (литературы. — Н. Т.) должен быть также и лингвистом и между прочим уметь различать церковнославянский язык русского извода, восходящий к южно-славянскому оригиналу, от церковно-славянского языка русского извода, вышедшего из-под пера русского грамотея, церковно-славянский язык русского извода, обработанный русским грамотеем XI—XII веков, от церковно-славянского языка, обработанного в XIII—XIV или в XV—XVI веках. Как известно, истории церковно-славянского языка как литературного языка древней

Руси не существует у нас даже в зачатках и потому историк, рискующий прикоснуться к массе "безличных произведений древней России", должен пролагать себе дорогу сам и работать не только в области истории литературы, но и в области истории языка" *Соболевский А. И.* Несколько мыслей об древней русской литературе // ИОРЯС. Т. VIII, кн. 2. 1903, с. 156—157).

³ Необходимость создания такой истории прокламировалось еще в знаменитых "Тезисах" Пражского лингвистического кружка: "Для исследования позднейшего состояния древнеславянского языка в его различных редакциях начиная с XII века, эпохи, когда наблюдается регулярное проникновение в него фонетических изменений, присущих живым славянским языкам и происходящих в них тем временем, следует шире использовать название "среднецерковнославянский". Крайне необходимой задачей, до сих пор полностью пренебрегавшейся славистикой, является выработка научной истории церковнославянского языка, охватывающей период до наших дней" (TSLP. Prague, 1929. N. 1. S. 22).

⁴ В Пражских "Тезисах" под рубрикой "Актуальные проблемы изучения церковнославянского языка" отмечается, что "если понимать под старославянским язык, употреблявшийся (славянскими) апостолами и их учениками для литературных нужд и ставший с X по XII век литературным языком для всех славян, пользующихся славянской литургией, нельзя будет, по соображениям методическим, допустить идентификации этого языка с каким-либо историческим славянским языком и толкования его с точки зрения исторической диалектологии.

В языке, который с самого своего начала не был предназначен для местных нужд, который опирался на традиции греческого литературного языка и который принял затем роль славянского койнэ, следует предположить существование искусственных, смешанных и условных элементов. Следует интерпретировать эволюцию древнеславянского языка в зависимости от принципов, которые определяют историю литературных языков" (Ibid. S. 21).

⁵ Ср., например, интересные, правда, не лишённые известных крайностей, параллели Й. Курца: "Приведем теперь небольшое сравнение с латынью, роль которой на западе Европы иногда сравнивается с функцией церковнославянского языка. Думаю, что это сравнение не основывается на величинах, вполне равноценных, и что значение церковнославянского языка для славянских народов на востоке Европе значительно превышает значение латыни на западе. Я хотел бы сказать, что церковнославянский язык служил славянам гораздо больше, дольше и значительнее, чем латынь жителям западных стран. В то время как латынь была лишь языком церкви, общественных документов, специальной литературы и научной поэзии, наряду с которой, как правило, развивались местные литературные языки, сформировавшиеся на основе государственного центра, всеобъемлющий (досл. полный. — Н. Т.) церковнославянский язык среди многих славянских народов долгое время выполнял роль единственного письменного и литературного языка. Он применяется в гораздо большем объеме, чем латынь. В то время как латынь оставалась в отношении к западным языкам, по сути дела, миром в себе, церковнославянский язык имел гораздо более тесные, иногда прямо интимные связи с большинством славянских языков и глубоко повлиял на их развитие. Он был хорошо понятным органом государственной и общественной жизни быстро растущих и расцветающих славянских речевых культур и, будучи близким к местным языкам, мог во всех своих функциях лучше и дольше сохраняться, чем латынь" (*Kurz J. Církevněslovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva // Československé přednášky pro IV Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Pr. 1958. S. 34—35; см. также: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2 С. 135—136).*

⁶ Несколько подробнее об этом см. в нашей статье "К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян" (ВЯ, 1961. N 1). Там же см. предварительную периодизацию древнеславянского литературного языка (с. 66).

⁷ На большую целесообразность использования термина "хронологический срез" в применении к литературному древнеславянскому языку, чем "синхронный срез", указал нам Б. В. Горнунг (ВЯ. 1960. N 6. Стр. 147).

⁸ О креолизации как одном из основных результатов установления соответствия между языковыми системами см.: *Иванов В. В.* Лингвистика как теория отношений между языковыми системами и ее современные практические приложения // Лингвистические исследования по машинному переводу. М., 1961. Вып. 2.

⁹ См.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина. СПб., 1888. Ч. 2; см. также: *Флоровский А. В.* Чешская библия в истории русской культуры и письменности. Фр. Скорина и продолжатели его дела // *Sborník filologický*, XII (1940—1946) (Pr.), 1946.

¹⁰ "Буддийский гибридный санскрит является не просто результатом введения в среднеиндийскую основу этого языка элементов существовавших в самом санскрите, но и результатом переработки среднеиндийского текста на основании существовавших в то время представлений о соответствиях между санскритом и среднеиндийским. Эти представления служили базой для воссоздания санскритских форм на основе среднеиндийских. В действительности такие одно-однозначные соответствия могли бы быть установлены лишь при учёте диалектных различий между данным среднеиндийским диалектом и диалектной базой санскрита. Составители текстов на буддийском гибридном санскрите не знали о таких различиях, и поэтому некоторые восстановленные ими в духе санскрита формы тем не менее не являются собственно санскритскими; такие формы можно назвать гиперсанскритизмами. Изучение этих явлений очень интересно для установления возможности реконструкции одного языка на основании данных другого, ему родственного, но относящегося к другой стадии развития" (*Иванов В. В., Топоров В. Н.* Санскрит. М., 1960. С. 26—27).

¹¹ Это явление в реликтовом виде наблюдается и в современном русском языке. На него вновь обратил внимание Б. Унбегаун на прошлом съезде славистов: "Например, слово *вратарь*, конечно, странно назвать церковнославянизмом, особенно в том значении, в котором оно появилось" (см.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2. С. 107—108); см. также: *Unbegaun B. O.* La formation des langues littéraires slaves: problèmes et état des questions. "Langue et littérature" // *Actes du VIII Congrès de la FILLM. Liège, 1961, S. 138.*

¹² *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России: Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958. С. 4.

¹³ В предисловии к псалтыри (хранится в ГИМ в Москве, собрание И. Н. Царского (позже гр. Уварова) N 327) Нил Курлятев писал: "А прежнии переводници нашего языка звѣстно не знали и они перевели оно греческы, ово словенскы, и ино сербскы и другая болгарскы, ихже неудовлишась преложити на рускый языкъ; а Киприанъ митрополить погреческы гораздно не разумѣл и нашего языка довольно не зналъ же (аще и съ нами единъ нашъ языкъ срѣчь словѣнскый, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ молодежаво, и въ писании рѣчи наши съими не сходятся), и онъ мнился что поправиль псалмовъ по нашему, а болши неразуміе въ нихъ написаль, въ рѣчехъ и въ словехъ все посербскы написаль; и иныѣ многыа у насъ и въ ся времена кнigy пишуть, а пишуть отъ неразуміа все посербскы и говорити по писму по нашему языку прямо не умѣютъ, а многыа неразумныа смущаются". Однако, как явствует из остального текста предисловия Нила Курлятева, он сам пользовался, в принципе, древнеславянским литературным языком русской редакции, который не отличался существенно от языка митрополита Киприяна. Авторитет последнего, и прежде всего его филологической, "книжной" деятельности был очень высок на Руси.

До нас дошли отзывы книжников XV в. панегирического характера по отношению к Киприяну (из записи на рукописи Успенского собора N 7, 1403 г.): "...при святѣйшемъ и пресвященнѣмъ Киприанѣ... его же благословениемъ земля русьскаа миръ глубокий приимлетъ, церкви же божиа православіа одежо свыше истаканюю одѣся, и исправленнѣмъ книжнымъ и учениемъ его свѣтлѣтса одею соличныхъ зарей и напааетса яко отъ источника приснотекуща". "Во всяком случае, — отмечает А. И. Соболевский, — современники охотно делали списки с принадлежавших Киприяну богослужебных текстов и хвалили его за его заботы об "исправлении книжном") см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 12).

Не менее знаменательно, однако, что в начале XVII в. (в 1627 г.) на заседании книжной палаты игумен Илья и справщик Григорий, упрекая Лаврентия Зизания в еретических отступлениях, говорили, что "Киприян, митрополит Киевскіи і всеа Руси, егда приде ис Константина града на рускую митрополию, и тогда с собою привез правилные кнigy християнскаго закона греческаго языка правила и перевел на словенскіи язык и божию милостию пребывают и доннѣ без всяких смутов и прикладов новых вводов" (см. "Прѣние литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія с игуменом Илиею и справщиком Григорием по поводу исправления составленнаго Лаврентіемъ катехизиса" — "Летописи русской литературы и древности". М., 1859. Кн. 4. С. 99 отд. пагинации). Трактат второй половины XVII в. "О исправлении в преждепечатных кнigy" апеллирует

к высказываниям Киприана как к непреложному завету и дает цитату из его приписки к служебнику (нами эта цитата для экономии места сокращается): "Купри́анъ во стѣхъ шѣхъ нашъ митрополитъ московскій и всея Русїи, иже преписъ съ грѣческии кнѣгъ на славѣнскій ѡзыкъ кнѣгу служѣбникъ, ѡ завѣщанїи ничтѣже премѣнѣти преводу его, ниже что ѡмѣнати, пишъ сїце: ... Аще ли же кто восхощетъ сїа кнѣгы препїсовати, смотрѣй не приложити илї ѡложити едїно нѣкое слово, илї точку едїну, илї крѣчки иже суть по строкамъ в' радѣхъ, илї премѣнѣти слогию едїну" (см.: *Никольский К.* Материалы для истории исправления богослужебных книг // ПДПИ, 1896. Вып. СХV. С. 61—62). Обращение к авторитету Киприана в более позднюю эпоху свидетельствует о длительной устойчивости норм и представлений об "исправлении книжном", сохранявшихся почти до начала XVIII в. (О трудах Киприана по установлению литургических норм и введению некоторых новшеств по иерусалимскому уставу см. в монографии: *Мансветов И.* Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882, см. также: *Архим. Амфилохий.* Что внес св. Киприан, митрополит Киевский и всея России, а потом Московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов его времени в наши богослужебные книги? // Труды III археологического съезда. Киев, 1878. Т. 2.

¹⁴ *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. с. 13—14.

¹⁵ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. П, кн. 2. С. 1104.

¹⁶ См.: *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898.

¹⁷ См.: *Zgodovina slovenskega slovstva.* T. I. Do začetkov romantike. Ljubljana. Slovenska Matica, 1956. Там же см. обширную литературу предмета, с. 259—260; см. также: *Kidrič F.* Zgodovina slovenskega slovstva, spnopič I. Ljubljana, 1929.

¹⁸ См.: *Bučar F.* Povijest hrvatske protestantske književnosti za reformacije. Zagreb, 1910.

¹⁹ См.: *Jagić V.* Hrvatska glagolska književnost. Zagreb, 1913.

²⁰ См.: *Jenč R.* Stawizny serbskeho pismowstwa. Budyšin, 1954.

²¹ См.: *Rosetti Al., Cazacu B.* Istoria limbii romine literare. București, 1961. T. I.

²² См.: *Roques M.* Recherches sur les anciens textes albanais. P., 1932.

²³ *Hesseling P.C.* Histoire de la littérature grecque moderne. P., 1924.

²⁴ См.: *Havránek B.* Vývoj spisovného jazyka českého // Československá vlastivěda, II řada (Spisovný jazyk), P. 1936.

²⁵ "Кажется, наверно, на первый взгляд парадоксальным, что спекуляция с догмами и с евангельскими текстами была в XVI веке во многих отношениях более смелой и более радикальной в Польше, которая оставалась в основном католической, чем в странах, где протестантизм укоренился, так сказать, с первого шага и достаточно крепко" (*Backvis C.* L'antitrinitarisme en Pologne, отд. оттиск б. м. и б. г.).

²⁶ Обширная литература вопроса до 1938 г. тщательно собрана и в целом ряде случаев прокомментирована в превосходной монографии А. Мартеля: *Martel A.* La langue polonaise dans les pays ruthenes Ukraine et Russie Blanche 1569—1667. Lille, 1938.

²⁷ "Начальный этап образования национального русского языка (устного и письменного) мы относим к длительному промежутку со второй половины XVI в. до середины XVIII в.". "Важным характерным признаком образования национального языка надо считать органическое, проникающее сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языка" (*Ларин Б.А.* Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. с. 25).

²⁸ Следует, однако, отметить, что влияние немецкого литературного языка в то время было гораздо менее значительным, чем влияние латинского. Можно говорить о значительном влиянии на упомянутые языки (не литературные) и на их диалекты со стороны немецкой народно-разговорной и диалектной речи (что не одно и то же!), а затем уже о проникновении отдельных элементов в литературный язык. На принципиально важное различие во влиянии литературного и разговорного языка (а для более отдаленных эпох это различие особенно ощутимо!) указывал на IV съезде Б. Гавранек: "Если мы говорим о влиянии разговорного языка на разговорный, то это означает не влияние литературного языка на литературный, а лишь то, что элементы, заимствованные из другого языка, как и свои, не заимствованные явления, постепенно проникали в народный язык, а из него — в литературный язык. Например, в чешский литерату-

ный язык проникли факты чешского просторечия, вместе с ними вошел и ряд немецких слов, которые в литературном языке отсутствовали и которые по своему оформлению относятся не к литературному немецкому языку, а диалектам или жаргонам" (см.: IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2. с. 65).

²⁹ Нами не используется терминология "два типа" — "книжно-славянский" и "народно-литературный" (см.: *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // IV Международный съезд славистов: Доклады. М., 1958), так как мы видим в ней известное разграничение в сфере функционирования, справедливое для древнерусского языка, но уже трудно применимое к языковому состоянию в Западной Руси (Белоруссии и Украине) во второй половине XVI в.

³⁰ Следует отметить, что за употребляемыми нами дефинициями "православие", "протестантизм", "католичество", соответствующими дефинициям того времени, кроется не только, а иногда и не столько религиозное различие, сколько различие социально. Православие в условиях жизни в Речи Посполитой было религией в основном социально низких слоев, так как западнорусская аристократия довольно быстро, хотя и не без борьбы, покидала веру своих предков, а католичество — религией (и можно сказать шире — нормой поведения, характером духовной культуры) господствующего класса.

³¹ *Skarga Piotr.* O jedności Kościoła Bożego pod jednym Pasterzem. W Wilnie, Roku 1577 // Памятники полемической литературы в Западной Руси, СПб., 1882. Кн. 2. кол. 485—486.

³² См.: *Вишенский И.* Послание ко князю Василию Острожскому и ко всемъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1865. Т. II. С. 210, 225 (ср. новое издание: *Вишенский И.* Соч. изд-во АН СССР, М.; Л.: 1955. С. 23).

³³ После литературного подъема, который связан с именем Хрена, наступил печальный застой и перерыв: более чем за полвека не вышло ни одной словенской книги" (*Zgodovina slovenskega slovstva*. Т. 1, гл. "Protireformacija in Barok").

³⁴ Известно, что еще в XIV—XV вв. до острого столкновения католической и православной партии в Литовской Руси, вероятно, и в Кракове, западнорусские католики пользовались в известной мере древнеславянским языком. Однако прямой связи между более древним периодом и более поздним обращением к древнеславянскому языку со стороны униатов и Конгрегации Пропagанды, видимо, не было, см.: *Соболевский А. И.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. ОРЯС. Т. LXXXVIII. N 3 1910.

³⁵ Сведения об упоминаемых ниже памятниках (старопечатных книгах), их авторах и литературе о них могут быть почерпнуты из справочников: *Українські письменники. Біо-бібліографічний словник. т. I.* Уклад Л. Махновець. К. 1960; *Ластовські В.* Гісторія беларускay (крыўскай) кнігі. Спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя. Коўна, 1926. Образцы языка некоторых из этих памятников в довольно обширных отрывках недавно опубликованы: *Хрэстаматія па гісторыі беларускай мовы.* Мінск, 1961; см. также: *Хрэстаматія давняй україньскай літаратуры.* Упорядкував О.І. Білецький. Київ, 1952. Тексты на польском и параллельно западнорусском языке в большинстве своем опубликованы в IV, VII и XIX томах "Русской исторической библиотеки" (сокр. РИБ) в серии "Памятники полемической литературы в Западной Руси" (кн. I—1878 г.; кн. 2—1883 г.; кн. 3—1903 г.). См. также обстоятельную библиографию в книге А. Мартеля "La langue polonaise...".

³⁶ Перу того же Игнатия Потея принадлежат еще два полемических сочинения в пользу уни "Ответ клирику острожскому" ("Отпись на листъ някого клирика острожского безименного, котрый писалъ до владыки володымерского и берестейского", 1598 г.; то же на польском языке "Odpis na list niejakiego kleryka ostrozskego bezimiennego, ktory pisałъ do wladzdyki Włodzimierskiego y Brzeskiego" 1599): "Лист к князю Константину Острожскому 3 июня 1598 года" (опубликован также на двух языках).

³⁷ Следует отметить, однако, что авторство П. Скарги в отношении упомянутого сочинения не установлено окончательно. П. Гильтебрандт, редактор третьей книги "Памятников полемической литературы в Западной Руси" (СПб., 1903) не ставит авторства П. Скарги под сомнение. А. Мартель (указ. соч., с. 133) сопровождает указание автора — П. Скарги — знаком вопроса. Сама книга вышла без указания автора.

³⁸ О церковнославянизмах в языке В. Тяпинского и Ф. Скорины см.: Жураўскі А.І. Да

пытання аб ролі царкоўнославянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы XVI ст. // Матэрыялы да IV Міжнароднага з'езда славістаў. Мінск, 1958.

³⁹ "Вѣдай ѿто, ласкавыхъ читѣнникъ длѧ чо҃го покладѧлося втої книзѣ прѣстыи ѧзыкъ ѿ словенскїи, ꙗне все по прѣсты, та причѧна есть по словенскїи са клѧли слова б҃гослововъ ѿ доводы писмѧ стѧго. ꙗ другое и҃же слова нѣкоторѧи слово венскаго ѧзыкъ трѣдныи на прѣстыи ѧзыкъ так҃же ꙗ неѧцо понаѧти ꙗко то Кѧчество або ꙗкости по прѣсты. ѿ много такѡвыхъ найдѣтса, лѣчь прѡстакѡвн все криво хотѧи ѿ напростѣйше, ꙗ мѡдрїи ѿ кривоє справити мѡже". "Зерцѧло Б҃гословїи" из "Предмовы" (цитируется по Уневскому изданию 1692 г., с. 7а об.).

⁴⁰ Следует отметить также обратный процесс: в польском языке "во второй половине XVI в. начинают усиливаться восточнославянские и украинские и белорусские влияния... им предстояло сыграть в будущем большую роль по сравнению с мимолетными воздействиями итальянского или французского языка... Особенно возрастает число этих заимствований, равно как и пришедших через Русь заимствований из восточных языков (татарского и турецкого), во второй половине XVII в." (см. *Лер-Славинский. Т. Польский язык. Русский перевод. М., 1954. С. 199—200*).

⁴¹ Там же. С. 159.

⁴² См.: *Карский Е. Ф. Западнорусские переводы псалтыри в XV—XVII веках. Варшава, 1896*.

⁴³ А. С. Архангельский отмечает, что "во времена Курбского в Литовской Руси, по-видимому, легче можно было найти человека, знающего греческий или латинский язык, чем знающего язык славянский; по крайней мере такое мнение выражал сам Курбский (см. Очерки из истории западно-русской литературы XVI—XVII вв. М., 1888. С. 8). Это положение основывается на известном высказывании князя Курбского о том, как трудно найти переводчика на древнеславянский язык — "аще ... и добуду грецкимъ умѣющаго, або латинскимъ: но словенскїи не будутъ умѣти" (см.: Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 224). Однако для интересующего нас периода, вероятно, в полной мере справедливо замечание М. Н. Сперанского: "Что же касается жалобы Курбского, что трудно найти человека, хорошо знающего по-славянски, то, если это не преувеличение со стороны ревностного деятеля, эту жалобу приходится признать не особенно существенной; конечно, далеко не одно и то же, списывать аккуратно славянские тексты, каких много дошло до нашего времени от этой эпохи и из западных областей, и вновь переводить на мертвый, притом близкий еще к родному языку. Но не надо забывать, что мы имеем дело с концом XVI века, когда славяно-греческие школы уже широкой сетью раскинулись по краю, когда деятельность того же Курбского и Острожского продолжалась в интересах охранения старого языка уже не одно десятилетие; жалоба же Курбского относится к начальному периоду этой деятельности" (Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904. С. 386).

⁴⁴ Полную библиографию старых польских грамматик и словарей см.: *Mayenowa M. R. Walka o język w życiu i literaturze staropolskiej. W-wa, 1955*.

⁴⁵ См.: *Харламович К. Западнорусские православные школы XVI, начала XVII века; Он же. Борьба школьных влияний в допетровской Руси // Киевская старина. Т. LXXXVIII, июль — август, сентябрь, 1902; Т. LXXIX, октябрь, 1902; Кантерева Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии // Творения св. отцов в русском переводе. М., 1889. Кн. IV; Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII веков // Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1891 год. СПб., 1892.*

⁴⁶ См.: Прение..., *Летописи русской литературы и древности. Кн. 4, С. 81, 88, 95 (отдельной пагинации)*.

⁴⁷ Согласно указу от 1 июня 1689 г. "а буде за симъ великихъ государей указомъ тѣ книжные справщики самовольствомъ на чистыхъ переводѣхъ стануть речѧи перемѣнять или убавливать или прибавливать или переплавливать вновь не противъ нынѣшнихъ печатныхъ книгъ и о тѣхъ ихъ переплавкахъ наборщикомъ всеѣхъ становъ извѣщать въ приказѣ книгопечатного дѣла начальнымъ людемъ а имъ начальнымъ людемъ о томъ потому же докладывать святѣйшаго патрїарха и книжнымъ справщикомъ въ тѣхъ переправкахъ за непослушаніе къ великимъ государемъ быть въ жестокомъ наказанїи..." (см.: *Мансветов И. Как у нас правились церковные книги. Материал для истории книжной sprawy в XVII столетии (по бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883. С. 58—59, Приложение В.*

⁴⁸ См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, СПб., 1865. Т. II. С. 210; впоследствии (после 1604 г.) Иван Вишенский несколько изменил свою точку зрения: он призывал "въ первыхъ, ключь, или грецкую или словенскую грамматику, да учать", а в послании к старце Домники писал: "Не бо азъ хулю грамотичное учение и ключь къ познанію складовъ и речей, яко же нѣцыи мнать..." (см.: *Иван Вишенский. Сочинения* / Подгот. текста И.П. Еремина. М.; Л. 1955. С. 163, 249. В Московской Руси во второй половине XVII в., во всяком случае после выхода в Москве грамматики Мелетия Смотрицкого, считалось недостаточным лишь текстологическое изучение древнеславянского языка ("простообычное") и ставилась задача овладения правилами грамматическими. Это мнение отражено в "Паисия Лигарида опровержении челобитной попа Никиты" (1666), где между прочим говорится: "Иллирическа, или славенска языка весьма учитися подобаетъ Промомъ, но со правиломъ грамматическимъ, а не просто — обычно и кромѣ основанія обычаемъ... [одно слово не разобрано]. Ибо языкъ истинно преславный есть, и зѣло преславенъ, якоже отъ самого реченія слава явъ есть, аще что и противно повѣствуетъ Прокопій, отъ имени Греческаго... оно производяще, отъ плѣнниковъ прешествія. Ибо сей языкъ вамъ матерній нещуется и отъ дву святую отцу, Меодіа и Кирила, пречудно расширенъ же и просвѣщенъ" (см.: *Материалы для истории раскола за первое время его существования* / Под ред. Н. Субботина. СПб., 1894. Т. IX, ч. I. С. 240). Любопытно употребление термина "иллирический" как синонима "словенский", свидетельствующее о том, что идеи славянского единства, пробудившиеся в XVI в. и широко распространенные в XVII в. у южных славян (особенно в западной их части), проникали разными путями и в Московскую Русь. Одними из посредников могли быть венецианские греки. Таким образом, Юрий Крижанич в этом отношении не был в "Московии" одинок. Термин "иллирический" довольно широко употреблялся и в петровскую эпоху, но больше применительно к южным славянам.

⁴⁹ Весьма важно учитывать, какие книги предшествующих эпох считались "справочными, правильными" при "исправлении книжном", каков был библиотечный арсенал "правшиков". Известно, что в начале и в середине XVII в. в Москву выписывались рукописи из Пскова, Новгорода, Кирилло-Белозерского монастыря и других мест "на Печатный Дворъ для книжные справки". В нашем распоряжении имеется только одно, образцовое в своем роде исследование А.А. Покровского "Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие. Обзорение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей Библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ" (см.: *Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 215—494*).

⁵⁰ См.: *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // *Исследования по русскому языку.* СПб., 1895. Т. I.

⁵¹ См.: *Шолом Ф.Я.* Зарождения і розвиток наукової філологічної думки в Росії і на Україні в XVI — першій половині XVII ст. // *Філологічний збірник.* Київ, 1958.

⁵² См.: *Харламович К.* Острожская православная школа // *Киевская старина.* Т. LVII, май, июнь, 1897.

⁵³ См.: *Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода библии. Пг., 1916, стр. 74—101; *Он же.* Геннадиевская библия 1499 г. // *Труды пятнадцатого археологического съезда в Новгороде 1911 г. Т. 2.; Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 33—34.

⁵⁴ См.: *Сперанский М.Н.* Иван Федоров и его потомство // *Труды Московского археологического общества.* М., 1914. Т. XXIII, вып. 2. С. 86—88; *Евсеев И.Е.* Очерки... С. 101—137.

⁵⁵ Паисий Лигарид в своем опровержении челобитной попа Никиты писал: "Рѣхъ, яко первіе языку греческому изучитися лѣпотствует того ради, занеже бо есть корень и пріискрій языкъ. Тии бо, иже гречески писаша, яко же святіи и евангелистове, духа святаго вдохновеніемъ писанія греческая изобразиша. Ибо болшая есть чистота источника, нежели потока. Отнюдуже, къ началу греческихъ реченій, аки къ твердыни, въ недоумѣнныхъ вещьхъ прибѣгаемъ, паче же аки къ источнику нетлѣнному жаждущіи притекаемъ..." (*Материалы для истории раскола за первое время его существования* / Под ред. Н. Субботина. СПб., 1894. Т. IX,

ч. I. С. 236). Число подобных высказываний современников, притом отнюдь не только греческого происхождения, можно было бы значительно умножить.

⁵⁶ *Бицилли П. М.* Язык и народность // Труды V съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. ч. I. С. 221—222; см.: *Виноградов В. В.* Проблемы стилистики русского языка в трудах Ломоносова // Ломоносов. М.; Л., 1961. Т. V.

⁵⁷ Любопытно отметить, что в Западной Руси (на Украине и в Белоруссии) в полемике с "латинянами" и "папешниками" прибегали к авторитету Кирилла и Мефодия, подробно излагали, цитировали и комментировали некоторые места из их жития (см., например, "Палинодию" З. Копыстенского. — РИБ, IV. СПб., 1878, кол. 986—990). К их же авторитету пытались прибегнуть и сторонники католической партии (см., например, "Оборону уни" Л. Кривы. — РИБ, IV. кол. 225—226). П. Скарга, как известно, упрекал православных в незнании греческого языка (см. его "O Jedności..." — РИБ, СПб., 1882. Т. VII. Кол. 486) и утверждал фактически превосходство латинского как одного из самых богатых и функционально интерлингвистического. Этой концепции противостояла другая, хорошо выраженная З. Копыстенским: "И слушне: масть бо вѣмъ языкъ славенскій такую въ собѣ силу и зацность, же языку грецкому якобы природне съгласуетъ, и властности его съчиняется; и въ перекладъ свой приличне, и не яко природне онъ беретъ и пріймуетъ. въ подобны спадки склоненій и съчинения падаючи; венць, и найвзвизѣйшее сложное грецкое слово, подобнымъ также звязнымъ, и сложнымъ по словенску выложити есть можно, чого инымъ жаднымъ, а нѣ латинскимъ недоказати языком: чого доводомъ есть, же латинскіи переводники таковыи слова, обширне зь околичностями на свой прикладають языкъ, многими околичностями ширити мусятъ". Копыстенский отмечает, что латинский язык не даром сравнивают "по ученой конкоис едноходы: а грецкій до природной", славянский же "есть знаменитъ... и славный быль: для чого отъ славы славянскимъ изванный есть" (см. "Предмову" к беседам "Іже въ святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго...". Киев; типогр. Киево-Печорской Лавры, 1623, л. 4).

⁵⁸ Ю. Крижанич писал; "како свѣт Греки нашѣ бесѣдъ на своѣ копито набили: се јестъ вѣс состав и обличје нашегъ језика (:по обзоръ на своѣ језик:) изо дна извратили и претворили: тако да ни он јестъ Грецкии, ни он Рѣскии језик. Гледј раздѣла јд. (см.: Граматично изкѣзанје, изд. О. Бодянского. М., 1859, С. IV).

⁵⁹ К сожалению, еще нет единого обобщающего труда, в котором бы исследовалась богатая традиция и история изданий и переделок грамматики Мелетия Смотрицкого во всем греко-славянском ареале. Однако существует ряд предварительных работ, где излагается судьба грамматики Смотрицкого или ее влияние на грамматическую мысль в разных локальных ареалах — Сербии, Далмации, Болгарии, Валахии, Молдавии, Закарпатье; см.: *Засадкевич Н.* Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883; *Кулаковский П. А.* Начало русской школы у сербов в XVIII веке. СПб., 1903 (отд. оттиск. из ИОРЯС, т. VIII, кн. 2, 3). С. 162—165; *Stojković M.* Pokušaj uvodjenja ruskoslavenske gramatike Meletija Smotrickoga kod Hrvata katolika // *Nastavni vjesnik*. Кнж. XXXVIII. 1930; *Дылевский Н. М.* Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения. — ТОДРЛ. Т. XIV. 1958; *Strungaru D.* Gramatikă lui Smotrițki și prima gramatică românească // *Romanoslavica*. București, 1960; Т. IV; *Панькевич I.* Славено-руська граматики Арсенія Коцака другої половини XVIII вѣка // Науковий збірник товариства "Провсвѣта". Ужгород, 1927. Р. V.

⁶⁰ См.: *Martel A.* La langue polonaise...

⁶¹ См.: *Кузнецов П. С.* У истоков русской грамматической мысли. М., 1958. С. 33—36.

⁶² Из работ после IV съезда славистов см. дискуссию "Об образовании восточнославянских национальных литературных языков" в ВЯ за 1959—1962 гг.; Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961; Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962.

⁶³ Терминология взята нами в основном у современника — стольника Ивана Бегичева (см. его "Послание о видимом образе божием" 1640 г.). О соотношении "московского" койнэ с древнеславянским языком, приказным языком, диалектной речью и языком фольклора см. наш ответ на вопрос "Создание койнэ в славян-

ских языках и его влияние на литературные языки" в сб.: Славянская филология, София, 1963. Т. I. С. 44—46.

⁶⁴ См.: Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи // Православный собеседник. Казань, 1863—1864. С. 967.

⁶⁵ См.: *Петухов Е.В.* Очерки из литературной истории Синодика // ПДПИ. СПб., 1895. Вып. CVIII.

⁶⁶ См.: *Никольский Н.* Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам // ПДПИ. СПб., 1916. Вып. CLXXXVIII. См. краткую характеристику языка Фирсова: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 34.

⁶⁷ См. ответ И.П. Еремина на вопрос "Какова была роль художественной литературы в развитии русского литературного языка со второй половины XVI в. до начала XVIII в.?" // ВЯ. 1960. N 6. С. 64.

⁶⁸ См.: *Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопopa Аввакума // Русская речь. Пг., 1923; Т. I. *Sørensen H.Ch.* Die stylistische Verwendung kirchenslavischer Sprachelemente in der Autobiographie Avvakums. Kopenhagen, 1957.

⁶⁹ См.: *Иссерлин Е.М.* Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961.

⁷⁰ См.: *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков.

⁷¹ См.: *Никольский К.* Материалы для истории исправления богослужебных книг. — ПДПИ. СПб., 1896. Вып. CXV; краткий анализ дифференциации синонимов в этом памятнике дан В.В. Виноградовым (см. его "Очерки...", с. 14, 18), который отмечает также соответствие форм времен, приводимых в трактате, нормам грамматики М. Смотрицкого.

⁷² XVII в. был для небольшого локального ареала хорватской глаголической письменности также поворотным моментом, с этого времени и здесь началось влияние языка восточнославянских центров древнеславянской письменной культуры. По свидетельству В. Штефанича, "второй решительный момент наступил в конце XV и в XVI столетии, когда книжный репертуар богослужебных и дидактических книг стал репродуцироваться при помощи печати. Глаголяши, правда, пользовались дальше, наряду с печатными, и старыми рукописями, с незначительными нововведениями, но это не могло продолжаться долго. Рукописи окончательно вытеснил новый момент, а именно тридентская ревизия церковных книг, которой должны были подчиниться и глаголяши. Глаголические литургические книги в ревизированном виде были отпечатаны в 1631 и 1648 году, а, кроме того, они удалились от старых глаголических текстов и в отношении языковой редакции — русской. Так возник окончательный разрыв между старыми рукописями и новыми изданиями". См.: *Štefančić V.* Glagoljski rukopisi otoka Krka. Zagreb, 1960. S. 25.

⁷³ См.: *Толстой Н.И.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв. // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962; *Гачев Г.* От синкретизма к художественности // Вопр. лит. 1958. N 4.

⁷⁴ Первые кириллические печатные книги появились в 1491 г. в Кракове (Швайт-польт, Фюль), в 1494 г. в Черногории (иеромонах Макарий), в 1517 г. в Праге (Франциск Скорина), в 1564 г. в Москве (Иван Федоров); первая глаголическая книга была напечатана в 1483 г. в Венеции. См.: *Каратаев И.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, т. I // Сб. ОРЯС, т. XXXIV, N 2. СПб., 1883.

⁷⁵ Основные центры сербского книгопечатания: Цетине — 1494, 1495; Руйно — 1537; Грачаница — 1539; Милешево — 1544, 1556; Белград — 1552; Мрксина Црква — 1562; Горажде — 1519, 1521, 1523; Венеция — 1519, 1520, 1536 — 1540, 1546, 1547, 1554, 1561, 1566, 1597; Скадар — 1561. См.: *Медаковић Д.* Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958.

⁷⁶ См.: *Снегаров И.* Культурни и политически врџки между Бѣлгария и Русия през XVI—XVIII в. София, 1953. С. 109—120; *Кулаковский П.* Начало русской школы... С. 74—75, 158—160; *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Карловци, 1923. Кн. IV; см. описание Б. Цонева Софийской и Пловдивской библиотеки и др. Очень любопытное обследование было произведено в приходах северной Трансильвании в окраинной области древнего "греко-славянского мира". По сви-

детельству П. Олтяну, "недавно в двухстах церквях Бихорского района было найдено больше 900 книг, из которых: 277 были изданы в Валахии — и в том числе 115 в Рымнику Вельчи; 12 напечатаны в Москве; 2 — во Львове; 2 — в Венеции (*Олтяну П. Некоторые особенности славянского языка Трансильвании // Romanoslavica. Bucureşti, 1958. Т. II. S. 79*). Чем дальше на юг, тем число московских книг должно быть значительнее. К сожалению, слависты почти не занимаются такой важной отраслью истории культуры, как география книги.

⁷⁷ Так, например, в говоре южномакедонского села Дъмбени (Костурско) зафиксирована лексема *крест*, хотя согласно общей звуковой системе следовало бы ожидать *крѣст* (запись от бабы Манушевой — собств. наблюдения).

⁷⁸ "В первое время, в XVI в., как будто болгары и сербы сознают, что имеют общий книжный язык, и когда они вынуждены писать на [языке] русской редакции, они как будто извиняются, что нашли не сербский, или болгарский, а русский источник. На этом сербско-болгарском языке пишется очень много сочинений, которые в первое время ближе к сербскому, чем к болгарскому языку. Так что этот язык мы можем разделить: в первый период сербизмов больше, а во второй — меньше" (*Цонев Б. История на български езикъ. София, 1934. Т. II. С. 289—290*).

⁷⁹ См.: *Лавров П. А. Дамаскин Студит и сборники его имени "Дамаскины" в юго-славянской письменности. Одесса, 1899*.

⁸⁰ "Язык дамаскинов не представляет единства в отношении того, что мы можем назвать народными элементами, потому что дамаскины пишутся разными лицами, употребляются в различных местностях и тем самым в них вносятся различные элементы болгарского языка. Дамаскины — народные книги, и их передавали из города в город, переписывали от руки разные священники и учителя, вносящие разные элементы" (*Цонев Б. Указ. соч. С. 296*).

⁸¹ См.: *Костић М. Српски језик као дипломатски језик југо-источне Европе од XV—XVIII вв. Скопље, 1924*.

⁸² См.: *Panaitescu P. P. L'influence de l'oeuvre de Pierre Moghila, archevêque de Kiev, dans les Principautés roumaines // Mélanges de l'Ecole roumaine en France. P., 1926. Pt. 1*.

РОЛЬ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИИ РУССКОГО, СЕРБСКОГО И БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В XVII—XVIII вв.

Посвящается проф. Франку Вольману

Поздний период истории древнеславянского литературного языка (XVII—XVIII вв.) существенно отличается от раннего и среднего периода. Ранний принято характеризовать как эпоху становления и "золотой век" древнеславянской книжности, средний — как эпоху дальнейшего развития, некоторой дифференциации (изводы), а затем стабилизации, завершившейся своеобразным "возрождением" древнеславянской книжной культуры (начиная от тырновской школы и кончая так называемым вторым южнославянским влиянием на Руси), а поздний период — как эпоху кризиса общего древнеславянского языка. Поздний период отличается также значительно более сложным соотношением в локальных районах единого "греко-славянского" ареала системы древнеславянского языка с языком народно-разговорного "субстрата", с промежуточными провизорными или потенциальными системами, с системой делового — "приказного" — языка (там, где он существовал),

с элементами других неславяноязычных систем, наконец, значительным расширением сферы литературы, функционирования литературного языка, процессом ликвидации синкретизма в литературе и возникновения новых жанров — иной ее структурной специфики, которую мы условно называем художественной.

Новые условия бытования привели в конечном счете к утере того доминирующего положения, которое было характерно для древнеславянского (церковнославянского) языка в период средневековья; но во многих сферах культурной жизни, правда, в различных локальных ареалах по-разному, поддерживалась еще традиция, сохранявшая и средневековую синкретическую литературу, и древнюю систему образования и духовного воспитания. Нельзя оставлять без внимания также опыты применения древнеславянского литературного языка в сферах новой светской образованности (например, "Арифметика" Магницкого и т.п.).

Таким образом, применительно и к позднему периоду истории древнеславянского языка можно говорить о возможности и необходимости использования синхронных срезов, о важности установления инвариантных типов и норм и построения на их основании моделей, о наличии единого центра и центростремительных тенденций, т.е. о тех же исследовательских приемах, которые были нами предложены при рассмотрении более ранних эпох истории единого древнеславянского языка¹.

При такой постановке вопроса обычно возникают два возражения. Первое: что следует говорить лишь об отдельных старославянских элементах в истории того или иного конкретного славянского литературного языка (русского, сербского и т.п.), и второе, отчасти из него вытекающее: что не было единого, древнеславянского литературного языка и его истории, а были лишь различные внешние влияния с Юга на Восток, с Востока на Юг и т.п., влияния на тот или иной славянский литературный язык со стороны другого славянского языка.

Однако нам представляется, что такая несколько ограниченная постановка вопроса указывает только на направление центростремительных тенденций в истории древнеславянского литературного языка и демонстрирует в общем лишь ряд атомарно взятых фактов, но не вскрывает имманентную эволюцию древнеславянского языка, даже изолированно представленную в каждом локальном ареале (т.е. на локально ограниченном круге памятников), не объясняет причин так называемого влияния и непосредственные связи отдельных этапов длительного развития единого древнеславянского литературного языка.

Если для эпохи средневековья, а также для XVII и XVIII вв. весь вопрос сводить к влиянию или заимствованию разных элементов из одного славянского литературного языка другим при отсутствии единого древнеславянского (церковнославянского), то непонятно, к какому конкретному славянскому языку (сербскому, болгарскому, русскому) следует причислить многочисленные архаические элементы (например, дательный самостоятельный, формы аориста, имперфекта и т.д.), которые были известны как живые лишь в эпоху старославянскую

или несколько позже. Ясно, что они будут в большинстве случаев (если исключить совпадения с формами в отдельных славянских языках) древнеславянскими или просто старославянскими. Наличие значительного числа таких элементов в литературном языке, бытовавшем в древности у южных и восточных славян, как будто ни у кого не вызывает сомнения, но, судя по данным памятников, они в одних случаях действительно остаются элементами, хотя и многочисленными, инкрустированными в систему древнерусского, древнесербского, древнеболгарского языков, которые, однако, сами не развивались совсем независимо от древнеславянского языка; в других случаях (в других памятниках) эти элементы уже столь многочисленны, что количество переходит в качество, — они сами уже образуют систему, т.е. демонстрируют древнеславянский (церковнославянский) язык средней и поздней поры.

Поэтому, когда речь идет действительно не о проникновении отдельных элементов из того или иного славянского языка в другой славянский литературный язык, а о восприятии всей системы древнеславянского языка определенного периода, целесообразно говорить не просто о заимствованиях и влияниях или отдельных "бродячих" церковнославянизмах, а о центростремительных и центробежных тенденциях, об унификации, создании и укреплении нормы или ее ослаблении, о различных центрах древнеславянской книжности, об их перемещении и соотношениях. Целесообразно говорить о существовании общей широкой платформы, которая обеспечивала взаимное воздействие и восприятие нормы доминирующего центра. Так, например, такая платформа, созданная еще в эпоху вслед за появлением славянской письменности, обеспечила так называемое второе южнославянское влияние, т.е. фактически реконструкцию древнеславянского языка, бытовавшего на Руси на южнославянской основе: второе южнославянское влияние обеспечило, в свою очередь, возможность более позднего (в XVII в. и особенно в XVIII в.) "славяно-русского" воздействия на славянский Юг, новую трансфузию древнеславянского литературного языка, получившего свою обработку в Западной и Московской Руси. Происходил любопытный процесс, уже отмеченный исследователями: русская книжность возвращала южным славянам их утерянное достояние — забытые ими слова и формы; в болгарском литературном языке вновь появились такие слова, как *броня, бедро, вельможа, вития, витязь, внезапно, вселенная, жезл, завет, тать, чертог, юноша* и др.²

Прибегая к образному сравнению, отметим, что единство древнеславянского литературного языка и соотношение с локальными изводами почти до конца его многовековой истории устанавливалось по принципу сообщающихся сосудов, в которых в конечном итоге обнаруживался общий уровень.

Последнему в истории древнеславянского языка процессу унификации на основе московского типа, происходившему в XVIII в., предшествовал период известной децентрализации, период XVII в., когда в локальных ареалах с большим или меньшим успехом применялся также литературный язык со значительной долей элементов народно-

разговорного субстрата. Так, в разных областях "греко-славянского" мира по-разному возникали условия для своеобразного двуязычия, отличного, правда, по своему характеру от латино-польского или румыно-славянского, в которых обе системы были достаточно независимы друг от друга. Возникало "двуязычие" с четкой взаимосвязью двух славянских языковых систем при доминирующей роли древнеславянской системы. Однако, в отличие от предшествующих эпох, в которых мы тоже можем обнаружить некоторую двойственность литературного языка, или два "типа", литературный язык XVII в., близкий к народно-разговорному субстрату, приобретает более четкую нормализацию и большую автономию по отношению к древнеславянскому языку. В Юго-Западной Руси, т.е. на Украине и в Белоруссии, формируется и занимает довольно прочное место в литературе почти всех жанров, в том числе и в литургическом, "проста мова", употреблявшаяся параллельно с древнеславянским. Известны даже литературные памятники, где тексты печатались на двух "языках", рядом на соседних страницах³. В Московской Руси дело обстояло несколько иначе; для нее в самых общих чертах справедливо замечание Лудольфа о том, что в Москве пишут по-славянски, а говорят по-русски, однако так называемый "приказный язык", имевший уже свою достаточно четкую норму, нельзя квалифицировать как древнеславянский. Древнеславянским также не был язык нарождающейся светской литературы, прежде всего сатирической, а затем и полемической, среди которой следует особо выделить старообрядческое "вяканье". Прежнее не столь разительное отличие между двумя "типами" усугубляется, и относительное единство литературного языка в каждом локальном ареале оказывается нарушенным. Новые проекты создания единого литературного языка на компромиссной основе, например проект Крижанича, отличаются значительными уступками в пользу системы, близкой к народно-разговорному субстрату⁴.

На славянском Юге (в Болгарии, Македонии, Сербии) процесс постепенного отхода от старых древнеславянских норм в XVII в. находит тоже свое достаточно яркое выражение, однако он не охватывает все литературные жанры, как в Юго-Западной Руси, и не приводит к созданию новой наддиалектной, но близкой к ним системы литературного языка, вроде "простого русского"⁵ или "приказного языка"⁶. Язык дамаскинов и подобной им церковно-проповеднической литературы в общем пестр и разнообразен, насыщен различными узколокальными диалектными чертами⁷. К тому же этот язык был жанрово ограничен и наряду с ним в текстах канонических и близких к ним сохранялся древнеславянский язык средней поры в изводах болгарских и сербских. Нормированного делового языка у южных славян в XVII в. не было (этот факт следует объяснять отсутствием своей государственности); не возникали также новые литературные жанры, характерные для переходного периода от литературы средневековой — синкретической — к литературе нового времени, к литературе светской; это следует объяснить общим упадком образованности и значительной изолированностью, характерной для сербских, болгарских и македонских книжников XVII в.

Сознавая, что при общей характеристике неизбежен схематизм и невнимание к некоторым, иногда существенным деталям, отметим все же, что для XVII в. на всей территории "греко-славянского мира" характерны активизация центробежных тенденций, возникновение локальных типов литературных языков (точнее — потенциально национально-литературных языков, функционировавших еще в довольно узкой и периферийной сфере литературы). Нельзя не сказать о кризисе единого древнеславянского языка, не сумевшего, несмотря на ряд опытов, проведенных на Востоке, расширить свои функциональные границы и обслужить новые, более светские или чисто светские жанры литературы; кроме того, об общей демократизации литературы и литературного языка, обусловленной необходимостью вовлечения широких народных масс в борьбу за свое национальное самосознание против исламизации, эллинизации, унии или, наконец, никоновской реформы. Эти же задачи вызвали позже обратный процесс — потребовали от южных славян, прежде всего сербов, в новых политических условиях XVIII в. борьбы за единство литературного языка в масштабах "греко-славянского мира", более строгого нормирования древнеславянского языка позднего типа и активного его внедрения в литературу. Следует отметить также, что XVII в. — эпоха довольно радикального отказа валахов и молдаван от славянского литературного языка и начало формирования румынского литературного языка.

Кризис единого древнеславянского языка в XVII в. не означал, однако, его ликвидации — он продолжал функционировать в церковной и сопредельной областях, приобретая при этом все более восточнославянские черты, на первых этапах украинские и белорусские, а затем и великорусские. Крайне интересен также процесс стилистического усложнения структуры древнеславянского языка, развитие типично барочных форм и стилистических приемов, стремление оградиться от параллельно нарождающихся новых потенциально-литературных языков, близких к народно-разговорному субстрату⁸. Если обратиться к внешней истории, то это "барочное платье", в данном случае "славянские узорные ризы", пришло в новый центр, в Москву, из Юго-Западной Руси — Киева и Вильны, из Киево-Могилянской школы, куда оно проникло вместе с латинской образованностью, и несло в себе черты итальянского и испанского *agudeza* (цветистого барокко), пришедшего на смену Ренессансу. Обращаясь к внешнему фактору — к истории миграции стилей, не лишне заметить, что, по мнению ряда исследователей, одним из первоисточников ренессансно-барочного стиля была Византия, вернее ее эмиграция⁹, хлынувшая на Запад и сыгравшая значительную роль в культурной и литературной жизни западноевропейских стран. Кривая культурной миграции шла через Средиземноморье, Центральную Европу, Польшу и дошла до Западной Руси и Москвы. Но в Москве эта "барочная волна" не оказалась чем-то новым и значительно отличающимся от известного уже с эпохи так называемого второго южнославянского влияния "плетения словес", источником которого была та же Византия, а посредниками — южные славяне¹⁰. Обращаясь к внутренней эволюции стилистических особенностей и средств церковнославянского языка, мы

наблюдаем как бы прямую линию преемственности и дальнейшего развития стиля от Максима Грека, Епифания Славинецкого и Карюна Истомина до Симеона Полоцкого и даже до Феофана Прокоповича.

Отношения древнеславянского языка к другим типам языка, к элементам уже зародившихся систем национальных литературных языков в XVIII в. были еще сложнее, чем в XVII в., однако исторические события, происшедшие в этот "просвещенный век", создали благоприятные условия для новой и на сей раз последней унификации единого древнеславянского литературного языка во всем "греко-славянском" ареале.

Конец XVII и начало XVIII в. характеризуется решительным подъемом России, упадком Турецкой империи, активизацией политики Габсбургов на Балканах, возникновением исторических предпосылок для последовавшего в XIX в. славянского национального Возрождения. Петр Великий прорубает окно в Европу, но не отводит своего взора от южных славян и южных морей — Черноморья и Адриатики. Сербы, поднятые на бунт Австрией, покидают после неудачи колыбель Неманичей и, ведомые патриархом Черноевичем, занимают Воеводину — военную границу по Дунаю. Болгары ждут своего освободителя, обращая взгляд на Восток к "дядю Ивану"¹¹. Южные славяне, отстаивая свою национальную самобытность, вынуждены вести борьбу на два фронта: прямую — против исламизации и внутреннюю, более сложную — против эллинизации, с одной стороны, и католичества и унии, с другой. Политическая ориентация южных славян на Россию, сознание своего племенного и культурного единства с восточными славянами требовали создания или сохранения общей с ними культурной платформы, восприятия или выработки единого языка. Петр I, его соратники и преемники хорошо сознавали свою культурную миссию по отношению к южным славянам. Борясь за демократизацию литературного языка в России, за его "омирщение", за отход от древнеславянской традиции, они в то же время организовывали и поддерживали деятельность переводчиков на "словенский" язык, среди которых были и южные славяне, такие, как Савва Владиславич и др., щедро снабжали славянский Юг церковнославянской литературой, направляли деятельность Синода и его миссионеров¹².

Так возникли внешние предпосылки формирования "славяно-сербского" языка — языка в основе своей древнеславянского, хотя и позднего московского типа, воспринимаемого на Юге как древний язык предков, как единственная гарантия сохранения и чистоты культурных традиций и национального достоинства. Так произошло, писал покойный А.И. Белич, что этот несербский язык защищал сербов от иноязычной ассимиляции¹³.

Для внутренней характеристики древнеславянского языка XVIII в., бытовавшего на славянском Востоке и Юге, чрезвычайно важно рассмотрение языковой ситуации, сложившейся в России в XVIII в., так как именно древнеславянский язык московского центра, как уже говорилось выше, оказался эталоном, нормой для всего "греко-славянского" ареала. Недостаток места не позволяет дать подробную

характеристику соотношений различных языковых стихий и систем в России XVIII в. Эту задачу успешно разрешали другие исследователи¹⁴. Наша цель иная, более скромного порядка: указать, какие системные компоненты русского литературного языка XVIII в., понимая его очень широко, как совокупность всех "штилей", легли в основу почти единого для сербов, русских и болгар "славянского" языка. У сербов и тем более у болгар мы не наблюдаем полной проекции русского литературно-языкового состояния XVIII в. Проецировалось на южнославянской почве преимущественно то, что было связано с многовековой церковнославянской традицией и что было в своей далекой основе южнославянским.

Практические задачи исследования, в основе которых должно лежать не сравнение отдельных фактов, а метод наложения моделированных систем, требуют довольно строгого определения соответствующих инвариантных норм для различных типов, или "штилей", каждого языка. Для русского литературного языка XVIII в., главным образом для начала и середины века, с достаточной четкостью можно моделировать лишь норму высокого "штиля", по сути своей, как полагал еще Ломоносов, мало чем отличавшегося от церковнославянского языка позднего периода, и норму низкого "штиля". близкого к языку народно-разговорного субстрата. Моделирование нормы среднего "штиля" будет чрезвычайно затруднительно из-за большого количества разнообразных вариантов форм и их соотношений, наличия элементов высокого и низкого стиля, т.е. из-за практической сложности или невозможности установления инвариантов. Это не следует понимать, однако, как утверждение о фактическом отсутствии среднего "штиля" в России в XVIII в., на основе которого, как известно, позже возник русский национальный литературный язык. Я позволю себе высказать предположение, что именно в этом плане можно воспринять мысль Г.О. Винокура о наличии в эпоху русского классицизма двух "штилей" — высокого и простого: нормы среднего стиля еще вырабатывались¹⁵.

В связи с этим любопытно напомнить приведенный Г.О. Винокуром отрывок из предисловия Фонвизина к переводу "Иосифа" Битобе. Фонвизин пишет, что "славенский" язык сам собою ясен, но не для тех, кто в нем не упражняется; нынешние же слова и речения, употребляемые в сообществе, т.е. низкий стиль, не всегда могут довольно изобразить важность авторской мысли. Отсюда возникает среднее решение: "Следовательно, слог должен быть такой, какового мы еще не имеем"¹⁶. Наиболее острый, полемический и центральный для истории русского литературного языка XVIII в. вопрос о возникновении и развитии среднего стиля — вопрос, без которого проблема формирования русского национального литературного языка не может быть успешно разрешена, — оказывается для целей наших наблюдений вопросом периферийным, почти выходящим за рамки исследования. Дело в том, что на южнославянскую почву в XVIII в. был перенесен древнеславянский язык московского центра, язык близкий, но не идентичный высокому стилю; затем был перенесен высокий стиль и примыкающий к нему среднеделовой историографический слог языка — слог, называемый современниками часто тоже "славенским", который на иерархи-

ческой шкале "штилей" XVIII в. можно отнести к верхним ярусам среднего "штиля". Остальные русские "штили" и их переходно-компромиссные решения оставались фактом только русской, а не общей южно-восточно-славянской истории литературного языка.

Для русского литературного языка XVIII в. в плане типологическом характерно наличие высокого стиля, т.е. структуры, близкой к древнеславянскому языку позднего периода, и коррелирующегося с ним низкого стиля, близкого к фиксации языка народно-разговорного субстрата; наконец, активное действие процесса нейтрализации, их сближения, т.е. формирование среднего стиля. Конечным результатом процесса, если понимать его в широком смысле, охватывая весь XVIII в., было установление единого в "штилевом" (а не стилистическом) отношении литературного языка, довольно близкого, но далеко не идентичного живому языку — языку субстрата. Исходным положением было наличие в литературе древнеславянского языка и примыкающего к нему высокого "штиля", низкого "штиля" и ряда переходных решений, т.е. значительное многообразие "норм". Для истории сербского литературного языка XVIII в. можно отметить типологически обратный процесс: от единства нормы к их множеству. От древнеславянского языка, прочно связанного со средневековой традицией, несколько сербизированного "сербульского" типа, языка, функционировавшего в письменности почти безраздельно, — к церковнославянскому языку позднего русского типа, к русскому высокому "штилю" и историографическому слогу среднеделового стиля русского литературного языка XVIII в., наконец, к некоторым попыткам введения народно-разговорной речи в литературу и к реализации средних решений.

В Сербии, главным образом в Воеводине, в XVIII в. шел процесс усложнения и удаления литературного языка от народно-разговорного субстрата¹⁷, ибо и русский среднеделовой стиль, перенесенный на сербскую почву, оказывался в новых условиях элементом высокого стиля, в функциональном и коррелятивном отношении даже более высокого, чем язык "сербульского" типа. Если понимать процесс в широком плане, в Сербии в эпоху XVIII в. произошло удаление от живого "просторечного" языка, которое позже, уже в первой половине XIX в. (но не в самом его начале) было ликвидировано революционным путем, когда Вук Караджич провозгласил полный отказ от церковнославянской традиции и обратился к герцеговинскому диалекту, вернее — к бытовавшему в Сербии, Боснии и Герцеговине языку фольклора, положив его в основу сербского национального литературного языка.

Указанное различие в процессах и результатах развития несколько не препятствовало, а наоборот, способствовало формальному сходству русского и сербского литературных языков XVIII в. Притом, если обратиться к языку такого произведения, как "Житие Петра Великого" Захария Орфелина¹⁸, то его уже нельзя квалифицировать как древнеславянский, однако нельзя отказаться от его рассмотрения в связи с общей поставленной проблемой, так как среднеделовой историографический русский стиль появился на славянском Юге не непосредственно, а через и вслед за древнеславянским языком московского типа.

Древнеславянский язык XVIII в. не только функционировал в литературе сам по себе, но и выполнял роль языка-посредника, организующего систему "стилей" в определенный период, создающего базу для объединения новых восточнославянских и южнославянских элементов литературного языка, для развития синонимии и других стилистических средств. Его основная модель оставалась определяющей для развития сербского и болгарского литературных языков XVIII в. — без этого была бы невозможна наблюдаемая нами языковая трансфузия с Востока на Юг, зафиксированная структурная трансформация сербского и болгарского литературных языков. При отсутствии такой общей, широко понимаемой модели дело ограничивалось бы отдельными, пусть даже многочисленными, заимствованиями, проникновением атомарных элементов, подобно тому, что мы наблюдаем в развитии современных славянских литературных языков.

Общая древнеславянская основа четко проступает сквозь ткань "славяно-русского", "славяно-болгарского" и "славяно-сербского" языков¹⁹.

Это становится особенно очевидным при анализе параллельных текстов, имеющих, как правило, общий источник, но подверженных переводу, вернее, редактированию в соответствии с языком всего произведения, частью которого эти тексты являются. Это легко проиллюстрировать на частично уже приведенных (см. ВЯ, 1959, № 6, с. 67) примерах из книги Мавро Орбини "Книга Исторіографіа початія имене, славы и разширенія народа славянскаго, и ихъ Царей и Владѣтели подъ многими именами, и со многими Царствіями, Королевствами, и Провінціями. Собрана изъ многіхъ книгъ Историческіхъ, чрезъ Господіна Мавроурбіна Архімандріта Рагузскаго... Переведена со італіанскаго на російскои языкъ, и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣнія Петра Великаго императора и самодержца всероссійскаго и прочая, и прочая. Въ Санктпѣтербургскои Түпографіи, 1722 году, Августа, въ 20 день" (перевод сделан герцеговинцем Саввой Владиславичем, именуемым Рагузским, под редакцией Феофана Прокоповича); книги Иоанна Раича "Исторія разныхъ славенскихъ народовъ наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ изъ тмы забвенія изятая и во свѣтъ историческіи произведенная Іоанномъ Раичемъ архимандрітомъ во Свято Архангельскомъ монастырѣ Ковилѣ. Часть первая. Въ Виеннѣ. При б. Г. Стефанѣ Новаковичѣ въ Славенно-Сербской, Валахиской и Восточныхъ языковъ Привилег. Түпографіи. 1794" и рукописи Паисія Хилендарскаго "Исторія славѣноболгарская, собрана и нареждена Паисіемъ іеромонахомъ въ лѣто, 1762", изданной И. Ивановым в Софии (1914 г.), а также из книги "Царственикъ или Исторія Болгарская коя то учи отъ гдѣ са Болгаре произишли, како са кралевствоваали, како же царствоваали и како царство свое погубили и подъ иго попаднаали изъ Мавробира Латинскаго, Баронія, Іоанна Зонаря, Буефира Французскаго, Теофана Греческаго, Светаго Евтимія Терновскаго, Светаго Димитрія Ростовскаго и другихъ лѣтописцевъ собрана. Изданіе первое. У Будиму. Писмени Кр. Свеучилишта Пештанскогъ 1844" (компиляция, принадлежащая перу Христаки Павловича Дупничанина, одного из представителей болгарских архаистов в эпоху,

непосредственно предшествующую образованию болгарского национального литературного языка).

Отрывок из книги Мавро Орбини ("славено-российский язык"):

"По немъ учинїлся наслѣдникъ Тарбаль или Тербель на королевствѣ болгарскомъ, Капитанъ изрядный, и человекъ веледушень. Сеи въ начаткѣ своего правїтельства, развоевалъ Аваровъ. Отъ которыхъ извѣстїлся что они были одолѣны за свое несогласїе, и за сребролюбїе ихъ главнїшихъ, тоя ради вїны повелѣлъ созвати народъ болгарскїи, и объявилъ имъ законъ таковъ: что, ежели кто изъ нїхъ найдень будетъ, и обличень въ воровствѣ, или въ какомъ нїбудь прегрѣшенїи, то безъ всякой пощады будетъ смертїю казненъ" (с. 292—293).

Отрывок из книги Иоанна Раича ("славено-сербский язык"):

"Сему храброму Вождю и основателю Царства во владѣнїи послѣдовалъ Тербель, или Тарбагъ Краль V, человекъ великодушный и изрядный Вождь воинства Болгарского. Той во еже показати храбрость свою, абїе по прїятїи правителства воевалъ съ успѣхомъ на Авари, и отъ ихъ Началниковъ сребролюбываго нрава возгнушався, указъ издалъ, да, естли кто отъ Болгарского Народа или въ воровствѣ, или во иномъ каковомъ погрѣшенїи найдется и обличень будетъ, безъ всякїя пощады смертную понесетъ казнь. Тако о сихъ пишеть Мавроурбинъ на ст. 292" (с. 352—353).

Отрывок из рукописи Паисия Хилендарского, изданной Й. Ивановым ("славено-болгарский язык"):

"По нѣмъ. оучїнїлїи. болгарїи себѣ, крала бѣго Трївелїю/чловѣкъ. йзрѣдєнь. вѣлєдєшєнь благополчєнь. сеї. вѣ начѣле. своєгѣ. кралѣвства. развоевалъ аравѣва /.../ за сребролюбїе й грабїтельство. аварско й повелелъ сѣзвѣати народъ. болгарскїи. й ѡбавїлє. ймѣ. законъ. таковъ. акѣ се. кѣи. ѡнїхъ. наїдѣть. и ѡблїчєнь. бѣдєть. за некоє. злѣо делѣ. да смртїю кѣзненъ. бѣдєть" (с. 17—18).

Отрывок из книги Христаки Павловича Дупничанина ("архаичский" литературный болгарский язык середины XIX в.):

"Тривелїй. По Батоя настана Тривелїй. Онъ бешє человекъ весьма великодушєнь и благополучєнь во бранєхъ. Най напредъ востана на Маджаре те и Аваре те, и разби ги, зацо то испѣдїха Болгаре те изъ Панонїя. Онъ устави и судъ въ Болгаре те и законъ, за да се судатъ и наказувать зли те: кое то до негово то време немашє въ Болгаре те, сирѣчь нїти законъ нїти Судъ" (с. 21).

Сходство языка и общность церковнославянской основы очевидны даже в приведенных первых трех кратких отрывках. И если отнестись внимательно к различиям в этих отрывках, станет ясно, что в "славено-сербском языке" Иоанна Раича несколько больше русизмов, чем в переводе Саввы Владиславича на "россійской" язык:

С. Владиславич (славено-российский яз.)	И. Раич (славено-сербский яз.)	Паисий (славено-болгарский яз.)	Хр. Павлович (болгарский "архаичный")
учинїлся	послѣдовалъ	оучїнїлїи	настана
Капитанъ	Вождь	крала	—
изрядный	изрядный	йзрѣдєнь	—

С. Владиславич (славено-россий- ский яз.)	И. Раич (славено- сербский яз.)	Паисий (славено- болгарский яз.)	Хр. Павлович (бол- гарский "архаичный")
веледушень	великодушный	вѣледушень	великодушень
въ начаткѣ	по пріятіи	въ начѣле	най-напредѣ
правітелства	правителства	кравлевства	—
развоеваль	воеваль съ успѣ- хомъ	развоевалъ	разби
повелѣль	указъ издалъ	повелелъ	устави
въ воровствѣ	въ воровствѣ	за некоѣ зло дѣло	—

Интересно отметить в языке И. Раича такие слова, как *послѣд-
оваль, великодушный, воеваль съ успѣхомъ, изрядный*, вместо соответ-
ственных в первоисточнике *учинїлся, веледушень, развоеваль, изрядный*.
У С. Владиславича любопытно западное заимствование — *Капитань*.
Язык Паисия лексически несколько ближе к языку С. Владиславича,
но грамматически дальше, так как в нем ощущаются элементы ана-
литизма (*крѣла стѣго Тривелію / чловѣкъ. ѱзрѣдены...*), хотя и отсутствуют
характерные для болгарского языка членные формы. Язык Хр. Павло-
вича довольно последовательно отражает аналитизм (исключение —
устойчивые сочетания, напр., *во бранехъ* и т.п.), наличие членных
форм, и лексически он значительно ближе к языку болгарского народ-
ного субстрата. Различие между языком Хр. Дупничанина и языком
Паисия большее, чем между языком Паисия и языком И. Раича и
С. Владиславича. Число подобных примеров можно было бы значитель-
но умножить.

Древнеславянский язык московской редакции и примыкающий к
нему высокий стиль в последней четверти XVIII в. почти безраздель-
но господствуют в сербской, а в значительной мере и болгарской
литературах, еще не приобретших своего вполне самостоятельного
характера. Традиционное представление о единой славянской книж-
ности вынуждало сербских и болгарских писателей обращаться к
единому языку, а таковым, по мнению Иоанна Раича и его современ-
ников, "был древний славенский всемъ общій, называемый церковным".
Любопытно высказывание И. Раича в предисловии к его "Цветнику"²⁰:
"Ѣже стїла касаетса въ книзѣ сей оупотребленнаго. Онъ ёсть дрѣвній
славенскій всѣмъ общій, иначе называемый церковный. Оупотребленъ же
наипаче за то, дабы сходенъ былъ с бїблїческимъ стїломъ въ нра-
вовченїяхъ оупотребленнымъ. Иначе бы слогы со всѣмъ раздранъ былъ и
непрїятенъ, аще бы помѣшани были діалекты, ниже аще бы прѣстымъ
сѣрбскимъ наречїемъ писано было мѡгль бы йнъ ктѡ ѿ благочестївыхъ
слованъ ползоватиса" (стр. XI). Досифей Обрадович, писатель, обра-
щавшийся к народному языку и известный поэтому в истории лите-
ратуры как предшественник Вука Караджича, отмечал, что славянин —
это всеобщее имя, объединяющее славянские народы: "всех этих
народов мать — язык славянский, который ныне в благополучной Рос-
сии в всевысочайшее совершенство приведен". Он писал: "С л а в и, или

болѣ реѣи, Славяни, то е всеобщте име: подь овымъ именемъ узымаюсе Русси. Поляцы, Боеми, Хорвати, Словацы или Тоти у Маѣарской, Сербли и Болгари. Овысвію Народа мати е Єзыкъ Славянскій, кой е садь у благополучной Россіи у всевысочайше совершенство доведень: будуѣи да онде царствуе све высоке науке и зная на нѣму се издаю. Сви овіи Народи не могу се ласно меѣу собомъ разумѣвати... Нашъ преизрядный Терлаичъ, онѣ прекрасно и пресладко славянски пише: онѣ е у тому стѣлу наша пчела, и нашъ Ксенофонть. Али нека ми нѣгова мила любовь опрости: то ніе за Серблѣ селяне, за кое смо мы дужни много старатисе и трудити; зашто е у свакомъ Народу селяна найвыше и преконайвыше”²¹.

Однако представление о том, каким должен быть такой “славенскій книжный яко обоюдный языкъ” (по термину Максима Суворова)²² в XVIII в. у южных славян менялось. Эволюция славянского книжного “обоюдного” языка у сербов и болгар в XVIII в. была значительной, и вызвана она была не столько влиянием народно-разговорного субстрата, сколько все более интенсивным к концу века воздействием языка московского центра.

Любопытно отметить, что язык московского центра оказывал воздействие на развитие славянских литературных языков в XVIII в. и вне греко-славянского мира, в частности на язык далматинских католиков-глаголитов. В XVIII в. в Далмации началось активное движение за исправление глаголических книг по образцу славянских книг московского издания, введение древнеславянского языка позднего периода. В этом движении активно участвовали: Мате Караман — надбискуп задарский, Иво Карсана — надбискуп задарский, Пацифик Бица — надбискуп сплитский, Никола Динарич — надбискуп сплитский, ранее бискуп осорский, Иван Лука Гаранин — бискуп рабский, позже сплитский, Фра Иван Доменик Стратико — бискуп новоградский, граф Карло Камуцие — бискуп копарский, Иван Петр Голчина (Galzigna) — бискуп рабский, Антун Белглава — бискуп зантский, затем корчульский и трогирский и др. Вдохновителем реформы языка глаголических книг был, видимо, Винценц Змаевич, надбискуп барский, затем задарский, брат известного адмирала Матии Змаевича, служившего в русском флоте у Петра Великого. Винценц Змаевич посылал для изучения древнеславянского языка в Россию в ранге апостольского миссионера Мату Карамана, бывшего одно время военным капелланом у адмирала Змаевича. М. Караман привез из России в качестве учителя древнеславянского (церковнославянского) языка Мату Совича, далматинца по происхождению, родившегося и воспитывавшегося в России. В. Змаевич, М. Караман и М. Сович считались основными знатоками древнеславянского языка и вдохновителями реформ по исправлению глаголических книг. Большую роль в распространении позднего древнеславянского литературного языка московского центра сыграла иллирская семинария (“Seminarium Zmajoillyricum”) в Задре, основанная в 1748 г. В течение почти полувека лингвистическое образование в этой семинарии велось по грамматике Мелетия Смотрицкого. То же положение было в Прицкой семинарии около Оми-

ша. В Люблянской студийской библиотеке сохранилась приготовленная для печати рукопись М. Совича — незначительная переработка грамматики М. Смотрицкого с предисловием на латинском языке²³.

Несомненный интерес для истории древнеславянского литературного языка позднего периода и его влияния на глаголическую письменность представляет сочинение того же М. Совича (*Sovich M. Riflessioni sull'ignoranza della lingua slava letterale in Dalmazia, Venezia, 1787*). Сторонники церковнославянского языка московского типа считали его языком очень древним, возводя чуть ли не к св. Иерониму²⁴, широко распространенным в Восточной и Южной Европе и в Азии и единственным на всей этой территории (см. *Sovich M. Riflessioni...*, с. 15); все другие языки представлялись лишь диалектами этого языка (языка-матицы), разнообразными и "испорченными"²⁵.

В Далмации в XVII в. влиянию древнеславянского литературного языка московского центра предшествовало влияние древнеславянского языка киевского центра. Это влияние не было непосредственным, как в XVIII в., а проводилось через Рим, через католическую Конгрегацию пропаганды, стремящуюся увеличить число богослужебных книг западного обряда на древнеславянском языке. Основной целью пропаганды было распространение унии. Однако книги на позднем древнеславянском языке киевского типа попали в основном в среду хорватских католиков-глаголитов и, надо полагать, сыграли известную положительную роль в их борьбе против латинизации службы и литературы. Проводниками этого влияния были Рафаил Левакович, бывший в довольно близких отношениях с Иосафатом Исаковичем, Филиппом Боровичским и Мефодием Терлецким, автор ряда книг, в которых ярко отразились поздние церковнославянские и даже некоторые украинские черты, и Иван Пастрич, продолжавший дело Р. Леваковича.

У сербов в первой трети XVIII в. бытовал литературный язык "сербульского" типа, продолжавший местную древнеславянскую средневековую традицию. Таким языком писали монахи-переписчики, выходяцы из книжной школы монастыря Рача — Киприан Рачанин, Ерофей Рачанин, Христофор Рачанин, Симеон Рачанин, отчасти Гаврила Стефанович Венцлович и др. Их деятельность почти не выходила за рамки копирования старых списков миней, часослова, псалтыри и т.п., и в этих случаях язык их был достаточно однородным. Когда возникали новые произведения, выходящие из жанровых границ средневековой славянской литературы, наблюдались отступления от нормы, главным образом в пользу языка субстрата. Таковы были "Путешествие к граду Иерусалиму Иерофея Рачанина"²⁶, написанные почти народно-разговорным языком рукописные сочинения Гаврила Стефановича Венцловича: "Поучения и слова разлика и пролози нарочитым светлым и праздником", "Разглагольник", перевод "Меча духовного" Лазаря Барановича и др.

Гаврило Стефанович Венцлович еще в первой половине XVIII в. попытался обосновать возможность употребления двух стилей — "книжного" и "простого": "книжного" для духовных нужд и "простого" для нужд дидактических, для просвещения народа²⁷. Однако дальнейшее развитие сербского литературного языка шло не по планам Венцло-

вича, а по линии все более активного проникновения древнеславянского языка московского типа и славяно-русского языка, краткая характеристика которого была дана выше. Таким языком писали Христофор Жефарович (см. его "Стематографию", "Поучение святительское" — почти перепечатка с русского оригинала начала XVIII в., "Описание святого божия града Иерусалима"); им же пользовался Захарий Орфелин (см. его "Житие Петра Великого", "Плач Сербии", журнал "Славеносербский магазин" с многочисленными перепечатками из русских авторов, созданный по образцу "Ежемесячных Сочинений" Феодора Миллера); затем Павел Юлинац (см. его "Краткое введение в историю происхождения славено-сербского народа" и его перевод "Велизария" Мармондителя, сделанный по сути дела не с французского оригинала, а с имевшегося уже русского перевода); наконец, так же, пожалуй, писал и самый яркий представитель славено-сербской литературы Иоанн Раич, автор "Истории разных славенских народов" и многих других произведений. Раичу же принадлежат перевод, вернее незначительная языковая редакция, "Катехизиса малого" Гедеона Криновского, "Краткого катехизиса" московского митрополита Платона, "Теологического Тела" Феофана Прокоповича (выборочно), "Трагедии о смерти царя Уроша Пятого" Емануила Козачинского, переработка "Камня веры" Стефана Яворского и многие другие.

До сих пор не проделана, к сожалению, важная работа: не приведена полностью литература на церковнославянском и "российском" языке, издавшаяся в России, подвергнутая сербами редактированию или так называемым "переводам", и не произведен параллельный анализ языка оригиналов и переводов. Такой анализ даст возможность установить специфику "славено-сербского языка" второй половины XVIII в., которая пока определялась, в основном, по внешней истории литературных заимствований и связей. Б. Унбегаун дал известную в науке периодизацию истории сербского литературного языка XVIII в.²⁸: I этап — до 1740 г., "сербульский" тип; II этап — от 1740 до 1780 г., церковнославянский московский тип; III этап — от 1780 до начала XIX в., "славяно-сербский", близкий к русскому высокому "штилю", отчасти к среднеделовому стилю, наряду с языком, отражающим черты народного субстрата. Но такая периодизация, как указывал еще А.И. Белич, в какой-то мере условна²⁹.

Во второй половине XVIII в. в сербской литературе, если учесть еще деятельность Досифея Обрадовича, Иована Мушкатировича, Эмануила Янковича, внесших в литературу живую народную струю, наблюдается почти одновременное наличие некоего "норма", их большой диапазон, т.е. отсутствие возможности создать единую, достаточно четкую и подробно программированную модель. Видимо, определение языка отдельных писателей и произведений этой эпохи возможно при последовательном наложении нескольких моделей: "сербульской", древнеславянской позднего московского типа, русского литературного середины XVIII в. (определенного стиля и типа), сербского литературного середины XIX в. и др. Трудно также говорить о каком-либо распределении типов или вариантов сербского литературного языка XVIII в. по жанрам или о какой-нибудь упорядоченности по соот-

несенным между собой "штилям". Если не считать чисто церковную, связанную с литургической функцией литературу, где в общем до середины XIX в. народный язык или хотя бы язык с элементами народно-разговорного субстрата считался недопустимым, в остальной сфере была довольно сильная пестрота — обилие переходных "норм". С другой стороны, если исключить литературу, пользующуюся языком, близким к народному, литературу еще немногочисленную, во всех остальных образцах все же довольно четко проступает единая древнеславянская модель в достаточно широком смысле этого слова.

То же приблизительно положение наблюдается и в истории болгарского литературного языка. Здесь процесс трансформации проходит в общем по тем же этапам, что и в Сербии, но со значительным запозданием³⁰. Общее языковое состояние, характерное для XVII в., длится почти до второй половины XVIII в., до появления "Истории славено-болгарской" в 1762 г. В ней Паисий Хилендарский мозаично синтезировал, во многом под влиянием источников³¹, древнеславянский язык позднего типа, славянороссийский, славяно-сербский и язык, свойственный дамаскинам рыльского "круга", т.е. довольно близкий к языку субстрата. С этого периода и до конца 20-х годов XIX в. усиливается церковнославянское русское влияние, хотя и не достигает тех значительных результатов, которые наблюдались в Сербии. В 30—40-х годах довольно четко выявляются две антагонистические линии в развитии болгарского литературного языка — линия "архаистов" и линия "новаторов". Архаисты решительно выступают за связь с церковнославянской традицией (Христаки Павлович Дупчанин, Константин Фотинов и др.), новаторы с еще большим экстремизмом провозглашают разрыв с этой традицией (Петр Берон, Иван Богоров и др.). Эти факты истории болгарского литературного языка XIX в., так же как и сербского литературного языка XIX в., должны рассматриваться уже в связи с проблемой становления южнославянских национальных литературных языков, так как в целом ряде случаев они сопряжены с острыми филологическими дискуссиями той поры и уже не связаны с задачами изучения церковнославянского языка, понимаемого нами как единая языковая модель, которой пользовались одновременно в разных локальных ареалах "греко-славянского мира".

В заключение приведем небольшую иллюстрацию. Изучение общих явлений в развитии южно-восточнославянских литературных языков XVIII в., исследование судьбы единого древнеславянского языка поздней поры, его трансформации и соотношения с другими языковыми системами весьма поучительно в плане типологического исследования истории литературных языков и рассмотрения их структурных компонентов. Такое изучение, безусловно, может и должно иметь свою особую проблематику. Однако даже с более локально ограниченной точки зрения при исследовании какого-либо отдельно взятого литературного языка, например, русского, нередко большое значение приобретает конкретный материал литературного языка, распространенного в другом локальном ареале, например, болгарского или сербского. Такой материал в применении к феодальной эпохе, т.е. к среднему периоду

истории древнеславянского языка, помогает выявить при методе наложения моделей или непосредственного сопоставления памятников одинакового содержания границу между древнеславянским и русским типами литературного языка, бытовавшего на Руси. Короче говоря, то, что окажется общим для языка сербских, болгарских и русских памятников, следует отнести за счет обоюдного древнеславянского языка, а отличия в каждом локальном ареале — за счет соответствующего литературного языка или элементов местного субстрата.

В отношении русского литературного языка XVIII в. положение в принципе то же самое — здесь также возможно наложение или сопоставление текстов одинакового содержания, что дает возможность определить наиболее характерные и выделить уже отжившие элементы языковой нормы конкретной эпохи или даже ее конкретного периода. Выше упоминался ряд русских произведений, переизданных или переработанных сербами. Но известно и обратное положение: в России перерабатывались и переиздавались книги "славяно-сербской" литературы. Так, например, уже упоминавшаяся книга Захария Орфелина "Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго самодержца всероссійскаго съ предположеніемъ краткой Географической и политической Исторіи о Россійскомъ Царствѣ. Нынѣ первѣе на Славенскомъ языкѣ списана и издана. Часть перьвая. В Венеціи. В Типографіи Димитрія Θεодозія 1772. *Con licenza de'superiori*" была переиздана через два года в Петербурге со следующим изменением заглавия: "Житіе и славныя дѣла Петра Великаго самодержца всероссійскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ Государствѣ. Первѣе на Славенскомъ языкѣ изданное в Венеціи, а нынѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ преложеніемъ нѣкоторыхъ славеносербскихъ словъ на Россійской, съ гравированными планами баталій и взятыхъ крѣпостей, и на всѣ великія дѣйствія медалями напечатано. Томъ первый. Печатано иждивеніемъ купцовъ: Санктпетербургскаго Сергея Копнина и Иркутскаго Ивана Байбородина. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1774 года".

Второе петербургское издание отличается незначительными коррективами в отношении исторических фактов и языковой редакцией. Об этой редакции в "предувѣдомленіи отъ трудившихся въ напечатаніи сей книги" довольно многозначительно сказано, что помимо первой причины — некоторых исторических неточностей — "вторую и не меньше важною полагается та, что какъ сія книга печатана единственно для славяно-сербскаго народа, то и слогъ въ ней, коимъ она написана, употребленъ болѣе тому народу, а не Россійскому свойственный³², так что многія въ ней находятся не токмо такія слова, но и самыя выраженія, которыхъ знаменованія не токмо неупражнявшіеся въ свободныхъ наукахъ Россіяне, но и тѣ самыя, кои довольное въ оныхъ препроводили врѣмя, не зная славенского языка, съ великимъ трудомъ разумѣть совершенно могутъ". Но если подвергнуть тщательному анализу петербургский "перевод" или "исправление слога", над которым трудился "коллежской Секретарь Василій Алексѣевичъ Троепольской", станет ясно, что эти исправления малочисленны, незначительны

в отношении общего стиля и языка книги, но поучительны для истории русского литературного языка последней трети XVIII в.

Приведем для примера отрывок из предисловия венецианского издания — образец языка Захария Орфелина:

“Сего-то преславнаго Императора, несравнеаго Героя, нынѣшняго Царства Россійскаго Основателя, Просвѣтителя и Отца Житіе и славныя дѣла описаны почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, единъ только Славенской былъ по сіе время таковаго утѣшенія лишень, за тѣмъ что народы того языка на Юго-Западу обитающіе самы того учинить средства не имѣли, а отъ Россіянъ того ожидать уже и утомились, и такъ остались всегда въ одномъ только напрасномъ желаніи, въ которомъ и я съ нимижь находился, и которымъ единственно возбужденъ выдать настоящую о высокопомянутомъ Императорѣ исторію на нашемъ Славенскомъ языкѣ”.

В петербургском издании все сохранено слово в слово. Из различий можно указать только: *несравненнаго, одинъ, на Юго-западъ, сами, съ нимижь*. Таков, приблизительно, характер правки в этом большом двухтомном труде. Приведем все различия из посвящения и обширного предисловия подряд.

Венецианское издание	Петербургское издание
многіи Историческіи книги	многія историческія книги
в сравненіи	въ сравненіи
діалектѣ	языкѣ
другіи націи	другія націи
притомъ Имперія, какъ и родъ / = /	притомъ какъ имперія, так и / = /
Россійской	народъ Россійскій
чинному состоянію	состоянію
вѣжеству знаній	искусному знанію
націа	нація
шляхетства	дворянства
призываеміи цѣлыя колоніи	призываемыя цѣлыя колоніи
живописства и скульптуры	живописи и архитектуры
недостаточества	недостатка
изволить Ваше Величество... / = /	изволите Ваше Величество... / = /
зывать	зывать
соизволяетъ	соизволяете
обдаренной	одаренной
приобъявленіемъ	объявленіемъ
впервое	въ первое
здесь	здѣсь
да соблагоизволить	да соблаговолить
столѣтствія	столѣтія
вѣдати	вѣдать
дикой (народъ)	дикій
личенной	лишенный
такъ къ себѣ, какъ и къ...	какъ къ себѣ, такъ и къ
крайнымъ у сосѣднихъ дер-	крайнимъ отъ сосѣднихъ дер-

жавъ /=/ бѣдствіямъ
 съ Полудна
 преодолѣть оныя
 дивитися
 напротивъ
 Швеція лежитъ спрятана
 отъ онаго Престола, коего /=/
 она... имѣла
 попытывались (опечатка?)
 высвободить
 Христіанской (род)
 воскресль
 чрезъ введенныя, военныя /=/
 законы
 такъ въ Морскихъ какъ и въ /=/
 сухопутныхъ
 коль много труда стояло (опечат-
 ка?)
 способъ, коего Петр... выбралъ
 почель за необходимо нужное /=/
 дѣло, было чтобы завести
 распространити
 размножити
 не могъ надѣяться совершенно-
 му /=/
 намѣреній своихъ произведенію
 оставлять
 увѣритися
 Азіатическими
 въ Холландіи
 какъ настоящей плотникъ
 отъ такихъ его... предпріятіяхъ
 регулярныя войски
 и какъ на суху
 сосѣднихъ... домашнихъ
 побѣдилъ оногo... которой
 возвращеніемъ... Провинцей
 не была едина (печаль)
 претворити
 изничего быть оному учинити
 вселятися
 природныя дикія нравы
 преобразались... въ наученныя
 и политизованныя граждане
 верфты

жавъ /=/ бѣдствіямъ
 съ Полудня
 преодолѣть оныхъ
 дивитись
 противъ
 Швеція лежитъ сокрыта
 отъ онаго Престола, который /=/
 она... имѣла
 попытывались
 освободить
 Христіанскій
 воскресъ
 чрезъ введенные, военные за- /=/
 коны
 какъ... такъ

 коль много труда стоило

 способъ, который...

 дѣло... чтобы завести
 распространить
 размножить
 не могъ надѣяться совершенна-
 го /=/
 намѣреній своихъ произведенія
 оставлять
 увѣритися
 Асіатическими
 въ Голландіи
 какъ настоящей плотникъ
 отъ такихъ его... предпріятій
 регулярныя войска
 и какъ на сухомъ пути
 сосѣднихъ... домашнихъ
 побѣдилъ оногo... который
 возвращеніемъ провинцій
 не была одна
 претворить
 изъ ничего бытіе оному дать
 вселятися
 природные дикіе нравы
 преобразались... въ наученные
 и политическіе Граждане
 верфи

Агличены
 ради удобнѣйшаго проходу
 мѣсто, гдѣ прежде едва четыре /=/
 шалаша или колебы убогихъ /=/
 рыбацей быть могли
 сдѣлано
 иногдашнихъ Афинскихъ музъ
 двадесятилѣтнюю
 присудственныя
 внешныя
 писати
 напередъ
 представить
 что Петръ... был Первой
 на свѣтъ, на которого...
 изъ публичныхъ газетовъ
 вѣрिति
 писателіе
 одного закону
 отводить
 повѣстьями
 осторожностью
 не уничтожалось
 я не лучшей
 еще менѣ
 за недостаточность матеріахъ
 обикновенно
 съ пріятностью
 мое недостаточество
 нужнымъ
 типографическія (опечатка?)
 не только
 сверху

Агличане
 ради удобнѣйшаго прохода
 мѣсто, гдѣ прежде едва четыре /=/
 шалаша убогихъ рыбаковъ /=/
 быть могли
 сдѣлано
 древнихъ Афинскихъ музъ
 двадесятилѣтнюю
 присутственныя
 внешнія
 писать
 напередъ
 представить
 что Петръ... был первый
 на свѣтъ, на которой
 изъ публичныхъ газетъ
 вѣрить
 писатели
 одного закона
 отводить
 повѣстьми
 осторожностію
 не уничтожилось
 я не лучшій
 еще менѣ
 за недостаточность матерій
 обыкновенно
 съ пріятностію
 мой недостатокъ
 нужнымъ
 типографическія
 не токмо
 сверху

Примечание: знак равенства — переноса означает, что следующая строка является продолжением предыдущей.

На первый же взгляд можно заметить, что в "славено-сербском" венецианском издании встречаются такие формы, как: *дикой, лишенной, перьвой, первой, христіанской, лучшей, которой, настоящей плотникъ; другіи націи* (отражение редукации?), *одного закону, ради... проходу, еще менѣ высвободить, обдаренный, съ пріятностью, осторожностью, повѣстьями, изъ публичныхъ газетовъ, не только, спрятана* и т.п.; им соответствуют в исправленном петербургском издании формы, которые можно характеризовать как "более церковно-славянские"; часть из них по происхождению южнославянские: *дикій, лишенный, первый. христіанскій* [хотя в петербургском издании встре-

чаются и формы на *-ой* в тех же случаях, что и в венецианском: *языческой и христианской* (первые строки "Предисловия"), *лучший, который, настоящий плотник, другя наци, освободить, одаренный, съ прятностью, осторожностію, повѣстьми, изъ публичныхъ газетъ, не токмо, сокрыта* и т.п. Так, в какой-то мере можно сказать, что "славеносербский" язык был в определенное время, у определенных авторов *plus gusse que le gusse même*. Надо полагать, что это не простой парадокс, а некоторое отражение тех исторических условий, в которых развивались южно- и восточнославянские языки — русский, сербский и болгарский в XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Толстой Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // ВЯ. 1961. N 1.

² См. Цонев Б. Руско-български паралели // Славянски глас. С., 1902. I.

³ Любопытным памятником такого рода является книга, изданная в 1607 г. в Остроге: "Лекарство на опсальный умысль чловѣчи". Языковая обстановка в Западной Руси в XVI—XVII вв. обстоятельно изложена в интересной монографии А. Мартеля (см. Martel A. La langue polonoise dans les pays ruthenes Ukraine et Pussie Blanche 1569—1667. Lille, 1938); см. также ценное собрание свидетельств современников: Тумов Хв. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Київ, 1924.

⁴ Язык Крижанича — опыт создания общеславянского литературного языка, произведенный под сильным воздействием языка хорватско-сербского народно-разговорного субстрата. Под "обычным Рѣским писмѡм" Крижанич понимал древнеславянский язык позднего московского типа, а всех славян он считал "от всѣх Рѣского народа поколенья". Такую терминологическую подмену Крижанич вводил сознательно, желая подчеркнуть первенство русских среди других славян и исконность их славянской речевой культуры [... *зѣйк наш сѣь, коьим ми кнѣги пишѣ, и божїе слѣбжи отправльаєм, зовѣте словинским: гди по правде морал би (должен был бы) се зват Рѣским — Граматично изказанје. Изд. О. Бодянского. М., 1859, с. 1]. Кратко лингвистическое интерславянское сredo Крижанича изложено им самим в предисловии к знаменитому грамматическому труду "Граматично изказанје об рѣском зѣйку": "Ко чтїтельем предопойнок: об писмѡ и об говорѣнїю нашем, въ сїх предѡчных кнѣжицах. Наипервлье мѡлю всакого добротна чтїтеля овїх кнѣжици, да се неподивїт семѡ моємѡ начїю писмѡ и говорѣнїа: зачто оно несходїтсе во всѣм со обїчным Рѣским писмѡм. Равнѡ бо кѡво въ Грѣчскѡ зѣйкѡ знїятї сѡт отмінї: и Грѣчки писатѣльї кїж Атїчанскоѡ, кїж Дѡрскоѡ, кїж ѡбщеїя отмінїю јесѡт писѡли: а једнакоже от всїх без похѣли чтени бїли: сїце и јѡ начїај се, жеже и мојѣ сѣ говорѣнїе от всїх Рѣского народа поколеньї и отмінї бѡдет разѡмьлнѡ: сѣ јест от самїх Рѣсанѡв, и от Словїнцев, и от Лѣхов, и от Чѣхов. Ј дїя ради сего просїдїт јесем сїце говорїт (: бѡто обїчим нїкоьим зѣйкѡ): даби от всїх бїло разѡмьлнѡ. Страншїнїї бо овдї нїкаковиже нїст: ни въ рїчех, ни въ составльѣнїю бесїди. А претвѡрїи и завершѡнїа рїчѣм такоѡ избрѡх, кѡја сѡт обшенїа, илїти внѡжим нашїм отмінїам обїчна. Сїце јѡ процїнѡхї гѡдно бїт".*

⁵ См.: Ogijenko Iwan. Język cerkiewno—słowiański na Litwie i w Polsce w ww. XV—XVIII // Prace filologiczne, Warszawa, 1929. T. XIV. S. 525—543.

⁶ См.: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М. 1938. С. 45—46; Он же. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958. С. 82—98; Никифоров С.Д. Язык московской письменности XIV—XVII веков // РЯШ. 1947. N 1. С. 10—13.

⁷ "Язык дамаскинов не представляет единства с этой стороны, т.е. в отношении того, что можно назвать народными элементами, так как дамаскины пишутся различными лицами, употребляются в разных местностях и тем самым в них вносятся и разные элементы болгарского языка. Дамаскины — народные книги, их передавали из города в город, переписывали разные священники и учителя, внесшие разные элементы" (см.: Цонев Б. История на български език. С. 1934. Т. II. С.296).

⁸ См. ответ И.П. Ерѣмина на вопрос N 11 анкеты, посвященной проблеме образования восточнославянских национальных языков (ВЯ. 1960. N 6).

⁹ См.: Геровский Г.И. О специфике литературного двуязычия восточных славян // ВЯ. 1959. N 3; Denisoff E. Maxime le Grec et l'Occident. Paris: Lonvain, 1943.

¹⁰ См.: Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958; Сперанский М.Н. Из наблюдения над сложными словами (composita) в стиле русской литературной школы XV—XVI вв. (Из истории византийско-южнославянского-русских связей) // Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960; Яцимирский А.И. Из истории славянской проповеди в Молдавии // ПДПИ, CLXIII. СПб., 1906.

¹¹ См.: Снегаров И. Культурни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII вв. С., 1953.

¹² Так, например, 2 июня 1724 г. Синод определил быть Суворову учителем у сербов и согласился на ежегодное ассигнование по 300 руб. для найма учителя греческого языка в распоряжение митрополита Моисея. Малаеску было выдано 70 экземпляров славянской грамматики Мелетия Смотрицкого в издании Поликарпова 1721г., 10 экземпляров лексикона трехязычного того же Поликарпова (всего на 150 рублей). Тогда успокоенный Малаеску, забрав вещи, уехал через Киев в Сербию, выдав доверенность 27 июля архимандриту Симоновского монастыря Петру Смеличу Смиляничу, сербу по происхождению, на получение денег для учителя греческого языка (см. об этом: Кулаковский П.А. Начало русской школы у сербов в XVIII веке. СПб., 1903. С. 77).

¹³ "Когда начались реформы императора Иосифа II (от 1780 до 1790) в области культуры и просвещения и когда перед органами просвещения сербов в Воеводине было поставлено требование ввести латиницу и народный язык в школы, национальные слои во главе с духовенством восстали, так как считали, что государственная власть хочет обратить их в католичество, вводя и у них то, что было принято у их соплеменников-католиков. Они добились того, что их официальным языком остался "славяно-сербский". Так язык, не бывший народным, призван был защитить сербскую народность!" [Белий А. Друштвени утицаји на развитак српскохрватског књижевног језика // Наш језик. Књ VII (нова серија). Св. 1—2, 1955. С. 2].

¹⁴ См.: Виноградов В.В. Очерки по истории...; Он же. Некоторые вопросы и задачи изучения и истории русского литературного языка XVIII в. // Тезисы докладов на Совещании по проблемам изучения истории литературного языка нового времени. М., 1960; Винокур Г.О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Избранные работы по русскому языку. М., 1959; Он же. Русский литературный язык во второй половине XVIII века // Там же; Томашевский Б.В. Становление русского литературного языка // Стилистика и стихосложение. Л., 1959.

¹⁵ См.: Винокур Г.О. Русский язык. М., 1945. С. 121—134.

¹⁶ Там же. С. 131.

¹⁷ См.: Скерлић Ј. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923. С. 141—160 (глава "Књижевни језик").

¹⁸ Полное заглавие этого труда З. Орфелина см. на с. 102. О литературных трудах Орфелина, и в частности отдельные замечания о его языке, см. в монографии: Остојић Т. Захарија Орфелин живот и рад му. Београд, 1923.

¹⁹ Отметим кстати, что иногда терминология XVIII в. отражает истинное положение вещей удачнее современной терминологии.

²⁰ Цвѣтъникъ въ двѣдѣтъ и двѣдѣсать и чѣтыре избранныхъ исторiахъ... въ полъзѣ и оукрашѣнiе всѣхъ любителей чѣтистыи предложень 1793... Въ Бидинѣ градѣ. Печатано писменъ крал. всечч. Пешт. 1802.

²¹ Мезимаць Г. Досiеѡа Обрадовића. У Бъограду, 1836. С. 8—9.

²² См.: Кулаковский П.А. Указ. соч. С. 112.

²³ См.: Starine. Т. XXXIII. С. 497, 501; Starine, Т. XXXV. С. 396—425.

²⁴ См.: Grubissich Clem. In originem et historiam alphabeti Sclavonici glagolitici vulgo Hieronymiani disquisitio, Venetiis, 1766; Dolci. De Illyricae linguae vetustate et amplitudine. Venetiis, 1754.

²⁵ См. речь Фра Ивана Доменика Стратика в книге Л. Елича: Jelić L. Fontes historici liturgiae glagolitae — romanorae. Veglae, 1906. S. 58. О распространенности древнеславянского языка позднего периода в Далмации в XVIII в. см. кратко у В. Ягича в "Истории славянской филологии" (СПб., 1910. С. 37—40) и подробно в статье М. Стойковича (Stojković M. Pokušaj uvodjenja rusko-slavenske gramatike Meletija Smotrickoga kod Hrvata katolika // Nastavni Vjesnik, Zagreb. 1930, Knj. XXXVIII. С. 120—131.

²⁶ Рукопись "Путашаствиє къ граду Герусалиму Героевеш еромонаха рачанинскаго

въ лѣто отъ бытіа 7212, а отъ рождь. Христова 1704 мѣсеца Іюліа 7" издана О. Бодянскимъ въ "Чтенияхъ при Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей российскихъ" (М., 1861. Кн. 4).

²⁷ См. послесловіе Гаврилы Стефановича Венцловича къ его переводу "Меча духовнаго" Лазаря Барановича: "И се же вѣдомо бѣди, шако не вѣса проста свѣт, понеже аже къ богу глаголютъ се сіа не писанію книжномъ вмѣщено ест, а шаже къ людемъ, сіа по просту" (см.: *Стојановић Љб.* Каталог рукописа и старихъ штампанихъ књига. Београд, 1901. С. 86; о языкѣ Г.С. Венцловича см. монографію: *Јовановић В.С.* Гаврило Стефановић Венцловић // Српски дијалектолошки зборник. Књ. II. С. 105—306).

²⁸ См.: *Unbegaun A.* Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes. P., 1935. P. 15.

²⁹ См. рецензію А. Белича на книгу Б. Унбегауна "Les débuts...": *Јужнословенски филолог.* Књ. XIII. 1933—1934. С. 191—195.

³⁰ См.: *Пенев Б.* Историја на новата бѣлгарска литература. II // Бѣлгарска литература през XVII и XVIII век. С., 1933.

³¹ См.: *Чолаков Р.* Бележки за езика на Паисія Хилендарски // Духовна култура. С., 1927. Кн. 32—33; *Велчев В.* Отецъ Паисій Хилендарски и Цезаръ Бароній. С., 1943; *Picchio R.* La "Istoriја slavēnobilgarskaja" sullo sfondo linguistico—culturale della Slavia ortodossa. Roma, 1958.

³² Орфелин писалъ въ "Предисловіи": "Въ протчемъ сколько мнѣ было возможно, старался вести такой слогъ, какой сербскимъ народомъ понятенъ" ("Житіе Петра Великаго...", С. 7).

СТАРИННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАРОДНО-ЯЗЫКОВОЙ БАЗЕ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА (XVI—XVII вв.)

Филологи-слависты, и въ первую очередь русисты, уже неоднократно обращали вниманіе на то, что свѣденія о некоторыхъ древнерусскихъ нравахъ, представленіяхъ и институтахъ оказывались болѣе полными у иностранныхъ писателей-современниковъ, чемъ у авторовъ своихъ, русскихъ. Удивляться этому не приходится. Для чужеземца, попавшаго въ "далекую" Московію XVI или XVII вв., богатую пушниной и юфтью, медомъ и воскомъ, смолой и коноплей, мускусомъ и бобровой струей, почти все было новымъ, своеобразнымъ, диковиннымъ, требующимъ объясненія, а для русскаго человека того времени многое казалось обыденнымъ, извѣчнымъ, само собой разумеющимся, не нуждающимся въ толкованіи и описаніи. Многое на Руси основывалось на традиціи, и традиція эта строго оберегалась и соблюдалась¹. "Святой старинѣ" следовали, ее передавали какъ духовный и житейскій опытъ слѣдующимъ поколѣніямъ безъ анализа, исследованія и описанія. Въ нее верили. Ибо за анализомъ, по представленіямъ того времени, обычно крылось сомнѣніе, а за сомнѣніемъ могло слѣдовать отрицаніе или неприятие незыблемости, сакральности, непреложности традиціи². Такой подходъ къ древнеславянскій (церковнославянскій) культурѣ, прежде всего къ ее книжности, делалъ долгое время ненужнымъ (или нежелаемымъ) обращеніе къ грамматическому описанію и опытамъ лингвистической (внетекстовой) кодификаціи литературно-книжнаго языка въ пределахъ восточнаго — "греко-славянскаго" міра. Въ то время какъ въ западномъ — "латино-славянскомъ"³ мірѣ уже былъ целый рядъ грамматикъ для разныхъ славянскихъ языковъ: словенскаго, польскаго, чешскаго⁴, въ православнои Московіи и въ странахъ, гдѣ господствовалъ древнесла-

вянский (церковнославянский) язык, появлялись лишь отдельные, иногда встречавшиеся с недоверием филологические трактаты, разговорники, микролексиконы — "глькования неудоь познаваемомъ рѣчьемъ" и т.п. К такому относился известный трактат Константина Костенечского (XV в.) "Сказаніе ѿзъявлено ѡ писменех", в котором, однако, не описывается грамматическая система, а лишь графико-орфографическая, вкпе с филологическо-текстологическими суждениями о переводе отдельных слов, небольшие трактаты и толкования Маѳсима Грека (XVI в.), вроде "Слова о книжном исправлении", которые, по точному определению И.В. Ягича, "касаются главным образом отдельных греческих слов и оборотов и входили, стало быть, скорее в лексикон, чем в грамматику"⁵, перелицованные с латинского краткіе грамматические руководства, типа "Донатуса" и т.п., разговорники, вроде "Рѣчи тонкословіа грещьскаго", и азбуковники, содержащие фактический материал и служащие практическим целям. Все упомянутые и другие памятники свидетельствуют о довольно интенсивной филологической мысли в пределах греко-славянского мира, для которой был характерен текстологический подход к книжному языку в отличие от грамматического, проявлявшегося в мире латино-славянском⁶. Это противопоставление в известной степени терминологическое, а тем самым и несколько условное (оно не охватывает всех нюансов), но термины эти, на наш взгляд, отражают суть лингвофилологических концепций, бытовавших в двух основных славянских культурных ареалах⁷. Довольно очевидно, что лишь после контактов с латино-славянским миром, откуда доходили отголоски реформации и контрреформации в результате униатского движения, равно как и борьбы с ним, в конце XVI в. в греко-славянском мире, точнее в Западной Руси, появился ряд кратких грамматик, а затем уже в начале XVII в. увидела свет знаменитая грамматика Мелетія Смотрицкого⁸, которую, однако, нельзя считать грамматической кодификацией литературного великорусского или белорусско-украинского языка, болгарского или сербского, а следует воспринимать, как она воспринималась в свое время, их общей грамматикой, кодексом межславянских языковых норм книжного, как писал инок Авраамій (XVII в.), "широкаго и великославнаго, совокупительнаго и умиленнаго и совершеннаго паче простаго и ляцкаго" языка словенского.

Термин *словенский язык* (языкъ словѣнскъ) то в значении 'populus slavicus, славянский народ', то в значении 'lingua slavica, славянский язык' известен еще со времен Нестора летописца и его употребление и смысл в течение многих веков мало менялись. Все же он мог обозначать славянские языки вообще (т.е. всю группу славянских языков) и славянский книжный сакральный язык, функционировавший в греко-славянском мире. В конкретных, довольно редких случаях встречались и другие значения (например, отдельного славянского языка у южных славян), и потому важно проследить семантику этого термина, выявить, с какими этническими группами он связывался, как соотносился с другими этническими терминами, каким терминам противопоставлялся (в аспекте родо-видовых, синонимических и других отношений), к какой сфере книжности и культуры он причислялся, с какими тер-

минами конкурировал (например, *иллирический, сарматский* в XVI в), где, когда и при каких условиях (у каких авторов). Такое разыскание, надо полагать, возможно лишь при расчленении материала по эпохам, так как объем источников и проблем весьма значителен и связан с целым рядом нефилологических вопросов, в первую очередь исторических, историко-культурных и т.п.⁹ Поэтому наше внимание в основном будет направлено только на один период XVI—XVII вв., и то будут использованы далеко не все случаи применения термина *языкъ словѣньскъ*.

Языком словенским многими древними авторами, русскими и иностранными, назывался литературный язык на Руси, по сути дела древнеславянский литературный язык. В филологической литературе часто цитируется высказывание Генриха Лудольфа о том, что "точно так же как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь Славянским языком, так и наоборот, — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного Славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски" ("*Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita è contrario nemo domestica et familiaria negotia sola linguâ Slavonicâ expedit, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non extant in libris, è quibus lingua Slavonica haurienda est. Adcoque apud illos dicitur, loquendum est Russicae et scribendum est Slavonicae*")¹⁰.

Этот паус привел В.В. Виноградов в своих "Очерках"¹¹ для иллюстрации тезиса о "словенско"-русском двуязычии на Руси XVII в., двуязычии функционально неоднородном: "словенский" был языком книжным, литературным, русской же была разговорно-бытовая речь и русский был письменно-деловой и публицистическо-повествовательный язык. В данном случае В.В. Виноградов поддерживал и развивал традиционный взгляд¹², утвердившийся в первой трети XX в. в классической русской филологической науке и хорошо выраженный А.И. Соболевским в самом начале его лапидарной речи в память 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова. "Старая Россия, — говорил А.И. Соболевский, — пользовалась двумя языками. Один из них был литературным, другой живым и деловым. Первый в своем основании был не русский, а церковнославянский язык, язык древнего перевода священного описания, язык богослужбных книг, язык многочисленных произведений, составлявших литературу старой России"¹³.

Что же касается свидетельств Г. Лудольфа, то они, как известно, не ограничиваются приведенными выше словами. Они довольно обширны, и в них, помимо прочего, утверждается, что "в России есть не одно издание Славянской грамматики, но для иностранцев она мало пригодна. Она написана главным образом для Русских, изучающих Славянский язык, поэтому грамматические правила там не приводятся ни на каком иностранном языке и самая грамматическая терминология скорее затемнена там, чем разъяснена славянскими наименованиями: так, например, *Declinatio* называется *Склонѣніе (Sclonenie)*, *Numerus*

число́ (Tschislo) и т.д. Для Русских же знание Славянского языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке, но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки и образования, не пользуясь Славянским языком” (“Extat quidem Slavonica Grammatica non semel in Russia edita, sed exteris parum utilis. Pro Russis enim linguae Slavonicae studiosis imprimis conscripta est, adeoque in nullo extero idiomate regulae ibi traduntur, verum ipsi termini Grammatici Slavonicis vocabulis potius obscurati quàm explicati sunt v.g. Declinatio vocatur Склонёніе (Sclonenie), Numerus число́ (Tschislo) etc. Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri impressi, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, verum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur”)¹⁴.

Следует оговорить, что далеко не все иноземцы, предшественники Г.В. Лудольфа, различали употреблявшиеся на Руси *словенский* и *русский* языки. Многие из них ограничивались вообще указанием на общность славянских языков. Они, не вдаваясь в подробности, называли каждый из них славянским. Так, например, в анонимном итальянском донесении о Московии XVI в. (приписывывавшемся некоторыми историками Марку Фоскарينو) сообщается, что “Москвитяне говорят и пишут на Словенском языке (in lingua Schiavona) как Далматинцы, Чехи (Bohemi), Поляки и Литовцы. Передают, что язык этот весьма распространен: ныне он хорошо известен в Константинополе при дворе Султана, и даже в Египте у Султана Вавилонии (il Soldano di Babilonia) его обыкновенно можно было слышать в устах Мамелюков (Mamelucchi)”¹⁵.

Это место несколько неточно заимствовано (или умышленно перефразировано) у Павла Иовия, автора “Книги о Московитском посольстве” (XVI в.), который писал об “употреблении” языка и “писмен”, а не о разговорном и письменном языке (“говорят и пишут” — у анонимного автора). Согласно Павлу Иовию, “Московиты, подобно Славянам, Далматам, Богемцам, Полякам и Литовцам, употребляют Иллирийский язык и Иллирийские письма. Утверждают, будто этот язык самый распространенный изо всех. Он хорошо известен в Константинополе при дворе Оттоманов, а недавно его охотно слушали в Египте у Мемфисского Султана и Мамелюкских всадников”¹⁶. Отметим, что в книге Павла Иовия язык иллирийский трактуется как язык всей славянской ветви — славянский. При этом он не совсем точно отождествляется с письменами (азбукой), ибо, если говорить об особых славянских письменах (азбуке), то они в XVI в. не бывали уже у богемцев (чехов) и поляков. Они (кириллические или глаголические) могли быть у славян (неясно, к какому славянскому племени или народу относит Иовий этот этноним), у далматов (вероятно, хорватов-глаголитов или сербов-далматинцев) и у “литовцев”, если только под этим этнонимом подразумевались белорусы. Любопытно, однако, что в книге Павла Иовия *иллирийский* язык противопоставляется *московитскому*. Это видно из сравнения приведенной цитаты со следующей:

"Там (в Московии. — *Н.Т.*) ловится также черноватая птица с пунцовыми бровями, величиной с гуся, мясо которой по своему вкусу и достоинству превосходит фазанов; на *Московитском языке* (курсив наш. — *Н.Т.*) она называется Тетерь (Tether), а Плиний именует ее Egegthratao..."¹⁷. Что же касается "иллирического языка", употреблявшегося при дворе турецкого султана, то это был язык сербский, в некоторых случаях сближенный с древнеславянским (церковнославянским), вероятнее всего, юридический язык "сербульского типа" и т.п.¹⁸

О том, что книжный литературный язык и язык богослужения на Руси, как Великой (Московской), так и Малой и Белой, именовался *словенским* и что этот термин относился прежде всего к древнеславянскому языку, существует немало свидетельств. Достаточно указать на названия грамматик М. Смотрицкого (1619, 1648, 1721 гг. и др.), Л. Зизания (1596), анонимной виленской (1621), И. Ужевича (1643) и др., где древнеславянская (церковнославянская) основа бесспорна, но не во всем последовательно сохранена из-за ряда отступлений в пользу "простой мовы" (т.е. народно-разговорного субстрата) или, наоборот, в пользу слишком искусственной "славянщизны", на многочисленные приписки и свидетельства о переписке и переводах текстов и т.п.¹⁹ В последних, правда, бывают некоторые отступления от "правил", требующие особых объяснений и специального анализа, но тем не менее термин *словенский* был, как ясно из древних свидетельств, всеобщим в греко-славянском мире.

Современник Г.В. Лудольфа, знаменитый филолог "поп Юрка Крижанич, презванјем Сѣрблянин", сделал попытку и в этом случае, как и во многих других, пойти против общего мнения. Будучи иноземцем и иноверцем, но в то же время славянином (хорватом), т.е. единоплеменным с русскими, он не считал себя непричастным к делам допетровской Руси — к делам книжным, духовным и мирским. В своем вынужденном уединении в Тобольске, где, однако, Крижанич имел не только досуг, но и очень значительное государево жалованье ("7 рублевъ с полтиною на мѣсяць"²⁰), не только возможность писать филологические, экономические и политические трактаты, но и наблюдать судьбы Руси с людьми московскими, "литовскими" (т.е. западнорусскими) и польскими, "никонианами" и староверами (известна его дружба с подьяком Федором Трофимовым, знакомство с попом Лазарем и встреча с протопопом Аввакумом), Крижанич сочинил свое знаменитое "Грамаѣтно изказанје об руском језіку..." (писано в Сибири, літа ≠ зрод. — 1666). Последний абзац в предуведомлении читателям ("Ко чтѣтельем предопомѣнок") и начало предисловия ("Предговорје") содержат также утверждение: "Пусть будет известно и следующее: что и я по общему заблуждению заблуждался в этой книге, говоря о главном и книжном нашем языке, я везде писал и именовал его словенским, а следовало писать русским..." ("Знано буди и сѣ: жеже и ја со ђбщением блудом јесем поблудилъ въ сѣх кнѣйжицах: гди говорѣщ об прйдньем и кнѣйжном нашем језіку, вездѣ јменовал и написалъ њи јесем Словинским, а достојаше написат Руским..." — Предуведомление). И далее: "О языке этом, о котором разыскание здесь вести с божьей помощью мы намерились, прежде всего знать сле-

дует, каким именем годится его звать. Учинена ошибка, что этот наш язык, на котором мы книги пишем и богослужение совершаем, зовется словенским; в то время как по правде он должен был бы называться Русским..." ("Об језіку сѣм, об којем разпрáву овді чинїт, зь божьим посббом, наминїхом, наипѣрвлѣ знáт јест трїби, коьим јменом годїтсе јего звáт. Сь погрїшѣнем бо јест учинѣно да језїк нáш сєь, коьим мї кнѣйги пїшѣм, и божїе слўжби отправлѣјем, зовѣтсѣ словїнским: гди по прáвде морáл би се звáт Рўским" — Предисловие)²¹.

О причинах, побудивших ученого хорвата главный и книжный язык (прїднїи и кнѣйжнїи), на котором писались книги и совершалось богослужение (божїе слўжби отправлѣјут се), предложить переименовать в *русский*, скажем несколько слов ниже. Сейчас же отметим, что, не соглашаясь с термином *словенский* (*словїнски*), Крижанич, однако, им пользовался как общеупотребительным, но возникшим, по его мнению, в результате общей ошибки (бшценим блудбм). Наконец, само настойчивое утверждение Крижанича, что *словенский* язык — *русский* и что название его словенским неверно, показывает, что эти понятия, эти термины были в свое время неоднозначны, несмотря на их синонимическое употребление некоторыми авторами²², что они противопоставлялись, и притом, вероятно, именно так, как это делал Г.В. Лудольф и некоторые его единомышленники.

Но если на Руси в XVI—XVII вв. "словенский" язык и русский язык были в сознании многих филологов и книжников не одно и то же, то каково же было представление древних историков, писцов и грамотеев о диалектной основе книжного древнеславянского языка и было ли такое представление вообще? Наконец, осознавалось ли противопоставление книжного языка разговорному, ощущалось ли их существенное различие, а тем самым и двуязычие на Руси?

На последний вопрос как будто отвечают приведенные выше соображения Г.В. Лудольфа. Но нам известно и более раннее, и притом русское свидетельство о книжном и разговорном языке. Это рассуждение Зиновия Отенского, ученика Максима Грека, в котором он между прочим говорит следующее: "Полагаю, что это коварная выдумка христорбцов и примитивно мыслящих — уподоблять и образовывать книжные слова от общенародных слов. Правильнее оказывается, я полагаю, книжной речью общенародную исправлять, а не книжную народную бесчестить (портить)"²³.

Приведенное выше высказывание было сделано иноком Зиновием в связи с употреблением в переводах Максима Грека слова *жду* вместо *чаю* в небольшом контексте из Символа веры — *чаю воскресенїя мертвымь*. По свидетельству инока Зиновия, это место вызвало в XVI в. ряд споров, особенно потому, что некоторые толкователи, которых автор "Истины показания" называет "христорбными вельможами" (вероятно, последователей ереси Феодосия Косого), неправильно толковали глагол *чяти* и находили в словах *чаю* и *жду* неполную синонимичность. *Жду*, по мнению этих толкователей, означало 'уверенное ожидание', а *чаю* — 'ожидание с неполной уверенностью'. Инок Зиновий поясняет, что различие между *чаю* и *жду* не в семантике (оба

слова означают "уверенное ожидание"), а в разном языке или стиле ("рѣчи"), в принадлежности первого слова *книжной* речи, а второго *общей народной*, т.е. сакральному языку и языку несакральному. Смысл 'неполной уверенности' слову *чаю* приписали "христорборные вельможи". Это слово "отъ христорборныхъ вельможъ яко двоемышлено (как двумысленное. — *Н.Т.*) внесено въ народъ". Опасаясь такой двусмысленности, Максим Грек принял перевод *жду*. Но он, продолжает инок Зиновий, не знал "опаснѣ (вполнѣ) языка русскаго". Нужно же говорить *чаю*, как святые первоначально перевели с греческого языка на русский язык — *чаю* воскресенія мертвымъ ("но глаголати намъ тако, якоже святіи исперва преложиша отъ греческаго на русскій языкъ: чаю воскресенія мертвымъ").

Считая эти высказывания Зиновия Отенского важными и редкими свидетельствами филологической жизни на Руси XVI в., привожу их в более полных выдержках, чем это делалось до сих пор в лингвистических трудах²⁴. Все они взяты из главы 53-й сочинения "Истины показания...": "Глава НГ. Въ немже рассмотреніе о словеси еже: жду воскресенія мертвымъ". "Вопроси же паки Захарія, глаголя: "чесо ради отвращаются нѣщии глаголя, еже въ конецъ "Вѣрую во единого Бога". "чаю воскресенія мертвымъ" и вмѣсто тогда глаголють: "жду воскресенія мертвымъ"? Рѣхъ же ему: отвращаются они глагола: ничесогоже, мню, иного ради, токмо или непознавши силы слову, или кому хотящу составити себѣ въ своемъ разумѣ и заеже не покоритися иже от святыхъ привожению (переводу. — *Н.Т.*) отъ греческаго языка книгъ на русскій, еже близъ гордости есть и самомышленія, отнюдуже не трудно кому развратити ся въ ереси и кромѣ прельщающих; понеже таковии отъ Святаго Духа благодати пріяти не могутъ, оставляють бо ихъ высокоумія ради и не дають благодати осіятися уму ихъ лучею Святаго Духа, ибо гордымъ Богъ противится, якоже писано есть (Іак. 4, 6). Разсмотряю убо, яко и еще живу кому сущу и глаголати: "жду воскресенія мертвымъ" нѣсть прилично" (с. 961)... "И рѣша же крылошане: "нѣщии глаголють, еже: "жду воскресенія мертвымъ", Максимъ Грекъ въ разумѣніяхъ воспитавъ и многоученъ есть мужъ, искусенъ и книги прелагати отъ греческаго языка на латинскій. Егда бо прииде отъ Святыя горы, повелень великимъ княземъ Василиемъ преводити Псалтырь толковую отъ греческаго языка на русскій; Максимъ же тогда взыска толмачевъ латынскихъ и преведе Псалтырь толковую отъ греческаго языка на латинскій, и толмачи латынстїи преложиша греческую псалтырь отъ латинскаго языка на русскій, понеже Максимъ русскаго языка мало разумѣя бѣ" (с. 964)... "*Чаяніе* бо отъ христорборныхъ вельможъ яко двоемышлено внесено въ народъ; сего ради Максимъ "жду" глагола; а не по книжной рѣчи глагола вмѣсто "чаю" "жду", мняше бо Максимъ, по книжнѣи рѣчи у насъ и обща рѣчь. Мню же и се лукаваго умышленіе въ христорборцѣхъ или въ грубыхъ смыслемо, еже уподобляти и низводити книжныя рѣчи отъ общихъ народныхъ рѣчей. Аще же и есть полагаги приличнѣйши, мню, отъ книжныхъ рѣчей и общія народныя рѣчи исправляти, а не книжныя народными обезчещати. Максиму же нѣсть зазрѣнія, не познавшу опаснѣ языка русскаго; но зазрѣніе на христорборцевъ, лукавновавшихъ на священное писаніе.

Намъ же любящимъ Христа, знающимъ языкъ свой и народа общую рѣчь и вѣдущимъ въ богодухновенномъ писаніи лежащи о извѣстнѣи надежди чаяніе, не подобаетъ глаголати: "жду воскресенія мертвымъ"; но глаголати намъ тако, якоже святіи исперва преложиша отъ греческаго языка на русскій языкъ: чаю воскресенія мертвымъ". Иже бо кто извѣстився о нейже вещи часть ея; извѣстенъ же кто о обещаніи, отчаивается. Тако и о воскресеніи, по непреложному Господню словеси, живуще и еще жизнь сію, чаемъ воскресенія мертвымъ (с. 967).

В этих высказываниях можно особо подчеркнуть характерный для Древней Руси авторитет древних переводов, ощущение их сакральности — *исперва преложишиа святіи*, а также отметить, что термины *русскій языкъ* и *языкъ словенскій* употребляются как синонимы. Вместо второго — *словенскій* встречается у инока Зиновия только один — *русскій языкъ*. Известны случаи²⁵, когда употреблялся и только термин *словенскій языкъ* или сообщалось — "русскій языкъ, сирѣчь словенскій". Все три случая можно найти и в разных списках такого небольшого памятника, как "Сказаніе о преподобнѣмъ Максимѣ философѣ, иже бысть инокъ святыя горы Афонскія преславныя обители Ватопедскія". Ср. в связи с этим упомянутое выше рассуждение Ю. Крижанича об ошибочности называния главного и книжного языка *словенскимъ* и о необходимости считать его русским. Правда, Ю. Крижанич писал свое "Грамаѣчно изказаніе" в XVII в., а списки "Сказания" восходят к XVI в., но дело не только в этом.

В первом, приведенном из "Истины показанія" отрывке ясно видно авторское противопоставление книжного и народного языка ("рѣчи"), иерархическое неравенство этих двух коррелятов и признание примата книжного языка над общим народным. Любопытно также употребление термина "общие народные речи"²⁶, позволяющее полагать, что инок Зиновий и его современники осознавали наличие некоего койнэ и отличали его от локальных диалектов. Хотя, строго говоря, последний момент следует отнести к разряду домыслов.

Диалектную основу книжного древнеславянского языка, бытовавшего на Руси, отмечал польский историк XVI в. Матвей Меховский²⁷. В "Трактате о двух Сарматиях" он писал следующее: "В русских церквах при богослужении читают и поют на сербском, то есть славянском языке" ("In ecclesiis Ruthenorum lingua Seruiorum, que est Slauonica, divina celebrant, legunt et cantat"). И далее: "... и в Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске и затем к югу за Киев живут все русские, говорят по-русски или по-славянски, держатся греческаго обряда и подчиняются патриарху Константинопольскому" ("...ut in Nowygrad, in Pleskouia, in Smolensko et in meridum usque post Kiow Ruteni sunt omnes et Ruthenicum seu Slauonicum loquuntur ritumque Grecorum observant et obedientiam Constantinopolitano patriarchae praestant"; еще далее: "Московія — страна весьма обширная в длину и ширину... и речь там повсюду русская или славянская" ("Moskouia est regio longissima latissimaque... er sermo per totum est Rutenicus seu Slauonicus"), наконец, обращаясь к читателю, Матвей Меховский настойчиво утверждал: "Знай... что в Московии одна речь и один язык, именно русский

или славянский, во всех сатрапиях и княжествах" ("accipiat... in Moscouia unam linguam et unum sermonem fore, scilicet Rutenicum seu Slaunicum in omnibus satrapiis et principatibus")²⁸.

Таким образом, Матвей Меховский, видимо, различает сербский или славянский, принятый в церквах, и русский или славянский, употреблявшийся вообще в Московии (т.е. на Руси Великой) и России (т.е. на Руси Белой и Малой). Географические понятия Московии и России им также не отождествляются.

Хорошая осведомленность Матвея Меховского и значительная точность сведений, приводимых в его "Трактате", отмечались многими исследователями, и тем не менее одного его сообщения о том, что "в русских церквах при богослужении читают и поют по-сербски" было бы мало, если бы это известие не подтверждалось другим свидетельством, исходящим уже из уст двух московских филологов XVII в. — игумена Ильи Божоявленского монастыря, что "на Москве, из Ветошного ряда", и справщика Григория — "Гришки от книжные справки". Этим двум лицам "в лѣто 7135 (т.е. 1627. — *Н.Т.*) февраля въ 18 ден по указу государя святѣйшого кир Филарета, патриарха московского і всеа Руси" было велено полемизировать с западнорусским ("из Литвы") православным протопопом Лаврентием Зизанием, автором известной грамматики и словаря, и настоять на исправлении составленного им катехизиса. Чрезвычайно любопытный протокол, или почти стенограмма этих прений сохранилась до наших дней. Среди вопросов, касающихся сущности св. Троицы, человеческой плоти Христа, сошествия покаявшихся душ во ад, кратности суда божия и других богословских проблем, волновавших в ту пору обе стороны, были и вопросы филологические, вопросы точности перевода с польского, по важности своей и значению не уступавшие, как полагали спорящие, богословским, ибо, по словам игумена Ильи и справщика Григория, "единым словцом азбучным (т.е. буквой. — *Н.Т.*) ересь о божестве вводится"²⁹.

В довольно объемистом тексте записи этого уникального богословско-филологического спора (46 страниц рукописного текста) особый интерес для нашей темы представляет один момент, которым окончился первый день прений.

"Да у Лаврентеяж в книге, как убогая жена в сокровищное хранилище свергла двѣ лѣптѣ: ино у него вмѣсто двухъ лѣптей написано два хлѣба. Да у негож в книгѣ, как Господь Богъ явился Моисею в купинѣ, и у него написано во пнѣ, где рещи: в купинѣ. И как игумен Илья спросил у Лаврентия про тѣ имена: для чего он их переменял, а написал за лѣпти хлѣбы, а за купину пень? И Лаврентіи розсмеявся, молвил: Я де купину купиною пишу, а не пнем, а лепти лѣптями, а не хлѣбами; вы де вѣдаете, что купина. И мы ему рекли: Вѣдаем сербскимъ языкомъ купина, а по рускии куст. И потом учал говорить, чтобы де я толко вѣдал, и я бы де свою книгу подал всю на словенскомъ языке государю святѣйшему патриарху, а то де много переводчик не так поставил"³⁰.

В этом отрывке из "стенограммы" XVII в. особенно интересны три момента. Во-первых, выделение синонимических слов *купина* — *пень* —

куст и *лѣпти* — *хлѣбы*; во-вторых, определение слова *купина*, правильного для книжного (словенского) языка как сербского; в-третьих, название нормированного (правильного — "прямого") книжного языка словенским. Для слов *куст* и *купина* устанавливается противопоставление "русское" — "словенское". Исходным языком для "словенской" лексемы указывается "сербский". В иных же случаях, когда речь идет о грамоте (письменности) или переводах, видимо, допускалось синонимическое употребление слов *русский* и *словенский*, что наблюдается и в тексте тех же "Прений...". Так, например, игумен Илья и справщик Григорий восклицали: "Да что нам о том многословити? Долго, уже тому осмое столѣт идет, как на *русскоу языкѣ* греческая грамота переложена" (курсив здесь и далее мой. — *Н.Т.*)³¹. По другому поводу Лаврентий Зизаний спрашивал о канонических положениях, связанных с таинством крещения, и его московские оппоненты отвечали ему. "Лаврентіи рече. Да где у вас взяли ся греческия правила? Мыж паки рѣхом: Киприян, митрополит Киевскій і всеа Русіи, егда приіде ис Константина града на рускую митрополию, и тогда с собою привез правильные книги христианского закона греческого языка правила и перевел на *словенскій язык* и божиею милостію пребывают и донныне без всяких смутов и прикладов новых вводов; да многие книги греческого языка есть у нас старых переводов..."³²

Принцип святой старины отстаивался и в отношении греческих переводов (текстов). Игумен Илья и справщик Григорий сообщили, что и "ныне к нам которые книги входят печатные греческагож языка и будут сойдутца с старыми переводы и мы их приемлем и любим; а будет что в них приложено ново и мы тѣхъ не приемлемъ, хотя они и греческим языком тиснуты, потому что Греки живут ныне в великихъ теснотах в неверныхъ странах и печатати им по своему обычею невозможно. Лаврентіи рече: И мы новых переводов греческаго языка книгъ не приемлем же..."³³

Отношение в Московской Руси при патриархе Филарете к церковным догмам, обрядам и требованиям их неукоснительного исполнения было близким к тому, которого придерживались впоследствии старообрядцы. Подозрительность к православным из Западной Руси (из Украины и Белоруссии или, как нередко тогда говорили, "из Литвы и Польши") была очень значительна. Достаточно сказать, что выходцев из западнорусских земель в московских пределах перекрещивали: крещенных через обливание или униатским священником крестили вновь в три погружения и миропомазывали и т.п. Этого "правила" не могли избежать даже архипастыри и монахи-старцы³⁴. Испытательный срок (когда не пускали в церковь, а только в трапезную или притвор) устанавливался для всех православных южнорусов, но к грекам и к православным южным славянам — сербам, болгарам, а также к "волохам" (румынам) это правило не относилось, и они в церковь пускались и не перекрещивались³⁵. Константинопольские греки осуждали такие московские порядки: "Июня в 6 день (1650 г. — *Н.Т.*) патриарховъ (патриарха Константинопольского. — *Н.Т.*) черной попь

Иоасафъ и прочіи грѣки гаварили старцу Арсенію (Суханову. — Н.Т.): недобро на Москвы дѣлают, что в другой ряд крестят христіан³⁶.

В представлении московских грамотеев XVII в. книжный (богослужбный и небогослужбный) язык в Западной Руси был также "словенский". Это видно из записи спора об одном месте молитвы "Отче наш". Протопоп Лаврентий предложил чтение *да освятится имя твое*. Патриарх Филарет, от имени которого выступали игумен Илья и справщик Григорий, отстаивал традиционное *да святится имя твое*. При этом игуменом Ильей и справщиком Григорием был выдвинут такой аргумент: "Да и у вас во всей Полше и Литвѣ, которые словенским (здесь и далее выделено мной. — Н.Т.) языком говорят, *да святится имя твое* говорят, а не: *освятится*. Да у вас же много печатных книг выходит і ни в которой друкарне не бывало: *да освятится і вездѣ: да святится имя твое*"³⁷.

Однако, когда вставал вопрос противопоставления московской норме (разговорной или книжной), тогда нередко язык, бытовавший в Западной Руси (в том числе и литературно—книжный), назывался литовский. Можно предположить, что этот термин был характерен для разговорного стиля речи (но что как-будто указывают и сопутствующие ему слова вроде просторечной частицы *де* и т.п.). Об этом свидетельствует все тот же текст прения: "И князь Иван Борисович спросил Лаврентея: По литовскому де языку как вы говорите: собра? И Лаврентіи сказал тож и по литовскому языку собра. И потом спросил: А изведе как? И Лаврентей сказал: по нашему и изведе"³⁸. Что касается форм *собра* и *изведе*, то очевидно, что они относились к "словенскому", т.е. древнеславянскому (церковнославянскому) языку, хотя бы из-за приставок *из-* и *со-* (вместо *вы-* и *с-*) и форм аориста, которые к XVII в. уже совершенно исчезли в белорусских ("литовских"), украинских и великорусских говорах³⁹.

Некоторого пояснения требует приведенный выше в двух контекстах XVI и XVII вв. термин *сербский*. По нашему мнению, его не всегда нужно понимать буквально, а следует в ряде случаев воспринимать несколько шире, как южнославянский. Известность на Руси XVI—XVII вв. именно сербского языка была связана с довольно большой распространенностью памятников сербской ресавской редакции, которая и на славянском юге, в том числе и в среде болгар и македонцев, была в большой чести. Несомненную роль в укреплении термина *сербский язык* на Руси сыграла деятельность таких выходцев из южнославянских земель, как Пахомий Серб Логофет и др. Крупный авторитет церковной жизни на Руси и книжно-богослужбной справы, митрополит Киприан (ум. 1406 г.)⁴⁰ часто назывался Сербином, хотя его болгарское происхождение не исключается. Несколько позже поп Юрка Крижанич писал, что он "презвѣнѣм Сѣрблянин" (будучи, как известно, хорватом-католиком), так как этот этноним был, видимо, более понятен и привычен для русского человека XVII в.

В связи с приведенными выше свидетельствами интересно вспомнить о часто цитируемом предисловии к переводу Псалтыри (1552 г.) Нила Курлятева, ученика Максима Грека, в котором он писал о ре-

дакции митрополита Киприана: "а Киприанъ митрополить по гречески извѣстно не оумѣль, и руссого языка довольно не зналь же, словене аще с нами и единъ нашъ языкъ словенскіи и наша рѣчь руская чиста и шумка, а они говорятъ млажава и въ писаніи рѣчи наши с ними не сходятся и онъ мнилъ по нашему русскому языку поисправиль псалмовъ, и онъ болши въ нихъ неразуміе написалъ в рѣчехъ и въ словахъ все по сербьски написалъ. и инѣ многіе оу насъ въ рускомъ язѣцѣ книги пишутъ отъ неразумія все по сербьски, и говорити по писму, по нашему языку не оумѣютъ прямо и многыя не разумныя смущаются"⁴¹. Этому пассажи у Нила Курлятева предшествовал другой, хорошо известный в филологической литературе: "... а прежніи переводницы нашего языка извѣстно не знали, и они перевели ово греческі, ово словенскы, ово сербьски, и ино болгарски ихъ же не оудоволиша ся преложити на рускіи языкъ"⁴².

Л.С. Ковтун справедливо заметила, что этот текст в значительной части (от слов *ово словенскы* до конца) дословно совпадает со второй половиной заглавия словаря XV в., приложенного к "Лествице Иоанна Синайского" — "Тлъкование неудобъ, познаваемомъ въ писаныхъ рѣчехъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ прѣводникъ ово словѣнски и ино срѣбскы..."⁴³. Не возникает сомнения, что эти слова Нил Курлятев взял как определенный устоявшийся отрезок текста (книжный штамп), указывающий при этом, что лексика "словенского" (т.е. церковнославянского) книжного языка была сербского и болгарского происхождения⁴⁴, равно как и греческого. Существенно для выясняемого нами вопроса то, что, продолжая свое предисловие, после слов "и многыя не разумныя смущаются", Нил Курлятев приводит непонятные слова опять-таки из словаря к Лествице (наблюдения Л.С. Ковтун) и почти всегда называет их сербскими, иногда болгарскими (хотя большая их часть, вероятно, моравизмы): "гдѣ подобает ·а· а по сербьски ·ѣ· или ·ж· по русски ·о· а по сербьски ·ж· по русски ·ѣ· а по сербьски ·и· а рѣчи по нашему не замедли, а сербьски или будѣть болгарски незамуди, по руски медлѣно или косно или гугниво-языченъ, а сербьски мудно-языченъ: и протчіе речи нам не разумны, бохма, воснь, рѣснотивіе, цѣщи, ашуть, и многа иных таковыхъ мы не разумѣемъ, ино сербьски и ино болгарски"⁴⁵. Недавно эти же места из предисловия Нила Курлятева процитировала Л.С. Ковтун для того, чтобы сделать вывод, что "русским писателям XVI в. было присуще ощущение высокого стиля (как стиля русского литературного языка) и сознание необходимости отбора отвечающих ему речевых средств"⁴⁶. Я полагаю, что здесь речь должна идти не о русском литературном языке и его высоком стиле, а о древнеславянском (церковнославянском) литературном языке, бытовавшем на Руси, хотя он не мог называться тогда некоторыми книжниками *русским* или *то русским, то славянским*.

П.С. Кузнецов справедливо отмечал, что некоторые древнерусские книжники использовали термины *словенский* и *русский* как однозначные в аналогичном контексте. Так, Дмитрий Толмач, писал П.С. Кузнецов, даже термины "словенский" и "русский" употребляет недифференцированно, а как синонимы. Это можно видеть на основании

сопоставления хотя бы следующих мест: говоря об употреблении в латинском языке sacerdos как в мужском, так и в женском роде, он указывает, что "в нашем же словенском языке сие има щценникъ не общаго рода, но мужскаго, и не вратѣса из рода в ро^д..."; а немного ниже о роде латинских aquila и mulvus он пишет: "А идѣже здѣ аквила и мил'вусъ не преведѣни на руское, ту подобае^т по латыньскѣи (тѣ') именѣ смѣстна рѣда, а по рускии же сѣ ѡба мужска рѣда..." Таким образом, здесь по совершенно подобному поводу говорится в одном случае "словенский", а в другом "русский" язык⁴⁷. К тому же, видимо, Нил Курлятев принадлежал к одной, не очень ярко выделявшейся по результатам филологического труда партии (группе), которую условно можно назвать "русификаторской", и выражал мнение далеко не всех писцов и переводчиков (по терминологии Л.С. Ковтун — "русских писателей") того времени. Различно было в ту пору и отношение к переводческой деятельности Максима Грека и к филологическим реформам митрополита Киприана. Этот пункт требует отдельного рассмотрения и довольно объемистого исследования⁴⁸. Много места заняла бы и полемика с интересной статьей Л.С. Ковтун. Оставляя за собой право вернуться к этим вопросам в будущем, отмечу лишь, что помимо мнения Нила Курлятева о том, что Максим Грек хорошо знал язык, на который он переводил, было и другое мнение (ученика Максима Грека Зиновия Отенского и др.) о том, что он этого языка как следует не знал.

Сравните у Нила Курлятева: "...Занеже сеи переводчикъ (речь идет о Максиме Греке. — *Н.Т.*) по великому Златоусту добръ вѣренъ и прѣятенъ во всемъ и до конца извѣстно вѣдалъ руской языкъ и аще возлюбить сеи переводъ и по нему глаголетъ и молится и Богъ подасть ему благодать разума познати истину. Понеже все сыскано и справлено добримъ переводникомъ еилософомъ инокомъ Максимомъ грекомъ сыномъ воеводскимъ постриженникомъ святыя горы аѡонскыя монастыря Ватопеда добръ оумѣщимъ гречески и латынски и руски и словенски и болгарски и сербски языкомъ и грамотамъ и все перевелъ з греческие грамоты на рускую грамоту без украшенія по рускому языку что повелительно или сказательно, или вопросительно или будущее или минувшее и настоящее все инокъ Максимъ грекъ сказалъ извѣстно потонку и исполнено на русской языкъ. и кому будетъ помнитися что во многихъ рѣчехъ пременено. и то онъ розсказывалъ потонку въ коеждо грамотѣ по своему языку своя рѣчь, и не единъ разумъ рѣчемъ, но которые рѣчи единъ разумъ вездѣ то вездѣ едино. а иные рѣчи двоеразумны. или на три разумы говорятъ, якоже по нашему пишутъ произвольники. тако и онъ росказывалъ разумы извѣстно и преврачалъ всякую рѣчь по русскому языку на русскую грамоту потому что руской языкъ и грамоту зналъ до конца. и вы господа и братие аще кто восхоцетъ сѣя псалмы у себя держати и по нихъ лѣти и молитися. и ни въ чемъ не сомнися, но все реченно въ нихъ разумно и въ рѣчехъ исполнено, и отнюдь никтоже не дерзъни что въ нихъ поправити"⁴⁹.

Сравните у Зиновия Отенского: "Максимъ грекъ въ разумѣннихъ воспитався и многоученъ есть мужъ, искусенъ и книги прелагати

отъ греческаго языка на латынскій. Егда бо приде отъ Святыя горы Максимъ, повелѣнь великимъ княземъ Василюмъ преводити псалтырь Толковую отъ греческаго языка на русскій; Максимъ же тогда взыска толмачевъ латынскихъ и толмачи латынскіи преложиша греческую псалтырь отъ латынскаго языка на русскій, понеже Максимъ русскаго языка мало разумѣя бѣ⁵⁰. Также в "Сказаніи о преподобнѣмъ Максимѣ философѣ, иже бысть инокъ святыя горы Афонскія преславныя обители Ватопедскія": "Нужда же ему (Максиму Греку. — *Н.Т.*) бысть молити государя чтобъ в помощь далъ римскихъ толмачей Димитрія и Власія, понеже Максимъ не у совершенно словенскаго языка клоненія словесъ грамматическою хитростію знаеше. Благочестивый же государь моленія мниха не презрѣ, но вскорѣ повелѣ сему быти. Самъ же православный государь множество доброписцовъ повелѣ собрати, да удобно дѣло совершается и оброки довольни отъ царскихъ своихъ хранилищъ сему старцу Максиму даяше и сущихъ с нимъ неисповѣдимымъ челоуколюбіемъ милосердую"⁵¹.

Наконецъ, в сказаніи "о премудромъ и многотрудномъ Максимѣ инокѣ Святыя горы" изложена средняя позиция, согласно которой Максим Грекъ постепенно овладелъ "словенскимъ" языкомъ: "А переводилъ онъ Максимъ книги тѣ, сказывалъ з греческаго языка полатини преводчикомъ тѣмъ, а преводчики тѣ сказывали книгописцомъ порускій, и тѣ писцы писали книги порускій. По малѣ времени и самъ онъ Максимъ грекъ навыйкъ достовѣрно словенскому языку; являеть бо его разумъ многое писаніе его есть, бяше бо зѣло остръ естествомъ и хитрословесень. Пишуть бо о немъ знающіи его, яко во всей философіи до конца извыче"⁵².

Не следуетъ также забывать, что, судя по письменнымъ памятникамъ, одиноко прозвучавшему голосу Нила Курлятева противъ переводческой деятельности митрополита Киприана противостоитъ множество голосовъ в пользу Киприановыхъ трудовъ надъ преписаніемъ и предложениемъ греческихъ книгъ: "на славенскій языкъ". А.И. Соболевскій свидетельствуетъ, что митрополитъ Киприанъ, митрополитъ Григорій Цамблакъ и иеромонахъ Святой Горы Сербъ Логофетъ "сделали для Россіи лишь одно: они своею властію или вліяніемъ много посособствовали замене у насъ более или менее неисправныхъ богослужебныхъ книгъ, бывшихъ до нихъ в общемъ употребленіи, исправными, только что перенесенными в Россію отъ южныхъ славянъ. Во всякомъ случае, современники охотно делали списки с принадлежавшихъ Киприану богослужебныхъ текстовъ и хвалили его за его заботы об "исправленіи книжномъ"⁵³.

Суть спора заключается, вероятно, в некоторыхъ особенностяхъ школы Киприана по отношенію къ школе Максима Грека, которые пока определить трудно, такъ какъ с лингвистической точки зренія они плохо изучены. Известно, что школы эти относятся къ разнымъ эпохамъ (XIV и XVI вв.) и поэтому хотя бы они могутъ быть отличны в своей направленности и филологической манере. Однако общаго у нихъ, пожалуй, значительно больше, чемъ разграничивающаго. Обе они стремились къ нормализации книжной древнеславянсконъ речи, обе, в общемъ, ее норму видели в образцахъ "старыхъ преводниковъ". Поэтому можно с полнымъ основаніемъ сказать, что книжная традиція митрополита Кип-

риана и его соратников продолжалась Максимом Греком и его учениками. И та и другая школа несла в себе дух афонской ("святогорской") учености, и обе они шли в русле древнеправославной греко-славянской образованности.

Были попытки охарактеризовать киприановскую школу как школу, всецело опирающуюся на южнославянскую традицию, а крыло максимовской школы, к которой принадлежал Нил Курлятев, — как пытающееся нормализовать поздний — московский (русский) тип древнеславянского языка с привлечением элементов великорусского языкового субстрата. Именно в этом направлении и велись рассуждения некоторых авторов, хотя они опирались на очень ограниченный по объему и по существу случайно выбранный материал⁵⁴. Поэтому все эти вопросы, как я уже говорил, требуют специальных разысканий и обращения прежде всего к самим текстам. Сейчас же отмечу только, что и Нил Курлятев, как и многие другие, употреблял термин *сербский* для южнославянских элементов, притом в эту рубрику попадали и генетически неславянские слова, но пришедшие на Русь, как правило, со славянского юга.

Лидеры старообрядческого раскола в XVII в. не усматривали существенной разницы между книжной школой митрополита Киприана и Максима Грека, признавая тексты киприановской и максимовской редакции в равной мере правильными и богоугодными (в отличие от текстов Никоновской sprawy) и часто ссылаясь на них. Так Никита Добрынин-Пустосвят, суздальский протопоп, писал: "Согласно же всѣмъ и Максимъ Грекъ, Святыя Горы инокъ, въ большой толковой псалтыри пишеть къ великому князю Василию Ивановичю, всея Русіи самодержцу, въ началѣ предисловія сице: всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше естъ сходя отъ отца свѣтомъ. А не тако еже онъ Никонъ напечаталь"⁵⁵ (из свитка, известного под N 1129 бывш. Синодальной библиотеки). А по свидетельству Федора Иванова, диакона Благовещенского собора, данному на допросе 9 декабря 1665 г. митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, "он же священникъ Никита, приносилъ къ нему служебникъ, переводу Кипріяна митрополита Киевскаго и всея Русіи и тот служебникъ съ новыми не сходитца. А въ челобитной писано, которую приносилъ священникъ Никита, обличеніе на новые догматы: а величествомъ та челобитная двѣма пядми объяти мочно"⁵⁶. Тот же старообрядческий протопоп Никита в одной из своих челобитных поместил целое текстологическое исследование, касающееся разночтений в старопечатных и никонианских новопечатных книгах. Привожу из него для иллюстрации небольшой отрывок: "А что онъ, Никонъ, въ прочихъ своихъ новопечатныхъ книгахъ словенское нарѣчіе превращалъ и бутто лучшее избиралъ, и печаталъ вмѣсто креста — древо, вмѣсто церкви — храмъ, вмѣсто тельца — тельцы, вмѣсто обрадованная — благодатная, и прочіе рѣчи изменить: и то ево измененіе само ся обличаетъ, — посему, что крестъ ли лучше и честнѣе глаголати или дрѣво? и церковь ли честно писати, или храмъ? Ей, всяко речется что крестъ честнѣе древа глаголати, а церковь — храма. И въ писаніи крестъ и церковь подъ титломъ пишется, а древо и храмъ безъ титла. А что онъ вмѣсто обрадованная — благодатная

напечатали: и о той, государь, архангельской рѣчи истое во евангельских толкованіи свидѣтельствуеть сице: то бо есть обрадоватися, еже обрѣте благодать предъ Богомъ..."⁵⁷ (из свитка N 1129).

Кроме того, любопытно отметить, что старообрядцы в своих доводах охотно опирались на авторитет сербских "старописанных" книг. Протопоп Никита в одном из своих сочинений, обращаясь к поездке старца Арсения Суханова в Иерусалим и на Афон, между прочим пишет: "И во Афонской горѣ обрѣтется старописанная сербская книга, иже писана по арсеніевъ приходъ Суханова за сто тридцать лѣтъ: и в той книгѣ двѣма же персты написано знаменоватися". Ср. другой вариант того же отрывка текста: "И тамо же тому старцу Арсенію вѣдомо учинилось. что был во Афонской горѣ, въ скитѣ живеть, старецъ, сербинъ родомъ, святъ житіемъ, и у того старца была старописанная книга сербская книга: и въ ней писано двѣма персты крестъ на лица воображать повелѣваетъ"⁵⁸ (из свитка N 1130 б. Синодальной библ.).

В заключение укажу, что у некоторых южных славян, прежде всего у сербов и хорватов, были иные представления о диалектной основе древнеславянского (церковнославянского) литературного языка. Таким языком-основой они иногда называли язык русский. Этого мнения был и представитель Ресавской школы Константин Костенечский (XV в.), признававший смешанный, несколько искусственный, интерславянский характер древнеславянского (церковнославянского) языка. По его, хорошо известному в филологической литературе представлению, создатели древнеславянского литературного языка для передачи особенностей и смысла греческого (равно как и сирийского, или древнееврейского) языка "выбрав тончайший и красивейший язык русский, ему в помощь придали черты (части) болгарского и сербского, и боснийского, и словенского, и чешского, и хорватского языка, чтобы воплотить божественные писания" "избравше тѣнчайшіи краснѣиши роушкии языкъ, къ нѣмуже помощь вѣда^{сѣ} блъгарскыи и сръбскыи и босньскыи и словѣнскыи и чешкаго чѣ^{сѣ} и хръватскыи языкъ въ еже вмѣстити бж^твнаа писаніа"⁵⁹. К этому мнению очень близка точка зрения попа Юрка Крижанича о том, что "словенский" язык следует считать русским (см. выше на с. 113).

Эта статья не претендует и не может претендовать на полноту сведений о древних свидетельствах, касающихся церковнославянского (древнеславянского) языка и его соотношения с другими славянскими языками, на полноту примеров с употреблением терминов "словенский", "русский", "сербский", "болгарский", "литовский" и т.п.⁶⁰ Такие исследования по странам и по эпохам (столетиям, десятилетиям и т.п.) могут пролить свет на историю древнеславянского языка и на его, как удачно определил П. Житецкий, "объединяющее начало умственной жизни"⁶¹, на судьбу локальных типов этого языка и их роль в формировании и истории отдельных славянских литературных языков.

Едва ли можно сомневаться, что подобные разыскания появятся в скором времени, так как они будут продиктованы насущными потребностями современной славянской филологии. Довольно обширный материал XVI—XVII вв. по этому вопросу могут представить предид-

словия, послесловия и комментирующие отрывки из старинных восточнославянских книг⁶², равно как и приписки к рукописям, азбуквеники и еще не использованные иностранные свидетельства о славянках, в том числе и восточнославянских землях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На непреложности традиции зиждется отношение к текстам у русских старообрядцев, из которых некоторые до сих пор не пользуются при богослужении книгами, изданными после Никоновской реформы, хотя, как известно, существуют и старообрядческие издания послениконовского периода: тексты никоновской справы нарушали правильность религиозных действий и сознания. К подобным нарушениям причислялись и моменты бытового плана (бритье бороды, "питие" табуку, употребление в пищу "чертова яблока"-картофеля, и т.д. и т.п.).

² В письме XVI в. "нелюбах" (неприязи) старцев Кириллова и Иосифова монастырей сказано: "Всѣмъ страстемъ мати миѣни; миѣние — второе падение" (это изречение В.С. Иконников взял в качестве эпитафии к своей книге "Максим Грек и его время". Киев, 1915).

³ К греко-славянскому миру из славян, как известно, относились русские (вкуче с белорусами и малороссами-украинцами), сербы, болгары (вкуче с македонцами), романцы — валахи и молдаване, пользовавшиеся древнеславянским языком, а к латинославянскому — поляки, чехи (вкуче со словаками), лужицкие сербы, словенцы и хорваты. Особую позицию, приближающую их к греко-славянскому миру, занимали хорваты-глаголиты ("глаголяши").

⁴ В XVI и XVII вв. были изданы чешские грамматики Бенеша Опата и Петра Гзеля (1533 г.), Матвея Бенешовского (1577 г.), Яна Благослава (1571 г.), Лаврентия из Нудождер (1603 г.), польские Петра Статориуса (1568 г.), Франциска Менинского (1649 г.), словенская Адама Богорича (1584 г.), хорватская Бартола Кашича (1604 г.) и др. Все они были написаны по латыни.

⁵ Ягич И.В. Рассуждения южнославянских и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. I. С. 590.

⁶ Ср. возражения противников Константина Костенечского, сводившиеся к такому тезису: если есть хорошие, исправные ("цѣлыя") книги, то не нужна по этому поводу никакая теория, и ответ Константина, не защищавшего теорию, а лишь морализирующего — какая польза от исправных книг, если их не ценят по достоинству? Привожу по изложению текста "Сказания изъясненнаго о письменех", предложенному И.В. Ягичем (см. Ягич И.В. Указ. соч. С. 501).

⁷ О различии двух подходов (текстового и грамматического) несколько подробнее см.: Толстой Н.И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // Славянское языкознание: V международный съезд славистов. Доклады сов. делегации. М., 1963.

⁸ Из новых исследований о грамматике М. Смотрицкого и ее переизданных см. ценный труд *Horbatsch O. Die vier Ausgaben der Kirchenslavischen Grammatik von M. Smotrýckij*. Wiesbaden, 1964.

⁹ К исследованиям такого типа принадлежит интересный труд Т. Улевича "Сармация", где учитывается широкий общественно-политический план при взгляде на определенное историко-культурное движение сквозь призму одного термина *Sarmacia*, *sarmacki* (*Ulewicz T. Sarmacia. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków*, 1950 (ср. также историческое разыскание В.Джерича с большим иллюстративным материалом: *Ђерич В. О српском имену по западним крајевина нашега народа*. Београд, 1914).

¹⁰ Ларин Б.А. Русская грамматика Лудольфа 1696 года. Л., 1937. Издание текста, перевод, вступ. статья и примеч. Б.А. Ларина. Нами использован перевод Б.А. Ларина с. 114. Фототипическое издание с предисловием Б.О. Унбегауна (Оксфорд, 1959) см.: *Ludolfi H.W. Grammatica russica quae continet non tantum praecipua fundamenta russicae linguae verum etiam manuductionem quandam ad gramma-*

ticam slavonicam.Oxonii, MDCXCVI; P. A.2. См. также *Tetzner J. H.W. Ludolf und Russland*. Berlin, 1955.

¹¹ См.: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938 С. 5—6 (1-е изд. М., 1934. С. 7—8).

¹² Об эволюции мнений В.В. Виноградова, касающихся двуязычия на Руси, см.: *Толстой Н.И.* Взгляды В.В. Виноградова, на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка // *Исследования по славянской филологии*. М., 1974. С. 319—329.

¹³ *Соболевский А.И.* 1711—1911. Ломоносов в истории русского языка. СПб., 1911. С. 1.

¹⁴ Изд. Б.А. Ларина. С. 47 и 113.

¹⁵ *Огородников В.* Донесение о Московии второй половины XVI века // *Чтения ИОИДР*. М., 1913. Кн. 2. С. 8.

¹⁶ *Павел Иовий.* Книга о Московском посольстве // Библиотека иностранных писателей о России. Под ред. В. Семенова. СПб., 1836. Т. 1. С. 46—47 (см. также: *Павел Иовий Новокомский.* Книга о Московитском посольстве. СПб., 1908, С. 270—271).

¹⁷ *Павел Иовий.* Книга о Московитском посольстве. СПб., 1836. С. 50; СПб., 1908. С. 272 АБ. Незвестный автор "Донесения о Московии" (XVI в.) повторил и этот пасус Иовия, но ничего не написал о языке, отметив только в конце пасуса: "она называется тетерев (theraο)" (*Огородников В.* Указ. соч. С. 9).

¹⁸ Сведения об употреблении сербского языка при дворе турецкого султана см.: *Костий М.* Српски језик као дипломатски језик југоисточне Европе од XV—XVIII в. Скопље. 1924.

¹⁹ Много ценных сведений содержится, например, в предисловиях и послесловиях славянских старопечатных книг (см.: *Строев П.* обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Ф.А. Толстого. М., 1829; *Он же.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... И.Н. Царского. М., 1836; *Титов Хв.* Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Всезбірка передмов до українських стародруків. Київ, 1924).

²⁰ Ю. Крижанич получал 90 руб. в год, в то время как высшее сословие — дети боярские получали в Тобольске от 14 до 18 руб. в год, кроме хлеба, овса и 3 пудов соли (подробнее об этом см.: *Белокуров С.А.* Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1902. С. 120—121).

²¹ *Крижанич J.* Граматично изкѣзанје... издано О. Бодянским. М., 1859. С. 1 (текста грамматики).

²² Ср. также на с. 114 терминологию, которой пользовался Зиновий Отенский, и на с. 119 терминологию Николая Курлятева.

²³ *Отенский Зиновий.* Истины показанне к вопросившему о новом учении // Православный собеседник. Казань. 1863. с. 967. Инок Зиновий, автор этого трактата, жил в Отенской пустыни, бедном монастыре Новгородской области с 1526 по 1570 г.

²⁴ Теологическая и гомилетическая сторона деятельности инока Зиновия рассмотрена в исследовании: *Калугин Ф.* Зиновий инок Отенский и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894.

²⁵ См. публикацию Сказания о Максиме философе в кн.: *Белокуров С.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Стр. IV—XXXVIII приложений. Разночтения по спискам очень интересны и о них следует написать особо.

²⁶ Об этом же термине в древнеюжнославянской филологической практике и о койне см. кратко в моем ответе на вопрос "Създаване на койне в славянските езици" в сб.: *Славянска филология*. С., 1963. Т. 1. С. 44—46.

²⁷ *Maciej z Miechowa 1457—1523* — historyk, geograf, lekarz, organizator nauki. Wrocław; Warszawa, 1960; *Maciej z Miechowa. Opis Sarmacji azjatyckiej i europejskiej.* Wrocław etc., 1972.

²⁸ *Меховский Матвей.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 98, 109, 112, 116, 175, 185—186, 188—189, 192.

²⁹ Речь шла о тексте: *оба существа свое имут*, что считалось правильным, а у Лаврентия было написано — *"оба существа свое имут: Сын рождением, а*

Дух Святой исхождением", что считалось неверным. Лаврентий отвечал, что его написание ошибка переводчика с польского (см. "Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания с игуменом Ильею и справщиком Григорием по вопросу исправления составленного Лаврентием катихизиса", в сб.: Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Кн. 4. С. 86, и литографическое издание рукописи "Заседание в Книжной палате 18 февраля 1627 года по поводу исправлений Катихизиса Лаврентия Зизания", изд. ОЛДП. СПб., 1878. XVII).

³⁰ Прение... Стр. 88. Сам спор протопопа Лаврентия с игуменом Ильею и справщиком Григорием окончился благополучно. После выяснения вопроса о том, как следует писать *купина* или *куст*, произошло следующее: "И потом игумен Илья, встав с книгою, и рекль ему: Да уж то де ты, Лаврентие, и не кручина: для того тѣ статьи тебѣ и объявлены, которые были в твои книге не прямо написаны, и тѣ всѣ статьи государы святейшии кир Филарет, патриарх московскии и всеа Руси, самъ исправил и, изправа, иам велѣл напечатати и, напечатов, тебѣ отдати. И говоря ту рѣчь книгу ему отдал. И Лаврентий книгу взял чесно и целовал любезно и говориль: Спаси Богъ государя святейшего Филарета, патриарха московского и всеа Руси, что он великии государь, наше прошение исполнил" (там же).

³¹ Там же. С. 95.

³² Там же. С. 99.

³³ Там же. С. 99.

³⁴ Поэтому на Руси в XVII в. и появлялись такие прозвища (от них позже могли образовываться фамилии), как *Двокрещен*, *Новокрещен*, *Новокцен* (см. *Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // *А.М. Селищев.* Избр. тр. М., 1968. С. 112).

³⁵ См.: *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 3—5.

³⁶ *Белокуров С.* Арсений Суханов, ч. II, вып. I. Сочинения Арсения Суханова. М., 1891. С. 162.

³⁷ Прение... С. 95—96.

³⁸ Там же. С. 81.

³⁹ Прение литовского протопопа Лаврентия Зизания — чрезвычайно любопытный документ начала XVII в., увы, в целом до сих пор не исследован. А между тем он содержит интересные высказывания о различиях в значении слов *лице* — *образ*, *страсть* — *похоть*, *повеление* — *суд*, *да святится* — *да освятится* и др. и может послужить хорошим источником для суждения о филологической культуре Руси начала XVII в.

⁴⁰ См.: *Мансветов И.Д.* Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882.

⁴¹ Из Псалтыри XVI в. (1552 г.) бывш. библиотеки Соловецкого монастыря [N 13 (753)]; см.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. С. 19; ср. также близкий текст в Псалтыри XVI в. бывш. собрания И.Н. Царского (N 327) (см.: *Строев П.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие... Ивану Никитчу Царскому. М., 1848. С. 323) и текст рукописи 1602—1605 гг. из бывш. Погодинского собрания (Гос. Публ. библиотека в Ленинграде, шифр Погод.1143), цитируемый в статье: *Ковтун Л.С.* Русские книжники XVI столетия о литературном языке своего времени // *Русский язык и источники его изучения.* М., 1971.

⁴² Описание рукописей Соловецкого монастыря... С. 19.

⁴³ См. в кн.: *Ковтун Л.С.* Русская лексикография эпохи Средневековья. М.; Л.: Наука, 1963. С. 421.

⁴⁴ Правда, и этот текст требует некоторого комментария и сравнительного анализа с другими текстами, т.к. термин *словенскы* употреблен в ряду с названиями других языков. Термин *македонский* в те времена не употреблялся. Так же и о моравском происхождении некоторых слов не упоминалось.

⁴⁵ Описание рукописей Соловецкого монастыря... С. 19—20.

⁴⁶ *Ковтун Л.С.* Русские книжники XVI столетия... С. 23.

⁴⁷ См.: *Кузнецов П.С.* У истоков русской грамматической мысли. М.: Наука, 1958. С. 11. Дмитрий Толмач (XVI в.) был переводчиком латинской грамматики Доната на славянский язык и современником Максима Грека, возможно, даже

инициатором вызова последнего в Москву. Его перевод сохранился не в подлиннике, а в двух списках XVI в. — Казанском (Соловецком) и Петербургском.

⁴⁸Первым этот вопрос поставил архимандрит Амфилохий, см.: Справедлив ли упрек монаха Нила Курлятевых в том, что митрополит Киприан по-гречески гораздо не разумел, и нашего языка довольно не знал же при исправлении Псалтыри // Труды IV археологического съезда. Казань, 1891. Т. II. С. 1—6; *Он же*. Что внес св. Киприан, митрополит Киевский и всея России, а потом Московский и всея России, из своего родного наречия и из переводов своего времени в наши богослужебные книги? // Труды III археологического съезда. Киев, 1878. Т. II. С. 231—251.

⁴⁹Описание рукописей Соловецкого монастыря... С. 20.

⁵⁰Истины показаніе... С. 964.

⁵¹*Белокуров С.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. XXXV приложений.

⁵²Там же. С. XIV приложений.

⁵³*Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 12. Ряд древних свидетельств об авторитете киприановой книжной справы см. на с. 80—81.

⁵⁴Некоторые выборочные примеры и беглые замечания И.Я. Порфирьева, А.В. Вадковского и И.Ф. Красносельцева из текстов переводов Псалтыри Максима Грека, данные в "Описании рукописей Соловецкого монастыря..." (Казань, 1881. С. 13—14), служили часто единственным основанием для изложенных выше суждений (см.: *Ковтун Л.С.* Русские книжники XVI столетия... С. 16—17; *Виноградов В.В.* Очерки по истории... С. 15; *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. С. 172). Наиболее убедительным примером "русификаторской" деятельности Максимовых переводчиков является замена в "Символе веры" слова *чаю* словом *жду* (см. выше, С. 113), но и этот пример не достаточен для широких обобщений.

⁵⁵*Румянцев И.* Никита Константинов Добрынин ("Пустосвят"). Сергиев Посад, 1916. С. 340 приложений. См. в том же свитке высказывание о Максиме Греке как о крупном текстологическом авторитете на с. 331, 334—336 приложений и такое же свидетельство об ученике преподобного Максима Грека иноке Зиновии Отенском на с. 331 приложений.

⁵⁶Там же. С. 13.

⁵⁷Там же. С. 337—338. Обычай писать сакральные слова под титулом в отличие от несакральных, которые пишутся без титула, идет, видимо, еще от времени первых славянских переводов. Так, по наблюдению Е.Э. Гранстрем в Зографском евангелии слово ДОУХЪ в смысле святого духа дано под титулом, сокращенно, а ДОУХЪ НЕЧИСТЫИ пишется полностью, без титула (Мф., VIII, 16; X, 1). Впрочем, конечно, встречались под титулом и несакральные слова: *день*, *м'ць* 'месяц' *нечсть* 'нечист' и т.п. (см. *Гранстрем Е.Э.* Сокращения древнейших славяно-русских рукописей // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; — Л., 1954. Т. 10. С. 427—434).

⁵⁸*Румянцев И.* Указ. соч., С. 225 приложений. Сообщение о том же факте см. в кн.: *Белокуров С.* Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 2. С. 131—132.

⁵⁹*Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. 1. С. 396.

⁶⁰Л.С. Ковтун отмечает в азбуковниках второй половины XVI в. частое употребление помет "се(рбское)" для слов южнославянского происхождения типа *брáдовъ*, *белчюгъ*, *бешию*, *благолепно*, *бѣдние*, *витаеть*, *вскую*, *выспрь*, *доблесть*, *дебело*, *дебрь* и т.д., см.: *Ковтун Л.С.* Славянизмы и инославянские слова в русских азбуковниках // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы конференции. 1975. М., 1975. Т. 10. С. 22; *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.

⁶¹*Житецкий П.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке. Киев, 1889.

⁶²См.: например: *Строев П.* Рукописи славянские и российские...; *Титов Хв.* Материали для історії книжної справи...

III. РАННЯЯ СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ЕЕ ТРАДИЦИИ

ДРЕВНЯЯ СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У СЛАВЯН

Самой яркой культурно-языковой особенностью средневековой Славии было наличие международного надэтнического литературного языка — древнеславянского (церковнославянского)¹. В той же ее части, где древнеславянский не функционировал, его место занимала латынь (реже — немецкий или итальянский язык). Структура славянского этнического и языкового самосознания была достаточно сложной и неоднородной в разных славянских землях. Она имела не только локальные особенности, но и изменялась исторически, о чем свидетельствуют многочисленные языковые, литературные и историко-культурные памятники. Этот вопрос требует особого рассмотрения, однако для его успешного разрешения важно понимание ситуации, относящейся к периоду возникновения славянской письменности. Хотя исторические свидетельства еще I—II вв. (Плиния Старшего, Тацита, Птолемея) и VI—VII вв. (Прокопия Кесарийского, Иордана и др.) говорят о едином славянском этносе и особом языке славян, по существу проблему славянского самосознания и славянского языка можно решать лишь на основе собственных славянских свидетельств, т.е. начиная со времени возникновения и функционирования славянской письменности.

В данной главе речь пойдет о соотношении таких явлений и факторов, как письменность (и возникший на ее основе литературный язык) и этническое самосознание у славян в ранний период их истории. Для рассмотрения этой темы важно осветить ряд смежных вопросов, а именно: а) о времени возникновения славянской письменности; б) о сфере распространения славянской письменности; в) о характере первоначальной славянской письменности (глаголица или кириллица?); г) об отношении славянской письменности (славянского алфавита и литературного языка) к неславянской письменности (алфавиту и литературному языку). Это — первый круг проблем, связанных с письменностью, соответственно с литературой и литературным языком. Второй круг вопросов связан с выяснением того, в каких этнических условиях распространялась славянская письменность, какова была этническая структура славянства в пору возникновения и распространения славянской письменности и как возникновение письменности (и литературы)

повлияло на самосознание славян. Наконец, третий круг проблем касается соотношения славянской письменности и книжности с конфессиональными институтами — с сакральными текстами, богослужением, церковной иерархией. Эти моменты, в свою очередь, соотношены с историческими, социальными и иными факторами.

Рассмотрим кратко в отдельности каждую из упомянутых групп проблем и вопросов.

Славянская письменность возникла и начала достаточно интенсивно развиваться в 60-х годах IX в., т.е. накануне, во время и после Моравской миссии Кирилла и Мефодия 863 г. Сама Моравская миссия, равно как и жизненный и научно-просветительный подвиг двух солунских братьев, довольно подробно документирована разнообразными историческими, хорошо известными источниками. В отличие от этого у нас нет никаких свидетельств о существовании славянской письменности в докирилло-мефодиевскую эпоху. Все памятники, открытые в послевоенный период, в том числе и ряд надписей на камне, относятся к более позднему периоду — X—XII вв. Попытки как бы то ни было обосновать существование славянской письменности до Кирилла и Мефодия (опыты Э. Георгиева, П.Я. Черных, В.А. Истрина, Н. Энгватова, Н.А. Константинова, А.С. Львова и др.) оказались тщетными и лишеными серьезной научной аргументации. Особенно конфузными стали опыты объяснения севернопричерноморских тамгообразных знаков в качестве протоглаголицы². Солидное археологическое исследование В.С. Драчука³ положило конец необоснованным домыслам этого плана. Можно также со значительной долей уверенности сказать, что известное место в славянском (древнерусском) списке XV в. "Пространного жития Кирилла (Константина)" — "Роусьскими писмены" — довольно аргументированно объяснено рядом славистов (А. Вайаном, Р.О. Якобсоном, Г.Г. Лантом, В.Р. Кипарским, Т.А. Ивановой)⁴ как метатеза букв Р и С при первоначальном "Соурьскими письмены", т.е. "сирийскими письменами". Речь здесь, как известно, идет о Хазарской миссии Константина около 860 г. и о его непродолжительной остановке в Херсонесе, где он "человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою... и обрѣте же тоу еваггеле и ѱалтирь роусьскими писмены писано"⁵. "Русские" письмена в Херсонесе пытались связать с северочерноморской предполагаемой "протоглаголицей", однако эта версия, не будучи подтвержденной никакими историческими и археологическими источниками, была, как отмечалось выше, окончательно отброшена.

Возникнув в начале 60-х годов IX в., славянская письменность стала довольно быстро распространяться в славянских землях. Первоначально, а затем и в течение всего средневековья основной ее функцией, но далеко не единственной, было христианское богослужение. В некоторые западнославянские земли и, вероятно, в западные и южные окраины южнославянских земель христианство проникло до Моравской миссии солунских братьев⁶. Что же касается болгар, то они приняли крещение в 865 г. при князе Борисе, сербы — видимо, в 70-х годах XI в., а русские, т.е.

восточные славяне, — почти на век позже, при князе Владимире в 988 г. В 886 г. болгарский князь Борис I принял бежавших из Великой Моравии учеников Кирилла и Мефодия. Это означает, что славянская письменность во второй половине IX в. уже была распространена в Великой Моравии — в чешских, моравских, словацких и, надо полагать, лужицких землях⁷, затем в Паннии, среди части словенцев, у хорватов, вероятно, у сербов, у болгар и солунских славян. О распространении славянской письменности в Паннии (на Блатном озере у князя Коцела) свидетельствуют "Пространные жития Кирилла и Мефодия"⁸, а об употреблении, видимо, локальном, славянского богослужения и письма в Польше⁹ говорят некоторые археологические и исторические данные. Почти всеславянское распространение славянского письма было недолгим; при этом еще значительная часть славян (прибалтийских, поморско-кашубских, восточных — древнерусских, частично — западных и южных) оставалась язычниками, т.е. говоря словами древнего книжника, была вне "света просвещения книжного". Русь с некоторым опозданием, но с тем большим усердием приняла "слово истинное" и "грамоту славянскую". Столь быстрое и широкое распространение славянской азбуки, письменности (литературы) и литературного старославянского языка объясняется, помимо прочего, чрезвычайной близостью в IX в. всех славянских наречий (языков), еще сохранявших многие черты общеславянского — праславянского языка (наличие редуцированных звуков ъ и ь, структура открытых слогов и т.п.)¹⁰. Ученики Кирилла и Мефодия и продолжатели их дела не знали из-за близости славянских наречий друг к другу перевода с одного славянского языка (диалекта) на другой, они лишь вносили в уже оформленный солунскими братьями литературный, книжный и сакральный язык те или иные локальные черты. Списки с такими чертами и принято называть изводами (русским, чешским, хорватским, сербским, боснийским, болгарским и др.). Единство и близость славянских наречий того и даже более позднего времени ощущалась древними восточно-, южно- и западнославянскими историками (Нестором, Далимилом, Длугошем и др.), и это ощущение имело под собой, как свидетельствует современная славистика, реальную основу. Таким образом, в истории славянства была одно время, хотя и недолго, ситуация, которую киевский летописец определил словами: "тако разидеса Словѣньский языкъ тѣм же и грамота прозваса Словѣньская".

Осознание единства или близости славянских наречий самими славянами существенно для характеристики их самосознания. Для этой же цели важно решение вопроса о том, какая азбука — глаголица или кириллица — была первоначальной, т.е. изобретена и применена Кириллом и Мефодием. Современная славянская лингвистика однозначно отвечает и на этот вопрос, устанавливая, что глаголица древнее, чем кириллица. При этом выдвигается целый ряд аргументов, сумма которых и создает убедительную картину. В пользу изначальности глаголицы говорят: а) исторические свидетельства (о них подробнее речь будет идти ниже); б) ориги-

нальность глаголических графем; в) способы применения глаголицы и кириллицы для цифровых обозначений; г) палимпсесты, в которых кириллица вторична, а глаголица первична, а также отчасти одновременное употребление букв двух азбук в одних и тех же памятниках; д) более архаический язык глаголических памятников; е) география глаголицы; ж) свидетельства черноризца Храбра о том, что славянская азбука имела 38 букв (такое число букв было в глаголице); з) наличие в азбучной молитве-акrostихе двух букв для X-хера (хера обыкновенного и хера паучного); и) названия и порядок букв алфавита и др.¹¹

Для выяснения вопроса об этническом самосознании славян небезынтересна и проблема происхождения глаголицы. История основных европейских азбук и ряда других показывает, что чаще всего одна азбука наследует другую. Так было с греческим письмом, вышедшим из финикийского (древнесемитского), и с латинским, вышедшим из греческого. Ряд ученых (Тейлор, Беляев, Ягич, Мареш и др.) выводили глаголицу из греческого минускульного письма, отдельные ученые — из хазарского (Груньский), армянского (Гастер), коптского (Фортунатов) и т.п.¹² Наибольшей популярностью пользовалась минускульная гипотеза, которая, по моему мнению, должна уступить свои позиции гипотезе Юрия Черновостова об изобретении Константином-Кириллом глаголических букв путем его единоличного вдохновения, букв, за редким исключением (Ш и др.), не заимствованных из других азбук, а выдуманных вновь¹³. История письма знает подобные случаи. Стефан Пермский в XIV в. изобрел пермскую азбуку зырян, преследуя миссионерские цели. Эта азбука использовалась на Руси и в виде тайнописи.

Исключительность глаголицы, ее принципиальная независимость от греческого и латинского письма могут быть восприняты как демонстрация славянской культурной автономности, или самобытности, отдельности по отношению к другим этносам, обладавшим письменностью, в первую очередь к греческому (византийского периода) и немецкому (франкскому). Специфичность и новизна глаголицы, ее непричастность к чужеземному базису выражены автором "Похвального слова св. Кириллу и Мефодию", известного в русском списке XII в.: "Не на тоужемь основании свое дѣло полагающа, нъ изнова писмена въображьша и съвършиста въ языкъ новъ"¹⁴. С этим славянским свидетельством перекликается место в письме папы Иоанна VIII князю Святополку Моравскому от 3 июня 880 г.: "Litteras slavonicas a Constantino quondam Philosopho repperas jure laudamus" ("славянское письмо, изобретенное Константином Философом, по праву хвалим")¹⁵. Об этническом славянском самосознании в связи со славянской (глаголической, по всей вероятности) азбукой у черноризца Храбра будет сказано ниже, а пока же отметим, что некоторые черты греческого влияния сказываются и в глаголице. Это влияние заметно и в порядке букв алфавита, и в выражении звука у двумя графемами (буквами), и в употреблении титлов, и в ряде других черт¹⁶.

Глаголица, однако, во многих южнославянских землях была

заменена кириллицей, которая затем в культурно-историческом ареале *Pax Slavia Orthodoxa* оказалась господствующей. Наиболее вероятным временем и местом официального утверждения кириллицы можно считать 893 г. и болгарскую столицу Преслав, где царем Симеоном был проведен собор¹⁷. Более точных свидетельств подобного рода у нас нет. Тем не менее можно говорить, что кириллица, как известно, заимствовавшая основной корпус букв из греческого унциального письма, появилась уже после утверждения глаголицы как специфически славянского письма и после создания славянской литературы со значительным корпусом текстов, распространенных на обширной территории. С вхождением Руси в греко-славянский мир, т.е. *Pax Slavia Orthodoxa*, окончательно обособившийся в 1054 г. от мира *Slavia Latina*, ареал древнеславянского литературного языка и литературы, равно как и объем произведений и сферы древнеславянской книжности, значительно увеличился. Этот процесс был одновременно и процессом распространения и утверждения кириллицы у восточных славян. Кириллица (и кириллическая литература) стала тем самым еще более надэтнической, межславянской, в то время как область распространения глаголицы со временем ограничилась довольно узким ареалом — хорватским севернодалматинским побережьем с Истрией и прилегающими к побережью территориями. Там она, как известно, сохранялась почти до наших дней¹⁸. Эти земли постоянно находились в церковной юрисдикции римского папского престола. Глаголица в них была знаменем, способом выражения славянского этнического самосознания, хотя оно выступало и в других формах и потому не исчезло и в тех землях мира *Slavia Latina*, где славянская азбука была заменена латинской.

Литературно-языковая ситуация после 1054 г., т.е. после довольно четкого разграничения (но не отрыва друг от друга) двух миров — *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, в разных славянских землях стала строиться по-разному. В XIII—XIV вв. в ареале *Slavia Latina* установилось литературно-языковое гетерогенное двуязычие — латино-чешское, латино-польское, в то время как в мире *Slavia Orthodoxa* такое двуязычие в ту же эпоху было гомогенным — церковнославянско-русским, церковнославянско-сербским, церковнославянско-болгарским и т.д.¹⁹ Гомогенность этого двуязычия была столь значительной и стойкой, что современники раннего периода его бытования, равно как и представители более поздней эпохи и даже некоторые ученые наших дней, считали и считают, что в древней Руси или, скажем, в древней Сербии были не два языка, а один язык, стилистически дифференцированный и варьирующийся по жанрам, по языковым функциям²⁰. Это представление было довольно прочным, и оно усиливалось еще во многом потому, что существовало множество отдельных текстов, например русские летописи, в которых это двуязычие в известной мере нейтрализовалось: церковнославянский и древнерусский смешивались, создавалась средняя, переходная, гибридная форма книжного языка. Такой гибридный язык, равно как и церковнославянский, назывался

на Руси обычно *словенским, славенским*, но этот же книжный язык мог позже называться и *руским*, так как он был очень близок к русскому и функционировал у русских, хотя его южно-славянское происхождение ощущалось иногда довольно четко²¹.

Стоит отметить, что Нестор в начале XII в. в своем введении к "Повести временных лет" характеризовал славян как этнос с особым языком и особой "грамотой"²². Этот паус много раз подвергался внимательному и разностороннему анализу. В 1968 г. В.Д. Королюк изучал его в связи с проблемой славянского самосознания в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв. В полемике с рядом историков (Ф. Граусом, Л. Гавликом и др.) В.Д. Королюк отметил, что система исторических взглядов Нестора-летописца представляет собой синтез европейской (в первую очередь византийской) образованности, образованности русской и представления о славянском единстве, коренящегося в терминах "славяне" и "славянский язык"²³. Терминологически устойчивые сочетания "словѣньскыи языкъ" и "грамота словѣньская" мы рассмотрим кратко ниже, сейчас же обратим внимание на этническую градацию славян, принятую Нестором. В представлении русского летописца существуют три типа этнических образований. 1. Обобщающий тип, охватывающий все славянские народности или крупные этнические образования, а тем самым и племена — этническая семья (Бѣ единъ языкъ словѣньскъ..., словѣне... прозвашася ляхове..., словѣне... нарекошася поляне, а друзии древляне и т.п.). 2. Народность как основная крупная единица (Чеси, Сърбы, Хорутане и др.). 3. Племя как более мелкая, чем народность или "преднародность", единица, в нее входящая или формирующаяся (поляне, древляне, дреговичи, полочане, мазовѣшане и др.). Нечто подобное, хотя и в сильно измененном виде, мы находим позднее и в некоторых славянских зонах, например в Полесье²⁴. Нет нужды приводить более подробный перечень этнонимов из "Повести временных лет", свидетельствующий о племенном дроблении Руси, — он общеизвестен²⁵. Существенно обратить внимание на то, как противопоставляются этнонимы в том же памятнике. Словене как этническая семья, как этнос противостоят волохам — восточным романцам, аварам, половцам и другим народам (си же Обри воеваху на Словѣньхъ) как представителям других этнических семей, как другим "иноплеменным" этносам. "Внутри" славян различаются народности — чехи, мораване, сербы, хорутане (словенцы). Но также "внутри" славян различаются и племенные образования для восточных славян, как правило минуя звено народности — русских. Русь же, как справедливо отмечают А.И. Рогов и Б.Н. Флоря²⁶, означает у Нестора скорее государственное целое, чем этническое: "Се бо токмо словѣнескъ языкъ (единств. число! — Н.Т.) в Руси: полане, древлане, ноугородьци, полочане, дреговичи, сѣверь, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же вельяне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Вель, Мурома, Черемисъ, Морѣва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимгола, Корсь, Нерома, Либь: си суть свои языкъ имущи отъ колѣна Афѣтова..." Или: "... аще

и полане звахуся, но словѣньскаа рѣч бѣ..." Или: "поланомъ же жиоушемъ ѡсобѣ, якоже рекохомъ суще от рода словѣньска, и нарекошася полане, а древане же от словѣнь же и нарекошася древлане; радимичи бо и ватичи от ляховъ" (хотя выше говорилось, что: "словѣне же ови пришѣдше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася ляхове..."²⁷).

Отдельные восточнославянские племена, как известно, по представлению Нестора-летописца, рознились на основании таких этнографических признаков, как обычаи ("имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и предания каждо свой нравъ..."). Этот же критерий в еще большей степени применял Нестор к другим неславянским этносам — сирийцам, бактриянам, индийцам, бриттам, половцам и др., следуя традиции византийского летописца Георгия Амартола, утверждавшего, что "ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане законъ безаконьникомъ отечество мнится" ("каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов").

Говоря о половцах, держащихся законов своих отцов, проливающих кровь и хвалящихся этим, киевский летописец заявляет: "Мы же, христиане, елико земля, иже вѣрують въ святую Троицю...", противопоставляя славян по вероисповедному принципу половцам — нехристианам. Таким образом, градация племя — народность — этническая семья, в которой звено народности в прошлом не всегда четко вырисовывалось, дополнялась еще одной важной ступенью, уже не этнического, а иного порядка, — ступенью конфессионального ареала. В XI—XII вв. таких ареалов, куда входили славяне, уже было два: один, возникший на базе византийской обрядности и культуры, может быть назван греко-славянским миром (или Pax Slavia Orthodoxa), другой, на базе римской обрядности и культуры, — латино-славянским миром (или Pax Slavia Latina).

Ощущение принадлежности к тому или иному миру со временем становилось компонентом этнического самосознания отдельных славянских народностей, в особенности когда это самосознание развивалось и проявлялось в условиях татаро-ордынского или турецко-османского ига. Так, православная вера нередко воспринималась как своя "национальная" вера и даже так и называлась, к примеру у сербов — "српска вера" (в противоположность "турской вере" — исламу) и т.п. Нередко наблюдалось и обратное положение, когда самоназвание этнической группы или подавляющего его большинства — земледельцев — возникало по конфессиональному признаку. Ср. рус. *крестьянин, крестьянство*.

Эти факты следует учитывать прежде всего потому, что возникновение и распространение письменности у славян были тесно связаны с принятием и утверждением христианства, с установлением и широким принятием богослужения на славянском (старославянском) языке. Правомерность и каноничность славянского богослужебного, сакрального языка оспаривалась многими представителями духовенства, признававшими главенство папы римского. С

точки зрения славянских первоучителей и их последователей такая позиция была не более чем ересью (см. "Житие Константина"). Эта ересь называлась "треязычной", ибо ее сторонники, по словам автора "Жития", считали, что "недостойно некоторому же языку имѣти буквѣ своихъ, развѣ еврѣи и грекъ и латинъ, по пилатоуу писанью еже на крстѣ г҃ни напис". Византийская историческая и культурно-обрядовая традиция, наоборот, допускала и в ряде случаев поощряла богослужение на других языках — сирийском, коптском, арабском, эфиопском, армянском, грузинском, готском и др. В большинстве случаев эти языки имели и свой особый алфавит (особое письмо), как были различны и три алфавита в "велицѣхъ языцѣхъ" — еврейском, греческом и латинском. Введение в богослужение, как и создание своей азбуки и книжной нормы, означало для славянского языка — этноса — "причетиса велицѣхъ языцѣхъ". Насколько влиял этот факт на славянское этническое самосознание, можно судить хотя бы по известному сочинению южнославянского черноризца Храбра "О письменѣхъ". Сочинение это, как и большинство славянских книжных трудов древней эпохи, в некоторых своих частях компилятивно и снабжено цитатами или сведениями из греческих авторов (Псевдо-Феодосия, Феодорита Кирского, Георгия Амартола, Епифания Кипрского, Евсевия Кесарийского). Эти компиляции связаны с темой происхождения греческого письма, греческого перевода св. Писания и т.п. Что же касается частей текста о возникновении славянской письменности и азбуки, то они, безусловно, оригинальны.

Для интересующей нас темы существенна заключительная часть трактата черноризца Храбра: "Аще бѡ въпросиши книгчиа греческаго г҃ла кто вы естѣ писмена сътворилъ, или книги прѣложилъ или въ кое врѣма то рѣдции от нихъ вѣдати то, аще ли въпросиши словенскыа буквава г҃ла кто вы писмена сътвори естѣ, или кто книги прѣложилъ вѣси вѣдати, и отвѣщавъ речеть сътии Кѡнстантинѣ философѣ нарицаемыи Кѡрилѣ тѣ писмена сътвори, и книги прѣложи. и Мевѡдїи братъ его. сѣт бѡ еще живи, иже сѣтъ видѣли и^х, аще въпросиши въ кое время, вѣдати и рекжѣтъ, яко въ врѣмена Михаила Цра греческа и Бориса княза болгарска и Растица кнѣза моравьска, и коцла княза Блатьска въ лѣто же от сзданїа всего мира $\overline{\text{С}} \overline{\text{Т}} \overline{\text{З}} \overline{\text{Г}}$. (6363) = 863 г.н.э.²⁸

В этом тексте нетрудно отметить несколько моментов утверждения достоверности излагаемых фактов (вѣси вѣдати..., сать бѡ — "еще живи, иже сѣтъ видѣли их" и др.), а также мотив превосходства славянских "писмен" над греческими, который еще ярче выступает в утверждении, что греческое название буквы "альфа" не греческого происхождения, а заимствовано из еврейского "алеф" и т.п., в то время как у славян имеются свои названия букв — "азъ" и т.д., и особенно ярко в заявлении, что греческие писмена создали "эллины поганые", а славянские — "святой муж". Следует напомнить, что в древнерусских и древнеюжнославянских текстах слова "еллини" и "еллински" обычно означают не "эллины, древние греки", "древнегреческий", а "язычники", "языческий" во-

обще. Это же значение имело и слово "поганый" (ср. лат. *paganus* — язычник). Таким образом, представления об особых достоинствах славянского письма, противопоставлявшегося системам письма других народов, становилось в IX в. уже частью самосознания славян, воспринявших "свет разума книжного". К тому же IX веку следует относить и зарождение представлений о сакральности славянского алфавита, которые затем стали очень популярны у славян, о чем свидетельствует ряд фактов. К ним следует отнести наличие азбучной молитвы у славян²⁹, возникновение которой, вероятно, можно связывать с появлением славянской письменности, затем наличие определенного числа граффити, представляющих собой начало алфавита на развалинах церкви в Преславе, в Софии Киевской, в Софии Новгородской, писавшихся обычно под титулом наряду с формулами *господи, помози и спаси, господи*, и др.³⁰ Следует отметить, что сравнительно небольшое число примеров употребления глаголицы на Руси, относящееся в основном к граффити Софии Киевской и Софии Новгородской, включает в себя и ряд примеров с этими формулами. В связи с этим и со всем комплексом рассуждений о святости, сакральности славянского алфавита важно учесть сумму аргументов, изложенных выше, по вопросу о первичности глаголицы. Ряд первых по порядку глаголических букв, начиная с глаголического аза в виде креста со слегка опущенными концами поперечной перекладины, означали, видимо, молитву или молитвенное заклинание сакрального характера (позже эта сакральность перенеслась и на кириллический алфавитный порядок)³¹. Особый интерес вызывают в этом смысле и смешанные глаголическо-кириллические написания. М.Н. Сперанский видел в таких написаниях "орудие" для "затаения", "загадки"³². Однако правильное было бы искать в этих случаях иное объяснение.

Есть все основания полагать, что на христианском Востоке, равно как и на Западе, сакральным считался не только "свой" алфавит, но и алфавит "чужой", а также, что крайне важно для наших наблюдений, и смешение алфавитов³³. Таким образом, создание славянской письменности и славянского литературного языка явилось новым толчком к усилению общеславянского самосознания, к осмыслению представлений о месте славян среди других народов. Эти явления отразились на всей территории славянского мира, где существовала в X—XII вв. славянская письменность и литература: не только у южных и восточных, но и у западных славян, в частности в Чехии, где в XI в. действовал такой крупный центр славянской письменности, как Сазавский монастырь.

Однако к концу XI в. условия для развития славянской письменности и литературы в Чехии ухудшились. Папа Григорий VII не дал чешскому князю разрешения совершать богослужения на славянском языке³⁴, а затем против славянской письменности выступили католические круги в самой Чехии. Отголосок столкновений по этому вопросу можно видеть в фальсификате буллы папы Иоанна XIII об основании пражского епископства, включенном в "Чешскую хронику" Козьмы Пражского (начало XV в.). Здесь

говорилось, что на епископскую кафедру нельзя ставить "человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа или славянского языка"³⁵. Не случайно мы не знаем произведений, написанных на древнеславянском, древнечешском или древнепольском, относящихся к западнославянской зоне и к XII в.

На рубеже XI—XII вв. параллельно с упадком славянской письменности в Центральной Европе осуществляются и гонения на славянское письмо и язык в Далмации. Древнеславянский (церковнославянский) язык перестает быть действительно литературным языком всех славян. Славянская же письменность становится (на этом этапе) отличительной чертой лишь части славянских народов, которые по этому признаку временно отделяются от других славянских народов, не обладающих такой письменностью. Это накладывает свой отпечаток и на процессы развития самосознания в последующий период истории славян.

В итоге возникновение славянской письменности повлекло за собой и возникновение древнеславянского (старославянского и церковнославянского) литературного языка и, безусловно, способствовало укреплению общеславянского межплеменного самосознания (на уровне этнической семьи), хотя такое самосознание, надо полагать, существовало и до появления славянской письменности и определялось не только фактором литературным (литературно-языковым) и лингвистическим, но и этнографическим или фольклорно-этнографическим, а также этнопсихологическим. С другой стороны, славянская письменность дала импульс для развития народного (национального) самосознания и народной (национальной) литературы путем отпочкования от общеславянской литературы и письменности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // ВЯ. 1961. N 1. С. 52—66; Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

² См.: Эпштейн Э.И. К вопросу о происхождении русской письменности // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. 1947. Вып. 15. С. 21—26; Константинов Н.А. Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья // Вестн. ЛГУ. История, яз. и лит. 1963. N 14. Вып. 3. С. 107—109. Подробнее см.: Можяева И.Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике, 1945—1974 гг. М., 1980. С. 84—86.

³ См.: Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья: Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. К., 1975; Он же: "Загадочные знаки" Северного Причерноморья // Archeologia. 1970. XXI; 1971. XXII.

⁴ Vaillant A. Les "lettres russes" de la Vie de Constantin // Revue des Études slaves. 1935. T. XV. P. 75—77; Jakobson R. Saint Constantin et la langue syriacque // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire Orientales et Slaves de l'Université libre de Bruxelles., 1939—1944. T. VII. P. 181—186; Lunt H.G. Again the русскими писмены. — Cercetări de lingvistică, Anul III. Supliment (Buc.), 1958. P. 323—326; Кипарский В. О происхождении глаголицы // Климент Охридски: Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. С., 1968. С. 91—98; Иванова Т.А. Еще раз о "русских письменах" // Сов. славяноведение. 1969. N 4. С. 72—75.

⁵ Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. Т. 1. С. 12.

⁶ Хорваты, например, официально принимали христианство дважды. Первый раз, по свидетельству Константина Багрянородного, в VII в., между 664 и 668 гг., когда император Ираклий потребовал священнослужителей из Рима, и второй раз — в царствование Василия Македонянина, после освобождения хорватов от власти франков. В обоих случаях духовным главой хорватов был римский папа.

⁷ *Frinta A. Bohemizmy a paleoslavenizmy v lužickosrbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam // Acta universitatis Carolinae. Philologica (Pr.)*, 1954, 5.

⁸ См.: *Лапов П.А.* Материалы по истории возникновения... С. 1—78, а также: *Grivec F., Tomšić F.* Konstantin i Metodije Solunjani. Izvori // *Radovi Staroslovenskoga instituta (Zagreb)*. 1960. Knj. 4. S. 95—167.

⁹ См.: *Lehr-Splawiński T.* Czy są ślady istnienia liturgii cyrilometodejskiej w dawnej Polsce? // *Slavia*. 1956. T. XXV. S. 2; *Havránek B.* Otázka existence církevní slovanštiny v Polsku // *Ibid.*

¹⁰ *Трубецкой Н.С.* К проблеме русского самопознания. Б.м., 1927; *Дурново Н.Н.* К вопросу о времени распада общеславянского языка // *Sb. Prací I Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929. Přednášky. Pr.*, 1932. Sv. II. S. 514—526; *Он же.* Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Byzantinoslavica*, 1929, гоđ. 1. S. 48—85; *Толстой Н.И.* Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности. — *КСИС*. 1963. С. 27—38; *Он же.* Мысли Н.С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках // *Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования*. Калинин, 1981. С. 98—119.

¹¹ *Nedeljković O.* Još jednom o hronološkom primatu glagoljice // *Slovo*. 1965. Knj. 15—16. С. 19—58.

¹² *Ягич И.В.* Глаголическое письмо // *Энциклопедия славянской филологии*. СПб., 1911. Вып. 3. Графика у славян.

¹³ См.: *Кипарский В.О.* О происхождении глаголицы; *Kiparsky V.* Tschernochvostoffs Theorie über den Ursprung des glagolitischen Alphabets // *Cyrillo-Methodiana: Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863—1963*. Köln; Graz, 1964. S. 393—400.

¹⁴ *Лапов П.А.* Материалы по истории возникновения... С. 83—84.

¹⁵ *Monumenta Germaniae Historica Epistolarum. Hannoverae*, 1925, T. VII. S. 222—224.

¹⁶ *Vajs J.* Rukovět hlholské paleografie. Pr., 1932.

¹⁷ *Ильинский Г.А.* Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена кириллицей // *Byzantinoslavica*. 1931. Roč. 3. S. 1. P. 79—88.

¹⁸ Древнейший хорватский текст, писанный латиницей, *Sibenska molitva* ("Шибеникская молитва" — по названию города Шибеник в Далмации), относится к XIV в., а древнейший хорватский глаголический памятник Башчанская плита (по селу Башка на о-ве Крк) датируется 1100 г. См.: *Nazor A.* Zagreb — rznica glagoljice: Katalog izložbe. Zagreb, 1978.

¹⁹ *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // *Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1963. С. 230—272.

²⁰ *Толстой Н.И.* Одно српског књишког језика према старом словенском књижевном језику (у вези са развојем жанрова у старој српској књижевности) // *Научни састанак слависта у Вукове дане 8*. Београд, 1980. Св. 1.

²¹ *Толстой Н.И.* Старинные представления о народноязыковой базе древнеславянского литературного языка (XVI—XVII вв.) // *Вопросы русского языкознания*. М., 1976. С. 177—204.

²² ПСРЛ. Т. 1.

²³ *Королюк В.Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян // *История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1968. С. 98—113.

²⁴ *Obrežsky J.* Problem etniczny Polesia. W-wa, 1936.

²⁵ *Хабургаев Г.А.* Этнонимия "Повести временных лет" в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

²⁶ См.: *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 1982. С. 96—119.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 9—10. В принципе можно принять, вслед за рядом исследователей и за А.И. Роговым и Б.Н. Флорей, известное положение о том, что сведения о славянах и территории их расселения Нестор черпал из западнославянского источника под условным названием "Сказание о преложении книг на славянский язык". Компильция или частичное заимствование немного мешает в общем подходе к славянам в этноерархической системе (шкале, лестнице) отдельных славянских народов. Важно, что эти сведения Нестор принял и что они, надо полагать, соответствовали его представлениям, как соответствуют они в общих чертах и нашим современным представлениям о славянах IX—XII вв., и представлениям неславянских современников (или почти современников) Нестора.

²⁸ *Куче К.М.* Черноризец Храбр. С., 1967. С. 194.

²⁹ *Куче К.М.* Азбуचना молитва в славянските литератури. София,, 1974; Mareš F. *Azbučnā bāseň z rukopisu Státní veřejné knihovny* Saltykova-Sčedrina v Leningradě (Sign. Q. 1, 1202) // *Slovo*. 1964. Knj. 14. S. 5—24.

³⁰ См.: *Высоцкий О.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской: (По материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976; *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI—XIV вв. М., 1978; *Гошев И.* Старобългарски глаголически и кирилски надписи. С., 1961.

³¹ Среди ряда ранних граффити-азбук выделяется Преславская глаголическая азбука, открытая акад. И. Гошевым в 1949 г. в развалинах Круглой церкви в Преславе в помещении для крещения. По наблюдениям И. Гошева, весь алфавит, от которого сохранилось лишь 13 глаголических букв, помещался на расстоянии 23 см между двумя крестами, размерами во много раз превосходящими глаголический "азь" и другие буквы. См.: *Гошев И.* Старобългарски глаголически... С. 61—66, 136—138). И. Гошев предполагает, что азбука начертана в связи с обрядом освящения храма или для того, чтобы отметить культурно-просветительную деятельность покойника, погребенного у стены. Второе, на наш взгляд, менее вероятно. Сакральность этой и подобных азбук-граффити бесспорна. В связи с этими азбуками уместно вспомнить отрывки стихов 8-го и 10-го из первой главы "Откровения св. Иоанна (Апокалипсиса)": "Азь смь алфа и ѿ, начатокъ и конецъ, глеть гдъ (ст. 8) и, ... слашахъ за собою гласъ велии яко трѣбъ глѹщъ азь смь алфа и ѿ первый и послѣднии" (ст. 10 по тексту Острожской библии). Алфавит в целом, и особенно первые и последние буквы, выражают идею сакральной цельности и божественной завершенности. В связи с этим интересно и греческое "Ἀρχὴν ἀνάτων καὶ τέλος ποιῶμενον, которому соответствует славянское "добро есте ѡ братие всегда отъ бога начати и до бога скончати якоже Григорїи и богословь рече", известное по сочинению пресвитера Константина — ученика св. Мефодия. Наконец, возникает предположение, что и в берестяных грамотах написание азбуки и азбучные "упражнения", в том числе и так называемого мальчика Онфима, являются сакральными, а не "ученическими", если учесть и иные тексты того же "автора". См. грамоты 199—201 и 203—207 в кн.: *Арциховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.

³² *Сперанский М.Н.* Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 4. С. 58—67, особо с. 60).

³³ По свидетельству А.И. Яцимирского, в прошлом в среде славян восточного обряда "для освоения грамоты нужно причаститься яблоком и хартией, на которой должно быть написано то, что следует знать. На хартии надо написать + и Н.И. К.А. и "все слова" (т.е. буквы) вокруг креста, т.е. полную славянскую азбуку. Магическое действие азбуки, особенно первой и последней ее букв, а также начальных букв определенных слов известно во многих древних и новых культурах. Алфавиты, особенно из чужих азбук, например, у коптов греческие, притом вырезанные на камне, на металле, играли роль ἀποτρόφαιον (умилостивительная жертва) или astras и проникли к грекам и римлянам с Востока" (*Яцимирский А.И.* Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературам. LXXXIII — XC // Изв. ОРЯС, 1917, XXII, с. 54—55). В этом пасусе А.И. Яцимирский делает ссылку на статью А. Видемана: См.: *Widemann A.* Alphabet // *Archiv für Religionswissenschaft*, 1906. Bd. VIII. S. 552—554). Д. Айналов сообщает, что и теперь при освящении католического храма епископ своим посохом пишет латинский и греческий алфавиты на линиях, крестообразно обозначенных на полу. Этот обряд толкуется в так называемой Золотой легенде XIII в.: "На полу пи-

шется алфавит, так как он знаменует единение обоих народов, т.е. язычников и иудеев, или страницу обонх заветов, или параграфы нашей веры. Алфавит же из латинских и греческих букв, некрест написанных, знаменует единение в вере народов из язычников и иудеев, через посредство Христового креста осуществленное". На Руси же уже по крайней мере в XIII в. было запрещено писать крест на земле. "Мърило праведное" (список XIII в.) определяет: "Никтоже да не пишеть на земли креста", а "Слово св. апостоль и отецъ о крестѣ Христовѣ" (по списку XVI в. церкви св. Николая в Дубне) предупреждает: "Образъ крестины на земли пишушимъ нѣкимъ несмысленнымъ, не повелеваемъ вѣрнымъ. То бо латына дѣють". Во всех случаяхъ запрещается писание на земле, а не употребленіе двухъ алфавитов. См.: *Айналов Д.* Русское известіе о латинскомъ обрядѣ // Сб. ОРЯС. Л., 1928. Т. CI. N 3. С. 499—502. Число подобныхъ примеровъ можно было бы умножить. Точно так же можно было бы привести примеры употребленія греческого алфавита в древнерусскихъ и южнославянскихъ храмахъ (ср. надписи в Софїи Киевской), однако любопытно, что писцы старейшихъ древнерусскихъ граффити смешивали не греческій и славянскій алфавит, а два "своихъ" славянскихъ алфавита — глаголицу и кириллицу. Примеры см. в цитированныхъ выше работахъ М.Н. Сперанского, А.А. Медынцевой, С.А. Высоцкого.

³⁴ *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Pragaе, 1904. T. I. Fasc. 1. N 81. P. 88.*

³⁵ *Козьма Пражскій.* Чешская хроника. М., 1962. С. 65—66.

РОЛЬ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ В ИСТОРИИ ВОСТОЧНО- И ЮЖНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Если взглянуть на этническую карту Европы IX в., то сразу бросится в глаза огромное пространство от Балтики на севере до Адриатики и Эгейского моря на юге, от Лабы, Судет и Альп на западе, до Волги на востоке, почти сплошь занятое славянским этносом, многочисленными разновидностями "языка словѣнскаго", племенами, которые, как свидетельствует русский летописец, "прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ... Морава... Чеси... Хровате Бѣлии и Серебѣ и Хорутане... Лахове... Полане" и т.д.¹

Обратившись к политической карте той же поры, мы увидим на территории распространения "словѣнскаго языка" достаточно могущественные и менее самостоятельные славянские державы, такие как Киевская Русь, Великая Моравия, пястовская Польша, Болгарское царство, сербское государство Властимира, Мутимира, хорватское — Мислава, Трпимира и прочих; Единый, этнически достаточно монолитный, славянский массив занимал в ту эпоху почти всю Центральную и Восточную Европу и играл в ее политической, экономической и культурно-религиозной судьбе отнюдь не второстепенную роль. И не будет преувеличением, если мы скажем, что от него во многом зависела судьба давнего, к тому времени все более четко определявшегося соперничества европейского Запада и Ближнего Востока — латинских наследников Священной Римской империи и их византийских конкурентов. Славяне не были ни в политическом, ни в экономическом, ни в культурном, отношениях

инертной массой, расположенной к пассивному восприятию внешних влияний. Активное начало их социальной структуры и духовной культуры достаточно ярко проявлялось во всех сферах жизни.

В IX в., в пору уже достаточно прочной территориальной стабилизации славянского этноса, после великих передвижений и миграций, в пору, когда был приобретен опыт в борьбе за установление и организацию своих государственных образований и институтов, существовали уже все основные предпосылки для возникновения и широкого распространения славянской письменности.

В принципе можно предположить и даже допустить существование письменных форм речи у славян до Кирилла и Мефодия, как-то: употребление греческого алфавита у южных славян, латинского у славян западных, довольно фантастических "чертов и резов" (это могли быть семиотические знаки иного порядка) чернорица Храбра... Но гораздо важнее учитывать тот факт, что вслед за знаменитой моравской миссией славянская письменность получила очень широкое распространение и в аспекте географическом, и в аспекте функциональном. От письменных памятников докирилло-мефодиевской эпохи у нас не осталось никаких достаточно достоверных следов, и даже если бы они и были обнаружены (что мало вероятно), они, надо полагать, не шли бы в сравнение с тем обильным числом исторических свидетельств о деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников, которыми мы располагаем в виде житий, легенд, похвальных слов, служб, сказаний, эпистолий, наконец, в виде многочисленных глаголических и кириллических переводных канонических памятников². Поэтому дату 863 г. мы без колебаний принимаем как дату начала славянской письменности, славянской книжности и литературы, древнеславянского литературного языка.

Тесная связь этого знаменательного события с традициями византийской культуры вполне закономерна. Между греческо-византийским культурным миром, с одной стороны, и латино-римским, — с другой, в IX в., т.е. еще до окончательного разделения церквей, существовал ряд фундаментальных различий³, выражающихся и в такой отнюдь не маловажной для нас проблеме, как вопрос о допустимости при богослужении, и несколько шире — вообще в книжности, крайне ограниченного или неограниченного числа языков. В то время почти весь западноевропейский латинский мир, за исключением, может быть, только ирландцев, придерживался "треязычия" — догмата, по которому "не достоитъ никоторому же языку имѣти буквѣ своихъ, развѣ Еврѣи и Грекъ и Латинь, по Пилатоу писанью еже на крстѣ Гбни напис"⁴. Для древнерусского летописца, так же как и для византийских философов и правителей раннего средневековья, такой догмат был не более как "ропаніе и хула на Словенскую грамоту" и "треязычная ересь".

Византия в общем одобряла и поддерживала христианскую письменность народов Востока на их народных языках (сирийском, коптском, арабском, эфиопском, армянском, грузинском, готском

и др.)⁵, а моравская миссия Константина и Мефодия была, вполне в духе византийских агиографических мотивов, согласно которым призванный учитель обычно проповедует на родном языке паствы⁶. Шестнадцатая глава известного Паннонского жития Константина Философа целиком посвящена спору о "трезычной ереси". Она начинается с красноречивого описания такого эпизода: "Въ Натѣхъ же (Венеции) бывшоу емоу, собращася на нь латиньсти и епископи и поповѣ и чернорисци, яко врани на соколъ, и въздыгоша триязычную ересь, глаголюще: (чловѣче), скажи намъ, како ты еси нынѣ створил Словѣномъ книги, и оучиши а, ихже нѣсть никтоже инъ первѣе обрѣлъ ни апостолъ, ни римьскыи папезь, ни фео-логъ Григорїи, ни Иеронимъ, ни Авгуустинъ? Мы же три языки токмо вѣмъ, имиже достойтъ въ книгахъ славити бога, еврѣискы, еллиньскы, латиньскы. Отвѣща философъ къ нимъ: не идет ли дождь отъ бога равно на вса, или слънце такоже не сияеть ли на вса, ни ли дыхаемъ на аеръ равно вси? То како вы са не стыдите, три языки токмо мнаше, а прочимъ вѣмъ языкомъ и племеномъ слѣпымъ велаше быти и глоухымъ?"⁷.

Далее следует ссылка на письменность ряда сопредельных с Византией восточных народов и многочисленные апелляции к каноническим книгам и авторитетам.

Тема отрицания "трезычной ереси", нашедшая яркое отражение и в "Сказании" черноризца Храбра⁸, и защита ее со стороны латинского духовенства, возникшая, надо полагать, задолго до кирилло-мефодиевской эпохи, оставалась злободневной вплоть до XVII в. во всех областях, где славянская письменная культура сталкивалась с влиянием латинской догматической школы. Иногда, правда, уже после возникновения славянской письменности и литургии, римская курия, преследуя свои временные интересы, допускала употребление славянского языка в профессиональных целях (например, папа Адриан II, папа Иоанн VIII), но за этим следовали периоды довольно строгого запрета, сказавшиеся на всей истории культуры и литературы западных славян и части славян южных — словенцев и хорватов (например, сплитские церковные соборы 925 и 927 гг.).

Во второй половине IX в., т.е. до прихода венгров в Паннонию, до разделения церквей и до упадка Моравского и соседних западнославянских княжеств, связь западного и южного славянства была достаточно тесной и непосредственной; живые сношения поддерживались и с восточными славянами. Моравская миссия Константина и Мефодия не могла оставаться локальным явлением — она очень скоро приобрела значение почти общеславянского. "Причететиса велицѣхъ языцѣхъ", — т.е. пользоваться своей собственной самобытной письменностью, — было живым стремлением почти всех славян. В короткий срок вслед за моравской школой славянства грамота проникает в Чехию⁹. Возникает, вероятно, паннонская школа у князя Коцела, традиции которой продолжались в Хорватии и сохранялись глаголяшами до наших дней¹⁰, переживает бурный подъем восточноболгарская "преславская" школа

в эпоху царя Симеона¹¹, македонская "охридская" школа¹². Славянскую письменность принимают сербы, она находит широкое распространение и развитие на Руси, и даже Польша¹³ и Лужицкая Сербия¹⁴ не оказываются в стороне от ее влияния. "Тако, — можем сказать, вспоминая слова русского летописца, — разидеса Словѣньскыи языкъ, тѣмже и грамота прозваса Словѣньскаа"¹⁵.

Однако события конца IX, X и XI вв. неблагоприятно сказались на судьбе славянской письменности у западных славян, но способствовали ее расцвету у славян восточных и южных — русских, сербов, болгар, македонцев и отчасти хорватов.

Дошедшие до нас древнейшие славянские памятники X—XI вв. красноречиво свидетельствуют о том, что, начиная с эпохи Кирилла и Мефодия, в течение трех веков славяне пользовались в принципе единым книжно-литературным языком с рядом локальных вариантов. Славянский языковой мир, диалектный языковой ландшафт был в общем довольно монолитным и единообразным, если сравнивать его с диалектным ландшафтом современного славянства. Но и этот последний, как известно, отличается большей монолитностью, чем, например, те же современные немецкие диалекты: между верхненемецкими и нижненемецкими наречиями исчисляется по ряду показателей различие более резкое, чем между современными отдельными славянскими языками.

Славянские диалекты XI в., по мнению Н.С. Трубецкого, Н.Н. Дурново и А. Мейе, были еще настолько структурно близки друг к другу, что сохраняли состояние праславянского языка поздней поры. Это была пора до падения редуцированных, до изменения структуры слога, до существенной реорганизации морфологического и синтаксического строя, до семантических и лексических инноваций. Представление о материальном единстве и общности славянских диалектов, столь ярко выраженное еще Нестором-летописцем, отмеченное затем Дуклянином, Далимилом, Длугошем и другими, не покидало сознания многочисленных славянских историков и писателей вплоть до начала XVIII в.

При такой общности славянских наречий IX в. вполне реальным оказывалось положение, по которому один из диалектов, возведенный на уровень литературного языка, становился приемлемым для всего славянского ареала или для значительной его части.

Но дело обстояло все же не столь просто. Даже если принять диалектной основой старославянского языка говор македонских, солунских славян, то разница между старославянским и присолунским диалектом будет не только в том, что первый был письменным языком, а второй — устным, первый имел географически очень широкую, хотя и социально ограниченную сферу распространения, а второй — весьма локальную. Разница окажется прежде всего в том, что старославянский представляет некоторую филологически обработанную, наддиалектную модель, включающую, видимо, и элементы других южнославянских говоров, усовершенствованную затем на основе иного народно-разговорного субстрата — морав-

ского и вновь подверженную обработке на славянском Юге. Греческий же язык (в первую очередь синтаксис, словообразование, лексика) был той классической моделью, тем "великим языком", по образцу и подобию которого пытались строить старославянский, строить, однако, без слепого подражания и не в ущерб его общей структуре. Достаточно сказать, что в лексическом фонде классических старославянских текстов, насчитывающем 9000 слов, — 1200 грецизмов (не считая многочисленных калек). Следует учитывать и стилистику языка, которая далеко не безразлична к самому языковому материалу.

Таким образом, старославянский язык с самого своего возникновения имел во многом характер интернационального, интерславянского языка. Этот факт уже отмечался такими авторитетными учеными, как В.И. Ламанский, И.В. Ягич, Ф. Пастрnek, Й. Курц, А. Достал и другими¹⁶.

В дальнейшем прямой наследник старославянского — древнеславянский (церковнославянский) в еще большей мере развил эти особенности. Именно по этой причине в славянской филологии в течение всего XIX в., т.е. в пору, когда кирилло-мефодиевский вопрос был центральным научным вопросом, шли споры между сторонниками "паннонской" и македоно-болгарской теории происхождения старославянского языка. Дело было все же не столько в недостаточном привлечении научных фактов, сколько в попытках довольно прямолинейно решать вопрос о соотношении языка диалекта-первоисточника и языка литературного — старославянского. В видоизмененном плане, с несколько иной постановкой задач, этот спор продолжается в отношении аналогичности лексического состава старославянского языка и современных славянских диалектов. Здесь я имею в виду работы Б. Цонева, С.М. Кульбакина, А.С. Львова и других¹⁷.

Говоря о роли кирилло-мефодиевской традиции в истории славянской письменности, мы имеем в виду прежде всего стремление к нормализации и сохранению древнеславянского (церковнославянского) языка как орудия межславянской культуры. Стремление это не всегда вело к возрождению архаических норм, хотя следует признать, что в принципе и такая цель ставилась при каждой достаточно широко задуманной попытке нормализации.

Если исчислять историю древнеславянского литературного языка десятью столетиями, т.е. проследивать его развитие до XVIII в. включительно, то можно выделить три эпохи его нормализации или централизации нормы. Первая эпоха старославянская (IX—X вв.). Это кирилло-мефодиевский период и последующий период деятельности связанных с ним школ. Вторая эпоха (XIV—XV вв.) — терновская школа, ресавская школа, второе южнославянское влияние на Руси. Третья эпоха (вторая половина XVI—XVII вв.) — виленская, киевская и московская школы¹⁸.

Для второго и третьего периодов, так же как и для первого, характерно обращение к греческим образцам, стремление отграничить письменный язык от языка разговорного, языка субстратно-

диалектного, стремление придать ему книжный, интерславянский характер. Для них также свойственно тяготение к архаизации норм, к более широкой коммуникации не только в пространстве, т.е. к охвату всего греко-славянского ареала, но и во времени, т.е. к возможности непосредственного использования всего предшествующего наследия. Однако, во второй и особенно третий период ситуация, связанная с функционированием древнеславянского (церковнославянского) языка, осложнялась наличием народных славянских письменных языков (древне- или среднесербского, среднеболгарского, древне- или среднерусского). Здесь в каждом локальном ареале выскивались возможности сосуществования этих языков, распределения их по жанровым сферам, наблюдалось возникновение переходных, креализованных типов и их взаимосмешение.

Историки болгарского языка давно отметили в памятниках XIII — начала XIV вв., в основе своей почти исключительно конфессиональных, ряд черт, свойственных народно-разговорной речи (мену юсов, черты аналитизма и т.д.)¹⁹. Значительное отступление от классических кирилло-мефодиевских норм в сторону диалектной речи наблюдается и в других южно- и восточнославянских памятниках этого периода. Такие отклонения, очень важные для истории языка субстрата, как правило, были более или менее спорадическими и не имели характера новой нормы. Современники их часто воспринимали как "растление"²⁰ или даже "ересь", как порчу языка²¹.

Болгарская терновская школа, возглавлявшаяся патриархом Евфимием, и ее продолжательница сербская ресавская школа, видными представителями которой были тот же Константин Костенечский²², Григорий Цамблак²³ и другие, ополчились против "развращения книжного" и своим "устроением" оставили заметный след в истории южно- и восточнославянской письменности.

Деятельность этих школ нельзя считать простой реконструкцией кирилло-мефодиевских норм, но общая ситуация и отношение к греческой словесной культуре напоминали времена деяний моравской, преславской и охридской школ²⁴. Важным отличием было существование достаточно богатого своего, пусть даже критически воспринимаемого, славянского письменного наследия, появление значительного числа новых оригинальных славянских произведений. Общим моментом оказывалось обращение к греческим оригиналам, возникновение новых переводов, увеличение объема переводной литературы. Греческая модель не только в плане языковом и стилистическом, но и в плане каноническом и морально-этическом во многом служила эталоном, Афон, затем Константинополь²⁵ — основными посредниками, исихастское учение — источником духовных и поэтических представлений, которым подчинялось и искусство слова. Не слишком осложненный, но возвышенный панегирический стиль патриарха Евфимия²⁶ и довольно выпренный стиль "плетения словес" его последователей и продолжателей²⁷ требовали нового славянского словотворчества по образцу греческого, осложненного синтаксиса и специфического словообразования, в принципе не чуж-

дого славянскому языку, но не встречающегося в таком виде и объеме ни в одном из славянских диалектов.

Довольно искусственный характер древнеславянского книжного языка в ту пору значительно усугубился. Эту искусственность достаточно явственно ощущал тот же Константин Костенчский, отметивший в своем грамматическом трактате интернациональный, межславянский характер книжной кирилло-мефодиевской речи, в которую, по его представлению, из разных славянских наречий вошли "краснѣйшаа" слова. Восходящий к ней книжный язык не следует поэтому звать ни болгарским, ни сербским, а "словѣньскимъ", ибо он свойствен и близок всем славянским народам, но более всех — русскому²⁸. Это одно из самых ранних признаний исключительного авторитета русской книжности и русского книжного языка.

Русь почти без опоздания включилась в процессе нормализации на основе терновской и ресавской реформ, более чем вдвое увеличила фонд своей письменности, а деятельность митрополита Киприана²⁹, Пахомия Логофета³⁰, Григория Цамблака, несколько позже — Максима Грека³¹ и других заложила фундамент того подъема книжной культуры на Руси Западной и Московской, который во второй половине XVI и в XVII вв. сделал ее центром культурного "грекославянского мира".

Так называемое "второе южнославянское влияние" на Русь³² касалось норм не только книжной, но и церковной жизни: архаический студийский устав, сохранявшийся у восточных славян дольше, чем у греков и южных славян, был заменен иерусалимским. Первые списки славянского устава, бывшего в употреблении в русской церкви, свидетельствуют о их сербском происхождении и относятся к концу XIV в.³³. Наряду с "устроениемъ церковнымъ" шло "исправление книжное", возведенное на Руси в дело первойшего государственного значения, волновавшее впоследствии почти все социальные слои русского народа и послужившее поводом глубоких расхождений и борьбы официальных "никонианцев" и старообрядцев — "ревнителей святой старины". Едва ли еще когда-нибудь на Руси филологические вопросы осознавались столь значительными и ставились столь остро³⁴.

На московском съезде славистов Д.С. Лихачев дал глубокий комплексный анализ "второго южнославянского влияния" в книжности и в искусстве, отметив общность художественных методов, приемов и идей Пахомия Сербя, Епифания Премудрого, Феофана Грека и Андрея Рублева, методов и идей, исходящих еще от поздней византийской агиографической литературы и "палеологовского ренессанса"³⁵.

Этот комплекс художественно-эстетических и этических воззрений и методов, который Д.С. Лихачев довольно условно называет "предвозрождением", нашел продолжение и развитие в последующий период, в XVI и XVII вв. Возвышение Москвы — Третьего Рима и ее соперничество с Польшей, претендовавшей на роль ведущей славянской державы, реформация, контрреформация, эпоха

ренессанса и барокко в Европе вызвали на границах "греко-славянского мира" и славянства, входящего в "латинскую" культурную сферу, острое политическое и культурное соперничество, ведущее также и к выработке новых форм культуры, литературы и литературного языка. Так возникли предпосылки для третьей и последней нормализации древнеславянского литературного языка на основе киевско-виленского и московского центров.

Волна реформации прямо и косвенно вызвала к жизни ряд новых литературных языков в Европе: словенского, литовского, лужицко-сербского, румынского и других. Идея отказа от книжнолитературного языка, далекого от народно-диалектной речи или вовсе чуждого ей, идея демократизации книжности и пропаганды конфессиональной литературы на языке, понятном широким народным массам, проникала и в Западную Русь и нашла там свое отражение во второй половине XVI в. в таких опытах, как Пересопницкое евангелие, евангелия Негалевского, Чеховича и др.³⁶. Протестанство в таких видах, как кальвинизм и арианство, вело на Западной Руси довольно интенсивную пропаганду. Ему противостояло католичество, в меньшей мере православие, а к самому концу XVI в. общая обстановка осложнилась появлением униатства. Униатство было воспринято как основная опасность для национальной украинской и белорусской культуры.

В условиях создавшегося многоязычия, употребления латинского, польского западнорусского — "руської мовы", "руської мовы", часто сильно полонизированной³⁷, — и, наконец, древнеславянского языков, возникла необходимость в нормализации последнего, в выработке грамматических, лексических и стилистических норм³⁸. Эти нормы, так же как и нормы терновской школы и второго южнославянского влияния, не были непосредственным возвратом к кирилло-мефодиевскому языку, т.к. списки той эпохи были тогда почти неизвестны. Они также не означали полного возврата к нормам XIV—XV вв., но, подобно предшествующей поре, обращались к традиции и основывались на представлениях о древнеславянском языке ранней эпохи.

Характерной особенностью этого периода нормализации было появление достаточно подробных грамматических руководств, таких, как книги Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, полные издания канонических текстов, среди которых следует выделить Острожскую библию, появление словарей, азбуковников, букварей. Большую роль в утверждении новой виленско-киевской и московской нормы играло книгопечатание, обеспечивающее ее распространение также у южных славян и влахо-молдаван.

Греческий язык в этот период снова выполнял роль модели-эталона. Его ставили в основу филологического образования и в Западной Руси, в довольно многочисленных братских школах, и на Руси Московской, сначала в школе Арсения Грека, затем в училище братьев Лихудов, и, наконец, в Славяно-греко-латинской академии. Паисий Лигарид в своем опровержении челобитной попа Никиты образно пишет, что к греческому языку следует обращаться

потому, "ибо большая есть чистота источника, нежели потока"³⁹. По образцу языка "источника" древнеславянский язык западнорусского и московского центров изобиловал в ряде случаев грамматическими категориями и конструкциями, чуждыми славянским языкам. Такое положение было отчасти зафиксировано в знаменитой грамматике Смотрицкого, о которой Юрий Крижанич писал: "Мелѣть Смотрицькй дльаради својеџо трьдолььбја... пйшъц Граматйкь достџен јест пámети и вно́гије хвалі: и бил би доспѣл вѣщи наро́дъ посџбније, даби се нѣбил соблазнѣл по обзорь на Грѣческије превѣди: и даби нѣбил захотѣл на́шего језѣка на Грѣческије и на Лáтинскије џџџри претварјат"⁴⁰.

Восприятие греческой модели, по Крижаничу, было порчей славянского языка, попыткой насадить его на чужую колодку ("копѣто"). Искусственному, несколько эллинизированному древнеславянскому языку поздней поры великий хорватский филолог хотел противопоставить свой искусственный интерславянский язык, более демократический, более близкий к народной основе, главным образом к основе хорватскосербской. Но его блестящий, слишком смелый проект пролежал в рукописи до середины XIX в. с тем, чтобы удивить своей ученостью и грамматической прозорливостью лучших славистов нашего времени. И сколь это ни парадоксально, выступая против грецизмов и освобождаясь от многих старославянизмов, Ю. Крижанич все же действовал в русле кирилло-мефодиевских традиций в широком смысле этого слова. Применяясь к новым диалектно-языковым условиям, он предлагал единый, общий славянский язык, который, по его мнению, мог бы объединить письменность славян восточного и западного обряда⁴¹.

Крижаничева идея славянской взаимности отражала программу многих далматинских, хорватских, чешских и польских гуманистов о единстве славянского племени — "языка", программу, возникшую не только для борьбы с турецкой экспансией, но также и в результате стремления утвердить свою национальную культуру против притязаний Запада⁴². Характерно, что в эту эпоху имена Кирилла и Мефодия все чаще появляются на страницах исторических сочинений. О их миссии писали с большей или меньшей достоверностью Ян Длугош, Станислав Сарницкий, Мартин Кромер и Матвей Стрыйковский, Богуслав Билеевский, Ян Яфет, Павел Странский, Ян Амос Коменский, Богуслав Бальбин, Мавро Орбини и др.⁴³. С именем Кирилла, или св. Црги, связывали гуситы свое причащение под обоими видами; их литургию на родном чешском языке также можно связать с кирилло-мефодиевской традицией. Свообразным миниатюрным ренессансом миссии солунских братьев было в более ранний период, в XIV в., прибытие к Карлу IV хорватских монахов в Сазаво Эмаусский монастырь с глаголическими книгами и славянской мессой⁴⁴.

Папская курия после Иоанна VIII постоянно преследовала славянское богослужение. Отношение несколько изменилось в XVII в., когда римская конгрегация пропаганды стала возлагать надежды на униатство, но и тогда положение оставалось двойственным: ка-

толическое духовенство было против распространения славянской литургии за счет латинской и признавало ее только там, где этого требовали интересы борьбы за унию⁴⁵.

В борьбе против славянского языка и в XVI в. использовался обветшалый догмат "треязычия", правда в уже несколько модернизованном обличи. В этом отношении характерны рассуждения иезуита Петра Скарги, который в сочинении "О единстве костела божьего" (1577) писал: "Вельми обманули тебя греки, народе русский, что веру свою святую тебе передавая, языка своего греческого не передали, но сим словенским пользоваться почелели, он же нигде правого разумения в науке не постиг. Ибо только сии два суть языки: греческий и латинский, коими вера святая по всему свету распространена и насаждена есть и кроме коих никакой иной ни в какой науке, а наипаче в духовной веры святой, совершенным быть не может"⁴⁶.

Далее Скарга утверждал, что нет на свете народа, который бы говорил на церковнославянском языке, что этот язык не имеет ни грамматики, ни правил, ни словарей и что его никто в совершенстве не понимает, а прибегают для толкования к польским переводам. В лоне греческой церкви, рассуждал Скарга, многие не знают греческого языка. "Не так в костеле римском! Все единым языком, до единого католика говорим и в школах, и в академиях, и в костелах", — восклицает он⁴⁷.

Знаменитому иезуитскому казнодею возражали лучшие полемисты своего времени, такие, как Иван Вишенский и Захарий Копыстенский. Вишенский в своей остроумной и риторической "Запачке мудрого латынника з глупым Русином" отметил, что "тежь нас Скарга в своих аеровымыслных книжках укорил, иж мы, Русь, словенскаго языка не разумѣм"⁴⁸. Уделив опровержению этих слов и утверждению превосходства славянского языка над латинским достаточно времени, страстный украинский полемист восклицает: "Яко же ты смѣеш хулный язык, Скарго, на святых учителей грецких отверзати и хулити, зазрость приписуючи, яко бы, от той побежденны будучи, не подали языку рускому, в писмѣ словенском живущему, науки?". "В разумѣ языка словенскаго русин, либо сербин, или болгарин вѣдает и разумѣт..."⁴⁹. Язык этот достиг, по словам И. Вишенского, "святоплодия", "чего николи язык латинский не имѣл и имѣти не может", а сам Скарга "на славянский язык посполу с дияволом борбу подвигнул", диявол же "языка словянскаго не любит", а "латинскаго языка вседушне диявол любит"⁵⁰.

Западная Русь отвечала на поползновения "папешников" и других противников древнеславянского языка не только острым полемическим словом. Организация образования и просвещения, школ и типографий, создание грамматик, букварей и словарей, овладение риторикой и пиитикой, наконец, знание греческого и латинского языков повысили авторитет Западной Руси во всем "греко-славянском мире" и сделали ее в XVII в. одним из ведущих центров славянской книжности.

За сохранение церковнославянского языка выступали в ту пору и многие униаты, среди которых в первую очередь следует упомянуть Ипатия Потeya. Обращаясь к кирилло-мефодиевскому вопросу, униаты, однако, пытались доказать зависимость моравской миссии от папской курии, а не от константинопольского патриарха. Так, например, Лев Крeвза в своем сочинении "Оборона унии" (1617) писал: "Так что от католического, а не от схизматического патриарха и первое крещение Русь приняла, чему основным доводом служат деяния святых апостолов наших славянских Мефодия и Кирилла, которые, в то время когда Фотий в Константинополе восставал против папы, ездили за благословением в Рим..."⁵¹ "Таким образом из Рима от папы мы имеем службу Божию и все отправление хвалы Божьей церковной, а не из Константинополя"⁵².

Мнение противников унии достаточно аргументировано, со ссылками на многочисленные исторические источники и сочинения польские, древнерусские и древнеславянские излагал Захарий Копыстенский в знаменитой "Палинодии, или книге Обороня кафолической святой апостольской Восточной церкви" (1621). В этой книге, в части 3-ей, разделе 1-ом, артикул второй носит весьма характерное заглавие: "Мефодий и Кириль отъ патриарха Константинопольского и отъ царя Михаила Парфирогенета посланы были до Словенскихъ народовъ, при которыхъ тогожъ языка народове — Чехове, Моравяне, Ляхове и Угрове не отъ костела Латинского, але отъ столицы апостольской Константинопольской въру христианскую первотне и съ початку приняли"⁵³. Копыстенский с удивительной для своего времени достоверностью излагает историю моравской миссии, а за ключая описание путешествия Мефодия в Рим, отмечает: "Отколь ся и то ясне покажутъ, ижъ предъ тымъ папезове не уругалися Словенскому языку, и на въру народу того насилства не чинили, якъ нынѣ выродковѣ ихъ броятъ"⁵⁴.

Таковы основные черты и моменты борьбы восточных и южных славян за кирилло-мефодиевское наследие, борьбы за свой язык, за свою самобытную культуру и культурно-национальное единство. Кирилло-мефодиевская традиция сыграла большую, можно сказать, революционную роль в эпоху национального возрождения западных и особенно южных славян в XIX в.

Память Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских, ныне с благодарностью и благоговением отмечает все современное славянство, весь культурный мир. Все люди доброй воли чтят более чем тысячелетний вклад славянских народов в сокровищницу мировой культуры, их неизменную верность идеям мира, просвещения и прогресса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 1926. Т. I. Стб. 6.

² См. собрание источников в кн.: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Тр. славянской комиссии. Л., 1930. Т. I; более полным в отношении западных источников является собрание: Grivec F., Tomšić F. Constantinus et Methodius Thessalonicensis. Fontes // Radovi Staroslovenskog instituta. Zagreb, 1960. knj. 4.

³ *Dvornik F.* Les Slaves, Byzance et Rome au IX-me siècle. P., 1926.

⁴ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Стб. 27.

⁵ *Снегаров И.* Кратка история на съвремените православни църкви. София, 1944. Т. I.

⁶ *Исаченко А.В.* К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Вопросы славянского языкознания. 1963. N 7. С. 43—72.

⁷ Паннонское житие Константина Философа // *Лауров П.* Материалы... С. 29—30.

⁸ Сказание о письменах // Там же. С. 162—164.

⁹ *Weingart M.* Československý typ církevní slovančiny. Br., 1949.

¹⁰ *Jagić V.* Hrvatska glagolska književnost // *Vodnik B.* Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1913. Knj. I.

¹¹ *Георгиев Е.* Създаването на Преславската и Охридската книжовни школи в Средновековна България // Годишник на Софийск. ун-т. Филолог. ф-т. 1955. L. I; *Он же.* Разцветът на българската литература в IX—X в. С, 1962.

¹² *Конески Б.* Охридската книжовна школа // Литературен збор. Скопје, 1956. III. I. С. 1—19.

¹³ *Havránek V.* Otázka existence církevní slovanštiny v Polsku // *Slavia. R. XXV. S. 2., 1956; Lehr-Spawilski T.* Czy są ślady istnienia liturgii cyrylo-metodejskiej w dawnej Polsce? Ibid.

¹⁴ *Frinta A.* Bohemismy a paleoslovenismy v lužickosrbské terminologii křesťanské a jejich dějepisný význam // *Acta Universitatis Carolinae. 5. Philologica. Pr., 1954.*

¹⁵ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Стб. 6.

¹⁶ *Ламанский В.И.* Непорешенный вопрос. Статья I. Об историческом образовании древнего славянского и русского языка // ЖМНП. CXLI, 1869; *Јазућ В.* Константин (Тирил) и Методије, оснивачи словенске цркве књижевности // Братство, XVI (Београд). 1921; *Pastrnek Fr.* О prvím slovanškém písmě a o jeho puvodci // *Universita Karlova v Praze v roce 1922—1923. Pr., 1927; Kurz J.* Církevněslovanštiny jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva // Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Pr., 1958; *Dostál A.* Staroslověnština jako spisovný jazyk // *Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury. Pr., 1949. III.*

¹⁷ *Цонев Б.* Кои новобългарски говори стоят найблизу до старобългарски в лексикално отношение // Сборник на Българската Академия на науките. С., 1915. XI; *Кулбакин С.М.* О речничкој страни старословенског језика // Глас Српске Краљевске Академије. СХХХVIII. Београд, 1930; *Львов А.С.* Из наблюдений над лексикой старославянских памятников // Учен. зап. Ин-та славяноведения. Т. IX. 1954.

¹⁸ Предложенная нами ранее предварительная периодизация истории древнеславянского литературного языка (см. ВЯ, 1961. N I. С. 66) нуждается в некотором уточнении и исправлении. Так, например, третий период следует считать со второй половины или с конца XVI в. и с этого времени определять начало последнего этапа централизации (=нормализации) этого языка.

¹⁹ *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. С., 1958.

²⁰ "Книга Константина Философа и граматика о письменах" // Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. I. С. 395.

²¹ Там же.

²² *Трифонов Ю.* Живот и дейност на Константин Костенецки // Списание на БАНИ. С., 1943. Кн. XVI. 5.

²³ *Яцимирский А.И.* Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904.

²⁴ *Сырку П.А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Вып. I. Время и жизнь патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1898.

²⁵ *Тихомиров М.Н.* Пути из России в Византию в XIV—XV вв. Византийские очерки. М., 1961; *Дуйчев И.* Центры византийско-славянского сотрудничества // Тр. отдела древнерусской литературы. Ин-т русск. лит-ры (Пушкинский дом) (Далее — ТОДРЛ). Т. XIX. 1963.

²⁶ *Вранска Ц.* Стилни похвати на патриарх Евтимий // Сб. БАНИ. Кн. XXXVII. 2. 1942.

²⁷ *Сперанский М.Н.* Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле русской литературной школы XV—XVI вв. // *Сперанский М.Н.* Из истории русско-

славянских литературных связей. М., 1960; *Яцимирский А.И.* Из истории славянской проповеди в Молдавии // ПДПИ. СЛXIII. СПб. 1906.

²⁸ Книга Константина Философа и грамматика о письменах. С. 397—398.

²⁹ *Дмитриев Л.А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы // ТОДРЛ. Т. XIX. 1963; см. там же литературу вопроса.

³⁰ *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографический литературный очерк. СПб., 1908.

³¹ *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. К., 1915.

³² Из новых работ см. очень ценный труд: *Мошин В.А.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // ТОДРЛ. Т. XIX. 1963; см. также: *Он же.* O periodizaciji rusko-južnoslavenskih književnih veza // Slovo. 11—12. 1962.

³³ *Петров А.* Чествование св. славянских апостолов Кирилла и Мефодия в древнерусской церкви (по служебным минаям и месясцесловом до 1682 г.) // Христианское чтение. Т. LXXIII. СПб., 1893. С. 526—547.

³⁴ Ср. по этому поводу остроумное замечание несколько стороннего наблюдателя Юрия Крижанича: "Хотѣ́ пак настроѣност писма́ и языка́ нѣст тѣлика́ вѣщ, да би дльа нѣеѣ достбно́ было въ ббжеѣ цѣркве шатост чинѣт: једнако́же изправльѣнје језѣка, и встројѣнје двѣхѣвних бесѣд, нѣст свѣтено, него́ па́че вѣрло полѣзно́ дѣло" (см. Грамматично изкѣзанје об руском језѣку... Изд. О. Бодянского. М., 1848. Предговѣрје. С. IV—V).

³⁵ *Лихачев Д.С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960.

³⁶ Подробнее см.: *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII в.) // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 230—272.

³⁷ Любопытно свидетельство современника, автора историко-полемического сочинения о начале и распространении унии в Литве и Западной Руси и о действиях ее поборников, написанное около 1600—1605 гг. неизвестным львовским священником, бывшем на Брестском соборе "в предостережение православным". Автор обвиняет Ипатия Потя в подделке книг под древние и пишет, что приверженцы унии, "кого могучи лагодными слова, врядами, достоинствами до себѣ зневоляют, а инших мучать, грозять, книгами фальшивыми закидают, книги змышляют, пишути подь датою старою, письмомъ старымъ, якобы колись тая згода трвати мѣла. Але присмотриса пильно въ самую рѣчь, и знайдеш, же хоть такіе письма старые змышляют, але рѣчь вся Потѣва, якъ бы усты самъ мовилъ. Притомъ знайдеш там слова, вѣка теперешного людьми уживаемые, которыхъ старые предки нашѣ не уживали: бо якъ Поляцы у свой языкъ намѣшали слов Латинскихъ, которыхъ южь и простые люди зъ налогу уживаютъ; такъ же и Русь у свой языкъ намѣшали словъ Польскихъ и оныхъ уживаютъ. Тогда snadно познаеш, же то книжки змышленые и неправдивые..." (Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. IV. С. 229).

³⁸ *Mariel A.* La langue polonaise dans les pays ruthènes. Lille, 1938.

³⁹ Материалы для истории раскола за первое время его существования Под ред. Н. Субботина. СПб., 1894. Т. IX. С. 236.

⁴⁰ Граматично изкѣзанје..., Предговѣрје. Стр. V.

⁴¹ О других опытах создания общеславянского языка на новой основе, последовавших за опытом Ю. Крижанича, см.: *Кулаковский П.* Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян // Мефодиевский юбилейный сборник. В-ва, 1885.

⁴² Из новой литературы см.: *Гольдберг А.Л.* Идея славянского единства в сочинениях Юрия Крижанича // ТОДРЛ. т. XIX. 1963; *Бадалуч И.* Юрий Крижанич — предшественник Ивана Тихоновича Пососкова // Там же.

⁴³ *Wollman F.* Slovanský v jazykově literárním obrození u Slovânů. Brno, 1958.

⁴⁴ *Vašica J.* Slovanská bohoslužba v českých zemích. Pr., 1940.

⁴⁵ *Радоић Ј.* Римска Курија и јужнословенске земље од XVI до XIX века. Београд, 1950.

⁴⁶ "Ktemu wielce cię oszukali Grekowie, narodzie Ruski, iz ci, wiarę ś. podaiąc, ięzykać swego Greckiego nie podali. Aleć na tym Słowieńskim przestać kazali, abyś nigdy do prawego rozumienia y nauki nie przyszedł. Bo tylo ty dwa są ięzyki, Grecki a Łaciński, ktorymi wiara ś. po wszem świecie rozszerzona y szczepiona iest, ok-

rom których, nikt w żadney nauce, a zwłaszcza w duchowney, wiary ś. doskonałym być nie może». [Русская историческая библиотека. Т. VII. Памятники полемической литературы в Западной Руси. СПб., 1882. Кн. 2. Стб. 485].

⁴⁷ "Nie tak w kościele Rzymskim! Wszytcy jednym językiem co jedno nas katolików mowiemy, y w szkołach, akademiach y w kościołach" (Там же. Стб. 486—487).

⁴⁸ *Иван Вишенский*. Сочинения. М.; Л., 1955. С. 174.

⁴⁹ Там же. С. 191.

⁵⁰ Там же. С. 193—194.

⁵¹ "A iż katolickiego, a nie schyzmatyckiego patriarchy y ten pierwszy krzest Ruś przyjął, wielkim dowodem jest sprawa świętych apostołów naszych Słowieńskich Metodego y Cyrilla, którzy, pod ten czas, gdy się Fociusz w Konstantynopolu buntował przeciw papieżowi, po błogosławieństwo łędzili do Rzymu..." (РИБ. IV. Памятники полемической литературы в Западной Руси. СПб., 1878. Кн. 1. Стб. 225).

⁵² "Z Rzymu tedy od papieża mamy służbę Bożą y wszystko odprawowanie chwały Bożej cerkiewne, a nie z Konstantinopola" (Там же. Стб. 226).

⁵³ Там же. Стб. 986.

⁵⁴ Там же. Стб. 988.

IV. ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ

КУЛЬТУРНО- И ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков)

История литературного языка считается лингвистической дисциплиной и, безусловно, является таковой, когда речь идет об истории его формальной стороны, об истории становления и развития нормированных фонетического, морфологического, синтаксического и лексического уровней языка и их стилистического функционирования. Национальные литературные языки, возникающие и стабилизирующиеся в XIX—XX вв., приобретают в системе языковых идиомов (просторечия, диалектов, аргю и т.п.) главенствующую и организующую роль: их грамматический строй и словарный состав в этот период в силу своей авторитетности подчиняет себе и нивелирует грамматическую и словарную стороны нелитературных идиомов. Во всех этих случаях действуют внутренние и внешние факторы¹, и их изучение должно вестись языковедческими методами и быть предметом языкознания.

Однако если поставить вопрос, особенно применительно к эпохе становления национальных литературных языков, о причинах выбора той или иной структуры, того или иного типа литературного языка по определенным параметрам, о которых речь будет идти ниже, то ответы на них можно получить, лишь обратившись к историческим, историко-культурным и историко-литературным явлениям и процессам.

Таким образом, история литературного языка — дисциплина не только и не столько лингвистическая, сколько культурно-историческая. Лишь в широких рамках культурной истории конкретного народа можно определять и искать закономерности становления и развития литературных языков, особенно, подчеркнем еще раз, в их преднациональный период.

Большинство славянских литературных языков не возникало в преднациональный период сызнова, как это, например, было со многими младописьменными языками нашей страны и ряда зарубежных стран. Те южнославянские литературные языки, которые мы намерены рассмотреть, — сербскохорватский (до середины XIX в. отдельные литературные языки — сербский и хорватский), болгарский и словенский, — до времени формирования наций и национальных литературных языков уже пережили более или менее дли-

тельный период своего развития. Это требовало от носителей литературного языка определенного отношения к литературно-языковой традиции: принятия ее, отказа от нее или среднего пути — симбиоза старого с новым. Таким новым в большинстве случаев представлялся народный язык, диалектная речь, не имевшая до того письменно-литературной фиксации или употреблявшаяся в весьма ограниченных пределах (жанрах). Исключением из этого положения были областные (региональные), "диалектные" литературные языки в хорватских землях на чакавской, кайкавской и штокавской основе. В последнем случае, однако, возникала проблема выбора одного из таких языков или непосредственно, или в качестве базы для литературного языка. В принципе эта же проблема оказывалась первоочередной и доминантной и при установлении диалектной базы литературного языка, если такой язык строился на народной основе или приближался к ней. Поскольку всякий литературный язык — явление искусственное и наддиалектное и остается таким и в случае его близости к определенной диалектной базе, существенную роль в его формировании в отдельных случаях может играть наддиалектное народно-поэтическое койне.

Таким образом, в пору возникновения национального литературного языка интеллигенты, писатели, ученые в разных отношениях и по разным линиям (параметрам), свод которых мы попытаемся дать ниже, стояли перед проблемой выбора, и этот выбор часто был нелегким и сопряженным с ожесточенной борьбой. Не следует забывать, что в условиях иноземного господства (османского и габсбургского) борьба за национальный литературный язык была одной из немногих легальных форм борьбы за национальное самосознание и независимость.

Однако прежде чем переходить к внелингвистическим моментам, отметим, что борьба за выбор конкретного типа литературного языка, определяемого совокупностью показателей по разным параметрам, велась не только в форме литературно-публицистической полемики и административных декретов, но и через конкуренцию разных языковых форм литературных, публицистических и научных произведений. Именно в преднациональный период соперничество форм с отдельными окказиональными или провизорными нормами достигает апогея, а прекращение такого соперничества можно считать началом функционирования единого национального литературного языка.

В донациональный период сербский, болгарский, хорватский и словенский литературные языки принадлежали к разным культурным зонам — греко-славянской (*Pax Slavia Orthodoxa*) и латино-славянской (*Pax Slavia Latina*)². Первые два языка входили в греко-славянский ареал, а последние два — в латино-славянский. И те, и другие языки развивались в условиях двуязычия. Первые два — в условиях гомогенного двуязычия: древнеславянского (церковно-славянско-) сербского или болгарского, вторые два — в условиях гетерогенного двуязычия: латино- (либо немецко-, итальянско-)хорватского или словенского. Гомогенное двуязычие способствовало более тесной

связи "наднационального" (церковнославянского) и "преднационального" (сербского, болгарского) культурно-литературных начал, в то время как гетерогенное двуязычие, особенно в позднюю пору его существования, осуществляло и знаменовало не только связь, но и известную противопоставленность соответствующих культур и литератур. "Над-" или "межнациональная" древнеславянская (церковнославянская) литература (и литературный язык) даже в поздний период XVIII и начала XIX в. ощущалась не как иноземная, а скорее как архаическая (при этом к "святой старине" было различное отношение — и положительное, и отрицательное), в то время как немецкий (отчасти итальянский, венгерский), почти вытеснивший латинский, ощущался деятелями славянского национального возрождения как иноземный, язык правящего слоя, и венского двора.

Различной была и древность традиции. Если сербская и болгарская письменность восходит к кирилло-мефодиевской эпохе, то же можно сказать и о хорватской письменности, во всяком случае об одной ее части — глаголической, а все они развивались непрерывно, то судьба словенской письменно-литературной традиции, как известно, была иной. Словенский литературный язык, как и словенская литература, испытали перерыв в своем развитии с XI в., времени появления Фрейзингенских (Брижинских) отрывков, до XVI в., эпохи, связанной с деятельностью протестантских проповедников Приможа Трубара, Юрая Далматина и др. Таким образом, для сербского, болгарского и хорватского литературных языков начала XIX в. можно говорить о традиции достаточно древней, а для словенского — менее древней. Кроме того, хорватская письменность сохраняла две традиции — глаголическую и хорватскую славяно-латинскую, что приближало ее к двум основным славянским культурным мирам — греко- и латино-славянскому.

Необходимо также остановиться на важном вопросе о времени, о длительности процессов становления национальных литературных языков, о сроках, в которые действовали отдельные факторы (они могли быть для каждого конкретного литературного языка различными). А между тем от этого зависело многое: чем быстрее проходил процесс, тем категоричнее и решительнее производился выбор, влекий за собой последствия и в иных звеньях цепи. Иными словами, чем быстрее произошло становление национального литературного языка, тем рельефнее определялся его тип, тем более четко и бескомпромиссно производился выбор одной из двух альтернативных позиций. По признаку быстроты перехода к новой форме литературного языка — "национальной" — рассматриваемые языки могут быть представлены в такой последовательности: сербский, хорватский, болгарский, словенский. При этом хорватский язык (или вариант сербскохорватского языка) в этом, как и во многих других случаях, требует специального объяснения.

История литературного языка в период становления нации, как, впрочем, и в другие периоды, довольно тесно связана с историей литературы. Процесс литературного развития у болгар, сербов,

хорватов, словенцев, так же как и процесс развития литературных языков, проходил по-разному, различными темпами, с разным составом литературных произведений и жанров, с разным соотношением внутрилитературных и внелитературных моментов.

Победа вуковского типа литературного языка у сербов сочеталась с окончательной победой романтизма, пришедшего на смену классицизму и сентиментализму. Не случайно имя Вука Караджича обычно сопрягается с именами Бранка Радичевича, а последователями Радичевича были Джура Якшич, Лаза Костич, Йован Йованович Змай. Романтизм у сербов озаменован идеями славянской взаимности (Светозар Милетич, Йован Джорджевич), народности (отсюда и исключительный интерес к народной поэзии), стремлением преодолеть локальную ограниченность и локальные рамки и создать общесербскую литературу, способную разрешать задачи большого художественного плана.

И в XVIII в., и в начале XIX в. у сербов не было крупных областных литературных очагов, как это можно наблюдать у хорватов, имевших зародившуюся еще в XV в. чакавскую литературу (далматинская литература), кайкавскую, появившуюся в XVI в., и штокавскую, берущую начало с XV в. и имевшую несколько локальных центров: Босния (XVIII в.), Славония (XVIII в.) и др. Почти все эти областные литературы продолжали свое существование до начала XIX в., пользуясь по сути дела разными литературными языками. Период становления национального литературного языка у хорватов хронологически совпадает с тем же процессом у сербов, и то же романтическое направление с той же национально-патриотической и "всеславянской" окраской, связанное с такими именами, как Людевит Гай, Иван Мажуранич, Петр Предович и Станко Враз, положили начало богатой хорватской литературе XIX в., возникшей на новой основе с единым литературным национальным языком штокавского типа. Любопытно, что Гай был кайкавцем, Мажуранич — чакавцем, Прерадович — родом из района Бйеловара, вероятно, штокавцем и кайкавцем, а Станко Враз — словенцем. Последний являлся сторонником объединения не только хорватского и сербского литературных языков, как большинство хорватских писателей-романтиков "иллиров", но считал, что и словенский литературный язык должен объединиться с хорватско-сербским.

В Словении начало борьбы за единый словенский литературный язык, за национальный литературный язык связано с революционным 1848 г., а завершение этого процесса обычно относят к концу 60-х годов XIX в. Это был переходный период от романтизма к реализму, связанный с именами Франа Левстика, Янеза Трдины, Йосипа Юрчича и Йосипа Стритара. Существенно, что ему предшествовала эпоха романтизма, выдвинувшая в словенской литературе такую значительную фигуру, как Франце Прешерн. Однако в период романтизма (часть первой и почти вся вторая четверть XIX в.) областная раздробленность литературы была еще

довольно значительной (краньская, штаерская, корошская и прекмурская литература и локальные типы литературного языка).

Аналогичная, но еще более сложная ситуация наблюдается и в истории болгарской литературы, которая, как и остальные южнославянские литературы, проходила ускоренный процесс развития³. Правда, степень ускоренности и длительность периодов, в которые такое развитие происходило, были различными у разных южнославянских народов, однако этот вопрос требует специального рассмотрения в связи с общей проблемой фактора времени в истории литературы. В болгарской литературе становление романтизма и реализма проходило почти одновременно, чаще всего в творчестве одного и того же писателя⁴. Окончательное становление болгарского литературного языка связывается с творчеством Петко Славейкова, Любена Каравелова и Христо Ботева (1860—1870). Этому, однако, предшествовал довольно длительный период болгарского национального возрождения, отличающийся конкуренцией литературных форм, форм "протонационального" литературного языка (в основном на восточно- или западноболгарской основе, с опорой на древнюю традицию и без подобной ориентации), интересом к национальному прошлому и к практически-просветительским задачам, к задачам культурного и литературно-языкового плана (П. Берон, В. Априлов, Неофит Бозвели, Неофит Рильский, К. Фотинов и др.).

В итоге следует сказать, что у сербов и хорватов развитие романтизма, совпадающее с периодом становления национального литературного языка, характеризовалось расцветом в первую очередь и преимущественно поэтических литературных форм, в то время как у словенцев и болгар в эпоху перехода от романтизма к реализму или их одновременного синкретического развития поэтические литературные формы развивались наряду с прозаическими. Характерной чертой южнославянского романтизма, существенной для становления литературных языков южных славян, было обращение к народной поэзии, к ее языку, форме, мотивам и сюжетам. Это факт известный, но мы напоминаем о нем в связи с ролью народного поэтического койне в эпоху становления национальных литературных языков.

Деятели южнославянского национального возрождения, если не все, то большинство, были одновременно писателями и публицистами, филологами и издателями, общественными и политическими лидерами. Дело не только в большей многогранности выдающихся писателей и политиков XIX в. по сравнению с писателями и политиками XX в., дело скорее в том, что социально-исторические условия, в которых рождалось национальное самосознание южного славянства, были таковы, что создание национального литературного языка, национальной литературы, публицистики и условий культурного развития оказывалось первостепенной политической задачей зародившейся нации.

Национально-политическая программа хорватского иллиризма (1835—1848), во главе которого стоял Л. Гай и его ближайшие

соратники И. Мажуранич, С. Враз, П. Прерадович, И. Кукулевич, хорошо известна⁵. Для нее были характерны идеи славянской взаимности, культурного и политического объединения южных славян, их максимального литературно-языкового сближения. В 1830—1832 гг. Л. Гай, И. Деркос и граф Я. Драшкович выдвинули идеи литературного и литературно-языкового сближения с сербами как часть своей политической и идеологической программы. Эта программа сыграла определенную роль и в развитии национального самосознания сербов, населявших хорватские земли (прежде всего Военную границу и Далмацию), хотя ее основная задача заключалась в духовном объединении хорватов, разрозненных и государственно-административными границами (земли австрийской и земли венгерской короны, османское владычество в Боснии и Герцеговине), и находящихся под разным культурным влиянием, особенно в сфере образования и печати — венгерских и австрийских консервативных правящих кругов. Эта задача, как показали события 1848 г. и последующих лет, была успешно разрешена.

Что касается национально-политической программы сербов до 1848 г., то она была определена менее четко, чем "иллирическая", и получила свое достаточно яркое выражение в период романтизма (уже после 1848 г.) благодаря деятельности организации "Омладина". Для "омладинской" программы характерны те же идеи славянского единства, патриотизма, консолидации сербской нации, республиканского демократизма и идеализации прошлого. Впрочем, это движение не было абсолютно гомогенным и сильно эволюционировало к 60-м годам в сторону позитивизма и рационализма⁶. Развитие сербского национального самосознания происходило в особых условиях. До 1878 г. сербы были единственным славянским народом на Балканах, имевшим свои государственные образования, сначала относительно, а потом полностью независимые Сербию и Черногорию, которые, однако, не охватывали территорию распространения сербского этноса в целом. Очень важная в политико-экономическом отношении область Воеводина и другие области оставались под иноземным владычеством. До 1848 г. во многом лидирующую и достаточно экстремистскую позицию в вопросах национально-культурного строительства занимал венский кружок писателей и филологов, группировавшихся вокруг Вука Караджича (Бранко Радичевич, Джуро Даниич и др.). Немалую роль играли пожупский (братиславский) и пештский (будапештский) кружки.

Политическая ситуация, связанная с формированием национального самосознания, национальной литературы и литературного языка у словенцев, была также достаточно сложной⁷. Помимо идей иллиризма, проникших в Словению благодаря усилиям С. Вразы и некоторых его последователей, стремившихся сблизить словенский язык с хорватским на штокавской основе и тем самым отказать словенским диалектам в праве быть обработанными и поднятыми до уровня литературного языка⁸, в 40-е годы формировалась иная словенская национальная программа, связанная с деятельностью М. Чопы и Ф. Прешерна и выраженная в известной прешерновской "Здра-

вице" (1844—1846), призывающей к освобождению от иноземного владычества, к объединению всех словенцев и к созданию единого словенского национального литературного языка. Два десятилетиями раньше еще были сильны словенские областнические тенденции к укреплению областной литературы и областных форм литературного языка без достаточно четкой национально-политической программы: Ф. Метелко (фонетическое правописание на доленской основе — 1825), П. Дайнко (язык горицкого диалекта — 1824), М. Шнайдер и У. Ярник (язык, близкий к корошскому диалекту, — 20—30-е годы XIX в.).

Революция 1848 г. более четко определила политическое соотношение сил в Словении. К концу 50-х годов оформляются два культурно-политических движения: "старословенцы" (консервативная группа вокруг газеты "Новице" во главе с Я. Блейвейсом) и "новословенцы" (либерально-демократическая группа вокруг газеты "Словенски народ", одним из лидеров которой был Ф. Левстик). И та, и другая партия в общем выступали за единый "наддиалектный" словенский национальный литературный язык. Но именно Ф. Левстику принадлежит опыт окончательного оформления словенского национального литературного языка на основе центрального доленского диалекта с рядом элементов горенщины и других говоров и со значительной долей церковнославянских (старославянских) и русских элементов (1868 г.). Этому во многом способствовала ошибочная, но широко распространенная в XIX в. гипотеза словенца Ф. Миклошича о словенском происхождении старославянского языка.

Формирование национального литературного языка в Болгарии происходило в русле общей освободительной борьбы за национальную независимость против османского политического и фанариотского культурного господства. При этом в среде болгарской интеллигенции 30—50-х годов XIX в. не было единого взгляда на структуру и функциональную направленность литературного языка. Довольно четко выделялись по своему отношению к характеру литературного языка и литературно-языковому наследству две группы общественных деятелей, просветителей и писателей: "архаисты" и "новаторы". "Архаисты" (Неофит Рильский, Георгий М. Владыкин, Христки Павлович Дупничанин и др.) полагали, что национальный литературный язык должен сохранить многие формы древнеболгарского языка и тем самым живую связь с языком "единородных наших славян": ему следует иметь именное склонение, избегать членных форм и т.п. "Новаторы" же, среди которых были и пуристы (Иван Богоров), и непуристы — умеренные новаторы (Василий Априлов, Константин Фотинов, Неофит Бозвели, Константин Огнянович и др.) и более последовательные (Захарий Княжески, Райно Попович и др.), считали, что литературный язык должен строиться на основе народно-разговорной речи. Были и такие писатели, как Константин Фотинов и Христки Павлович Дупничанин, которые в начале своей деятельности склонялись к "новаторам" (см. журнал "Любословие"), а затем перешли на сторону "арха-

истов". "Новаторы", однако, добились окончательной победы в 60-е годы, когда в Болгарии возникло революционно-демократическое движение (Георгий Стойков Раковский, позже Любен Каравелов и Христо Ботев).

Для "архаистов", умеренных и тем более крайних, вопрос о диалектной базе не был вопросом первостепенной важности, как для "новаторов", обращавшихся к живой диалектной речи. Следует отметить при этом, что болгарское "новаторство" не является столь максималистским, как новаторство Караджича и его последователей. Болгары в XIX и XX вв. сохранили довольно прочную связь с традицией и через нее — с русским литературным языком.

Наконец, последним влилингвистическим, но важным моментом является момент государственной организации нации, литературный язык которой формируется. Болгары до 1878 г. не имели своего государства, они находились целиком под властью Порты, что, с одной стороны, препятствовало их национальному развитию, а с другой — создавало некоторые условия для консолидированных действий. При этом большую роль играла эмиграция в Румынии и в России. В аналогичном положении находились словенцы, если не учитывать различий в государственной структуре тогдашней Турции и Австрии. Что касается хорватов, то они, как отмечалось выше, были административно разобщены и их положение осложнялось австрийско-венгерскими спорами, претензиями и стремлением правящих кругов к экспансии за счет славянских наций. Консолидирующаяся сербская нация испытывала национальный гнет, она была разобщена, но вместе с тем имела свое государственное образование и свои национально-революционные традиции, начало которым было положено восстаниями 1804—1813 и 1815 гг.

В заключение вернемся к социально-лингвистическим проблемам и постараемся дать суммарное изложение результатов наших наблюдений.

В выборе диалектной базы большую роль играли: а) демографические показатели, прежде всего число говорящих на конкретном диалекте; б) географические показатели, т.е. географическое распространение конкретного диалекта (наречия); в) экономико-географические показатели — центры торговли, ремесла и т.п.; г) политико- и культурно-географические показатели — центры государственной власти, культуры и т.п.

Если обратить внимание на выбор диалектной базы болгарского языка в XIX в., то станет ясно, что восточноболгарский центрально-балканский говор, легший в основу литературной речи (по Ст. Стойкову), занимая срединное положение по отношению к другим говорам, был близок к соседним восточно-болгарским говорам, наиболее представительным по числу носителей, и был центром или близок к центру сосредоточения торгово-ремесленных сил в Болгарии середины XIX в. Вот почему, надо полагать, этот восточноболгарский говор одержал верх над конкурирующим западноболгарским (хотя после 1878 г. столица Болгарии оказалась на западе — в Софии, а не на востоке — в Тырново). Положение с диалектной базой

болгарского литературного языка не так давно убедительно продемонстрировал Г.К. Венедиктов, пользуясь картографическим методом. Все же конкуренция западно- и восточноболгарских диалектов отражается в допустимости элементов западной орфоэпии (рефлекс *ѣ* как *e*, отсутствие редукции безударных гласных и т.п.) наряду с восточной нормой.

Победу штокавского диалекта (притом герцеговинского или шумадийского типа) сербскохорватского языка можно объяснить относительной малочисленностью представителей чакавского (менее 200 тыс.) и кайкавского (несколько сот тысяч) диалектов, их относительной периферийностью, хотя политический и экономический центр Хорватии Загреб находится на территории кайкавского диалекта. У сербов в конце XVIII и в начале XIX в. конкурировали штокавские воеводинский и шумадийский диалекты, близкие друг к другу по своей структуре и форме. Окончательную победу одержал шумадийский, близкий к восточногерцеговинскому (образцовому, по Вуку Караджичу) диалекту. Это можно объяснить перенесением к середине XIX в. культурного и политического центра сербов в Сербию (Белград, Крагуевац) и сближением с хорватами, т.е. целями создания единого литературного языка. Данный язык, как известно, существует в двух вариантах — екавском и эквавском (по произношению *ѣ*) и в белградском и загребском, что не одно и то же. Эти варианты даже трудно назвать конкурирующими, так как имеется ряд признаков, прежде всего лексических, их четко разделяющих.

В основе словенского литературного языка лежит центральный доленьский диалект как один из самых распространенных, относительно монолитных и крупных. Почти на самой его границе, но на территории другого центрального и также обладающего большим числом носителей диалекта находится словенская столица Любляна, давний административный и культурный центр. Конкуренция этих диалектов по сей день отражается в некоторых грамматических и лексических особенностях словенского литературного языка.

Вообще очень значительная диалектная дробность словенской языковой территории побудила, надо полагать, к построению литературного языка со значительной степенью искусственности, наддиалектности. Чрезмерная близость к какому-нибудь одному словенскому диалекту удалила бы литературный язык от других диалектов и осложнила бы его функции как средства национального общения и культуры. Вот почему, помимо ряда других причин, здесь стал возможным путь, который, например в Болгарии, а тем более в Сербии, показался бы архаическим. Словенский литературный язык, например, не принял членных форм (артикля), хотя почти две трети его диалектов пользуются артиклем (ср. выступление против членных форм болгарских "архаистов"). Таким образом, при сравнительных исследованиях славянских литературных языков, при учете их соотношения с диалектной базой важно еще учитывать и характер диалектного ландшафта конкретного языка, степень его диалектной дифференциации и т.п.

Другим важным вопросом, рассматриваемым в нашей статье, был вопрос отношения к традиции. Смена диалектных баз, отказ от областных литературных форм и тому подобные явления были уже в известной мере отходом от определенных традиций. Но когда речь идет о сохранении традиции или об отказе от нее, обычно имеется в виду для языков мира *Slavia Orthodoxa* — древнеславянская (церковнославянская) традиция, а для языков мира *Slavia Latina* — традиция древнеписьменных славянских языков (например, польского, чешского), которая также во многом была наддиалектной. Для хорватского и словенского такой тип или эталон языка установить труднее, чем для польского и чешского. Отрыв от традиции у южных славян (впрочем, и у остальных также) диктовался, как правило, внемлингвистическими причинами: стремлением а) в минимально короткий срок сделать новый литературный язык орудием культуры широких масс (временной момент), б) пойти на сближение с соседними этническими зонами в целях максимального территориального распространения нового национального литературного языка и сделать его орудием культуры не одной только нации (локальный момент). При этом следует отметить, что болгарский и словенский пути нельзя назвать разрывом с традицией, это скорее пути ее сохранения при определенных, иногда довольно радикальных нововведениях. Впрочем, как показывают факты, и Вук Караджич не мог окончательно порвать с традицией.

Проблемы диалектной базы и отношения к традиции являются кардинальными, основными при выборе определенного типа литературного языка в эпоху становления нации. Другие моменты, такие, как роль городского койне, народно-поэтического койне, других славянских языков, оказываются во многом подчиненными.

Плохая изученность южнославянских городских койне XX в., не говоря уже о XIX в., затрудняет работу исследователя и толкает его на путь догадок. Вполне можно предположить наличие восточноболгарского городского койне; существуют определенные отрывочные свидетельства о воеводинском городском койне начала XIX в.; интересные данные о боснийских мусульманских городских говорах с особым рефлексом ξ и т.п. Есть основания предполагать, что в Любляне и в Загребе были городские койне. Но если первое сыграло свою роль в формировании литературного языка (какую — сейчас сказать трудно), то второе такую роль сыграть не могло, так как было кайкавским.

Характерно и то, что в хорватской среде областные литературные языки не исчезли. Оттесненные во второй половине XIX в. и в начале XX в. на самую периферию культуры и почти исчезнувшие, они воскресли с новой силой после войны 1941—1945 гг. и обогатили хорватскую литературу, особенно поэзию, рядом замечательных произведений. В Хорватии происходит процесс, который в Италии, Испании и отчасти во Франции называется диалектно-литературной вспышкой и характерен для развития западноевропейской литературы новейшего времени¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О понятии "внешнелингвистические" факторы в отличие от "внутрелингвистических" см. подробнее: *Толстой Н.И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. С. 18. Поскольку настоящая статья является кратким итоговим изложением взглядов, частично выраженных в других наших работах, мы будем по некоторым вопросам отсылать читателя к тем нашим прежним публикациям, где содержится более подробный разбор темы и дается иллюстративный материал.

² Термины эти в большей мере применимы к средневековому периоду и в меньшей — к более позднему, когда противопоставление упомянутых культурных миров стало менее четким и существенным.

³ *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964.

⁴ Ср. наблюдения Г.Д. Гачева: "Вот сколько, к примеру, задач реализует в Болгарии такой писатель, как Петко Славейков: он окончательно утверждает в стране литературу как искусство, он же идет от увлечения религиозно-житийной литературой через гедоническую лирику в духе Ренессанса к романтическим поэмам и социальной, гражданской лирике, близкой реализму Шевченко и Некрасова" (Там же. С. 299—300).

⁵ *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Варшава, 1894; *Лещиловская И.И.* Иллиризм. М., 1968; Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980.

⁶ *Скерлић Ј.* Омладина и њена књижевност (1848—1871). Београд, 1925.

⁷ *Prijatelj J.* Borba za individualnost slovenskega književnega jezika v letih 1848—1857. Ljubljana, 1937.

⁸ К идеям С. Враза был близок М. Майр, который, однако, шел еще дальше Враза, проповедуя общеславянский язык для словенцев. См.: *Толстой Н.И.* О последней попытке применения "общеславянской азбуки" к словенскому литературному языку // Проблемы современной филологии. М., 1965.

⁹ *Венедиктов Г.К.* Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения // ВЯ. 1971. N 4. С. 73—89; *Он же.* О нормализации устной речи на начальном этапе формирования современного болгарского литературного языка // ВЯ. 1969. N 6. С. 94—102.

¹⁰ *Дуличенко А.Д.* Славянские литературные микроязыки. Таллин, 1981; *Степанова Л.Г.* О "диалектной вспышке" в современном литературном языке Италии // Лингвистические исследования. Л., 1970.

ОТНОШЕНИЕ ДРЕВНЕСЕРБСКОГО КНИЖНОГО ЯЗЫКА К СТАРОСЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКУ

(В связи с развитием жанров в древнесербской литературе)

Как видно из названия, целью данной работы является попытка дать краткий ответ на следующие три вопроса.

1. Существовал ли в древнесербской литературе (в древнесербских текстах) билингвизм (двуязычие)? В чем состояла суть, какого типа и какого происхождения был этот билингвизм?

2. Существовала ли в древнесербской литературе (resp. текстах) жанровая дифференциация? Какова была система жанров в древнесербской литературе и как она развивалась?

3. Было ли связано употребление одного из двух языков с системой жанров в древнесербской литературе? Если эта связь существовала, как она развивалась исторически?

Все эти проблемы не новые, они возникли давно. В течение уже почти десяти лет русская филологическая наука изучает древ-

нерусскую литературно-языковую ситуацию. До сих пор по этому вопросу ведется ожесточенная полемика, приводятся новые аргументы, собирается новый богатый материал. Сербские филологи уделяли гораздо меньше внимания этим вопросам, которые для русских славистов были очень актуальны. Это довольно странно, потому что древнесербская ситуация в значительной мере сходна с древнерусской. Древнесербская и древнерусская литература (так же, как и древнемакедонская, древнеболгарская, древневлахомолдавская) входили в один культурный ареал — Pax Slavia Orthodoxa. Мы еще будем говорить в связи с поставленными вопросами о значении этого культурного ареала для развития древнесербской, как и древнерусской, древнеболгарской и других древних литератур и древнего книжного (письменного) и литературного языка, а сейчас коротко об истории изучения древнесербской ситуации.

Южнославянские элементы в современном русском языке настолько многочисленны, что невозможно оспаривать их важной роли в современной структуре и истории русского литературного языка. Невозможно поставить под сомнение и существование литературно-языкового церковнославянско-русского билингвизма в древней Руси, существование которого продолжалось до XVIII, а может быть, и до начала XIX в. Существуют различные мнения о том, функционировал ли древнерусский литературный язык начиная с того времени, когда сложилась древнерусская литературная традиция (X—XI в.), или же первоначально литературным языком у русских был церковнославянский¹, а древнерусский возник и развивался как отдельный язык позже. Первой точки зрения (об автохтонности древнерусского литературного языка) придерживался С.П. Обнорский (с 1934 г.) и его последователи (Ф.П. Филин и др.), а второй — значительное число ученых XIX в., а в XX в. — А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Истрин, Л.В. Щерба, Унбегаун, Исаченко и др. Концепция Виноградова была близка взглядам Шахматова, но с течением времени она изменялась, а в последние годы вернулась к своей исходной точке². Среди сербских лингвистов только А. Белич уделял большое внимание полемике между русскими учеными, а среди хорватов — Крвар³.

Другая проблема — это проблема структуры жанров в древнерусской литературе, и эта проблема, как и первая, становилась предметом обсуждения на международных съездах славистов. Целый ряд видных ученых, таких как Р. Ягодич, Д.С. Лихачев, С. Вольман, Д. Чижевский и др., уделяли особое внимание решению этого сложного вопроса⁴. Р. Ягодич указал на невозможность применения западноевропейской схемы разделения литературных родов (эпика, драма, лирика) к древнерусской литературе, которая имела другую "духовную систему" и "тяготела к единству, органической целостности, ее компоненты находились во взаимосвязи". О функционировании жанров и их историческом развитии в связи с развитием всей древнерусской культуры и древнего "литературного этикета" писал Д.С. Лихачев в ряде своих работ. С. Вольман расширил рамки темы, включив в свои исследования и древнюю

западно- и южнославянскую литературу. Пришло время предложить конкретное разделение текстов древнерусской (сербской, болгарской и т.д.) литературы по жанрам, дать рубрикацию произведений (т.е. текстов) и иерархическую систему рубрик.

Вопрос билингвизма и система литературных жанров в древней Руси не обсуждались во взаимосвязи как историко-литературная, литературно-языковая проблема⁵. Это, вероятно, имеет несколько объяснений, одно из главных, по нашему мнению, состоит в следующем: в русской филологии и лингвистике до сих пор не решен и даже не поставлен вопрос, каким реестром (корпусом) текстов должен располагать исследователь, изучающий историю литературного языка в древней Руси или вопрос древнерусской жанровой системы. Выбор текстов (примеров) часто достаточно субъективен, и эта субъективность оказывает значительное влияние на концепцию истории литературного языка, или истории жанров, или на решение вопроса об их взаимосвязи⁶. Идеальным подходом к решению поставленной проблемы был бы тот, при котором принимались бы во внимание все тексты, не только оригинальные, но и переводные, как и все существующие варианты и копии (списки). В настоящее время в применении к русским литературным и языковым памятникам это почти невыполнимая задача. Положение дел с сербскими памятниками значительно более благополучно, но тоже достаточно сложно. Хотя желаемой полноты достичь невозможно, к ней все же следует стремиться.

Если речь идет о полноте материала, необходимо уточнить, что входит в древнесербскую или древнерусскую литературу. Ответить на этот вопрос — означало бы дать определение древнесербской или древнерусской литературы в целом⁷.

Древнесербская, как и древнерусская, литературы не были настолько автономны и самостоятельны, насколько самостоятельны и даже изолированы друг от друга в языковом, структурном и типологическом отношении современные сербская и русская литературы.

Понятие целостности древнерусской и древнесербской литературы невозможно без признания существования общей для культурного ареала *Pax Slavica Orthodoxa* литературы — древнеславянской литературы, моделью для которой служила современная ей византийская литература⁸. От византийской литературы ее отделяет не только состав (корпус) текстов, но и язык, имеющий решающее значение для функционирования литературы в определенном этническом ареале и являющийся основным связующим звеном между древней общеславянской литературой и литературами древнесербской, древнерусской, древневлахомолдавской и т.п. Древняя общеславянская наднациональная (или межнациональная) литература, существуя как отдельная и независимая целостность, одновременно входила своей большей частью в состав отдельных древних национальных⁹ литератур: русской (начиная с XV века великорусской, малорусской — украинской и белорусской), сербской, болгарской, македонской, хорватской глаголической и славянской влахомолдавской. Некоторые из упомянутых

национальных литератур подразделялись в течение известного времени и в известной степени на локальные, региональные литературы: псковскую, новгородскую, ростово-суздальскую у русских (великороссов), зетскую, рашскую, боснийскую у сербов и т.п. Таким образом, славяне, принадлежавшие к ареалу *Rex Slavia Orthodoxa*, пользовались почти в каждом национальном ареале тремя литературами или, согласно другой точке зрения, одной литературой со сложной тройной структурой (иерархией). У славян, относившихся к другому культурному ареалу, *Rex Slavia Latina*, была иная культурно-литературная иерархия.

Произведения древней "межнациональной" славянской литературы были приняты почти в каждой "национальной" среде без перевода, иногда с незначительной языковой адаптацией¹⁰. Это тот момент, который отличал внутриславянскую ситуацию от ситуации греческо-(византийско)-славянской, требовавшей перевода текстов с греческого на славянский. Во внутриславянской ситуации древняя "национальная" (лучше сказать "преднациональная") литература понималась как локальная по отношению к общеславянской литературе. Те же отношения были и на языковом (литературно-языковом) уровне.

До сих пор речь шла об иерархии в литературе (общеславянской, "национальной" и локальной) и иерархии литературных (письменных) языков с близкой структурой. Теперь необходимо подчеркнуть, что в древней литературе православных славян существовала и достаточно строгая и разветвленная иерархия жанров. Эта иерархия переживала исторические изменения, развивалась и усложнялась, потому что для всех древних литератур православных славян, как и для общеславянской литературы культурного ареала *Rex Slavia Orthodoxa* была характерна одна общая, существенная для их формы, структуры и функционирования особенность: произведения, которые появлялись в течение восьми столетий (начиная со времени Кирилла и Мефодия), как правило, не терялись, не заменялись, не исчезали из состава литературы, а существовали и сохранялись не в виде литературно-исторических памятников, но как живое и современное творчество¹¹.

На основании всех перечисленных предпосылок можно дать схему жанровой системы древнесербской литературы. Она могла бы представлять собой пирамиду из 14 частей (слоев, рубрик, сегментов), в основании которой находится древняя устная народная литература.

Данная схема жанров древнесербской литературы является панхронической и суммарной, т.е. общей для достаточно большого литературно-исторического периода¹². Схема может быть полезна в качестве инструмента для историческо-сравнительных исследований, но при этом необходимо помнить, что это не синхронный срез — система жанров сербской литературы определенного столетия или еще более короткого периода. Для каждой рубрики можно определить, иногда со значительными, а иногда с меньшими трудностями состав текстов. В некоторых случаях этот состав оказывается достаточно обширным, и тогда возникает необходимость в дальнейшей детализации отдельных рубрик¹³.

Почти для каждого текста в каждой рубрике можно установить ряд обозначений в зависимости от того:

- где этот текст появился (написан) — место возникновения;
- когда этот текст появился (написан) — время возникновения;
- оригинален этот текст или переведен с другого языка;
- как, т.е. в каких условиях и с какой целью функционировал текст.

Примечание. Для лингвистической характеристики важны также и орфографические, и палеографические особенности текста.

Таким образом каждый текст может получить определенные индексы. Их суммирование для достаточно большого количества текстов, относящихся к одной рубрике, позволяет дать более полную характеристику каждого отдельного жанра. Эта характеристика была бы различной для разных периодов времени и для разных зон внутри ареала *Slavia Orthodoxa*. Например, жанр "хождения" в Древней Руси берет свое начало в XII в., а у сербов в XVI в. (если только речь не идет о потерянных текстах), поэтому и число русских текстов этого жанра больше, и их литературная и стилистическая разработанность выше. Сходная ситуация и с летописями. Но в "национальной" агиографии положение уже иное. В начале XIII в.

сербы создали свою замечательную агиографическую традицию, которая во время "второго южнославянского влияния" в России придала новое художественное качество русской агиографии (например, творчество Пахомия Серба Логофета).

В целом жанровая система, символически изображенная в виде пирамиды или равнобедренного треугольника, представляет собой, как мы уже указали, строгую иерархию. Первая рубрика занимает самое высокое, доминирующее положение как наиболее сакральная и авторитетная по отношению к остальным рубрикам и текстам. Состав текстов этой рубрики в течение столетий оставался стабильным и неизменным, а язык эволюционировал в наименьшей степени. Тексты этой рубрики относились к древней общеславянской литературе: ни один из них не имел "национальных", локальных специфических черт. В отличие от первой рубрики, во второй рубрике содержалось известное число "национальных" текстов (службы сербским святым; см. Сербляк). То же можно сказать и о третьей (жития сербских святых; сочинения Св. Саввы, Доментиана, Феодосия, архиеп. Данилы и др.) и четвертой (Похвальное слово Св. Симеону и Св. Савве, Похвальное слово князю Лазарю и др.) рубрике. Достаточно яркие национальные черты характерны для ряда текстов светских, неконфессиональных рубрик: исторических (рубрика 8 — сербские летописи, родословные и т.п.), паломнических (рубрика 10), повествовательных (рубрика 9 — Мучения блаженного Гроздия и т.п.), филологических (рубрика 11 — Сказание изъяснено о писменех Константина Философа), светско-юридических (рубрика 12 — Законник царя Душана и др.), относящихся к деловой (рубрика 13) и бытовой (рубрика 14) письменности. Последние две рубрики занимают в известном смысле автономное положение по отношению к двенадцати остальным. Именно к ним относятся почти исключительно национальные тексты, но эти тексты принадлежат не к сербской литературе, а к сербской письменности, потому что их художественная ценность в большинстве случаев минимальна. Функция этих текстов — деловая или практическая, поэтому они составляют не определенный литературный жанр, а нечто, что уже по своему деловому характеру может быть противопоставлено остальным жанрам и жанру вообще. Можно даже сказать, что эти тексты написаны не на литературном языке, а на деловом древнесербском книжном языке, который обладал и некоторыми чертами древнеславянского литературного языка, но этот вопрос достаточно сложен, так как язык текстов этих рубрик приближается к языку светско-юридических текстов, который тоже в известном смысле был деловым¹⁴.

Может быть, эти замечания о языке текстов двух последних рубрик являются несколько преждевременными, так как необходимо оценить их с точки зрения времени, места возникновения, того, являются ли они оригинальными или переведены с другого языка, а также их сакральности.

Как видно из определения рубрик, первые шесть жанров имеют церковный, конфессиональный характер. Это подтверждается содер-

жанием (семантикой), назначением (функцией), формами, а также языком текстов — древнеславянским сербской редакции. Степень сакральности текстов постепенно уменьшается с первой до шестой рубрики, что можно объяснить и функцией текстов различных жанров в церковном ритуале и жизни. Седьмая рубрика — апокрифическая — официально является неконфессиональной, даже антисакральной ("ложной", запрещенной), но тексты, входящие в седьмую рубрику, должны были имитировать сакральные тексты, прежде всего Святое Писание, и эта имитация должна была быть "правильной" со всех точек зрения, а значит, и с точки зрения языка. Поэтому язык этих текстов также был древнеславянский литературный язык той же сербской редакции. Начиная с девятой рубрики мы имеем дело с неконфессиональными светскими текстами, которые в большинстве случаев имеют свою определенную функцию и могут поэтому быть отнесены к различным жанрам с большей четкостью и точностью, чем конфессиональные тексты. Заметим, что тексты десятой и одиннадцатой рубрики (о седьмой мы уже говорили), т.е. тексты о хождениях и философско-филологические (следовательно, только часть текстов одиннадцатой группы), были тематически связаны с первыми шестью группами, что отразилось на их языке и стиле: иногда это скорее древнеславянский язык, а не древнесербский книжный язык. Даже в исторических и светско-юридических текстах (например, Душанов Законник) встречается значительное число славянизмов, на что более сорока лет тому назад указал А.М. Селищев¹⁵ в связи с дискуссией о древнерусском литературном языке.

Что касается вопроса места и времени появления и перевода текстов первых шести рубрик, надо сказать, что почти все эти тексты за исключением тех, которые неразрывно связаны с сербской национальной традицией (начиная с XIII в. службы, жития, похвальные слова), появились довольно рано (частично во времена Кирилла и Мефодия, частично несколько позднее), переведены с греческого, возникли у южных славян (небольшая часть — в Моравии и в России). Чисто русская национальная традиция была представлена в Сербии незначительным количеством текстов (Житие Феодосия Печерского и т.п.). Большое значение имело создание так называемой Светосавской Кормчей (конец XII — начало XIII в.), вероятно, на основе уже переведенных текстов (рубрика 6). Тексты первых шести рубрик (конфессиональные) вместе с текстами седьмой и частично восьмой и девятой в то же время входили в общеславянскую (ареала Pax Slavia Orthodoxa) литературу. Неконфессиональная светская часть общеславянской литературы была намного меньше, чем конфессиональная. Однако к такой количеству небольшой части относились такие значительные произведения, как "хроники" византийского происхождения (Амартола, Зонары), произведения древней беллетристики — Александрида, История Троянской войны, Стефанит и Ихнилат, Варлаам и Иоасаф и др. и почти все апокрифы. Отдельные произведения беллетристики значительно выделялись в языковом плане, потому что были написаны на древне-

сербском книжном языке, близком народному. Неархаичный, с многочисленными диалектизмами, народными формами и словами, этот язык типичен для большей части исторических (рубрика 8), для известной части натуралистических и почти для всех светско-юридических текстов. Нужно иметь в виду, что это сочинения довольно позднего происхождения: XIV—XV в. и даже XVII, например, басни Эзопа, так же как и тексты хождений (начиная с XIV в.) и национальные светско-юридические (начиная с XIV в.). Все так называемые "национальные" тексты являясь оригинальными (непереводными) и имеют чисто сербское происхождение. Число таких текстов значительно возрастает в XIV и XV в., так что общее количество произведений древнесербской литературы в этот период почти удвоилось. Этот факт можно сопоставить со "вторым южнославянским влиянием" в Древней Руси, которое имело место приблизительно в то же время, когда также вдвое возросло количество произведений литературы. Увеличение числа литературных произведений у сербов и у русских¹⁶ шло за счет расширения в основном групп (рубрик) 8—14 и частично групп (рубрик) 3—4. В отношении группы 9, а частично и группы 13 необходимо принимать во внимание языковое влияние текстов на сербскохорватском языке, созданных вне культурного ареала Pax Slavia Orthodoxa.

Таковы, в самых кратких чертах, характерные особенности древнего славяно-сербского двуязычия в связи с жанровой системой древнесербской литературы. С развитием системы жанров и ростом числа текстов в отдельных рубриках (т.е. жанрах) менялась природа этого двуязычия, а центр тяжести самой древнесербской литературы от первых групп (рубрик) в пирамиде смещался все более и более к центру, т.е. возрастала роль национального сербского начала в общей системе текстов. Тем самым и отношение древнеславянского литературного языка к древнесербскому книжному языку изменилось в пользу древнесербского (сербульского) языка, приобретавшего все большее значение несмотря на тяжелую ситуацию, сложившуюся в результате турецкого нашествия.

В конце необходимо подчеркнуть, что проблема определения двуязычия для древнесербской литературно-языковой ситуации очень сложна и при этом приходится сталкиваться со значительно большими трудностями, чем для той же древнерусской ситуации. Древнеславянский (общеславянский, церковнославянский) литературный язык имел южнославянскую диалектную базу. А это значит, что целый ряд языковых особенностей, отличавших старославянский язык от русского (праслав. **tort, tolt*; **ort, olt*; начальное **je* и **o*: *jezero* — озеро и сл.) были одними и теми же и в древнеславянском, и в древнесербском литературном (или книжном) языке¹⁷. Для всех славянских литературных языков ареала Slavia Orthodoxa необходимо составить реестр (список) различий между каждым отдельным древним "национальным" языком и древнеславянским (общеславянским) языком. Эти реестры были бы важным показателем для типологической характеристики древних и более молодых славянских литературных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В русской научной традиции различают старославянский язык и церковнославянский язык как язык, вышедший из старославянского и продолжающий его традиции и функции. Ряд ученых заменяет термин *церковнославянский* термином *древнеславянский*, притом что и старославянский включается в его историю в качестве раннего, начального этапа развития этого литературного языка. В сербской терминологии русской паре *древний* и *старый* соответствует одно лишь слово *стари*. В сербском оригинале этой статьи употребляются соответственно термины *старословенски*, *црквенословенски*, *стари словенски*. В редких случаях для старославянского употребляется и термин *староцрквенословенски*. См.: *Ђорђевић П.* Терминологија питања из палеославенистики // *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*. Нови Сад, 1957. Књ. 2; *Копыленко М.М.* Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности // *Сов. славяноведение*. 1966. N 1.

² *Толстой Н.И.* Взгляды В.В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка // *Исследования по славянской филологии*. М., 1974. С. 319—329, *Он же.* Труды В.В. Виноградова по истории русского литературного языка // *Виноградов В.В.* Избр. тр.: История литературного языка. М., 1978.

³ *Белић А.* О књижевним језицима // *Јужнословенски филолог*. XIX. 1951—1952. С. 1—16; Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Скопје, 1970. Кн. 2. С. 111—121.

⁴ *Jagoditsch R.* Zum Begriff der "Gattungen" in der alt-russischen Literatur // *Wiener slavistisches Jahrbuch*. Bd. VI. 1957/58, 112—137; *Лихачев Д.С.* Система литературных жанров древней Руси // *Славянские литературы*. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации М., 1973. С. 160—177; *Wolman S.* *Žánrová struktura slovanských literatur* // *Československé přednášky pro VI mezinárodní sjezd slavistů*. Pr., 1968. S. 215—223; *Čiževsky D.* On the Question of Genres in Old Russian Literature — *Harvard Slavic Studies*. 2. Cambridge Mass., 1954, S. 105—115.

⁵ Д. Лихачев ближе всех остальных исследователей подошел к этой проблеме. По его мнению, "литературная структура жанров проявляется в следующем факте: древнерусские жанры в значительно большей мере связаны с определенным типом стиля, чем жанры нового времени" (*Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 64).

⁶ Обращает на себя внимание, что Обнорский для анализа древнерусского литературного языка обратился всего к четырем литературно-языковым памятникам (Моление Даниила Заточника, Слово о полку Игореве, Поучение Владимира Мономаха, Русская Правда), Ефимов — менее чем к десяти, Ларин — менее чем к двадцати, а Виноградов пошел по пути оценки общей ситуации и общего развития, не прибегая к детальному анализу отдельных текстов. См.: *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка. М.; Л., 1946; *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. М., 1957; *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.), М., 1975; *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.

⁷ Начиная с XIX в. историки литературы в каждой древней славянской литературе обращали внимание на национальную специфику или искали корни того, что появилось в конце XVIII в., а также в начале и середине XIX. Этот исключительный интерес к специфике приводил к одностороннему взгляду на древнюю литературу, при котором терялось ощущение системности ее структуры и целокупности. А между тем, к древнерусской (соответственно сербской и др.) литературе относилась и вся литургическая и нелитургическая церковная литература, которая у некоторых историков древней литературы в лучшем случае предполагается и упоминается мимоходом, а в худшем случае полностью отбрасывается. В большинстве случаев это общеславянская литература.

⁸ Весьма серьезный и конструктивный подход к созданию истории общеславянской (церковнославянской) литературы находим в работах А. Наумова. См.: *Naumow A.E.* *Literatura cerkiewnosłowiańska a komparatystyka literacka* // *Slavica*. R. XLII. Č. 2. 1973, S. 149—156; *Naumow A.E.* *Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowiańskiej*. PAN. 1976.

⁹ В этом случае слово национальный не следует переводить как "тот, который

относится к нации", но во французском значении этого слова (national) — народный. Я не употребил слово "народный", потому что оно терминологически связано с устной (неписменной) литературой.

¹⁰ Это, в сущности, означает, что целый ряд текстов может быть одновременно отнесен к древнеславянской (общеславянской) и древней русской или сербской или какой-либо другой литературе (евангелия, псалтырь, Старый Завет, апокрифы, агнографии, хронки, романы и т.п.). Составление реестра (корпуса) таких текстов является важной задачей современной славянской филологии.

¹¹ В этом заключается одно из важнейших различий между древней и новейшей (новой) литературой у славян. Начиная с XVIII века в литературе наблюдается последовательная смена одного литературного направления другим, которая влекла за собой модификацию, перестройку всей жанровой системы. Как известно, ода была связана с классицизмом, элегия — с сентиментализмом, баллада — с романтизмом, роман — с реализмом и т.д.

¹² Предложенная схематическая классификация опирается на последние фундаментальные работы Дмитрия Богдановича, Джордже Трифуновича и Биляны Йованович-Стипичевич, чей вклад в изучение древнесербской литературы имеет решающее значение для дальнейшего развития палеосербистики.

¹³ Из-за недостатка места я вынужден ограничиться кратким комментарием к отдельным рубрикам. Состав рубрик 3,7,10 и 12 (жития святых, ложные книга-апокрифы, описания путешествий — "хождения" в Святую Землю и светские юридические кодексы-законники) не нуждается в пояснениях. Рубрики 1 и 2 непосредственно связаны с церковным богослужением — утренним и вечерним, помещенным в Минеях, Осьюмогласнике и Триоди, а также с Евангелием, Апостолом, Псалтырью и др. ("Святое Писание"); Рубрика 4 содержит похвальные слова и т.п., рубрика 5 — толкования Евангелия, Псалтыри, книг Старого Завета, а также сочинения отцов церкви (послания) и т.п.). В 6-ую рубрику входят церковные и монастырские уставы (типники), кормчи, номоканоны и т.п. 8-ую — составляют хронографы, хроники, летописи, родословные, девятую — романы, повести, рассказы (Александрида, Варлаам и Иоасаф, Троянская война, Акир Премудрый, Притчи Соломона и т.п.). Одиннадцатая рубрика гетерогенная по своему составу, так как в нее входят естествоведческие (Физиолог, Христианская топография Козьмы Индикоплова, медицинские кодексы-лечебники и т.п.), философские (Пчела и др.), а также филологические (Сказание изъявлено о писменех Константина Философа и др.) тексты. К рубрике 13 относятся грамоты, дипломатические и торговые письма, завещания и т.п., а в последнюю, четырнадцатую рубрику входят личные письма, различные заметки, описания колдовства, ворожбы, заговоры, книги по магии (как, например, громовник, лунник и т.п.).

¹⁴ В.В. Виноградов и Б. Унбегаун не признавали за языком древнерусских юридических текстов статус литературного языка, считая его только письменным, в то время как А. Исаченко считал, что весь древнерусский язык был письменным, а не литературным. Однако в отдельных сочинениях трех знаменитых славистов мы находим и иные точки зрения.

¹⁵ Селищев А.М. О языке "Русской правды" в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // А.М. Селищев. Избр. тр. М., 1968. С. 132—135.

¹⁶ Соболевский А.И. Южно-славянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894. С. 15—16.

¹⁷ См. список славянизмов в русском языке, приведенный А.А. Шахматовым: 1. группы *torit, tolt* и т.п. (*град, глад*); 2. группы *or, ol* в начале слова (*разум, ладья*); 3. группа *жд* из *j* (*между, одежда*); 4. аффриката *щ* из **tj, ktj* (*мощь, помощь*); 5. гласный *e*, не изменяющийся в *o* (*небо* вместо *небо*, *одежда*, ср. диалект. *одежка*); 6. *ю* в начале слова (*юноша, юдоль*); 7. твердое *з* (из *г*) (*польза*); 8. гласные *o, e* вместо старых слабых полугласных *ъ и ѣ*; 9. гласный *ы* вместо напряженных *ь и ѣ*; 10. формы прилагательных в род. п. ед. ч. и им.-вин. множ. ч.; 11. старославянские словообразовательные модели (*-тель, -ство* и др.); 12. старославянская лексика (*стеся, образ, созерцать* и др.). Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 70—90. Из этих 12 пунктов только в пункте 3, 4 и 8 и частично в пункте 11 и 12 можно отметить различия между старославянскими и сербскими формами.

К ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ "СЛАВЯНО-СЕРБСКОГО" ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В истории сербского народа и его культуры четко выделяется период, охватывающий в основном середину и вторую половину XVIII в., отчасти начало XIX в., называемый нередко "славяно-сербским". Этот своеобразный период, очень любопытный сам по себе и важный также для понимания последующего крупного этапа истории сербской культуры — этапа национального возрождения, до недавнего времени оставался малоизученным и односторонне освещенным. Одну из причин такого положения можно видеть в том, что лингвисты, литературоведы и историки, исследующие сербский XVIII в., подходили к нему не сообща, а порознь, каждый со своим, иногда довольно ограниченным каноном. Ослабленный в прошлом интерес лингвистов к "славяно-сербскому" литературному языку объяснялся прежде всего взглядом на него как на язык далекий от диалектной ("народной") речи и от последующего "вуковского" языка (давшего начало современному литературному), язык "искусственный", чужой, мало что дающий для изучения подлинно сербской речи¹. Литературоведов долгое время настораживали во многом аналогичные мотивы. "Славяно-сербская" литература казалась многим литературой, привнесенной извне, не имевшей глубоких национальных корней и, главное, почти лишенной художественной ценности. Среди историков сербской литературы долго авторитетным и справедливым считалось мнение Йована Скерлица о том, что "за небольшим исключением вся наша (т.е. сербская. — Н.Т.) литература того времени — литература только по названию, из-за убожества, из-за недостатка чего-либо иного и лучшего; все это только первая подготовка и закладка фундамента для настоящей литературы, которая возникнет (придет) только в XIX веке"².

Много лет и постепенно вырабатывался довольно устойчивый взгляд на сербский XVIII в. сквозь призму конца XIX — начала XX в., сквозь призму представлений о литературе реализма и языке этой литературы³, едином (не стилистически, а грамматически-нормативно) для всех жанров, о языке одинаковом в устной и письменной разновидности, в художественной, публицистической и деловой сфере. Для большинства сербских лингвистов XX в. к тому же путь значительного разрыва с традицией⁴ при образовании национального литературного языка казался в определенных литературных условиях неизбежным и принципиально обоснованным. По их представлениям, литературный язык должен строиться исключительно на определенной диалектной основе, которая может быть даже не главным компонентом, а единственным материалом формирующегося литературного языка. Все же остальное отбрасывается как "чужое", причем чуждые элементы в диалекте (турцизмы и т.п.) воспринимаются как "свои"⁵. Естественно, что такой путь нельзя считать универсальным и единственно возможным даже для славянских языков, о чем свидетельствует хотя бы история современного русского литературного языка (путь органического слияния

традиционных древнеславянских и народных элементов, даже без четкой диалектной базы).

В 1939 г. А. Белич писал, что "точно так же, как чужеземная власть может распространиться над отдельным народом, так же может распространиться и чужой язык"⁶. "Мы, — продолжал он, — тоже, как одно время чехи и словаки, затем русские, — все приняли старославянский язык, сначала как язык своей церкви, а затем и — своей литературы! Был же в употреблении у части наших народов этот все же чуждый их языковому восприятию церковный язык до половины XVIII в., чтобы потом оказаться замененным еще более отдаленным от этого восприятия церковно-русским языком того времени. Конечно, в XIX веке он был заменен чистым народным языком, который ныне господствует в нашей литературе, но понадобилось пятьдесят лет нечеловеческой борьбы Вука Караджича, чтобы достичь этой победы"⁷. В другой своей работе 1940 г. А. Белич допускал иной, русский ход развития литературного языка, считая, однако, это совершенно непригодным для сербских условий, так как "старославянский язык сербской редакции не вошел так глубоко в сербскую культуру и в литературный язык, как это было на Руси (в России)"⁸. Четверть века спустя М. Стеванович, утверждая ошибочность мнения, что Вук не знал славяно-сербского языка, писал: "Безусловно, можно сказать, что Вук знал и этот (славяно-сербский. — Н.Т.) язык, хотя это не был установившийся язык, такой, который бы мог кто-либо вполне знать. Мы хотели только сказать, что Вук должен был быть знаком с той языковой мешаниной (курсив мой. — Н.Т.), на которой до него писались книги и которая была в употреблении в общественной и культурной жизни сербов до тех пор, пока он в общем не завоевал это право для чистого народного языка"⁹. Число подобных высказываний довольно значительно, и все они в общем близки к приведенным выше.

Итак, многие литературоведы рассматривали XVIII в. как период подготовительный к XIX в., лингвисты — тот же период как эпоху, от которой произошло отталкивание при формировании национального литературного языка¹⁰. Поэтому издавна в XVIII в. филологов больше интересовали явления, сближающие XVIII в. с XIX — ростки нового, а не факты, объединяющие его с предшествующими веками, не структура и элементы прежнего порядка вещей. Не случайно литературоведы и лингвисты в равной мере проявляли повышенный интерес к творчеству и языку Досифея Обрадовича, видя в нем предтечу, предшественника новой сербской литературы и нового литературного языка¹¹.

Лишь историки и историки культуры, как нам представляется, были относительно свободны от взгляда, который можно условно назвать "обратно проекционным", от трактовки XVIII в. по меркам и канонам века XIX и даже XX¹². В этом плане особенно интересны работы историков искусства, изучающих сербский XVIII в. (и начало XIX в.) на широком фоне развития европейской живописи,

графики, архитектуры и скульптуры (барокко, ранний классицизм и др.)¹³.

Возвращаясь к лингвистическим проблемам, следует вновь подчеркнуть, что страстная нетерпимость Вука и его немногочисленных приверженцев первой половины XIX в. по отношению к литературным противникам, публицистически-полемическая, а потому не всегда конкретно-историческая аргументация сторонников "чистого" народного языка в литературе была принята многими филологами последующих поколений и дожила до наших дней. Структура сербского литературного языка XVIII в., структура его стилей и норм, зависящих от жанров, норм, пусть даже в свое время еще не полностью определившихся, находившихся в стадии становления, воспринималась адептами Караджича как "мешанина", как чужой, неродной язык, как нечто пришедшее с иноземной книжно-литературной модой, нечто вызванное внешними обстоятельствами — в первую очередь стремлением защитить национальную культуру и религию. Безусловно, нельзя отрицать существенной роли этого внешнего фактора — необходимости борьбы с ассимиляторской политикой Габсбургов, с униатско-католической пропагандой, хотя следует признать, что славяно-сербский (и церковнорусский и т.п.) язык, равно как и литература на этом языке, не могли быть единственным, неизменным и незаменимым словесным орудием в этой борьбе. Дело, видимо, заключается также (а может быть, более всего!) в другом моменте, моменте скорее "внутреннем" — литературном, чем "внешнем" — конкретно-историческом. "Славено-сербский" литературный язык, вернее, "славено-сербская" система подъязыков (одним из которых оказывался несколько осербленный "славяно-российский") была принята во второй половине XVIII в. почти всеми сербскими писателями и переводчиками потому, что она отвечала требованиям литературного процесса XVIII в., что ее принятие культивировало в сербской среде систему литературных жанров XVIII в. с ее довольно четкой языково-стилистической противопоставленностью. Вместе с языком воспринималась определенная сумма культурных ценностей, характерная для русской и европейской литературы XVIII в. Жанрово-стилистическая дифференциация и связанное с ней разнообразие норм не означает мешанину норм. К тому же, к концу XVIII и началу XIX в. в языковом отношении эта дифференциация и у сербов стала постепенно ослабевать и устанавливался, как хорошо показал в своих последних исследованиях А. Младенович, некий стандарт норм с довольно единообразным инвентарем. Генетически этот инвентарь был двоякого плана: его источники — сербский народный язык (диалектная речь) и "славяно-российский" (книжная письменная речь)¹⁴.

XVIII в. был настолько же "противоречив", насколько "противоречивы" любые периоды становления новых основ и норм литературного языка. В славянском мире, пожалуй, самым характерным примером в этом отношении оказывается пример русских литературно-языковых процессов в век барокко и классицизма. Их дви-

жушей силой было противоборство двух тенденций: тенденции к развитию системы "подъязыков" (resp. стилей) и тенденции к созданию "общего" языка чаще всего на компромиссной основе. На этой почве возникал спор "шишковистов" и "нешишковистов". Типичным "шишковистом" в сербской культурной среде был Й. Раич, а путь Д. Обрадовича напоминает путь Карамзина. В несколько суженной проекции на сербской почве можно проследить те же основные тенденции и формы развития, что были характерны и для русского XVIII в.

Литературно-языковые особенности русского XVIII в. в кратких чертах метко охарактеризовал Б.В. Томашевский. "Ломоносов, — писал он, — твердо сознавал, что русский язык и церковнославянский — это разные языки, что только часть церковнославянского словаря усвоена русским письменным языком. Для Шишкова уже нет двух языков. Он считает, что существует один славено-русский язык и что отличия церковнославянского языка от русского языка — это только стилистические отличия. При этом в понятие "стиль", "стилистическое" он вкладывает содержание, характерное для человека XVIII в. В наше время под стилем понимают нечто индивидуальное, свойственное лицу, творящему в данных условиях. Эта индивидуальность стиля отрицалась в XVIII в. Люди XVIII в. насчитывали три стиля: "высокий", "средний" и "низкий". Для них стиль — это замкнутая система, следуя которой можно написать целое произведение. Ода — от начала до конца пишется одним стилем; комедия от начала до конца пишется другим стилем. Стиль XVIII в. — это своеобразные подъязыки, подразделения в языке. Если стиль всегда обнаруживает говорящего, субъект речи, то эти субъекты речи в XVIII в. были зафиксированы, т.е. образ одописца был заранее задан, и он с начала до конца должен был свой восторг выражать определенным языком, который тогда и назывался стилем"¹⁵.

Попытаемся рассмотреть, как складывалась и сложилась ли в полной мере подобная ситуация у сербов в XVIII и в начале века XIX.

Стилистическая система славено-сербского литературного языка XVIII в. оформилась не сразу. Ей предшествовал определенный период времени, определенный подготовительный процесс. В науке до сих пор известна лишь одна периодизация сербского литературного языка XVIII в. Она была предложена в 1935 г. известным русским ученым Б. Унбегауном. "Эволюция литературного языка до реформы Караджича, — писал Б. Унбегаун, — позволяет нам выделить три периода: 1-й от 1690 г. до 1740 г. — литературный язык церковнославянский сербской редакции, продолжающий средневековую традицию; 2-й с 1740 г. до 1780 г., это язык церковнославянский русской редакции или русский церковнославянизированный, с которым начинают конкурировать сербский церковнославянизированный и эпизодически русский литературный; 3-й, в течение двадцати последних лет XVIII в. и в начале XIX в. мы видим триумф сербского церковнославянизированного и русифицированного

языка в качестве языка литературного и попытки его заменить языком крестьянским, совершенно лишенным славянизмов"¹⁶.

Эта периодизация, основанная на ряде исторических, историко-культурных и лингвистических фактов, была принята в науке и до сих пор не пересматривалась и не подвергалась резкой критике. Как видно, она удовлетворяла требованиям научной практики и потому ее принимали все слависты, правда, иногда с некоторыми поправками и дополнениями. Так, А. Белич сразу же после ее появления отмечал, что творчество отдельных писателей, пользовавшихся тем или иным "типом" языка, не всегда укладывалось в хронологические рамки, отведенные Б. Унбегауном для конкретного типа. Например, произведения Йована Раича, написанные на русскоцерковном (по А. Беличу) языке, появились в третий период, хотя их языковая форма очень близка к русскому церковнославянизированному языку, т.е. к языку второго (по Б. Унбегауну) периода¹⁷. К справедливым замечаниям А. Белича можно добавить также, что в первый период, определяемый Б. Унбегауном как период языка церковнославянского сербской редакции, уже наблюдалось проникновение русско-церковнославянских и русских элементов в язык сербских писателей¹⁸. Дело, конечно, не в противоречии отдельных фактов общей периодизационной схеме. Схема может быть снабжена поправками и несколько модифицирована. Дело в том, отвечает ли периодизация общему положению вещей и можно ли русское языковое влияние, т.е. его наличие или отсутствие, считать достаточно ярким и релевантным показателем для характеристики процессов XVIII — начала XIX в. На этот вопрос следует ответить положительно. Так называемое русское, равно как и русско-церковнославянское, влияние было столь значительным и глубоким, что на него можно вполне опереться при выделении основных этапов развития "славяно-сербского" литературного языка XVIII — начала XIX в.¹⁹.

Однако следует признать, что эта периодизация, как и большинство периодизаций подобного рода, не раскрывает многих причин эволюции литературного языка сербов в донациональный период, не объясняет в полной мере процесса развития, становления, кратковременного апогея и довольно рано начавшегося затухания (кризиса) "славяно-сербского" литературного языка XVIII в. Остается неясным, почему ранние стремления (начала и середины XVIII в.) ввести живой народный язык в литературу, например попытки Гаврилы Стефановича Венцловича²⁰, оказались напрасными, непринятыми и неподдержанными, а аналогичные опыты почти век спустя (в начале и середине XIX в.) были восприняты многими авторами и одержали верх в языковой борьбе.

Ответить на эти вопросы с чисто лингвистической точки зрения трудно. Для их выяснения необходимо обратиться к проблемам несколько иного характера — историко-литературного, историко-культурного и чисто исторического.

В самых кратких чертах они сводятся к следующим моментам.

Сербская литература XVIII в., подобно некоторым другим славянским и неславянским литературам, переживала период ускоренного развития. Эта ускоренность у сербов была весьма значительной. Сам момент ускоренности, а также степень ее интенсивности может служить существенным, релевантным показателем при типологических (или сравнительно-типологических) исследованиях литератур и литературных языков. Сербский литературный язык развивался в XVIII в. значительно более быстрыми темпами, чем русский литературный язык той же эпохи. Но и русский литературный язык той поры, если его сравнивать, например, с французским, переживал в эпоху Просвещения более скоропалительный процесс смены норм (при одновременном их сосуществовании в какой-то период), становления их, выработки изобразительных средств, формирования стилистических систем и т.п. Это же можно сказать и о литературе. При этом скорость развития находится, в принципе, в отношении обратно пропорциональном к степени развитости и богатства литературы и литературного языка.

Сербский читатель XVIII в., подобно болгарскому читателю XVIII и начала XIX в., в массе своей (в общем не очень значительной) был приучен, благодаря системе церковно-школьного обучения²¹, к чтению конфессиональных, конфессионально-дидактических и агиографических книг, наряду с книгами нового направления и веяния — с "Исторіей о житіи и славныхъ дѣлахъ... Петра Первого самодержца всероссійскаго" Захария Орфелина, с "Велізаріємъ" Мармонтеля в переводе Павла Юлинца и др.

Дуалистичность художественно-эстетических, религиозно-нравственных и философских представлений православного южнославянского образованного читательского круга в XVIII в. несомненна: старое сочетается или сосуществует с новым. Но, говоря о старом, важно учитывать один момент, который ярко оттенил Георгий Гачев, исследуя болгарскую литературу первой половины XIX в. "Вступая в XIX в., — писал он, — в новую фазу, литература начинает не с того, чем кончил XIV век, но в некоторых звеньях как бы повторяет цикл древней литературы. В XIX веке мы встречаем такие жанры, как житие, слово, сборник поучений, псалтырь, часослов, катехизис и т.д. И в XIX веке в стране, где литературная традиция была прервана, приходилось писать отчасти по-средневековому. Эта архаика имела свою новизну, поскольку она создавала фундамент для последующего органического развития литературы"²².

Аналогичное положение наблюдается в сербской литературе XVIII в. Творчество "рачан" (Киприана Рачанинского и Ерофея Рачанинского), монастырских переписчиков и писателей, последних представителей средневековой книжной — "сербульской" школы, в жанровом отношении еще близко к канонам шестисотлетней сербской рукописной традиции. Это та "архаика", которая в условиях обостряющейся борьбы с турками и габсбургскими ассимиляторами, в условиях новой среды в Угрии (в Воеводине) начинает звучать по-новому. "Путьшаствіе къ граду Јерусалиму Јерофея іеромонаха

Рачанинского" (1727 г.) еще пишется в старом духе, хотя и на сильно обновленном языке. Оно продолжает жанр хождений, известный в литературе православных славян с XII в., но одновременно предвещает "Животь и приключенія Димитрія Обрадовича нареченога у калуђерству Досіѳеа" (1783 г.) и "Житіє Герасима Зелифа архимандрита" (1817 г.). Гаврило Стефанович Венцлович, как и Киприан и Ерофей Рачанинские, занят перепиской часослова, тропарей, псалмов, житий, поучений и т.п. Но наряду с перепиской предметом его книжных занятий оказываются и вирши, и переводы проповедей Лазаря Барановича и Ионикія Галятковского, переводы и компиляции, часто вольные и субъективные. В переписываемых литургических и канонических текстах иеромонах Венцлович сохраняет церковнославянский язык, в проповедях же — он приближается к народному языку и умело им владеет²³. Его деятельность, локально довольно ограниченная, протекает в 30-е и 40-е годы. Слабо наметившийся переход от сербского типа языка к сербскому народно-разговорному не осуществился в широких масштабах — он был связан с одним лишь проповедническим жанром (и то воспринятым Венцловичем достаточно утилитарно, а не на фоне сложной и цветистой стилистической системы барокко) и с замкнутым территориально и почти индивидуальным скрипторием (списков компиляций и "переводов" Венцловича очень мало). Решительную роль в истории литературного языка должна была сыграть печатная продукция и развитие литературы — в первую очередь литературных жанров.

Если обратить взор на сербскую печатную продукцию XVIII в., то легко заметить, что до 1741 г. (с 1701 г.) вышло в свет только 16 книг, в основном букварей и катехизисов (в том числе и букварь Феофана Прокоповича "Первое учение отрокомъ", 1726, 1727, 1734), а с 1741 по 1780 год — 135 книг²⁴, среди которых немалое число светского содержания. Список этих 135 книг открывается стематографіей Х. Жефаровича (1741 г.) и продолжается "Описаніємъ ѿтѣо бжїа града Јерусалима" иеромонаха Симеона Симоновича (1748 г.), "Исторією о Черной Горы" Василия Петровича (издана в Петербурге в 1754 г.), "Грамматікой" М. Смотрицкого в переработке Ф. Поликарпова (1755 г.), "Калліграфією" (1759 г.), "Одой на воспоминаніе втораго Христова пришествіа" (1760, 1763 гг.), "Горестнымъ плачемъ, славныя иногда Сербїи" (1761 г.) Захария Орфелина, "Православнымъ исповѣданіємъ" митрополита Петра Могилы (1763 г.), рядом молитвословов, псалтырей, требников, часословов, октоихов и т.п., "Краткимъ введеніємъ въ історію происхожденія славеносербскаго народа" Павла Юлинца (1765 г.), "Пѣснію історическою какоу Сербли съ Турци на Косовомъ Полю побилнсе" (1765 г.), "Славено-Сербскимъ восточныя церкви календаромъ" (1766 г.), "Славено-Сербскимъ магазиномъ" (1768 г.) и фундаментальной "Исторією о житїи и славныхъ дѣлахъ великаго Государя Императора Петра Перваго" (1772 г.) того же Захария Орфелина, переводом "Велизарія" Мармонтеля Павла Юлинца²⁵ и др.

Следует отметить, что многие изданные в XVIII в. для сербов

книги играли разную роль в истории сербской литературы и литературного языка. Так, букварь Прокоповича, грамматика Смотрицкого или катехизис Петра Могилы могли оказать минимальное влияние на развитие сербской литературы, ее жанров и направлений и значительное на становление норм литературного языка.

Если же обратить взор на период 1740—1780-х годов, то нетрудно заметить, что в это именно время сербская литература, идучи путем ускоренного развития и пользуясь для этой цели переводами-заимствованиями и оригинальными произведениями, разрабатывала систему жанров в духе литературного *сredo* 40-х годов в России, вызвавшую в русской литературе, по словам Г.О. Винокура, "переворот, заново поставивший вопрос о литературном языке и придавший ему совершенно новое значение. Это был поворот к тому иерархическому распределению различных литературных жанров, которое является основной чертой литературного развития классицизма во вторую половину XVIII в."²⁶ В сербской литературе в отмеченный период появляется ода и переводной роман, журнальный очерк и историческое сочинение ("Исторія о житиі...", "Краткое введение въ исторію..." и т.п.), уличнo-школьная драма (правда, локально ограниченная) и барочная проповедь (последние два жанра унаследованы от более раннего периода).

Внедрение славяно-русского языка, или, точнее, согласно терминологии Б.В. Томашевского, "подъязыка", наряду со славяно-сербским и сербским, близким к народно-разговорному, в литературу и возникновение некоторого разноязычия или разноподъязычия было продиктовано, на наш взгляд, новой структурой литературы XVIII в.²⁷ В России подобное разнообразие (более, однако, нормированное и упорядоченное) старались вложить в рамки теории трех стилей, которую принято называть "ломоносовской", хотя она была провозглашена задолго до деятельности этого великого ученого²⁸. Эта трехстилевая иерархия, существовавшая в общем непродолжительный период, сменилась, как известно, в период русского Просвещения и особенно сентиментализма тенденцией к слиянию двух стихий — церковнославянской и народно-разговорной. Нечто подобное происходило и в сербской литературе, но шло, как я уже отмечал, ускоренным темпом²⁹.

В последние два десятилетия XVIII в. были еще сильны позиции славено-сербского, иногда почти славено-русского по своей сущности (и форме) языка. Этот язык представлен в монументальной раичевой "Исторіи разныхъ словенскихъ народовъ..." (1794 г.), в ряде других произведений. Но в 1783 г. появляются "Животъ и приключеніа Димитріа Обрадовича, нареченога у калуђерству Досіоеа" и послание "Любезный Харлампіе, здравствуй. Христось Воскресе" того же автора, означающие переход к концепциям Просвещения, концепциям рационализма. И эпоха Просвещения, и эпоха классицизма на сербской почве резко не выделялись, так как в ту пору еще продолжалась синкретичность восприятия разных направлений, синкретичность самой литературы в целом, сосуществование разных форм и борьба, хотя еще не столь острая, как во времена Вука, но все же борьба норм.

С 1780 по 1800 г. вышло из печати 260 книг и изданий, т.е. больше чем в полтора раза, чем за предыдущие 40 лет. При этом объем, тираж и литературное значение многих из них сильно возросли по сравнению с предшествующим периодом. Среди этих изданий были: комедия Гольдони "Терговци" в переводе Э. Янковича (1787 г.), эпическая поэма "Бой змая с орлови" И. Раича (1791 г.), газеты "Сербскія новины повседневныя" (1791—1792 гг.) и "Славенно-сербскія вѣдомости" (1792 г.), "Трагедія сирѣчь печальнаа повѣсть о смерти... Уроша Патаго" Э. Козачинского (1798 г.), "Повѣсть житія... фельдмаршала графа отъ Суварова" в переводе с немецкого Н. Лазаревича (1799 г.).

Появление прессы — газет и журнала ("Магазинъ" З. Орфелина, 1768 г.) поставило вопрос об общем "среднем" языке, тяготение к которому к концу XVIII в. ощущалось и в других жанрах, и прежде всего в сочинениях Обрадовича. Начинаясь процесс слияния славено-сербского (и славено-русского) на сербской почве) и сербского народно-разговорного языков на основании единой, еще очень широко понимаемой и компромиссной нормы. Этот процесс продолжался и в первой половине XIX в. до реформы Караджича.

Ускорило развитие сербской литературы, формирование системы жанров и их видоизменение шли наряду с форсированным процессом становления сербской нации.

Сербская литература XVIII в. и литература XIX в. эпохи романтизма выполняли по сути дела одну и ту же важную национальную программу. Она способствовала созреванию национального, политического, культурного и литературно-языкового сознания. Литература, сама будучи формой национальной культуры, содействовала развитию других ее форм, устанавливала с ними коррелятивные связи³⁰. Поэтому не следует удивляться, что в идейном отношении сербская литература XVIII в. и XIX в. эпохи романтизма имела много общего. Так, и та и другая охотно обращались к национальной истории, затем к народной поэзии, и так называемым славистическим (общеславянским) проблемам, к идее славянского единства³¹.

В качестве характерных в этом отношении произведений XVIII в. можно привести исторические сочинения П. Юлинца, И. Раича, И. Радича, затем "Троношскую летопись" ("Троношский родослов"), опирающуюся на сербскую народную эпическую традицию, книги З. Орфелина о Петре Великом, "Стематографию" Х. Жефаровича с гербами разных славянских и балканских земель и др. В XIX в. в эпоху романтизма историческая тематика и особенно тематика народно-поэтическая ярко выступает в сочинениях Милана Миличевича, Вука Караджича, славянская идея у Николы Томазео и в произведениях многих других авторов — писателей, публицистов и очеркистов.

Однако в эпоху сербского барокко, классицизма и Просвещения, с одной стороны, и в эпоху сербского романтизма и особенно реализма — с другой, помимо ряда общих идейных устремлений имелись и существенные отличия. Одним из таких отличий в историко-культурном плане было различное понимание границ своей культуры,

разное восприятие и отношение к факторам "свое" и "чужое". В XVIII и в XIX в. у сербов (да и не только у сербов, но и у русских и у многих других славян) по-разному оценивалась и ощущалась связь, замкнутость и открытость, зависимость и независимость отдельных культурных ареалов (нелокальных, локальных и узколокальных) друг от друга. Сам термин "славяно-сербский язык" (это словосочетание широко применялось в XVIII в. наряду с *славяно-болгарский*, *славяно-российский*) и связанное с ним понятие "славяно-сербская литература" указывает на их принадлежность к более широкой культурной сфере, к так называемому греко-славянскому миру, миру православному, миру *Slavia orthodoxa*. Причастность славяно-сербской литературы к общей литературе мира *Slavia orthodoxa* ощущалась в XVIII в. еще достаточно сильно и явственно.

Сама русская литература XVIII в. в лице таких ее представителей, как Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Гедеон Криновский, Лазарь Баранович, Иоаникий Галятковский и др.³², ощущала себя продолжательницей единой славянской православной средневековой литературы, берущей свое начало от Кирилла и Мефодия³³.

Среди литератур мира *Slavia orthodoxa* в XVIII в. самой развитой, многогранной и богатой была литература русская. Сербы в XVIII в. не воспринимали ее как чужую ни по содержанию, ни по языку. Отсюда столь сильное прямое и опосредствованное русское влияние (ср. "русские" школы Максима Суворова и Эммануила Козачинского, покупка русских книг, учеба и служба в России и т.п.). Сербское литературное творчество XVIII в. можно воспринимать во многом как суженную и несколько видоизмененную проекцию русской литературы XVIII в. на сербскую почву, подобно тому, как средневековую славянскую литературу можно воспринимать в известном отношении как суженную и адаптированную в славянских условиях проекцию литературы византийской. В различной иерархии и соотношении культурных центров — ведущих и более периферийных — в пределах единого общего и весьма обширного культурного ареала кроются существенные причины типологических и конкретных (материальных) различий и схождений литературы и литературных языков³⁴.

Сербский литературный язык не стал развиваться в середине XVIII в. по тому направлению, по которому он пошел в середине XIX в. Между языком Гаврилы Стефановича Венцловича и языком Вука Стефановича Караджича, хотя они и очень близки друг другу, пролегает период далекого от народной основы языка "славяно-сербского". Но "славяно-сербский" язык был такой же исторической необходимостью, какой оказался и более поздний сербскохорватский литературный язык на основе герцеговинского штокавского диалекта. Это можно утверждать потому, что сербский народ, носитель достаточно древней культуры, литературы и литературного языка как их орудия, ощущал свою неотъемлемую принадлежность к ареалу *Slavia orthodoxa*, и его духовное развитие и преуспевание в XVIII в. не мыслилось вне границ этого ареала.

XVIII век у славян восточных и южных (исключение отчасти пред-

ставляют хорваты и словенцы) был не только веком новых "гражданских" устремлений, рационалистических представлений и художественно-литературных обобщений, выражавшихся и в содержательном, и в формальном (языково-стилистическом) плане, но также и веком прежних представлений и жанров, связанных с многовековой и устойчивой церковнославянской традицией, пестовавшейся в подвижнических скрипториях и школах с богатым арсеналом устоявшихся идейно-эстетических представлений, без которых нельзя оценить и воспринять ни творчество Андрея Рублева или Дионисия, ни пафоса Максима Грека или протопopa Аввакума.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Преодолению этого одностороннего и по сути дела неверного взгляда в последние годы способствовал ряд весьма ценных работ А. Младеновича и его коллег и учеников — Й. Кашича, А. Альбина и др., посвященных "народному" языку ("народному" варианту литературного языка) таких писателей, как Йован Раич (1726—1801 гг.), Захарий Орфелин (1726?—1785 гг.), Стефан Раич (1763—1813 гг.), Милован Видакович (1770—1841 гг.) и языку первой сербской газеты, редактируемой Стефаном Новаковичем — "Славено — сербскія вѣдомости" (1792—1794 гг.). Эти исследования, особенно книги А. Младеновича "О народном језику Јована Рајића" (Нови Сад, 1964), продемонстрировали прежде всего неоднородность (характерную и для многих других славянских языков XVIII в.) "славяно-сербского" литературного языка.

² См.: *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923. С. 1X.

³ О связи программы реалистического словесного искусства с принципами норм и стилей национального литературного языка см.: *Виноградов В.В.* Реализм и развитие русского литературного языка // Проблемы реализма. М., 1959. С. 199—262.

⁴ Разрыв значительного, а не полного, как полный разрыв, на мой взгляд, невозможен (см. об этом, в частности: *Толстой Н.И.* Арханзам и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића // *Анали Филолошког факултета Београдског универзитета.* 1966. Св. 5. С. 227—283).

⁵ Любопытно, что сторонники противоположной тенденции (еще в XVIII и XIX вв.) в славено-сербском и даже в славенороссийском языке не без некоторых оснований (исторических прежде всего) видели язык "более чистый", чем диалектная ("засоренная" и испорченная) иноземными заимствованиями) речь. Таким образом, проблема "своего" и "чужого", а также "чистого" и "нечистого" оказывается не только и не столько лингвистической, сколько социально-исторической, историко-культурной.

⁶ См.: *Белић А.* Око нашег књижевног језика. Београд, 1951. С. 183.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ См.: Вуков зборник. Београд, 1966. С. 6.

¹⁰ Типологически сходный процесс наблюдался при формировании словацкого национального литературного языка — отталкивание от чешского и "бернолаковщины" конца XVIII в., украинского и белорусского — отталкивание от русского и от своей традиции — языка Г. Сковороды и И. Некрашевича. Применительно к истории белорусского литературного языка можно говорить о некотором перерыве в его развитии в XVIII в., так как белорусские интермедии того времени — жанрово сильно ограниченное явление.

¹¹ Из последних лингвистических работ см. очень значительную по разработке материала монографию: *Kuna H.* Jezičke karakteristike književnih djela Dositeja Obradovića. Sarajevo, 1970. Из исторических исследований следует выделить следующий фундаментальный труд *Костий М.* Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII и XIX века. Београд, 1952.

¹² См. работы историков, начиная с братьев Димитрия и Иллариона Руварцев, затем Радосава Груича, Йована Радонича, Миты Костича и др., и кончая Душаном Поповичем и др.

¹³ См. исследования Миодрага Коларича, Деяна Медковича и др.

¹⁴ См.: Младеновић А. Језичка кодификација и књижевни језик код Срба друге половине XVIII и првих деценија XIX века // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1974. С. 27—28.

¹⁵ Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение. М., 1969. С. 39.

¹⁶ *Unbegaun V. Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes.* P., 1935. P. 15. Вслед за приведенной выше цитатой следует пояснение автора: "Эта хронологическая схема представляет собой, естественно, план нашего исследования. Добавим, что этот план учитывает только эволюцию литературного языка; его не следует применять без изменения к исследованиям самой литературы" (там же).

¹⁷ См. рецензию А. Белича на книгу Б. Унбегауна "Les débuts de la langue..."; Южнославянский филолог. Књ. XIII. 1933—1934. С. 191—195.

¹⁸ Так, например, у Ерофея иеромонаха Рачанинского в его "Путьшаствиѣ къ граду Јерусалиму" (1727) встречаются такие русизмы (и русские церковнославянизмы), как: *орель, соборъ, сограждѣна, востани, мѣсяца, вода святая, отъ ѣрдуущихъ, чернь, горькую смерть, крестъ, по святымъ церквамъ, волни, три холма, держаше руками, позврузи се у море (но на морю)* и т. п., наряду с сербизмами *валаза и излаза, велми много множаство, предъ крстомъ, свеѣе (но и свеѣца и свеѣце)* и т. п. "Путьшаствиѣ" опубликовано О. Бодянским в "Чтениях при Императорском обществе истории и древностей российских" (1861, октябрь — декабрь, кн. 4, М., 1861).

¹⁹ Из новых работ на эту тему см.: *Мокутер И.* Русско-сербские литературные связи в XVIII веке (общий обзор) // *Studia slavica* (Budapest). 1972. Т. XVIII. F. 1—2, S. 1—29 (там же богатая литература вопроса).

²⁰ См.: *Павић М.* Гаврил Стефановић Венцловић. Београд, 1972.

²¹ *Грујић Р. М.* Српске школе (од 1718—1739 г.). Београд, 1908.

²² *Гацев Г.* От синкретизма к художественности (на материале болгарской литературы первой половины XIX века) // *Вопр. лит.-ры.* 1958. N 4. С. 126.

²³ На этом основании было бы неверно видеть в лице Гаврила Стефановича Венцловича сторонника только народно-разговорного языка, как это делают некоторые исследователи. Подобно многим южнорусским писателям и полемистам XVII в., Венцлович был сторонником применения "двух стилей" (двух языков) — книжного и простого, о чем существует и его собственное высказывание (см. подробнее: *Толстой Н. И.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков XVII—XVIII вв. // *Вопросы образования восточнославянских национальных языков.* М., 1962. С. 16).

²⁴ См.: *Михаиловић Др. Г.* Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964.

²⁵ Переводные сочинения играли в определенные периоды истории литературного языка не меньшую роль, чем оригинальные. Ср. значение для русского литературного языка и русской литературы XVIII в. "Езды в остров любви" — любовно-галантного французского романа Поля Тальмана в переводе В. К. Тредиаковского. В свое время А. Л. Бем писал, что "в ходе национального литературного развития чужое (иностранное) влияние чаще всего сказывается в моменты переломные, когда на почве общего культурного развития происходит смена литературного направления" (см.: Сукоблывање народних и страних елемената као стваралачки чинилац у развоју нових словенских књижевности // III *Međunarodni kongres slavista. Zbirka odgovora na pitanja.* Београд, 1939. С. 109).

²⁶ *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 133.

²⁷ Ранее в одной из статей мною отмечалось, что на сербскую почву были перенесены материально не все три русские стили XVIII в., а лишь "высокий" стиль и часть "среднего" — деловой историографический "слог", занявший в славено-сербской шкале стилей позиции "высокого" стили (см.: *Толстой Н. И.* Роль древнеславянского литературного языка... С. 12—17). Однако если говорить о системе трех стилей, то ее можно наблюдать в сербской литературе XVIII в.: помимо "высшего", общего с высшим "славено-российским", был "низший" сербский народно-разговорный и "средний" — смешанный "высший" и "низший" (там же, С. 16—21).

²⁸ Русский материал четко изложен в кн.: *Вомперский В. П.* Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М. [1970].

²⁹ Интересные сравнительные наблюдения над языком трех авторов конца XVIII в., вернее трех произведений, принадлежавших разным авторам, сделаны А. Младеновичем. Этими произведениями были: "Краткое введение въ историю происхождения славено-сербскаго народа..." (Въ Венециі, 1765) П. Юлинца, "Искусный поддурмарь..." (Въ Виѣннѣ, 1783) З. Орфелина и "Терговца. Комедія у три акта..." (У Лаипсигу, 1787) Э. Янковича.

Статистические выкладки и сопоставления показали, что "русско-славянские черты в большей степени присущи языку П. Юлинца (73,33%), а народные — языку Э. Янковича (80%). Язык З. Орфелина характеризуется наличием отдельных смешанных черт в русско-славянском и народном духе (56,25%). Результаты исследования позволяют конкретнее говорить о различных типах литературного сербского языка XVIII в. в Воеводине: русско-славянском, смешанном (славяно-сербском) и народном. (См. *Младенович А.* Однос између домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове Вуковске стандардизације // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1969. XII. С. 51. Нетрудно заметить, что тут дело не столько в разных авторах, сколько в разных жанрах. Первый случай касается жанра исторического сочинения, жанра достаточно отработанного и "высокого", второй — руководства по виноделию, т.е. "жанра", требующего популярно-технического языка, где должны содержаться и терминология, и пояснения для простых крестьян, третий — жанра комедии, где почти обязателен язык "подлый", "простонародный" для усиления комического эффекта и доходчивости, доступности массовому зрителю или читателю. Полагаю, что если бы наблюдения проводились над произведениями трех разных авторов, но одного жанра, например, над "Краткимъ введениемъ въ историю..." П. Юлинца (1765), "Историей о жити... Петра Перваго..." З. Орфелина (1772) и "Историей разныхъ словенскихъ народовъ..." И. Раича (1794), процентные показатели были бы значительно единообразнее и ближе друг к другу. В различии показателей, полученных А. Младеновичем, некоторую роль сыграл и хронологический фактор (годы 1765 — 1783 — 1787). В более поздней работе того же автора (см.: *Младенович А.* Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века // Реферати за VII међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973. С. 39—53) жанровая специфика произведений учитывается в полной мере, но статистические показатели не приводятся.

³⁰ Можно указать на связь сербской литературы барокко с сербским барочным изобразительным искусством и архитектурой XVIII в. Барочные формы можно усматривать и в науке, прежде всего в историографии XVIII в.

³¹ См. об этом подробнее в кн.: *Павић М.* Историја српске књижевности барочног доба (XVII—XVIII век). Београд, 1970, а также в двухтомном труде: *Поповић М.* Романтизам код Срба. Београд, 1973.

³² Многих западнорусских (украинских) авторов можно считать русскими (общерусскими, общевосточнославянскими) писателями на основаниях, близких к тем, по которым Гоголь причислялся к русской литературе, или относить их к русской и украинской литературе (во многих звеньях общей), подобно тому, как мы относим творчество Григория Цамблака и к болгарской, и к сербской, и к славяно-влахо-молдавской, и к русской, а точнее — к общеславянской литературе ареала *Slavia orthodoxa*.

³³ *Толстой Н.И.* Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности // Исторические связи славянских народов. М., 1963. С. 34—38.

³⁴ *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода // Славянское языкознание: V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.

КОНКУРЕНЦИЯ И СОСУЩЕСТВОВАНИЕ НОРМ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА У СЕРБОВ

Сербохорватистам лучше, чем всем остальным славистам, известна ситуация существования областных (диалектных) норм в литературе и в литературной практике. Они имеют возможность и в наши дни наблюдать эту ситуацию. Можно даже сказать, что в современных обстоятельствах активизировалось литературное и филологическое тяготение к народному "ненормированному" языку, к диалектному *couleur locale*. Примеров можно привести достаточно. Можно вспомнить чакавский и кайкавский феномены, богатые традициями и локальными вариантами, а также новейшие опыты, как например, рассказы на бу-

невецком диалекте Анте Секулича, поэму *Рече ми један чоек* Матии Бечковича с ярко выраженными черногорскими (ровачскими, горскими) языковыми чертами и др. Собственно говоря, употребление диалектизмов было типично для значительного числа сербских и хорватских писателей XIX и XX века от Негоша до Андрича и от Мажуранича до Крлежи. Но это уже особый вопрос, которого на этот раз мы не будем касаться. Употребление диалектизмов не означает разрушения литературно-языковой нормы, оно не ведет к созданию другой, новой нормы или к смешению двух или больше норм, оно осуществляется в определенной пропорции и в определенном отношении к единой литературно-языковой норме, чаще всего из стилистических соображений. В особых случаях и в определенном литературно-историческом контексте обращение к диалектам в поэтических, отдельных драматических и других произведениях может быть понято как активная борьба за новые языково-стилистические пути, границы и области. С этой целью русский поэт Хлебников создает свой "заумный язык", а серб Бечкович обращается к богатствам народного языка.

Одновременное употребление двух или больше норм (например, у Назора или Франчевича) не создает конкуренции норм, оно обуславливает их известную иерархию. В этом случае одна норма является для писателя и для всех остальных поливалентной (она распространяется на все функции литературного языка), другая — в жанровом отношении значительно ограничена и иерархически локализована. Кроме иерархической локализации, в качестве второй "параллельной нормы" можно определить и географическую локализацию¹.

Таким образом, в целом создается достаточно свободная, "открытая", функционально целесообразная и стилистически эффективная нормативная система, которая одновременно является и факультативной, потому что "параллельную", или второстепенную областную, локальную норму вообще можно игнорировать. Такова современная литературно-языковая картина в Югославии и в некоторых других европейских странах — в Германии, Испании, Франции, Италии². Такая обстановка характерна почти для всего романского ареала и частично для германского, в то время как у славян она в большей степени была характерна для той части современной и исторической Славии (общеславянского языкового мира), которая не входила в греко-славянский культурный ареал (*Pax Slavia Orthodoxa*), где употреблялся церковнославянский язык, то есть относился к ареалу *Slavia Latina*, где в период Средневековья и позже функционировал латинский в качестве международного научного и литературного языка³. Однако у поляков и у основной части чехов областные "диалектные" литературные языки не были известны⁴.

На причинах этих различий в культурно-языковой организованности у славян я остановлюсь позже. Сейчас я бы хотел обратить внимание на то, что на первый взгляд сходная с точки зрения существования нескольких норм, но в принципе иная ситуация наблюдается у сербов в XVIII—XIX в.

Согласно известной периодизации литературного языка у сербов⁵ Унбегауна, столетие, предшествовавшее деятельности Вука, делится на

три периода: первый — от переселения сербов в 1690 г. по 1740 г., второй — с 1740 г. по 1780 г. и третий — с 1780 г. до первого издания словаря Вука, т.е. приблизительно до 1818 г. Рассматривая эту периодизацию, мы отмечаем, что в первом периоде, да и во втором тоже еще нет конкуренции разных норм. Широкое употребление церковнославянского языка сербской редакцией и так называемого сербульского типа языка до 1740 г. подразумевало сохранение в этот период многовековых традиций древнесербской литературы и культуры. Однако и у Рачан, особенно у Ерофия Рачанина, и у Гаврило Стефановича Венцловича можем встретить некоторые особенности русско-славянского языка, вернее русской редакции того же церковнославянского языка. Повторяю — здесь нет конкуренции норм, речь идет только о незначительной интерференции, спорадическом употреблении в начале XVIII в. новых форм под еще слабым русским влиянием. Что касается народного языка Венцловича, привлечшего довольно большое внимание исследователей⁶, приходится признать, что ему часто отводилась значительно большая роль, чем он играл в свое время. Довольно изолированные в жанровом отношении проповеди монаха Гаврило в XVIII в. не были известны за пределами одного из самых удаленных сербских приходов в Северной Венгрии в Дьоре на Дунае. В этом случае никак нельзя говорить о норме, так как норма требует большего распространения, постоянного употребления — она тяготеет к всеобщему признанию.

Второй период — сорок лет с 1740 по 1780 гг. — также не знал конкуренции норм. Конкуренции не было, так как старая сербульская норма к тому времени перестала употребляться и ее место заняла новая "русско-славянская" норма. Сербь не отказались от традиционного церковнославянского языка, они только сменили его тип, приняв русский как более современный и приспособленный к новым обстоятельствам. В этом сказалось русское влияние, русские школы у сербов, стремление включить литературный язык сербов в межславянский (для православной славянской области) литературный язык, сохранить многовековую традицию принадлежности к единому культурному и конфессиональному греко-славянскому миру (*Pax Slavica Orthodoxa*). Известно, что эта принадлежность имела также и политическое и национальное значение, так как она защищала от этнической ассимиляции (германизации, мадьяризации), способствовала укреплению национального самосознания, культурных связей и культурному развитию. Кроме того, изменение и постепенное разрушение церковнославянской нормы совершалось при проникновении третьего компонента — сербского разговорного языка. Это проникновение гораздо энергичнее осуществлялось в нелитературных "жанрах" (частная и официальная переписка, школьные и гражданские акты и т.п.) и было гораздо меньшим, а подчас и совсем незначительным в церковных, исторических, драматических и филологических произведениях. Однако существовало известное число текстов, в которых народный язык преобладал над остальными компонентами.

Нельзя не отметить важную роль Захария Орфелина в создании литературноязыковой ситуации в XVIII в. Деятельность Орфелина, кото-

рая хронологически большей частью приходится на второй период истории литературного языка эпохи Просвещения, была направлена на создание трех достаточно широко понятых норм литературного языка. В сущности, эти "нормы" допускали употребление трех языков или "стилей" (по русской терминологии того времени) в литературе и в литературном творчестве одного и того же писателя. Концепция Орфелина и ее практическое применение создали переходную ситуацию, которую позже принял и Йован Раич, и которая предвещала опыты и направления третьего периода, т.е. конца XVIII и начала XIX в. Стремление З. Орфелина выработать различные типы литературного языка и связать употребление этих типов с жанрами, с жанровой системой литературы XVIII в. отвечало духу традиций древнесербской литературы (и ее языковой структуры), в значительной степени шедшей тем же самым путем. О зависимости языка от литературного жанра соответствующего произведения древнесербской литературы я говорил на VIII международной научной конференции славистов в Вуковы дни.

В применении к сербскому языку, как и к русскому, украинскому, болгарскому и др. в XVIII в. можно наряду со значительными инновациями констатировать и континуитет ранней книжноязыковой системы, которая не требовала поливалентности (термин А.В. Исаченко) литературного языка, т.е. его употребления во всех функциях, но определяла для различных жанров даже различные языки и допускала для отдельных жанров употребление народного или еще не выработанного ("провизорного") литературного языка. XIX век решительно и бескомпромиссно потребовал единой нормы для всех жанров и для всех функций литературного языка без конкуренции и сосуществования норм.

В литературных, исторических и поэтических произведениях Орфелина, как и в его педагогических пособиях, проявилось стремление к разработке жанров в сербской литературе. В то же время он искал различные языковые средства для различных произведений. Напомним об одной достаточно ранней попытке Орфелина использовать для одного и того же текста две языковые нормы, две языковые системы. Речь идет о двух различных языковых и поэтических редакциях "Плача Сербї..." 1761 и 1762 (или 1763) гг.

Первая:

По ланитѣ бїють
Скрежещуть зубами,
Власи на мечь вїють,
Топають ногами:
Чада расхищають
Марсу люту дають
На жалость мнѣ горку.

И вторая:

Косе мое на Саблю врази мои вїють
и ногама тлачуме а по лицу бїють
чада моа прогоне, марсу люту даю
и тимь Срду моему жалости задаю.

В приведенных примерах находим "славяно-русский" и, в меньшей степени, сербский славянизированный язык. Это опыты Орфелина. Они, как и более поздние работы этого же самого писателя, свидетельствуют о том, что еще нет конкуренции норм. В действительности предлагается и проводится сосуществование норм. Но от сосуществования уже недалеко до конкуренции. Конкуренция появляется в третий период, который предшествует эпохе создания национального литературного языка.

Неполных сорок лет, с 1780 г. до выхода Вукова *Српског рјечника*, — это время ускоренного литературного и литературноязыкового развития. Новые идеи, новые события, новые читатели и новые писатели выходят на литературно-историческую арену. Это Досифей Обрадович, Йован Раич, Эмануил Янкович, Йован Мушкатинович, Григорий Трлаич, Лукьян Мушицки, Милован Видакович, Иоахим Вуич, Гаврило Ковачевич и др. Создавалась новая литература, которая в отличие от старой, "синтетической" литературы приобретала новые черты и новую, художественную сущность, то есть появилась "художественная" литература⁸. Система литературных жанров становится еще более полной, более развитой, чем была раньше. Новые жанры создаются по мере развития самой сербской литературы и путем перевода иностранных писателей, в основном французских, немецких и русских. Перевод с русского языка в большинстве случаев сводится только к редакции или перепечатке, так как русский исторический "слог" XVIII в. был принят сербами как компонент литературного языка. Русский язык XVIII в. привлекается и при "переводах" произведений французских писателей. Все это очень существенно для истории литературного языка, в то время как для историка литературы это может иметь второстепенное значение, особенно в случае, если этот историк изучает развитие национальной литературы и ее специфику.

Понятие "своего" и "чужого" исторически меняется и модифицируется. То, что в XVIII столетии понималось еще как "свое", в начале и в середине XIX в. уже часто толковалось как "чужое". Чувство принадлежности к ареалу *Pax Slavia Orthodoxa* слабеет, и одновременно растет авторитет и притягательность своего более узкого, национального ареала, границы которого окончательно определяются.

Эти проблемы по своей сути не лингвистические. Я бы сказал, что они имеют культурологическую, историческую и в известной степени историко-литературную природу. Но историк литературного языка не может пройти мимо них. Чисто лингвистически можно решать вопрос: "Что изменилось в литературном языке, когда и как?", но на вопрос: "Почему произошли эти изменения?" ответ можно получить только на основании культурно-исторических исследований. История литературного языка в одинаковой мере является и культурологической, и лингвистической дисциплиной.

Поэтому мы продолжим наше рассмотрение литературно-исторической обстановки в третий период века Просвещения. Ускоренное литературное развитие на сербской почве, точно так же, как это было и в русской литературе, повлекло за собой одновременное, а не постепенное возникновение нескольких литературных направлений —

барокко, классицизма, рационализма, сентиментализма и раннего романтизма. На другой почве эти направления появлялись последовательно, и каждое новое направление в известном смысле было отрицанием предыдущего. А это чаще всего означало, что каждый отдельный писатель должен был выбрать определенное направление и что для него была невозможна одновременная принадлежность к нескольким направлениям. Кроме того, у отдельных литературных направлений были типичные только для них жанры; так, при классицизме развивалась ода, при сентиментализме — элегия. С жанрами и даже с отдельными направлениями были связаны конкретные понимания языка и стиля. Литературные направления активно конкурировали не только у сербов, но и во всей Европе. Конкуренция литературных направлений была связана с конкуренцией жанров и книжноязыковых норм и даже обуславливала последнюю. Однако эта взаимосвязь не была однозначной и абсолютной, потому что и другие общественно-исторические, просветительские и культурные факторы способствовали созданию авторитета отдельных норм или недоверию к ним. Как свидетельствует и сам материал, т.е. тексты XVIII — начала XIX в., было достаточно компромиссов, смешения норм и т.п. В сущности, ни одна из норм не соблюдалась последовательно. Это положение вещей типично для так называемого "преднационального" этапа развития литературного языка, для времени конкуренции норм. Нельзя сказать, что все было заранее определено и обусловлено — оставалось еще достаточно свободы для выбора, размышлений и экспериментов. Я обратил особое внимание на зависимость языка и нормы от литературного жанра соответствующего сочинения и литературного направления, к которому относился писатель, прежде всего потому, что подобные наблюдения и выводы на сербском материале еще только намечаются.

Какие нормы конкурировали в конце XVIII — начале XIX в. до выхода Вукова словаря?

а) Архаичная "славяносербская", подчеркнута русского типа. Ее представителями были: П. Юлинац, Г. Трлаич, А. Везилич, М. Максимович, Т. Аврамович, Г. Храниславлевич, Н. Стаматович, Н. Авакумович, Й. Пейякович, К. Йосич, Д. Георгиевич, А.Д. Секереш — писатели и переводчики од, лирических стихов, романов.

б) Новаторская "народносербская" ("простое сербское нарѣчје"). Представители: Е. Янкович, Н. Лазаревич, Й. Мушкатирович, Ст. Раич — писатели и переводчики драматических, природоведческих, исторических и других сочинений.

в) Церковнославянская русского типа (редко сербского "сербульского" типа). Ее представителями были: Й. Раич, К. Живкович и др. — писатели и редакторы церковно-поучительных и агиографических сочинений.

Церковнославянский язык в своей более чистой форме, а не в качестве компонента "славяносербского" или "славянорусского" на сербской почве, в конце XVIII в. был очень слабым конкурентом другим идиомам, так что мы могли бы даже не принимать его во внимание. Однако в языковой системе Й. Раича, видного писателя XVIII в., этот язык занимал существенное место и составлял основу целой язы-

ковой градации и ее норм. Поэтому о Раиче мы будем говорить особо, как это мы уже сделали по отношению к Орфелину. А. Белич был, вероятно, прав, когда обратил внимание на то, что литературно-языковая деятельность Раича скорее может быть отнесена ко второму периоду периодизации Унбегауна, чем к третьему — разумеется, с типологической, а не с хронологической точки зрения. Деятельность Раича имеет много общего с деятельностью Орфелина. Как и Орфелин, он создает литературно-языковую систему из трех компонентов — церковнославянского, сербского и русского ("славянорусского", вернее — историографического "слога" русского языка XVIII в.). Ни один из этих языков не был представлен в чистом виде, каждый был проникнут элементами других языковых идиомов. Как и Орфелин, Раич предлагает сосуществование этих языков при их жанровой дистрибуции. Система Раича и Орфелина, будучи реализованной на практике, весьма напоминает теорию Ломоносова о трех стилях — высокого, низкого и среднего; в действительности эта теория появилась раньше, но Ломоносову принадлежит заслуга ее распространения и популяризации у русских в XVIII в.

У русских, как и у сербов, сосуществование "трех стилей" (норм) перешло в борьбу этих "стилей" (норм). В результате этой борьбы победил только один "стиль" (норма, язык). У русских утвердился средний стиль, а у сербов народный ("низкий"). Как и в России (Карамзин, Пушкин), на сербской почве делались попытки создать и утвердить средний "стиль"-норму (Видакович, позднее Негош и др.). В конце XVIII в. и особенно в начале XIX в. все уже понимали необходимость создания единой нормы, принятия одного языка или одного "стиля" (по русской терминологии XVIII в.). Одни понимали эту норму как среднюю по отношению к старым трем нормам (языкам, "стилям"), другие — как чисто народную, такую, которая, считая сверху от церковнославянского языка, могла бы быть названа "низкой"¹⁰. Когда у сербов в самом начале XVIII в. церковнославянский язык, на котором в течение почти всего XVIII в., да и ранее, строилась вся литературно-языковая система, почти полностью вышел из употребления, началась конкуренция "средней" и народной нормы и ожесточенная полемика между сторонниками той и другой нормы. Победила, как хорошо известно, народная норма в Вуковом толковании. Так сложилась весьма специфическая стилистическая система современного сербскохорватского языка, открывающая дорогу диалектным и локальным течениям, о чем уже шла речь в начале нашей работы.

Национальный литературный язык поливалентен. Он требует создания единой нормы и ее достаточно строгого и последовательного употребления¹². Выполнение этого условия делает возможным существование и локальных, "диалектных", малых литературных языков. Эти языки жанрово ограничены и не входят в систему национального литературного языка, создавая свою автономную, дополнительную и неполную систему, часто с очень лабильной "нормой".

Благодаря непоколебимому авторитету, которым пользовался прежде церковнославянский язык, сербскому литературному языку

не пришлось пережить на "преднациональном" этапе своей истории конкуренции различных локальных (территориальных) типов литературного языка, конкуренции локальных провизорных норм или литературных "преднорм". Такая конкуренция была характерна для хорватского (Гай и др.) и особенно для словенского языка. Но этот вопрос требует особого и детального рассмотрения.

Проблема сосуществования и конкуренции норм у сербов в XVIII в. поставлена в этой работе только в общих чертах. Поэтому было невозможно избежать известной схематизации; в некоторых случаях наши выводы могли бы быть подтверждены более обширным материалом. Больше материала и фактов можно найти в моей подробной работе о сербском литературном языке XVIII в.¹⁴ Вопрос определения языковых норм у сербов в XVIII в. исчерпывающе рассмотрен в работах А. Младеновича¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подобная географическая локализация служит для некоторых исследователей основанием для отрицания нормы в "диалектной литературе".

² В середине XX в. в Италии отмечается значительное проникновение диалектов в беллетристику (у писателей Пазолини, Гада, Мастронарди, Феноля Дави, Касталани и др.), получившее даже название "диалектного взрыва".

³ Из южных славян к этому ареалу относятся словенцы и хорваты. Все же общая культурно-лингвистическая ситуация у хорватов не была простой, так как глаголяши приняли и церковнославянскую (глаголяшскую) культуру и язык. Таким образом осуществлялась связь между двумя великими славянскими культурными ареалами.

⁴ По мнению ряда ведущих польских и русских ученых, кашубский является отдельным славянским языком, поэтому мы не принимаем его здесь в расчет. В отношении области распространения чешского языка можно привести так называемый яшский областной диалектный язык, самым видным и в некотором смысле единственным представителем которого является знаменитый поэт Ондра Лисогорский.

⁵ *Unbegaun B. Les débuts de la langue littéraire chez les Serbes. P., 1935.*

⁶ К сожалению, мы до сих пор не располагаем научным изданием уникальных рукописных сочинений Венцловича — его переводных проповедей. Материал, драгоценный для истории сербского литературного языка, остается недоступным для широкой научной общественности.

⁷ *Толстой Н.И.* Одно старог српског књишког језика према старом словенском књижевном језику (у вези са развојем жанрова у старој српској књижевности) // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1980. С. 8.

⁸ *Гачев Г.* От синкретизма к художественности // Вопр. лит.-ры. 1958. N 4.

⁹ См. ссылку Белича на упомянутую работу Унбегауна "Les débuts..." — *Лужнословенски филолог.* Књ. XIII. 1933—1934. С. 191—195.

¹⁰ У русских в XVIII в. известна временная и неудачная попытка В.К. Тредиаковского ввести слова "низшего ранга" ("мужицкие, подлые слова") в тогдашний литературный язык. Интересно, что Карамзин, как позже и Вук, предложил лозунг: "Пиши, как говоришь, и говори, как пишешь". Но Карамзин ориентировался на разговорный язык московских и петербургских литературных и интеллектуальных салонов, а Вук на язык землепашцев, пастухов и гусярлов.

¹¹ *Толстой Н.И.* К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его "стандартности" // Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968. С. 124—134.

¹² Норма отдельных фонетических и морфологических элементов может иметь свои варианты. Эти варианты не нарушают единства нормы. См.: *Горбачевич К.С.* Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971; *Он же.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978; *Граудина Л.К.* Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.

¹³ Толстой Н.И. О последней попытке применения "Общеславянской азбуки" к словенскому литературному языку // Проблемы современной филологии. М., 1965.

¹⁴ Толстой Н.И. Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX века // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978; Он же. Литературный язык сербов в XVIII в. (до 1780 г.) // Славянское и балканское языкознание; История литературных языков и письменность. М., 1979.

¹⁵ Младеновић А. Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века // Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад, 1973; Он же. Однос између домаћих и рускословенских елемената у књижевном језику код Срба пре његове Вукове стандардизације // Зборник за филологију и лингвистику (далее: ЗФЛ). XII. 1969; Он же. О неким рускословенским и српскохрватским језичким особинама у Орфелиновом "Магазину" // ЗФЛ. XIII/1. 1970; Он же. Прилог познавању односа између српског и славеносрпског језика у другој половини XVIII и у првим деценијама XIX века // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1977. С. 6; Он же. О неким питањима и особинама славеносрпског типа књижевног језика // ЗФЛ. XXI/1, 1978.

АРХАИЗМ И НОВАТОРСТВО В ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЕ ВУКА КАРАДЖИЧА

Пример создания современного сербскохорватского литературного языка получил всестороннее признание как типологически классический в рамках более широкой проблемы "формирования национальных литературных языков", привлекающей все более пристальное внимание славистических научных кругов во всем мире. Сложный и стремительный процесс создания единого литературного языка сербов и хорватов, смысл и сущность которого намного шире лингвистической проблематики и затрагивает культурно-историческую и социально-политическую область, выдвинул замечательную личность Вука Караджича, центральную фигуру этого процесса, сумевшего понять и осуществить стремления и надежды своего народа.

Борьба за создание национального литературного языка у южных славян в начале — середине XIX в. означала не просто стремление упорядочить одну из форм литературной и общественной жизни, нормировать и обогатить литературный (письменный) и разговорный язык, определить все его функции, существенные для таких стабильных литературных языков, как русский, польский, французский, немецкий. Для южных славян, особенно для сербов и хорватов, это была борьба за национальную независимость и самоопределение, за культурное и политическое единство двух окончательно оформившихся наций.

В середине XIX в. сложилась такая ситуация, когда решение ряда на первый взгляд чисто лингвистических проблем по сути дела являлось вкладом в решение важных национально-освободительных и культурно-исторических проблем.

Следующие проблемы являются основными для формирования национального литературного языка:

1. определение отношения к традиции, а именно к церковнославянскому и славяносербскому языку;
2. выбор диалектной базы и определение степени близости или отдаленности от базового диалекта;

3. вопрос единства и вариантности в рамках одного (единого) языка.

Эти проблемы взаимосвязаны; они включают в себя и другие, менее значительные проблемы, как например проблему междialeктного фольклорно-поэтического койне, проблему конкуренции культурных центров, проблему связи с другими славянскими литературными языками, проблему создания примера нового литературного языка и развития его стилистических возможностей и функций. Вук хорошо понимал эти задачи — не только в целом, в их взаимосвязи, но и каждую в отдельности. Решению этих задач он посвятил всю жизнь, научную и общественную деятельность. Хотя в работах Вука Караджича, вышедших в течение полувека, сегодня можно заметить известную эволюцию взглядов на литературный язык и диалекты, эта эволюция не затронула основные, принципиальные проблемы.

В XIX в. было уже невозможно сохранять старый книжный язык, далекий от языка народных масс, от языка "землепашцев и пастухов". Архаический "славянский" язык закончил свое существование как орудие литературы и в России, и на Украине, и в соседней Болгарии и Влахии.

Можно было пойти двумя путями: или путем симбиоза "славянского" и народного языка, или путем создания совершенно нового литературного языка на чисто народной основе. Как известно, Вук пошел по второму пути. Этот путь не был ни легким, ни проторенным. Но только так можно было выполнить важную социальную задачу — как можно быстрее вовлечь широкие народные массы в создание национальной культуры, облегчить им усвоение литературного языка и по возможности преодолеть пропасть между языком сельских диалектов и языком литературы. "Славносербский" язык имел очень узкую социальную базу: им пользовались круги, близкие ко двору митрополита, священники и отдельные представители городской буржуазии. "Славносербский" язык не имел определенной и стабильной нормы: его нормы быстро менялись и часто были индивидуальными (идиолектными). В XVIII в. еще господствовало представление о том, что возможно сосуществование различных норм, разных языков, разных "стилей" для отдельных литературных жанров и для различных общественных слоев¹. Классическим примером такого представления могут служить сочинения Йована Раича, который пользовался "славносербским" стилем в своей *Истории разных славенских народов*, смешанным средним в *Собрании разных... поучений* и почти чистым народным языком в своей поэме *Бой змая са орлови*². Это было практическим применением на сербской почве теории Ломоносова о "трех стилях". В XIX в. требовалось создать "поливалентный", по терминологии А.В. Исаченко³, литературный язык с широкой социальной базой, который бы служил всем общественным слоям и во всех стилистических сферах. Это хорошо понимал Вук, однако мало кто из его современников, особенно в начале его реформаторской деятельности, смог осознать эту исторически обусловленную необходимость; большинство из них придерживались устаревших, архаичных взглядов на структуру и функции литературного языка.

Создание литературного языка, твердо опиравшегося на народный, диалектный, разговорный язык, было в начале XIX в. в славянском мире, особенно в его восточной, "греко-славянской" культурной области, новаторством, смелым начинанием, последствия и результаты которого были еще недостаточно ясны. Конечно, были возможны и другие компромиссные решения, например, такие, какие мы находим в литературных сочинениях Досифея и Негоша. Они искусно пользовались и народным, и книжным языком, и смогли в Сербии (соответственно в Черногории) выполнить ту задачу, заслуга решения которой в России принадлежит Карамзину и Пушкину. Но их роль в создании литературного языка была иной, менее значительной. Победило другое, более решительное направление во главе с Вуком⁴. Реформу Вука его современники оценивали по-разному, но он победил, а победителей, как известно, не судят.

Наша задача состоит в том, чтобы сейчас, через сто лет после смерти Вука, дать беспристрастную оценку его деятельности. Оставляя в стороне отдельные моменты и способы ведения литературной полемики, какой бы важной она ни была в свое время, рассмотрим реформу Вука как типологически выразительный случай создания национального литературного языка. Реформа Вука может послужить нам в качестве модели для решения одного теоретически интересного вопроса, а именно: в какой мере возможен отказ от традиции, отход от старого литературного языка при создании нового литературного языка.

Отношение Вука к старославянским элементам, прежде всего к лексике, не было однозначно негативным, как это могло бы показаться на первый взгляд, если судить по его отдельным полемическим работам. Вук предлагал употребление "общенародных" слов и форм, а "славянские" допускал только в тех случаях, когда "общенародных" было недостаточно. При этом надо иметь в виду, что лексический фонд, общий для "славянского" и сербского народного языка, был достаточно велик⁵.

Известны "славянские" и "сербизированные" славянские слова и их дериваты, которые Вук привел в предисловии к своему переводу Нового Завета. Приведем, например, "славянские" слова: *искуство, јединство, смртоносни, жртвовати, животни*; "сербизированные" слова: *стријелац, пријатан, помиловање, савршенство*; слова, которые Вук "сам создал": *покајање, гостољубивост, помирење* и т.д.⁶ Известно также, что число таких слов в переводе "Нового Завета", сделанном Вуком, намного превышает число слов, выделенных самим Вуком. Об этом еще при жизни Вука писал Йован Стеич⁷, а позже, в XX в., П. Джорджич⁸. Можно также напомнить, что в работе "Главные различия между современным славянским и сербским языком" (1826 г.) Вук высоко оценил книгу Йована Раича "Собрание разнихъ недѣльныхъ и праздничныхъ нравоучительныхъ поучений" и как образец привел 250 "сербизированных" слов, среди которых были следующие: *коначно, любавь, сведочанство, ваздухъ, саблазань, савесть, сагласань, саздати, саопщен, саставь, сачинјавати* и др.⁹ Из этих слов в первое издание своего "Рјечника" (1818 г.) Вук ввел только *љубав* и *сведочанство*,

а во второе издание (1852 г.) ввел: *љубав, сведочанство, воздух, саблазан, саздати*, отказавшись от слов: *коначно, савест, сагласан, саопштење, састав, сачињавати*.

Но дело не только в довольно значительном лексическом слое формальных "славянизмов", частично "сербизированных", которые мы находим в языке Вука и у писателей послевуковского времени. Необходимо подчеркнуть, что в современном сербскохорватском литературном языке сохранились и даже активизировались отдельные словообразовательные и семантические модели, восходящие к старославянскому языку или церковнославянскому языку поздней русской редакции. Старославянская модель оказывала влияние на выбор лексем в диалектах¹⁰, особенно на их семантику¹¹. Эта проблема в применении к сербскохорватскому языку еще довольно слабо изучена.

Не осталась полностью независимой от старославянской и грамматическая модель языка Вука. Л. Стоянович в своем фундаментальном исследовании о Караджиче¹² показал зависимость вуковской *Писменицы* и *Граматики* от грамматики Авраама Мразовича, который, как известно, следовал традиции Мелетия Смотрицкого. И дело не просто в истории или форме грамматической мысли, речь идет о сохранении грамматической модели, близкой церковнославянской. Можно предположить, что именно по этой причине Вук сохранил некоторые формы, которые в значительной части сербских диалектов к XIX в. или исчезали, или не были известны (например, формы причастия прошедшего времени *ослабивши, говоривши* и т.п.).

Новаторство Вука, его лингвистическая гениальность проявились в выборе им диалектной базы нового литературного языка, в том, что он обработал и поднял базовый диалект на уровень литературного языка. Потенциально каждый диалект может представить богатый материал для литературно обработанного, художественного языка¹³. В качестве примера можно привести современную чакавскую и кайкавскую поэзию. Современная хорватская литература может гордиться таким оригинальным и в широких общеславянских рамках уникальным феноменом, как существование чакавского и кайкавского регионального, диалектного "литературного языка". Однако в XIX в., когда все более настоятельно чувствовалась необходимость культурного (а затем и политического) объединения сербов, черногорцев, боснийцев, герцеговинцев и, наконец, хорватов, нужно было выбрать базовый диалект, чья модель была бы оптимальной и приемлемой для как можно большего числа носителей народного сербскохорватского языка. Среди штокавских диалектов, которые, как известно, занимают более чем две трети всей территории распространения сербскохорватского языка, именно герцеговинский диалект максимально приближался к наддиалектной модели при минимальном абстрагировании. Это был диалект Герцеговины, которая, по народной пословице, "все земли заселит, а себя не растратит". Какими бы ни были первоначально взгляды Вука на сербскохорватские диалекты в целом, сделанный им выбор родного диалекта в качестве основного, базового был очень успешным.

Однако любой диалект существенно отличается от литературного

языка как с функциональной, так и с формальной стороны. Литературный язык нормирован, стилистически дифференцирован, графически и орфографически обработан, предназначен для гораздо более широких потребностей коммуницирования и художественной выразительности, чем диалектный язык. Диалектный язык развивается стихийно, спонтанно, а в развитие литературного языка очень часто сознательно вмешиваются его создатели и носители. Это сознательное вмешательство, или управление процессом создания сербскохорватского литературного языка Вук считал делом всей своей жизни. При этом необходимо подчеркнуть, что Вук, как и ближайшие его сподвижники, считали язык народных песен и народного устного творчества образцом для нового литературного языка. Этот фольклорный язык был по самой своей природе достаточно обработанным и в известном смысле наддиалектным языком.

Взгляды Вука на структуру и функции литературного языка постепенно расширялись и становились более четкими. Из всего многообразия форм, конструкций и лексем различных диалектов он проводил строгий отбор, дополняя и меняя облик своего родного тршицкого диалекта. Это был тот период деятельности Вука, когда для него, по остроумному замечанию Йована Суботича, "Герцеговина была везде, где говорят по-сербски". Однако Вук не допускал употребление в литературном языке многочисленных диалектных форм, которые он не признавал нормативными, называя их "испорченными". Иногда он довольно наивно, вероятно, с полемическими целями, объяснял возникновение таких форм негативным влиянием языка сербских писателей-самоучек¹⁵. В целом, реформа Вука прекрасно подтверждает точку зрения, которая все больше укрепляется в современной науке, о том, что национальный литературный язык не может быть создан исключительно на основе отдельных диалектов, но скорее на базе койне — естественного или искусственно созданного. Реформа Вука является поучительным примером решения такой теоретической проблемы, как вопрос о стихийных и сознательных моментах в создании литературного языка, вопрос так называемой "лингвистической политики". Необходимо напомнить, что этот пример не единичен. Современный македонский язык в основном создавался на тех же принципиальных основах, что и сербскохорватский.

Развитие сербскохорватского языка подтвердило торжество идей Вука. Сейчас, через сто лет после его смерти, мы убеждаемся в том, насколько твердый фундамент был заложен трудом Вука, его деятельностью. Но язык не останавливается в своем развитии — он постоянно живет, изменяется и трансформируется.

Некоторое время тому назад сербские лингвисты снова поставили вопрос о том, отвечает ли состояние современного литературного языка Вуковым нормам и в какой степени, что из его норм сегодня чувствуется архаичным, регионально-диалектным. С очень интересным материалом и довольно осторожными выводами выступили Милка Ивич и Йован Вукович¹⁶. Действительно, появляются сомнения, является ли имперфект живой языковой категорией, возможно ли сохранение корреляции форм определенного и неопределенного вида прилагательных

тельных во всей парадигме, можно ли считать литературной конструкцией синтаксическую конструкцию типа *да не приме војскѣ у Србију*. Судя по всему, в нормативных и описательных грамматиках следовало бы отказаться от этих элементов — они изжили себя, и мы почти не встретим эти элементы ни в разговорном, ни в письменном языке. Сложнее обстоит дело с нормированием форм, конструкций и слов, когда речь идет о нескольких вариантах, один из которых полностью преобладает в статистическом отношении. Тогда появляется новая проблема — где, в какой социально-лингвистической сфере следует искать модель-образец для выработки новых норм?

Если во времена Вука сельское население, пользовавшееся диалектами, составляло абсолютное большинство (почти сто процентов), то сейчас статистическое соотношение между городом и селом изменилось: численность городского населения значительно увеличилась и скоро будет составлять бóльшую половину всего населения Югославии. Этот факт должны иметь в виду лингвисты, занимающиеся вопросами "лингвистической политики". Нужно точно определить, язык города или села будет объектом наших наблюдений и исследований при решении спорных вопросов о "нормах" литературного языка; должны ли мы, например, ориентироваться на диалект Пивы и Дробняка или же на "белградский стиль"? Я считаю, что такая дилемма появляется прежде всего потому, что мы еще плохо знаем действительную языковую ситуацию в городе, что остается еще неизученным язык рабочего класса, рабочей интеллигенции, прежде всего в статистическом отношении.

Вук боролся за единство литературного языка, но в начале своей деятельности он допускал равноправные нормативные варианты в рамках одного языка, прежде всего некавщину и экавщину. Судя по всему, мы и сейчас можем допустить употребление отдельных вариантов, характерных для различных культурных центров, особенно когда речь идет о лексике. Как показали последние исследования московского Института русского языка, даже такой стабильный и нормированный язык, как русский, допускает ряд вариантов в орфоэпии, а частично в морфологии и синтаксисе. Но в русском языке, как и в современном сербскохорватском, еще не дошло до такой ситуации, которая отмечается в чешском, где существует разговорный язык (*obecná čeština*) и литературный язык (*spisovná čeština*), хотя и такое положение, как свидетельствует чешский опыт, в принципе возможно.

Литературный язык в своем развитии приближается к разговорному языку, и в этом процессе ведущая роль принадлежит городу. Отход от языка Вука ни в коем случае не означает отказа от самого духа и смысла его реформы, от его основного принципа — литературный язык должен быть максимально приближен к разговорному языку.

Судя по всему, необходимо хранить и достаточно свободно и правильно понимать его основной принцип: "Пиши, как говоришь!".

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такая точка зрения была характерна для значительного числа писателей XVIII и даже XIX в. Как известно, Гаврило Стефанович-Венцлович в своем послесловии к переводу Меча духовного, выполненного Лазарем Барановичем, писал: "И се же вѣдомо бѣди, јако не вса проста сѣт, понеже јаке къ богу глаголют се сіа по писанію книжномъ вѣмѣщено ест, а јаке къ людемъ, сіа по просту" (*Стојановић Љ.* Каталог рукописа и старих штампаних књига. Београд, 1901. с. 86). В XIX в. Станко Враз, один из активнейших членов илирического движения, высказывал мнение, что можно было бы позволить "литературный дуализм" в употреблении литературного языка — для "высшей" литературы следовало бы использовать "наречје", а для "низшей" — "поднаречје".

² См.: *Младеновић А.* О народном језику Јована Рајића, Нови Сад, 1964.

³ См. ответ А. В. Исаченко на вопрос *В чем состоит специфика литературного билингвизма в истории славянских народов* в кн.: Сб. ответов на вопросы по языкознанию: (к IV Международному съезду славистов). М., 1958, с. 24.

⁴ Было бы все же неправильно всю заслугу в создании структуры (а в особенности стилистики) современного сербскохорватского литературного языка приписать Вуку. Значительную роль в этом отношении сыграли его последователи и даже отдельные противники. К сожалению, до сих пор мы располагаем слишком малым количеством исследований работ, посвященных этой проблеме. Здесь нужно прежде всего назвать: *Павловић М.* Улога и значај војвођанских писаца у развиту српског књижевног језика // Зборник Матице српске за књижевност и језик, књ. 1. 1953. Нови Сад, 1954.

⁵ Статистический анализ этой проблемы также еще ждет своего исследователя. В этом отношении методологически значительной является работа: *Еман Т.* Грамматический и лексический состав языка Юрия Крижанича // *Dutch Contributions to the V International Congress of Slavists. The Hague, 1963.*

⁶ См. Предисловие Вука к переводу Нового Завета, в книге: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. Београд, 1896. Књ. III, с. 266—267. В первом издании Вукова "Рјечника" (1818 г.) этих слов нет, за исключением прилагательного *животан* и глагола *помилovati*. Эти слова даны со следующим переводом: "ж и в о т а н, тна, тно, wohlbeleibt, obesus, н. п. животно јагње, може се испећи; п о м и л о в а т и, лужем, v. pf. 1) liebhofen, blandior, demulceo, господи помилуй! Herr, erbarme dich! (Kirchen Slavisch, im Gebete). Во второе издание "Рјечника" (1852) кроме слов *животан* и *помилovati* с теми же переводами Вук ввел только *јединство*, *пријатан* и *покајање*. Очень характерны данные им переводы и примеры: *јединство*, *п.* (у Боци) die Einigkeit, unanimitas; Мир и јединство (кад се наздравља); *пријатан*, *тна*, *тно* (у Грбљу), angenehm, grat; Тако ми пријатне биле молитве ка Господу Богу!; *покајање*, *т.* (у Ц.Г.) покајнице иду на покајање, cf. покајнице; *покајнице* f. pl. (у Ц.Г.) челяд која жале и наричу за мртвима. Осим крђана и оближње родбине покојникове покајнице се зову и његова даља родбина и пријатељи и познаници који из других села или први дан на погреб или и други и трећи иду кући његовој на покајање..." Остальные слова Вук не ввел в свои словари.

⁷ См.: *Стеић Ђ.* Езикословне примјетбе на предговору г. Вука Стеф. Караџића к преводу Новог Завѣта // Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. Београд, 1896. Књ. III, с. 471—593.

⁸ См.: *Ђорђевић П.* О Вукову Новом Завјету // Богословље, Београд, 1934. Књ. IX, св. 2. С. 97—115.

⁹ См.: Главне разлике између данашњег словенског и српског језика // Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. Београд, 1894—95. Књ. II. С. 263—265.

¹⁰ То, как сам Вук в некоторых случаях пытался приблизить лексический материал сербского литературного языка к старославянской (или общеславянской) лексике, можно видеть из примера с лексемами *дажд* — *киша*. В первом издании Вукова *Рјечника* лексема *дажд* отсутствует, находим только лексему *дажда* с пометой *f.* (женский род — не от формы ли генитива мужского рода? — Н.Т.) и с пометой (*см.*), что у Вука значит "слова, которые сегодня не употребляются в разговорной речи, а встречаются только в песнях": *дажда* да *f* (*см*) *vide*, *киша*: "Да не падне дажда из облака, Плаа дажда, нити роса тија". — Во втором издании *Рјечника* (1852) находим: *дажда* *f.* (*см.*) *vide*, *дажд*: "Три дажде, три љетне кише (у приповијестн); Да не падне дажда из облака, Плаа дажда, нити роса тија". — И дополнено словами: *дажд*, *дажда* (по југоз. кр.), *der Regen, pluvia*, cf. *киша*, *дажда*: "*Дажд* находи, тебе корјен расте — Од куд вама љетни *дажд* находи —";

дѣждевица (с пометой "у Сарајеву", дѣждиц, даждив, а, о (с пометой "у Дубр.")). Лексема *киша* введена и в первое, и во второе издание Рјечника. В первых Вуковых переводах евангелия (см.: Огледи светога писма на српском језику, у Липици, 1824) употребляется лексема *киша* ("док не прими *кишу* рану и позну"), а в последнем, полном переводе (см. Нови Завет, у Бечу, 1847) она заменена лексемой *дажд*, более близкой к старославянской ("док не прими *дажд* рани и позни"). См.: Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. Књ. П. С. 405.

¹¹ В качестве примера могу привести уже упоминавшиеся слова *животици* и *покајање*. Их значения согласно первому и второму изданию Вукова Рјечника даны в сноске 6. Для слова *животици* значение ограничивается диалектным значением "упитанный", а для слова *покајање* — "обряд плача и поминок". Между тем современное значение этих слов восходит еще к старославянскому. Сравни современное: *животици стандарт, животие намирнице, животно питање* и старославянское: свѣтъ животьнии (Синајски еухологij, 336, 5), вхольд животьнии (Супрасалски зборник, 251, 6), хлѣбъ животьнии (Маријинско јеванђеље, 338, 26); современное: *позно покајање, свесно покајање* и старославянское: *покаяние* (Синајски еухологij, 48ъ 19, 70а 4 и т.д., Маријинско јеванђеље 7, 6, 26, 19 и т.д.).

¹² Стојановић ЛБ. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд, 1924. С. 73—82.

¹³ Я бы хотел в этом случае сообщить о том, что один из сельских белорусских учителей в Полесье — Фёдор Данилович Климчук из села Вулька, Дрогичинского района Брестской области, успешно перевел многие произведения русской классической литературы (Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь) на язык своего родного диалекта. Об этом интересном опыте я напишу в другом месте.

¹⁴ См.: Белух А. О Вуковым погледима на српске дијалекте и књижевни језик // Глас СКА. LXXXII. 1910. С. 101—242.

¹⁵ Вук писал: "Камо срећа кад бисмо ми могли књиге писати, као што народ говори. Но то сад већ не можемо, јер су књижевници наши, као што је на више мјеста овдје напомињато и доказивано, искварили народни језик". Как примеры таких "испорченных" форм Вук дальше приводит: *ја ве.ваше, миритим, миритишти, јашим, јашити, пужати, боле ме глава, болу ме уста, говору и говориду, оћ еју и оћ еду, молу и моледу, идеду* и т.д. См.: Писма о српском правопису и језику — Завршетак // Скупљени граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. Књ. Ш. С. 185.

¹⁶ Ивић М. Једно поређење Вуковог језика са нашим данашњим књижевним језиком // Зборник за филологију и лингвистику I. Матица српска. Нови Сад, 1957; *Vuković I. Zadaci naše nauke o savremenom književnom jeziku. // Radovima Naučnog društva NR Bosne i Hercegovine. XVIII. Sarajevo, 1961.*

О ПОСЛЕДНЕЙ ПОПЫТКЕ ПРИМЕНЕНИЯ "ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ АЗБУКИ" К СЛОВЕНСКОМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ЯЗЫКУ

В первой половине — середине XIX в. состояние южнославянских литературных языков, их структурная оформленность и взаимное соотношение существенно отличались от состояния таких восточно- и западнославянских литературных языков, как русский, польский и чешский. Середину XIX в. для русского, польского и чешского можно определить как эпоху, продолжавшую эпоху Пушкина, Мицкевича и Эрбена или почти современную ей, как этап, когда были определены и достаточно детально оформлены структуры и основные черты, характеризующие нынешние национальные литературные русский, польский и чешский языки. Для этих литературных языков был в общем уже практически решен вопрос их диалектной основы (или правильнее — их соотношения с диалектной речью во всех ее территориальных разновидностях), их отношения к древней традиции (для русского —

к церковнославянскому, для польского — к языку "золотого века", для чешского — к языку эпохи гуситства), установлены стилистические, орфоэпические и орфографические нормы, допускающие довольно незначительное число вариантов и в основном не признающие вариантов территориально очерченных¹.

Такое положение сложилось в результате достаточно длительного периода развития этих литературных языков и было подготовлено всей предшествующей их историей. Следует отметить также, что в первой половине и в середине XIX в. процессы, ведущие к становлению других восточно-и западнославянских национальных литературных языков — украинского, белорусского, словацкого, во многом определялись их соотношением соответственно с языком русским и польским — для белорусского и украинского и с языком чешским — для словацкого. Здесь действовал не только принцип "отталкивания", но сохранялась и общая достаточно абстрагированная структурная основа, проводились опыты взаимного сближения и возникали попытки оформления литературного языка как локального по отношению к другому универсальному для определенной достаточно обширной территории².

Таким образом, если для русского, польского и чешского литературных языков положение в середине XIX в. было продолжением состояния начала XIX в., а в значительной степени и конца XVIII в., то для украинского, белорусского и словацкого это было в принципе иное качественное состояние по сравнению с XVIII в. и даже началом XIX в.

Для южнославянских литературных языков середины XIX в. характерен довольно интенсивный процесс становления, вызвавший в конечном итоге принципиально иную (и структурно, и качественно по отношению к диалектной базе, к традициям, а также в смысле территориального распространения) картину, принципиально иное соотношение литературных языков, чем это наблюдалось в конце XVIII в. — начале XIX в.

При становлении современных южнославянских литературных языков — болгарского, сербскохорватского, словенского — разрешались прежде всего следующие два основных вопроса: 1. отношение к традиции (к церковнославянскому языку и его элементам, к языку литературы и письменности более ранних эпох и их элементам); 2. отношение к диалектной базе (выбор основной диалектной базы, опыты контаминации отдельных баз, степень отвлеченности от диалектной базы). Оба эти вопроса были взаимообусловлены, связаны и осложнены в свою очередь рядом дополнительных, но отнюдь не маловажных моментов, таких, как наличие "областных" литератур, конкуренция культурных центров, наличие (или отсутствие) городских койне, устно-поэтического койне, влияние других славянских и неславянских литературных языков. Наконец, очень значительна была роль экстралингвистических факторов, в первую очередь такого фактора, как национальное сознание и осознание общности и целостности той или иной этнической (в некоторых случаях соотносено — диалектной) группой по отношению к другой или другим группам.

Южнославянский диалектный континуум в западной своей части

отличается довольно большой дробностью и значительной дифференциацией диалектных черт. Известно диалектное многообразие словенского языка, так же как и относительная замкнутость и "самобытность" ряда его говоров, позволившая И.А. Бодуэну де Куртенэ считать даже резьянский и терский говоры отдельными языками. Фонетические, морфологические и лексические различия между кайкавским (генетически восходящим к словенскому языку), чакавским и штокавским диалектами в общем не меньше (если не больше), чем различия между русским, украинским и белорусским языками (и диалектами). Восточный штокавский сербскохорватский диалект, также как и диалекты болгарского и македонского языка, распространенные на более широкой территории, более монолитен, т.е. сводим к единой наддиалектной модели с меньшей степенью абстрагирования, чем диалекты словенские или чакавский и кайкавский вместе взятые. Для проблемы, связанной с принятием диалектной основы южнославянских литературных языков, было существенно и то, что на кайкавском и чакавском диалектах говорило сравнительно малое число хорватов, в то время как число хорватов, сербов, боснийцев и черногорцев, говоривших на штокавском диалекте, превышало их в несколько раз.

Выбор диалектной базы для восточной зоны распространения сербскохорватского языка был, в общем, не столь сложен, для западной же он представлял определенную дилемму. Для всей восточной части южного славянства, т.е. для православной его зоны, вплоть до конца XVIII в. объединяющим эталоном литературного языка был церковнославянский язык. В сфере литературной и культурной он был орудием духовного и национального единения и сближал очень значительно сербский и болгарский литературные языки средневековья и более позднего времени. В западной зоне, если не считать языка латинского и в какой-то мере итальянского и немецкого — языков неродственных и потому неспособных служить унифицирующей основой, не было единого языка для межобластного, междиалектного, точнее наддиалектного употребления, способного служить базой (эталонем) для объединения диалектов. Распространение древнеславянского (старославянского) языка среди хорватов "глаголящей" было явлением довольно узколокальным, к тому же в значительной мере ограниченным конфессиональной сферой¹. Именно поэтому в XVII—XVIII вв. в западной зоне существовал ряд "областных" (этот термин для указанных эпох употребляем несколько условно) литературных языков. Для Хорватии XVIII в. можно, например, указать на кайкавский, славонский, штокавский, боснийский штокавский, чакавский. Во многом это было более интенсивное или несколько угасающее продолжение предыдущего состояния, так как кайкавская литература берет свое начало с XVI в. (Антун Вrameц, Иван Пергошич), чакавская — с начала XVI в. (Марко Марулич), боснийская штокавская — с XVII в. (Матия Дивкович) и лишь возникновение славонской литературы относится к началу XVIII в. (Антун Канижлич, Петр Катанич, Матия Антун Релькович).

Сходное положение наблюдалось и в Словении, где в основном шла конкуренция между доленьскими (Ф. Метелко, XIX в., и др.) и гореньскими (М. Похлин, XVIII в., и др.) нормами и формами, но были

попытки ввести и штирийскую основу (П. Дайнко, XIX в.), и каринтийскую, и замурскую (прекмурскую).

Язык писателей, представляющих ту или иную "областную" литературу, был в общем близок к соответствующей народной, диалектной речи, и проблема понятности и доступности печатного слова широким народным массам, столь сложная и актуальная для восточной части южнославянской зоны в конце XVIII — первой половине XIX в., тем самым для западной зоны как будто бы снималась. Однако не снималась задача создания единой устной нормы литературного языка (литературных языков) и возникала другая, не менее сложная проблема — проблема сферы распространения литературного языка, вызванная необходимостью обеспечения достаточно широкой коммуникации (на обширной территории), свободного культурного общения и ликвидации узколокальной замкнутости.

Все это ставило серьезную задачу объединения возникших и возникавших "потенциально-литературных" языков, выбора более широкой диалектной базы, определения отношения к традиции — языку древней письменности (к языку П. Трубара и Юрая Далматина — у словенцев, к языку дубровницкой литературы — у хорватов, к церковнославянскому языку — у православных балканских славян). Необходимость языково-литературного объединения диктовалась и такими существенными экстралингвистическими факторами, как тяга к широкому национальному сплочению сначала перед лицом османско-турецкой экспансии, а затем и габсбургской германско-ассимиляторской политики. В литературе это находило свое выражение в эпоху барокко, во времена рационализма и особенно в период романтизма в виде "иллирической" идеи, довольно четко отражавшей политические тенденции южных славян (преимущественно хорватов, отчасти словенцев и др.) к единению, стремления к образованию и консолидации хорватской и словенской наций и сближению с сербами (и даже болгарами).

В языковом аспекте задача объединения вела не только к выбору диалектной базы (что также было исключительно важно), практически она выражалась у хорватов и словенцев в выработке целого ряда возможных моделей, которые отличались друг от друга как степенью приближенности к тому или иному диалекту (или абстрагированности от него и других диалектов), так и степенью учета и использования традиции, т.е. структуры и форм языка предшествующих эпох (XVI, XVII, XVIII вв.). Эти два момента были взаимосвязаны, так как и язык предшествующих эпох не был однороден и также соотносим, хотя и в различной степени, с теми или иными диалектами⁴. До эпохи революции 1848 г. — до победы линии Ф. Прешерна, М. Чопа и Я. Зупана у словенцев и до Венского "литературного договора" (1850 г.) хорватов и сербов, т.е. до стабилизации словенского и хорватского (с той поры уже сербскохорватского) литературных языков, существовал в общем целый набор предварительных (провизорных) моделей литературного языка с очень широкой амплитудой колебания.

На одном полюсе были опыты типа словенской "метелчицы", фиксирующей в почти фонетической транскрипции современный Ф. Метелке

доленский диалект, на другом — проекты создания общего словенско—сербско—хорватского литературного языка С. Врза. Окончательно утвердились затем и легли в основу структуры современных словенского и сербскохорватского литературных языков средние решения. Словенский язык не слился с сербскохорватским, а был выработан на "общесловенской" основе с ориентацией на общий фонд других славянских языков, а хорватский и сербский объединились, как известно, на общей штокавской платформе в духе реформ Караджича и Гая.

Однако в широком спектре предлагаемых реформ, в гамме различных моделей будущего литературного языка хорватов и словенцев на самом крайнем полюсе были и проекты создания общеславянского языка — литературного языка, способного быть культурным орудием всех южных славян и даже шире — всех славян вообще. Здесь важно отметить, что это, в общем, не были некие чисто абстрактно-умозрительные попытки создания подобия "славянского эсперанто", а были проекты, вызванные жизнью, процессом становления национальных литературных языков, — нечто вроде поисков оптимальной модели объединения в форме литературного языка как можно большего числа диалектов, самого широкого диалектного континуума.

Иной вопрос, что та же жизненная практика не требовала объединения всех славянских языков воедино и нельзя было нарушить процесса развития таких литературных языков, как русский, польский и чешский, окончательно утвердившихся и структурно и стилистически. Тем не менее в истории словенского языка эти "общеславянские" опыты, хотя и отвергнутые в целом, играли известную роль и после 1848 г., принимаемого учеными условно за год установления норм словенского национального литературного языка.

О характере и типах этих "общеславянских" проектов будет сказано несколько слов ниже. Пока же важно подчеркнуть, что в славянском мире они возникали в основном на интересующей нас словенскохорватской территории. Если окинуть взором всю славянскую культурно-языковую историю, начиная с XVII в., то можно заметить, что у поляков попыток создания "общеславянского" языка не было, у восточных славян такие попытки были исключительно в отношении приближения других славянских языков к русскому языку⁵ (или церковнославянскому), у чехов и словаков — в отношении приближения к чешскому (и лишь отчасти к общеславянскому), у сербов и болгар — к церковнославянскому и русскому, у хорватов и словенцев они довольно разнообразны и число их значительно⁶. И хотя эти "общеславянские" опыты не ставили своей задачей принятие церковнославянского языка (и графики), а авторы некоторых таких проектов даже несколько скептически относились к такой возможности, в них с большей или меньшей четкостью отражалась старославянская стихия. Это происходило прежде всего потому, что при попытках приведения разных славянских форм к единому знаменателю производилось нечто вроде "реконструкции" позднеславянского состояния, которому, как отмечал еще А. Мейе, структурно и даже формально почти адекватен старославянский язык. Затем создание "единой" нормы предполагало наличие довольно значительного числа локальных элементов нормы

(как, например, в современном сербскохорватском литературном языке существуют две возможности для произношения рефлекса *ǣ* — экавская и екавская: *věra* — *vjěra*), что требовало особого приспособления графической системы и введения графем, способных иметь различную фонетическую реализацию (например, чтение *ж* как *у*, или *о*, или *а*, или *ь* для сербохорватов, словенцев, македонцев и болгар; *ѣ* как *е* и *і* и *ѡ* как *о* и *і* для русских и украинцев). Такой удобной и исторически оправданной графической системой была кириллица-гражданка, сближенная со старославянской.

Кириллица принималась почти всеми авторами проектов общеславянского языка, начиная со знаменитого Ю. Крижанича. Представитель чакавского материкового диалекта села Рибник (почти на стыке чакавской, кайкавской и словенской языковой территории) Ю. Крижанич ввел в свой "межславянский" язык до 10% сербскохорватских (преимущественно чакавских, во многом общих с кайкавско-словенскими) слов и форм, такой же приблизительно процент (5—10%) церковнославянских и 5—10% русских слов и форм при том, что общий фонд (общий для всех славянских языков) составлял у него 50—60%⁷.

На тех же приблизительно основах, только с несколько меньшей дозой русизмов и церковнославянизмов, зиждильсь более поздние проекты "взаимного" славянского языка. Среди них особый интерес представляют опыты словенца Матии Маяра, который в 1848 г. в Любляне издал книгу "Pravila kako izobraževati ilirski narječje i u obče slovenski jezik". Под влиянием идей словака Яна Коллара М. Маяр призывал к объединению языка сербов, хорватов, словенцев и болгар, допуская существование в рамках одного или единого славянского языка четырех наречий — чешского, польского, иллирского и русского. Иллирское наречие, или поднаречие, должно было быть единым для всех южных славян, а для этого в "Правилах" была следующая рекомендация: "Пиши на своем иллирском поднаречии так, чтобы было подобно (одинаково. — *Н.Т.*) всем иллирским поднаречиям и чтобы не удаляться от других славянских наречий... мы не можем взять в качестве общего литературного наречия ни поднаречье словенское, ни хорватское, ни сербское, ни болгарское, ни, наконец, стародубровницкое, ни церковнославянское"⁸. Таким образом, по мнению М. Маяра, литературное иллирское наречие должно быть всем поднаречиям подобно. Но он не остановился на этом проекте, а пошел дальше. В 1865 г. в Праге вышла его другая книга — "Uzajemni pravopis slavjanski, to je: Uzajamna slovnica ali mluvnica slavjanska". В ней был довольно подробный обзор фонетических, морфологических и словообразовательных особенностей церковнославянского, русского, хорватского, чешского и польского языков с примерами из болгарского, лужицкосербского, "хорутанско-словенского" и "угорскословенского" (таким образом, словенский им представлен в двух разновидностях) и в конце каждого небольшого раздела предлагались формы и лексемы "взаимнославянские", которые часто приближались к церковнославянским и русским, но допускалась и двоякая норма⁹. При этом, по мнению М. Маяра, "только азбука гражданская (кириллица-гражданка. — *Н.Т.*) способна быть азбукой всеславянской"¹⁰.

На введении кириллицы-гражданки в словенских школах настаивали также И. Навратил и И. Дробнич¹¹. Среди словенской интеллигенции существовали и другие проекты. В 1849 г. И. Поклюкар предложил в основу общеславянского положить язык сербский, а П. Хицингер — сначала (в том же 1849 г.) старославянский, а позже (в 1851 г.) русский. В пользу старославянского языка высказался Орослав Цаф, который заявлял, что "более всего подходит старославянский для всеславянского книжного"¹². По его мнению, из всех современных ему славянских литературных языков к старославянскому ближе русский, и если в нем заменить на старославянские такие специфические формы, как *болото* и т.п., то эти два языка формально почти совпадут. Довольно смешанным, со значительным количеством русских, сербских и чешских слов был "всеславянский" язык Р. Разлага, редактора журнала "Zoga". Словенский литературный язык, по его мнению, должен был очищаться на основе "всеславянского". В 1853 г. на страницах журнала "Zoga" выступил Б. Раич с заявлением о том, что всеславянским языком может быть только старославянский — "jediny navor spasenja našega"¹³.

Перечисленным писателям и филологам противостояла линия Ф. Прешерна, М. Чопа, и Я. Зупана, которую позже, во второй половине XIX в., развили в укреплении такие писатели и деятели, как Я. Трдина, Ф. Левстик, Л. Светец, М. Цигале, Ф. Цегнар. К 70-м годам XIX в. почти окончательно выработались основные нормы словенского национального литературного языка, близкие к современному его состоянию. Словенцы не приняли "общеславянских" проектов, так же как был отвергнут в конечном итоге и "иллирический" проект С. Враза о принятии сербскохорватского языка в качестве литературного с внесением лишь некоторых словенских черт¹⁴. Однако споры об общеславянском языке оказывали известное влияние на общий структурный облик словенского литературного языка. Так, тот же Ф. Левстик, сделавший, по свидетельству И. Топоришича, в 50-х годах "очень многое для создания красивого, живого, народного и общесловенского литературного языка, в 1868 г. приводил его "очищение" на основе староцерковнославянского"¹⁵.

Опыты "славянизации" словенского литературного языка или хотя бы перевода его на кириллическую графику нашли свой отклик и в конце XIX в. В 1891 г. в Триесте вышла книга под заглавием "Китица повѣстиц. По разных вртых сплетел Матвей Андреевич Ламурский". В этой небольшой по формату и объему книжечке (36 с.) даны переводы на словенский язык стихотворений С. Враза, А. Мицкевича, А.С. Пушкина, И. Гёте, Г. Гейне, Платтена, Зайдла. Книжечке предпослано введение на словенском языке (латиницей) и в заключение дана азбука, имеющая такой вид: Аа Бб Вв Гг Дд Жж Зз Ии Їи Кк Лл Мм Нн Оо Пп Рр Сс Тт Уу Фф Хх Цц Чч Шш Щщ Ъъ Ыы Ьь Ъѣ Ее Юю Яя Йй Vv Ээ Өө а ж ю љ њ. М.А. Ламурский дает в предисловии пояснение, почему он не счел возможным принять сербскую "вуковскую" гражданку, а ввел ряд старославянских графем. Его толкование свидетельствует о том, что он преследовал те же цели "взаимно-славянского" общения и допускал возможность различной звуковой реали-

зации отдельных графем (в первую очередь ѣ, ж, ѡ, а, г-а). "Было бы покончено, — пишет автор "Китицы повѣстиц", — при введении буквы ѣ с некровавой в наши дни, но прежде лютой войной между далматинскими икавцами, боснийскими екавцами и банскими (видимо, жителями "банской" Хорватии. — Н.Т.) екавцами. Я принял также старую кириллицу, так как только в ней находятся все буквы для выражения всех звуков нашего современного словенского языка" (с. 4). Свое предисловие Матвей Андреевич (любопытна и характерна русификация имени и отчества!) заканчивает трогательным обращением: "Так идите, ступайте, маленькие книжечки, благополучно по белу свету, по всем ветрам, имейте довольно сил, приносящих нивам обилие золотых колосьев, пестуйте, западные славяне, наши тысячелетние святые древности, общее православие и: вы достигли своей цели" (там же).

Приводим начало перевода стихотворения А.С. Пушкина "Черная шаль", помещенного в книжечке М.А. Ламурского:

Чрна шал

(из Пушкина)

Гладим ко брезумный на чрнж тж шал
 Ин хладнж ми душж разяда печал.
 Кедар лехковѣрен ин млад сем ше был,
 Грчанкж сем пладж кай страсно любил.
 Прелестна ю дѣклица любкала ма,
 Но кмалу доживѣл сем чрнега дне.
 С пріятлы госты сем веселе имѣл, —
 До мене презираный жид ю приспѣл.
 Ко ту (мию шепнжл) пируеш госты,
 Грчанка са ю изневѣрила ты.
 Обдарил сем златом, проклал га ко пса
 Их хлапцу заклицал: оседлай ми два!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При ином, более широком подходе к вопросу или иных исторических условиях развития русского аканье и оканье могли бы быть признаны как два равноправных варианта единой литературной нормы, подобно сербскохорватскому эканью и еканью. Здесь мы не касаемся также сложного вопроса возникновения у чехов такой разновидности литературного языка, как "обиходно-разговорный язык" (obecná čeština); см. *Белич Я., Гауранек Б., Едличка А., Травничек Ф.* К вопросу об "обиходно-разговорном" чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // ВЯ. 1961. N 1. С. 44—51.

² Таким опытом создания локального языка был, например, "карпато-русский" литературный язык, допускавший ряд локальных — карпато-украинских элементов в языке, в основе своей русском (великорусском) литературном.

³ См.: *Толстой Н.И.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв. // Вопросы образования восточнославянских национальных языков". М., 1962. С. 15.

⁴ Иное положение наблюдалось в восточной зоне в отношении языка церковнославянского, для которого в XVII—XVIII вв. установление его диалектной принадлежности или непосредственной соотнесенности с каким-либо современным диалектом было практически невозможно.

⁵ См.: *Пыпин А.Н.* Теория общеславянского языка // Вестник Европы. 1892. Кн. 4, 5.

⁶ См.: Кулаковский П. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян // Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885.

⁷ См.: Эрман Т. Грамматический и лексический состав языка Юрия Крижанича // Dutch contributions to the Fifth international congress of slavists. Hague, 1963. С. 76.

⁸ См.: Majar M. Pravila kako izobraževati ilirsko narečje i u obče slovenski jezik. Ljubljana, 1848. S. 12.

⁹ Так, например, во "взаимославянском" языке могли существовать две формы для прилагательных женского рода определенных (izvestna — т.е. "определенного" вида, противопоставляющегося "неопределенному") ед. ч. именит. пад. — *pravaja* и *prava*, две формы для 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. наст. вр. — *-у*, *-ем*, и *-ут*, *-у* и др. (см.: Majar Ziljski M. Uzájemní pravoníc slavjanští... Prag, 1865. С. 135, 168.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ См.: Prijatelj I. Borba za individualnost slovenskega književnega jezika v letih 1848—1857. Ljubljana, 1937. С. 39—41.

¹² Там же. С. 102—103.

¹³ Цит.: Glonar J. Naš jezik. Ljubljana, 1919. С. 61. — Стремление принять старославянский (resp. церковнославянский) язык как модель, по которой можно строить современный словенский литературный язык (а также общеславянский), базировались во многом на гипотезе В. Копитаря и Ф. Миклошича о "паинноском" происхождении старославянского языка. По этой достаточно авторитетной от начала и до конца XIX в. гипотезе в принципе старославянский язык отождествлялся с древнесловенским ("altslovenisch"), а современный словенский на том же основании назывался новословенским ("neuslovenisch").

¹⁴ Станко Враз был сторонником "дуализма" литературного языка. Он полагал, что возможны две литературы — "высшая" и "более низкая": первая должна пользоваться наречием, а вторая "поднаречием".

¹⁵ Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. Кн. 4. С. 499.

У. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

ВЗГЛЯДЫ В.В. ВИНОВАДОВА НА СООТНОШЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО И ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о взаимоотношении церковнославянских элементов, либо точнее и правильное церковнославянского (древнеславянского) литературного языка с русскими элементами, с русским языком был и остается центральным вопросом истории древнерусского литературного языка, или литературного языка, бытовавшего на Руси, если считать такой язык в основе своей и даже в ряде деталей — древнеславянским (старославянским, церковнославянским). Такая постановка вопроса в общем не вызывала или не вызывает сейчас серьезных возражений и споров. Спорными оказываются проблемы соотношения этих двух стихий, меры, степени и авторитета каждой из них в едином, или параллельном процессе литературно-языкового развития (литературное единоязычие или двуязычие).

Наконец, спорными оказываются проблемы периодизации истории и функциональных границ литературного языка применительно к древности (до XVII в. включительно), вопросы, связанные с его пониманием и определением. Применительно к современному русскому литературному языку (к периоду XIX—XX вв.) вопрос о его древнеславянском (церковнославянском) характере не ставился столь часто и категорично, как это наблюдается и наблюдалось в отношении к более ранним эпохам.

Как известно В.О. Унбегаун защищал тезис церковнославянской (древнеславянской) природы современного русского литературного языка, прежде всего его словарного состава. Он писал: "Словарный состав русифицировался очень медленно и, что самое главное, лишь частично. В своей основе словарный состав современного русского литературного языка продолжает оставаться церковнославянским и не только оставаться, но и развиваться и обогащаться при помощи церковнославянского образования"¹.

Не ставя сейчас задачу изложения всех pro и contra этого довольно крайнего, но последовательного мнения², отметим только, что оно не ново, что оно является не просто, как утверждает В.О. Унбегаун, дальнейшим развитием шахматовской концепции о происхождении русского литературного языка из церковнославянского, а оказывается в некотором отношении почти точным повторением взгляда Л.В. Щербы, высказанного в 1927 г. в тезисах "Как складывался русский

литературный язык. Тогда Л.В. Щерба писал так: "Русское общество в течение всего XIX в. воспитывалось на одностороннем полемическом освещении вопроса и считало, считает и до сих пор, будто реформа, совершавшаяся в начале XIX века, состояла в изгнании "церковно-славянских" элементов из русского литературного языка, в результате чего мы получили якобы "чистый русский язык"³. "На самом деле, — продолжает он, — все сводилось к перемещению центра тяжести среди разных стилей русского литературного языка, к выработке, под влиянием сношений с Западной Европой, способов выражения для новых понятий, новых чувств и их оттенков, и в значительно меньшей мере к утрате некоторых традиционных элементов. И потому правильнее считать все же современный русский литературный язык непосредственным продолжателем на русской почве "церковнославянского", точнее югославянского литературного языка"⁴.

Таким образом, независимо от того, как решаются те или иные спорные моменты и предпосылки, вопрос о древнеславянских (церковнославянском) элементах, или точнее — о древнеславянском (церковнославянском) языке, его составе и функциях не мог и не может оставаться вне внимания любого историка русского литературного языка, занимающегося не только периодом до XVIII в. включительно, но и эпохой более современной — XIX и XX вв.

Естественно, что этот, по словам Л.В. Щербы, актуальнейший в русской филологии вопрос⁵ живо и глубоко интересовал и В.В. Виноградова. В течение своего большого творческого пути В.В. Виноградов подходил к нему по-разному, в зависимости от аспекта, материала и цели каждого конкретного исследования. Не оставалось неизменным и общее решение этого вопроса.

Впервые В.В. Виноградов подробно остановился на нем в 1924 г. в статье "К истории лексики русского литературного языка". Он писал, что среди русских лингвистов начала XX в. (10-е и 20-е годы) укрепились мнение, что процесс эволюции русского литературного языка заключается в вытеснении "первоначальной церковно-книжной стилистики разговорно-речевыми лексемами". "При всей упрощенности этой исторической схемы, — пояснял В.В. Виноградов — которая к тому же страдает смешением разных жанров литературно-книжной речи с говорами разговорно-интеллигентского языка, в ней существенно сознание (хотя и не определенное), что миграция церковно-славянизмов — центральная проблема истории русской литературной речи. Отсюда ясно, — заключал В.В. Виноградов — что сама точность в определении понятия русского литературного языка и в понимании его взаимоотношения с народными говорами зависит от предварительного выяснения вопроса о церковнославянизмах"⁶.

В.В. Виноградов предлагал классифицировать русские церковнославянизмы с трех точек зрения — морфологической, лексикологической и семантической. Уже сам по себе такой тройкий подход к единому явлению означал серьезный прогресс в изучении этого важного раздела истории русского литературного языка. Различая типы церковно-книжных морфем в русском литературном языке, В.В. Виноградов

выделял три категории: 1. "юго-славизмы", 2. "церковно-русизмы", 3. "литературно-графизмы" (если можно допустить это слово)⁷.

При обращении к лексикологическому критерию В.В. Виноградов предлагал разграничивать два вида церковнославянизмов. Церковнославянизмы церковнославянского, т.е. древнеславянского литературного языка, общего литературного языка восточных и южных славян, и церковнославянизмы, функционировавшие в русской литературной речи.

Вот что говорил об этом В.В. Виноградов: "С лексикологической точки зрения понятие "церковнославянизм" может быть оправдано, как условный термин. Однако, в нем легко смешать два ряда признаков, которые должны быть решительно разделены. Прежде всего под "церковнославянизмом" склонны исследователи понимать лексему общеславянского церковно-литературного языка, который в своих разветвлениях вырос из языка древнецерковно-славянского. И вот, мне кажется, что вопрос о церковно-славянском языке, как обще-славянском литературном языке известных исторических эпох, надо резко отделить от вопроса о "церковно-славянизмах" и церковно-славянском языке, как особой разновидности русской литературной речи. Это — два близких, но различных вопроса*. В истории русского языка "церковнославянизмами" могут быть названы лексемы, бытовавшие и создававшиеся в русской церковной речи, пока она была живой, органически развивающейся разновидностью литературного языка. Основной метод их нахождения — филологическое изучение "церковно-славянских" текстов Священного писания и церковных книг до XVIII в. (включительно) и выделение из них лексем, которые имеют в своей структуре морфологические признаки церковно-славяности или не противоречат им. Впрочем, надо помнить, что некоторые фонетические приметы "церковно-болгарского" заимствования могли быть даже отрицательными — при прозрачности церковно-славянского формального состава или при несомненности вещественного отношения к церковному кругу"⁸. Наконец, обращаясь к третьему плану исследования церковнославянизмов — плану семантическому, В.В. Виноградов подчеркивал, что "семантический анализ предполагает уже решенными проблемы морфологические и лексикологические. И кроме того, он всегда выходит за пределы соответственно церковно-книжной речи, устанавливая смысловое воздействие лексем во всех одновременно существующих формах литературного языка"⁹. Другими словами, предлагалось проведение семантического анализа в области всех стилей и форм русского литературного языка, включая и его просторечную разновидность. Этот анализ предусматривал выяснение следующих процессов: 1. семантических взаимопроникновений; 2. семантических перегруппировок; 3. осознания архаизмов как церковнославянизмов; 4. затенения исконных значений у церковнославянских лексем переводными новообразованными; 5. морфологической ассимиляции, уничтожающей двойниковые формы; 6. фразовых разложений¹⁰.

Таким образом, более сорока пяти лет тому назад В.В. Виноградов предложил классификацию церковнославянизмов, по своей полноте,

подробности и всесторонности охвата остающуюся до сих пор единственной, уникальной. Она была значительно богаче классификации А.А. Шахматова, опиравшейся в основном на морфологический (историко-фонетический) и словообразовательный критерий, и систематизации С.К. Булича, в представлении которого единственно надежным критерием был критерий фонетический, в то время как морфологический казался "не вполне надежным", а лексический — "несущественным" и самым ненадежным¹¹.

Классификация, или, вернее, тройкий подход к церковнославянизмам, предложенный В.В. Виноградовым, позволяет рассматривать их в диалектальном аспекте, хотя и не исключает синхронного подхода. Но самое существенное заключается, видимо, в том, что эта классификация, будучи выработана для истории и современного состояния русского литературного языка, учитывает взаимоотношение и взаимодействие языков, а не отдельных элементов. В ней говорится не только о русском литературном языке, но и об "общеславянско-церковно-литературном языке" и "книжнославянском языке, как особой разновидности русской литературной речи", что, по нашему мнению, является двумя аспектами одного и того же явления, одного и того же языка.

Из заслуживающих внимания опытов классификации других ученых отметим прежде всего предложенную в 1947 г. классификацию Г.О. Винокура, удачную по своей простоте и четкости¹². В ней выдвигалось три момента: 1. славянизмы, русский вариант которых сейчас неупотребителен (типа *храбрый* — *хоробрый*); 2. славянизмы, русский вариант которых также употребителен, как и нерусский, но имеет отличие в значении (*страна* — *сторона*); 3. славянизмы, не встречающиеся в настоящее время в употреблении, известные по памятникам и используемые сейчас только в целях стилизации (*глад*). При этом Г.О. Винокур пользовался исключительно примерами так называемых фонетических (историко-фонетических) славянизмов (неполногласие, звуки *щ* и *жд* вместо *ч* и *ж* и *е* вместо *о* (*ѣ*) не перед мягкими), не ставя вопроса о времени их происхождения. Попытку разграничения славянизмов по хронологическому признаку сделала недавно Г. Хюттль-Ворт, вводя при этом новый термин неославянизм (лексический, суффиксальный, аффиксальный и др. для слов типа *времяисчисление* и т.п. в отличие от церковнославянизмов, т.е. слов, засвидетельствованных в церковно-славянском и заимствованных русским, типа *гражданин*, *жажда* и т.п.¹³ Последние расслаиваются на три группы в зависимости от степени семантических мутаций: 1. заимствованные без семантических изменений, 2. подвергнутые семантической адаптации ("секуляризованные"), 3. подвергнутые семантическим изменениям (граница между второй и третьей группами — условна). Как известно, такой подход В.В. Виноградов подверг, может быть, не во всем справедливой, но достаточно острой и пронизательной критике. Его доводы известны, и я не буду их повторять¹⁴. Классификация известной американской славистики казалась В.В. Виноградову довольно зыбкой.

Но зыбкость любой классификации будет оставаться в той или иной мере постоянной, пока каждая из них не будет проверена и

опробована на внушительном материале, на значительном числе слов не только современного русского литературного языка, но и русского литературного языка предшествующих эпох, наконец, пока не будет создан словарь древнеславянского (церковнославянского) языка общий и разных локальных типов, как восточнославянских, так и южнославянских.

В 1926 г., через два года после завершения статьи "К истории русского литературного языка" В.В. Виноградов для сборника в честь А.И. Соболевского пишет "Заметки о лексике "Жития Саввы Освященного". К этому древнему тексту XVIII в., впрочем, как и к ряду других, В.В. Виноградов подходил с учетом их двойного аспекта. Он отмечал, что "лексика этого памятника представляет интерес с двух точек зрения: 1 как материал для изучения истории движения слов в русском литературном языке, который создавался на почве церковно-славянского в его сложных смещениях, и 2 как материал для изучения истории словаря того обще-славянского церковно-литературного языка, который лег в основу отдельных литературных языков славянских народов, как например, русского"¹⁵. Более развернутого изложения этого подхода, этой концепции В.В. Виноградов в ту пору не давал.

Однако, спустя некоторое время, в 1934 г. вышла книга, принесшая В.В. Виноградову мировую известность, — "Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.". Эти очерки начинались такими словами: "Русским литературным языком эпохи феодализма был язык церковнославянский"¹⁶. Затем говорилось об изменении структуры "церковно-книжной речи" в связи "с ростом литературного значения "светских" деловых, публицистических, повествовательных стилей русского письменного языка и с расширением литературных прав бытового просторечия"¹⁷. В XVI в., по представлению В.В. Виноградова, наблюдались сдвиги к "сближению" и "согласованию" церковнославянского языка с русской разговорно-бытовой речью"¹⁸.

В ту пору В.В. Виноградов, как нам кажется, не случайно церковно-славянскую стихию обозначал термином язык, литературный язык, книжный язык, а русскую стихию — термином разговорно-бытовая речь. Признаком нормированности, важнейшим признаком литературного языка и признаком традиции достаточно устойчиво обладал именно церковно-славянский язык, а не его коррелят — разговорно-бытовая русская речь. В.В. Виноградов так пояснял характер отмеченного им "сближения": "Но от этих сдвигов средневековый дуализм в сфере письменно-словесного выражения не сглаживается: литературные функции продолжает по преимуществу отправлять церковно-славянский язык (т.е. в основе язык византийско-болгарский, но уже имевший свою сложную историю на русской почве), а стили русского делового, публицистического и повествовательного языка, несколько приспособляясь к церковно-славянской системе, размещаются на территории "книжности", "письменности", а чаще остаются в сфере официального делопроизводства и бытового общения"¹⁹.

Такое состояние литературного языка на Руси находил В.В. Виноградов для эпохи XVII в., когда, по его словам, начинался "кризис

системы церковно-славянского языка”, который, однако, прежде чем пережить внутреннее расслоение, расширил сферы своего применения и на светскую литературу сначала в Киевском центре письменной традиции, а затем и в Москве. Дальнейшая судьба церковнославянского языка в XVII—XVIII вв. представлялась В.В. Виноградову как “процесс” приспособления церковно-славянского языка к национально-бытовому просторечию”, при этом “изменения в структуре церковно-славянского языка”²⁰ шли параллельно с процессом формирования светских литературных стилей национального русского языка. Все это привело в конечном итоге к нормализации стилей русского литературного языка в середине XVIII в., к синтезу церковнославянской и русской национально-бытовой стихии на основе теории о трех стилях.

Таким образом, до 50-х годов В.В. Виноградов в общем не рассматривал подробно истории русского литературного языка до XVII в., если не считать истории отдельных слов и форм и серии довольно конспективных, но богатых идеями статей “Основные этапы истории русского языка”²¹. В этой серии В.В. Виноградов в общем следует концепции А.А. Шахматова, отмечая, что “общеславянский письменный язык начало свое получил за пределами Руси”, что этот литературный язык, вступая на новую этнографическую почву, переходя в Киевскую Русь, проникается здесь элементами живой восточнославянской речи и в свою очередь оказывает сильное влияние на устную речь культурных слоев общества, на общий разговорный язык Киевской империи”²². “Славено-русский язык, — отмечает далее В.В. Виноградов, — в феодальной Руси выполняет все важнейшие общественно-политические и культурные функции будущего национального русского литературного языка, но вместе с тем это язык не национальный, а международный, и при том в основном только письменный, т.е. язык специального назначения”²³. Следовательно, можно сделать вывод, что древнеславянско-русское двуязычие на Руси отличалось одной важной особенностью, замеченной в свое время Г.В. Лудольфом, оно характеризовалось признаком письменная речь — неписьменная речь, и этот признак (resp. его отсутствие) лежал в основе разграничения двух языков. Но были и гибридные, переходные формы, имевшие свое письменное выражение. К ним, как считал В.В. Виноградов в 40-е годы, относился язык обычного права, юридических норм, государственного делопроизводства.

Вскоре после Второй мировой войны появилась книга С.П. Обнорского “Очерки по истории русского литературного языка старшего периода” (М., 1946). Изложенная в ней концепция о постепенной церковнославянизации древне-русского литературного языка, русского с самого своего зарождения, в своей основе, хорошо известна, и нет основания ее подробно излагать. По сути своей она является обратным, полярным отображением концепции А.А. Шахматова, говорившего о постепенном обрусении церковнославянского языка.

В.В. Виноградов не сразу осудил теорию С.П. Обнорского²⁴. Лишь в своей последней, посмертно опубликованной статье “Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в.” В.В. Виноградов высказался достаточно определенно и резко. “Не

подлежит сомнению, — писал В.В. Виноградов — что только скудость и тенденциозная подобранность речевого материала могла привести С.П. Обнорского к такому одностороннему и антиисторическому выводу о возникновении и развитии древнерусского литературного языка. Это очень внушительно было показано уже А.М. Селищевым²⁵.

Действительно, теория С.П. Обнорского лишена серьезного фактического обоснования и потому ее трудно принять, хотя и необходимо признать, что она сыграла определенную, даже в общем итоге положительную роль, обострив различные точки зрения и потребовав от исследователей привлечения нового материала и новых аргументаций (ср. хотя бы возражения А.М. Селищева)²⁶. Поэтому, вероятно, следует поставить в прямую связь с выходом упомянутой книги С.П. Обнорского появление исследования В.В. Виноградова "Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка" (М., 1958), представленного в качестве доклада IV Международному съезду славистов. В этом докладе предлагалось некое среднее решение: вопрос литературно-разговорного двуязычия на Руси уже не ставился в плане письменной/неписьменной речи и церковнославянский язык не объявлялся единственным литературным языком на Руси. В нем выдвигалась широко известная и популярная, принятая во многих вузовских курсах и пособиях, теория двух типов литературного языка. По этой концепции, с X в. по начало XVIII в. существовало два типа древнерусского письменно-литературного языка: книжно-славянский и народно-литературный (или литературно обработанный народно-письменный). Оба эти типа, по мнению В.В. Виноградова, начиная с XI—XII вв., обнаруживали уже признаки стилистической дифференциации, связанной с различием сфер функционального и жанрового применения. Каждый из этих типов имеет свою периодизацию и свою историю. Обе периодизации и истории имеют точки соприкосновения, "обозначающие узлы основных периодов развития древнерусского литературного языка"²⁷. "К узловым эпохам можно отнести конец XIV в. — начало XV в., вторую половину XVI в. — первые десятилетия XVII в. Со второй половины XVII в., — как полагает В.В. Виноградов, — оба типа древнерусского литературного языка растворяются в новой системе трех стилей русского литературного языка, твердо ступающего на путь национального развития"²⁸.

В отличие от представлений о литературном языке древней Руси, изложенных В.В. Виноградовым в 1924 г., когда им различался общеславянский церковно-литературный язык и церковнославянский язык как особая разновидность русской литературной речи, в докладе 1958 г. истории древнеславянского (церковнославянского) языка на Руси не отведено места. Можно предположить, что в этом случае термин и понятие "церковно-славянский язык" заменено термином "книжнославянский тип литературного языка", а об общеславянском церковно-литературном языке в общем не идет речь. Теория о двух типах, как мне уже приходилось отмечать²⁹, в известной мере удобна для характеристики развития и периодизации отдельно взятого славянского литературного языка старшего периода, например, русского. Однако эта теория не учитывает очень тесных, интенсивных и реаль-

ных межславянских литературно-языковых связей. Если с тем же мерилом подойти к истории древнесербского, древнемакедонского, древнеболгарского ("среднеболгарского") литературного языка, а также к донациональному литературному языку украинскому и белорусскому — можно будет и в них выделить подобные книжно-славянские типы. Сравнение этих типов между собой приведет к достаточно ясному и несомненному выводу о существовании единого древнеславянского литературного языка, выполнявшего функцию межнационального общения подобно средневековой латыни на Западе, арабскому или китайскому языку на Востоке. Может быть, именно по этой причине в своей последней, посмертно опубликованной статье "Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в."³⁰ В.В. Виноградов уже не вел речь о двух "типах" древнерусского литературного языка, а выдвигал точку зрения, близкую к концепции А.А. Шахматова и говорил о процессе "слияния и взаимодействия русской и церковнославянской стихий в сложной структуре вновь складывающегося древне-русского литературного языка"³¹.

В этой же статье говорится об истории "русского церковно-славянского литературного языка", который, вероятно, можно понимать как локальный вариант общего древнеславянского литературного языка, хотя прямого указания на это мы не находим. Наряду с термином "русский церковнославянский язык" встречается и термин "книжно-славянский русский литературный язык", термин, вероятно, синонимичный первому. Но чаще всего речь идет о "истории русского церковнославянского литературного языка", которую, по мнению В.В. Виноградова, нельзя отрывать от истории русской письменно-деловой речи. Концепция В.В. Виноградова в этом случае близка к его ранней концепции 20-х гг. и, как я уже говорил, к позиции А.А. Шахматова.

Нам кажется, что истории так называемого "русского церковно-славянского литературного языка" нельзя построить без истории древнеславянского (церковнославянского) языка вообще. Только обращаясь к судьбам древнеславянского литературного языка на других территориях, в первую очередь южнославянских, можно понять судьбу древнеславянского языка на Руси. Притом это положение справедливо, видимо, не только для эпохи первого и второго южнославянского влияния, но и для других эпох до XVII в. Точно также нельзя понять судьбу древнеславянского языка XVII—XVIII вв. у южных славян и сербов, болгар, македонцев и даже хорватов без обращения к языковой ситуации в киевском и московском центрах, т.е. ситуации на Руси, в России. При этом, вероятно, нет оснований говорить о "разных" древнеславянских (церковнославянских) языках — об одном "общем" и другом, например, "русском" и требовать их четкого различения. Древнеславянский язык с самого своего начала, с эпохи старославянского языка проявлялся в разных локальных вариантах, подобно тому как русский язык реально существовал в разных своих диалектах (и сейчас существует в диалектах, просторечии и литературной форме). Поэтому противопоставлять можно один локальный вариант древнеславянского (церковнославянского) литературного языка другому,

как противопоставляется один великорусский диалект (или группа диалектов) другому (или группе диалектов). Именно на основе такого сравнения и противопоставления и выявляется общий фонд, дающий нам право говорить о едином, общем древнеславянском (церковно-славянском) языке, который изменялся как и всякий другой литературный язык и имел свою историю во времени и пространстве. Общность элементов языка русского локального варианта с локальным вариантом сербским, например, или болгарским и т.д. — основной критерий его "древнеславянскости" ("церковнославянскости"). Других более надежных критериев, кроме критерия сохранения традиции, т.е. общности языка с церковнославянскими текстами более ранних периодов у нас нет. Однако общность не следует воспринимать как идентичность. С этим связаны положения о том, что в истории древнеславянского литературного языка было возможно наличие ряда локальных норм (а не одной нормы), было чередование периодов нормализации и значительной свободы нормы (центростремительные и центробежные тенденции), существовало влияние народно-разговорных субстратов и была конкуренция и миграция культурных центров³².

Не на все эти вопросы мы найдем ответы в трудах В.В. Виноградова. Для некоторых из них еще не наступило время, т.к. не собран материал, не разработана методика его исследования. Слависты, собравшиеся на свой IV московский съезд, решительно высказались за создание церковнославянского словаря — сводного и ряда локальных, за изучение языка церковнославянских памятников разных редакций. Но дело, если не считать довольно успешных работ пражского и загребского коллективов, остается пока почти без движения.

Если же обратиться к роли В.В. Виноградова в изучении древнеславянского и древнерусского языка, то нужно признать, что она очень значительна и прогрессивна. В.В. Виноградов поставил и начал разработку ряда проблем, без обращения к которым невозможны дальнейшие плодотворные исследования и разыскания.

Есть ученые, которые стараются "закрыть вопрос", окончательно выяснив все детали и подробности, подвести черту. Есть ученые, которые смело идут в страны неизведанные, открывая новые горизонты и пространства, понимая, что освоены они будут уже трудами следующих поколений. В.В. Виноградов принадлежал к ученым второго склада. Именно поэтому во многих проблемах, затронутых и поставленных им, остается немало спорного, интересного и неразiskanного до конца. И мы благодарны ему за то, что он учил нас не только исследовать, но и спорить, не только следовать и соглашаться, но и противоречить, если этого требует научная совесть и факты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Унбегаун Б.О. Язык русской литературы и проблемы его развития // VI Congrès international des slavistes. Prague 7 — 13 août 1968. Communications de la délégation française et de la délégation suisse. P. 1968. P. 129.

² См.: VI Mezinárodní sjezd slavistů: Akta sjezdu. 2. Pr., 1970. S. 461—471.

³ Щерба Л.В. От редакции // Русская речь. Новая серия., 1927. I. С. 74.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 74.

⁶ *Виноградов В.В.* К истории лексики русского литературного языка // Русская речь. Новая серия, I. Л., 1927. С. 90—91.

⁷ Там же. С. 97.

*Сноска Виноградова В.В.: "При сравнительно-историческом изучении литературных языков у славянства, которые создавались на основе древне-церковно-славянского, центральными проблемами будут — принципы взаимодействия и заимствований, при построении истории церковно-славянской стилистики на русской почве существеннее всего момент освоения и приспособления лексики к системе русского литературного языка известной эпохи. В этом плане должен воспроизводиться и период второго юго-славянского влияния (XIV—XVI в.)"

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Там же. С. 112—113.

¹⁰ Там же. С. 113—117. В.В. Виноградов указывал, что процесс фразовых разложений описан им в статье "О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума (Русская речь. Пг., 1923).

¹¹ *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М. 1941; *Булич С.К.* Церковно-славянские элементы в современном литературном и народном русском языке. СПб., 1893.

¹² *Винокур Г.О.* О славянизмах в современном русском литературном языке // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

¹³ *Хюттль-Ворт Г.* Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. К историческому анализу и классификации славянизмов. — American contributions to the VI International congress of slavists. The Hague, 1968.

¹⁴ *Виноградов В.В.* О новых исследованиях по истории русского литературного языка // ВЯ. 1969. N 2.

¹⁵ *Виноградов В.В.* Заметки о лексике "Жития Саввы Освященного". Статьи по славянской филологии и русской словесности // ОРЯС. СЛ. N 3. 1928. С. 349.

¹⁶ *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1934. С. 7. Во втором издании этой книги (М., 1938) стояло: Русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский (С. 5).

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ Там же. С. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ Там же. С. 7, 34.

²¹ РЯШ. 1940. N 3, 4.

²² *Виноградов В.В.* Основные этапы истории русского языка. (статья первая) // РЯШ. 1940. N 6. С. 5.

²³ Там же. С. 7.

В рецензии на книгу С.П. Обнорского "Очерки по истории...", написанной совместно с С.Г. Бархударовым, В.В. Виноградов считал заслугой С.П. Обнорского то, что он "проблему происхождения и первоначального состава выдвинул как одну из основных проблем истории языка" (см.: Советская книга. 1947, N I. С. 110). Давая в общем благожелательную оценку научным опытам С.П. Обнорского, авторы рецензии отмечали, что "воспроизведенная на основе исследования только четырех памятников, хотя и очень важных, но дошедших до нас не в оригиналах, а лишь реконструированных в своем первоначальном, предполагаемом тексте, система древнерусского литературного языка XI—XII вв. остается в отдельных своих стилях, во многих своих формах и элементах, в разных областных своих разновидностях еще не совсем ясной, гадательной" (Там же. С. 113). Трудно, однако, установить, какая часть утверждений, изложенных в рецензии, принадлежит В.В. Виноградову, а какая С.Г. Бархударову, взгляды которых совпадали далеко не всегда.

²⁵ См.: ВЯ. 1969. N 6. С. 5—6.

²⁶ *Селищев А.М.* О языке "Русской Правды" в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // ВЯ. 1957. N 4. См. также: *Селищев А.М.* Избр. тр. М., 1968.

²⁷ *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 113.

²⁸ Там же. С. 113.

²⁹ Толстой Н.И. Вопросы славянского языкознания на IV международном съезде славистов // ВЯ. 1959. N 1. С. 5—6.

³⁰ См.: ВЯ. 1969. N 6.

³¹ Там же. С. 3.

³² См. широкую постановку этих проблем: R. Picchio. *Slave ecclésiastique, slavons et rédactions* // To Honor Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967. V. II.

МЫСЛИ Н.С. ТРУБЕЦКОГО О РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Более двадцати лет тому назад в послесловии к книге Н.С. Трубецкого "Основы фонологии" (М., 1960) известный советский лингвист А.А. Реформатский писал: Николай Сергеевич Трубецкой (1890—1938), родившийся и получивший образование в Москве, стал ученым с мировым именем и одним из главных создателей новой лингвистической дисциплины — фонологии". "Основы фонологии" — это первая фонологическая энциклопедия, классический лингвистический труд XX века". Действительно, именно этот труд поставил имя Н.С. Трубецкого в один ряд с именами таких крупнейших лингвистов, как Ф. де Соссюр, К. Бругманн, А. Мейе, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др. Современные историки языкознания отводят в своих исследованиях Н.С. Трубецкому все большее место, справедливо находя в его наследии отправные точки и положения для будущих научных поисков, опытов и направлений. Он разделил судьбу многих выдающихся ученых давнего и недавнего прошлого: истинное признание научных заслуг и понимание идей автора пришло после его смерти. Преждевременная кончина не дала ему закончить, отредактировать, издать ряд замечательных работ, часть которых была курсами лекций, читанных в Венском университете. Посмертно вышли "Основы фонологии", курс старославянского языка, лекции по русской литературе XVIII—XIX вв., работы по древнерусской литературе, письма¹. Многие из того, что было напечатано при жизни, затерялось в малодоступных и редких изданиях.

Перед биографом и исследователем трудов Н.С. Трубецкого предстает цельный облик ученого-теоретика, ученого-слависта, ученого-кавказоведа, индоевропеиста, филолога, этнографа и лингвиста, историка культуры и литературы очень широкого профиля. Ныне же не только в отечественной филологической среде, но и зарубежной (даже в тех странах, с которыми Трубецкой был тесно связан в последнее двадцатилетие своей жизни — в Чехословакии и Австрии) известны главным образом его фонологические и морфонологические исследования, его разыскания по сравнительному славянскому языкознанию, по древнейшему периоду истории и предыстории западнославянских языков. На Западе знают также Трубецкого-кавказоведа, но с Трубецким-филологом, Трубецким-этнографом, Трубецким-историком русской литературы знакомы еще мало. Работу Трубецкого-историка литературного языка читали и цитировали немногие, среди них В.В. Виноградов и Б. Гавранек².

Наша статья преследует скромную задачу: изложить кратко, преимущественно в форме цитат, т.е. словами самого автора, основные положения его статьи "Общеславянский элемент в русской культуре" (далее ОЭРК). Статья эта была опубликована в 1927 г. в сборнике Трубецкого "К проблеме русского самопознания" на с. 54—94 (далее в тексте указываются страницы).

Историю литературного языка Трубецкой предлагает рассматривать и рассматривает на широком фоне истории культуры. По его представлению, при помощи языка определенный социум или этнос ("национальная личность") обнаруживает свой внутренний мир. Язык является основным средством общения между людьми, а в процессе этого общения создаются многочисленные этносоциумы. Этим уже определяется важность изучения языка с точки зрения историко-социологической, историко-культурной, этнологической ("персонологической"). "Судьбы и специфические свойства русского литературного языка чрезвычайно важны для характеристики русской национальной личности, точно так же, как важно для этой характеристики и само положение русского языка среди других. Рассмотрение этих вопросов заставляет поставить и вопрос о культурных преемствах и наследованиях, — вопрос, выходящий за пределы одной лингвистики и долженствующий ставиться и решаться одновременно и параллельно несколькими науками: при исследовании русской народной личности проблема культурных преемств является одной из центральных" (ОЭРК, 9).

Так характеризует ученый в предисловии свои научные задачи и место истории литературного языка среди других культурологических и исторических дисциплин. Нетрудно заметить, что сам он в этой работе идет по пути "преемства и наследования" не только мыслей В.И. Ламанского и Н.Я. Данилевского, но и А.А. Шахматова, который писал, что "самопознание возможно лишь при известной широте кругозора: расширение же нашего русского кругозора достигается прежде всего приобщением к нему всего греко-славянского мира, с которым мы тесно связаны исторически и политически"³. А.А. Шахматов считал, что такое самопознание или самознание должно основываться на глубоком понимании русского исторического процесса, русской жизни, русского языка, русской культуры. В этом случае оно будет содействовать культурному и нравственному подъему русского общества и русского народа.

Статья "Общеславянский элемент в русской культуре" рассчитана не на специалиста, а на широкого читателя. По словам Трубецкого, "хотя языковедение достигло в России высокой степени развития, и русские языковеды пользуются всюду за границей хорошей репутацией, средний образованный русский человек как раз в области языковедения имеет очень слабые и часто превратные познания" (ОЭРК, 9). Поэтому он считал сначала "нелишним рассмотреть некоторые основные общие понятия", относя к ним необходимость разграничить явления народный язык и литературный язык. Литературный и народный язык связаны между собой, но все же "вполне никогда не совпадают друг с другом и разви-

ваются каждый своими путями. Язык народный имеет склонность к диалектическому дроблению, тогда как литературный, наоборот, имеет склонность к нивелировке, к установлению единообразия" (ОЭРК, 54). И народный, и литературный языки дифференцируются, однако в народном языке преобладает дифференциация географическая, по местностям, а в литературном — по видам специального применения языка. Народный язык делится на говоры по географическому принципу, в то время как в дифференциации литературного языка принцип специализации преобладает над географическим: образованные люди, происходящие из самых разных местностей, говорят и пишут не совсем одинаково, и по языку произведений писателя часто можно легко определить, откуда он родом, но гораздо сильнее выступают в литературном языке различия по видам специального применения, например, различия между языком научной прозы, деловой прозы, художественной прозы, поэзии" (ОЭРК, 54). Особо останавливается Трубецкой на разговорном языке, поясняя, что "разговорный язык может быть чисто литературным, чисто народным или представлять из себя смесь литературного и народного языка в различных пропорциях". При этом "на известных ступенях образования один и тот же человек может с полной свободой, правильностью и естественностью применять литературный язык в разговоре (или письме) об известных предметах, в разговоре на другие темы применять смесь литературного и народного языка и, наконец, о третьих может свободно и естественно говорить только на народном языке. Играет роль, разумеется, и то, с кем именно ведется разговор или переписка⁴. Таким образом, "сожителство народного и литературного языка в среде одного и того же национального организма определяется сложной сетью взаимно перекрещивающихся линий общения между людьми" (ОЭРК, 54—55).

Обращаясь снова к народному языку, Трубецкой отмечает, что "основным явлением в эволюции народного языка является динамическое дробление и "распадение". В связи с этим он довольно подробно останавливается на происхождении русского языка из праславянского, а праславянского из индоевропейского. В процессе эволюционного распада Трубецкой как опытный компаративист выделяет два существенных момента — момент параллельного развития диалектов и момент так называемого "частнодиалектного", т.е. непараллельного развития. Вот как он об этом пишет применительно к русскому языку: "Когда мы говорим, что праславянский язык развился из индоевропейского праязыка, а русский язык — из праславянского, то при этом представляем себе следующий процесс: каждый живой народный язык всегда заключает в себе несколько диалектов, каждый из которых стремится к обособлению; обычно все диалекты одного языка развиваются параллельно и представляют более или менее одновременно одни и те же изменения; но наряду с этими общими всем диалектам данного языка изменениями, каждый отдельный диалект претерпевает и другие изменения, свойственные лишь одному ему и разве еще некоторым

соседним диалектам; с течением времени таких частнодиалектических изменений накапливается все больше и больше, нарушается и сам параллелизм развития, т.е. даже одни и те же изменения в разных диалектах следуют друг за другом не в одном и том же порядке, что еще углубляет различия между диалектами; наконец, наступает такой момент, когда изменения, общие всем диалектам данного языка, вообще перестают возникать, а возникают лишь изменения, свойственные отдельным диалектам или группам таких диалектов; с этого момента данный язык может считаться уже распавшимся, т.е. утратившим свое единство как "субъект эволюции", и единственным "субъектом эволюции" оказываются уже отдельные диалекты" (ОЭРК, 55—56). Когда дивергентные изменения заходят так далеко, что представители одного диалекта перестают понимать представителей другого диалекта, тогда "можно считать, что данный диалект уже превратился в самостоятельный язык" (ОЭРК, 56). Таким образом, праславянский был диалектом индоевропейского, а русский — диалектом праславянского, затем русский распался на три наречья — "великорусское, белорусское и малорусское". Великорусское в свою очередь подразделяется на несколько диалектов: северно-, южно-, и переходный средневеликорусский. Говоря о "распадении языка", Трубецкой стремится определить и момент этого распада и считает таковым "момент последнего изменения, общего всем диалектам данного языка" (ОЭРК, 56). Для праславянского таким моментом было так называемое "падение слабых еров", т.е. падение редуцированных.

Едва ли следует подчеркивать теоретическую значимость приведенных выше рассуждений Трубецкой и для общего и для сравнительного языкознания, равно как и то, что он первым выдвинул положение о конце праславянских процессов в X—XI вв., что существенно и для абсолютной и для относительной хронологии ряда славянских языковых процессов. Существеннее в данный момент то, что эту умело нарисованную в очень кратких чертах эволюцию народного языка, эволюцию диалектов, исследователь противопоставляет особенностям эволюции литературных языков, которые он характеризует следующим образом: "Если мы присмотримся к литературным языкам современной Европы, то заметим, что каждый из литературных языков распространен по сильно дифференцированной лингвистической территории, обнимающей несколько сильно отличных друг от друга наречий. При этом ни один из этих больших литературных языков Европы не совпадает вполне ни с каким живым народным говором. Явления эти не случайны, а коренятся в самой природе литературных языков и наблюдаются не только в Европе, но и во всех других частях света, где только существуют действительно большие литературные языки. Дело в том, что назначение настоящего литературного языка совершенно отлично от назначения народного говора. Настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития не только изящной литературы в собственном смысле слова, но и научной, философской, религиозной и поли-

тической мысли. Для этих целей ему приходится иметь совершенно иной словарь и иной синтаксис, чем те, которыми довольствуются народные говоры" (ОЭРК, 57). Далее автор поясняет, что хотя при своем возникновении всякий литературный язык исходит из основ какого-либо живого говора, чаще городского, а иногда и "простонародного", он постепенно отходит от этого говора путем его "коверкания" и "насилования", путем выработки особых строгих синтаксических оборотов, производства множества новых слов и т.п. Притом, чем "народная основа сильнее чувствуется, яснее проступает наружу, тем интенсивнее становится ощущение этого насилования и коверкания, — а это ощущение, разумеется, мешает свободному пользованию литературным языком" (ОЭРК, 57—58). К примеру, если вводимые в литературный язык новые слова берутся из словарного состава определенного народного говора, то ассоциация с их диалектным значением сохраняется и это мешает воспринимать эти слова в значении, которое стремится им придать новая литературная норма.

"В силу этого, — заключает Трубецкой, — для литературного языка всегда крайне невыгодно быть слишком близким к какому-нибудь определенному современному народному говору, и при естественном развитии всякий литературный язык стремится эмансипироваться от неудобного и невыгодного родства с народным говором. Но, в то же время, слишком большое расхождение литературного языка и современных народных говоров время от времени тоже становится неудобным" (ОЭРК, 58). Это новое неудобство, по мнению Трубецкой, возникает из-за того, что говоры в звуковом и грамматическом отношениях развиваются быстрее, чем литературный язык, развитие которого сдерживается искусственно школьным образованием, авторитетом "классиков", архаической нормой. "Поэтому наступают моменты, когда литературный язык и народные говоры представляют настолько различные стадии развития, что оба они несовместимы в одном и том же языковом сознании. В эти моменты между обеими стихиями — архаично-литературной и новаторски-говорной — завязывается борьба, которая кончается либо победой старого литературного языка, либо победой народного говора, на основе которого в этом случае создается новый литературный язык, либо, наконец, — "компромиссом" (ОЭРК, 58). Рассматривая разные возможности соотношения литературного языка с говорами (исчезновение говора, на основе которого развился литературный язык, функционирование литературного языка в среде других говоров и т.п.), Трубецкой отмечает, что "именно отдаленность нормального литературного языка от какого бы то ни было живого современного народного говора способствует тому, что этот язык распространяется на территории не одного, а нескольких говоров" (ОЭРК, 58). Свой общий сопоставительный обзор исследователь заканчивает еще одним положением, согласно которому говор, т.е. "живой народный язык", может влиять на другой, "только если оба они существуют одновременно и географически соприкасаются друг с другом". "Между тем, для литературных языков

эти условия необязательны: данный литературный язык может подвергнуться сильному влиянию другого, даже если этот последний принадлежит к гораздо более древней эпохе и географически никогда не соприкасался с территорией данного живого литературного языка" (ОЭРК, 58).

"Все эти особенности эволюции литературных языков следует всегда иметь в виду при рассмотрении истории русского языка", — заключает Трубецкой в первом разделе своей статьи (ОЭРК, 59).

Нет нужды говорить о том, сколь важны приводимые положения для истории славянских литературных языков, в том числе и русского. Тезис о влиянии архаического языка прежней эпохи на новый литературный язык хорошо иллюстрируется историей чешского языка в эпоху национального возрождения (XIX в.). Другая идея о победе народного говора, на основе которого создается новый литературный язык, ярко иллюстрируется реформой Вука Караджича, о чем пишет и Трубецкой. А положение об исчезновении живого говора, на основе которого возник литературный язык, может быть подтверждено примером польского литературного языка и т.д. Следовало бы только добавить, что почти все рассуждения Н.С. Трубецкого могут быть отнесены уже к периоду эволюции или формирования национальных литературных славянских языков, т.е. к концу XVIII—XIX в. Но обратимся к тому, как далее анализирует Трубецкой историю русского литературного языка и славянских литературных языков.

"Родословие русского литературного языка приходится начинать очень издавна, — от времен славянских первоучителей" (ОЭРК, 59). Язык, на который св. Кирилл и Мефодий перевели некоторые тексты литургической литературы и Св. писания, принято называть "старославянским". Трубецкой отмечает, что "язык этот с самого начала был искусственным", что "св. Кириллу и его брату св. Мефодию... пришлось ввести в солунско-славянский говор очень много новых слов", что "эти новые слова были частью взяты из говора моравских славян... частью были заимствованы из греческого, частью же были искусственно созданы из славянских элементов по образцу соответствующих греческих слов". "Таким образом, — объясняет автор, — возник церковнославянский язык, язык с самого начала своего существования чисто литературный, т.е. более или менее искусственный, существенно отличающийся своим словарем, синтаксисом и стилистикой от живого народного (солунско-славянского) говора, который лег в его основу. Именно примыкание к более древней греческой литературной языковой традиции помогло превратить живой разговорный язык солунских славян в язык высшей духовной культуры, в язык литературный по существу" (ОЭРК, 59).

По мнению Трубецкого, старославянский с самого своего начала был общеславянским литературным языком. Этот свой тезис он пытается обосновать, и не без успеха, не культурно-историческими и им подобными доводами, а доводами чисто лингвистическими, опираясь на свои положения о языке и диалекте, о распаде

языка и т.д., приведенные выше. Ход его рассуждений таков. "Перевод Св. писания и создание староцерковнославянского языка было предпринято славянскими первоучителями еще до начала падения слабых ъ и ь следовательно, еще до окончательного распада праславянского языка. Это обстоятельство надо иметь в виду, чтобы правильно определить место и значение староцерковнославянского языка в истории развития славянских языков. Как явствует из вышесказанного, староцерковнославянский язык можно рассматривать как литературный язык конца праславянской эпохи", так как.. "в сущности отдельных славянских языков в это время еще не было, а были лишь отдельные диалекты единого праславянского языка". "При таких условиях создание одного общеславянского литературного языка для всей территории праславянского языка было предприятием вполне осуществимым, причем за основу для такого общеславянского литературного языка можно было принять любой местный говор. Св. Кирилл принял за основу для этого литературного языка говор солунских славян, по-видимому, только потому, что сам был родом из Солуни и практически владел именно этим говором" (ОЭРК, 60).

В дальнейшем начали возникать местные изводы, и "если в Македонии староцерковнославянский язык еще долго сохранял довольно хорошо свой первоначальный облик, то в других областях очень рано возникли местные переработки этого языка применительно к особенностям местного говора" (ОЭРК, 60). Касаясь русского извода староцерковнославянского языка и излагая основные его, в общем известные черты (замена юсов через у, ю, 'а; г взрывного — придыхательным и др.), Трубецкой отмечает, что "первоначально произношение церковнославянского языка в разных областях русской территории было довольно различно: строже всего держались южнославянского образца в Киеве, тогда как в Новгороде, с одной стороны, и в Галицко-Волынской области, с другой, отклонения в сторону приближения к фонетике живого местного говора были сильнее. Как бы то ни было, видоизменения касались главным образом звуковой стороны языка... В таком слегка видоизмененном виде церковнославянский язык в древней Руси рассматривался как единственный литературный язык, и на нем писались даже оригинальные, не переводные произведения русских авторов. С течением времени первоначальная пестрота произношения древнерусско-церковнославянского языка сменилась единообразием. В связи с распределением всей русской территории между двумя большими государствами. возникли два центра церковнославянского языка, один — восточный, в Москве, другой — западный, в конце концов локализовавшийся в Киеве" (ОЭРК, 65).

Таковы очень кратко тезисы о происхождении и развитии литературного языка на Руси до XVII в. Из них явствует, что Н.С. Трубецкой, как и его предшественники А.И. Соболевский и А.А. Шахматов, его современники Н.Н. Дурново, В.В. Виноградов⁵ и др., считал, что русские пользовались церковнославянским как своим литературным языком. Таким же литературным языком он был и для право-

славных южных славян, которые успешно развивали его традиции до турецкого нашествия. Разрушение южнославянских царств привело к тому, что "отдельные представители южнославянской образованности с XIV века стали эмигрировать в Россию, где встретили радушный прием и сейчас же были использованы как литературные силы. Благодаря им в русскую церковнославянскую традицию влилась сильная струя церковнославянской традиции сербской и среднеболгарской, и это — в такое время, когда на Балканах эта южнославянская традиция уже постепенно умирала... К XVII веку церковнославянская традиция жила еще только в двух центрах — в Москве и в Киеве, — из которых каждый имел свой район влияния" (ОЭРК, 63—64). По мнению Трубецкого, позднее произошло объединение двух типов церковнославянского языка, при котором верх одержала киевская традиция (что и вызвало решительную старообрядческую реакцию), правда, сама эта традиция изменилась под влиянием московских черт. "Таким образом, в XVII веке из соединения восточнорусского церковнославянского языка с западнорусским (при преобладании именно этого последнего) возник общерусский церковнославянский язык. А так как в предшествующие века русский церковнославянский язык вобрал в себя традицию южнославянскую, прекратившую свое самостоятельное существование, то этот образовавшийся в XVII веке общерусский церковнославянский язык оказался единственным носителем староцерковнославянского преемства и сделался языком всех православных славянских церквей" (ОЭРК, 63—64). "Итак, — заключает автор, — церковнославянский язык русской традиции есть единственный живущий до сего дня прямой потомок старославянского языка славянских первоучителей. Этот же церковнославянский язык русской редакции лежит в основе и светского русского литературного языка" (ОЭРК, 65).

Вводя понятие "светского" литературного языка, Трубецкой предлагает еще одно понятие — "официальный" язык, к которому сначала относились все "деловые" тексты. Этим самым фактически заявляется о существовании диглоссии — древнерусского двуязычия в области письменных языковых форм, а, как будет видно из дальнейшего изложения, возможно, в определенные периоды и в определенных условиях — и форм разговорных. Посмотрим, однако, каким образом и какими словами это положение излагает сам Трубецкой: "Еще в домонгольской Руси областные говоры русского языка были до некоторой степени официальными языками соответствующих городов и княжеств. На церковнославянском языке писались произведения религиозного содержания или вообще касающиеся высшей духовной культуры и церкви, в принципе даже произведения чисто литературные. Напротив, все "деловое", относящееся к практической жизни — грамоты, договоры, светско-законодательные акты, завещания, описи и т.п. — писалось на местном — русском говоре с спорадическим введением в текст тех или иных отдельных церковнославянских слов и выражений. С течением времени этот деловой, канцелярский письменный язык, чисто русский по своему словарному составу, грамматическому, синтаксическому

и стилистическому строю, постепенно фиксировался. Со времени раздела русской территории между двумя большими государствами, Московским и Литовско-русским, процесс этот еще усилился, и в результате образовались два типа светско-деловых русских языка — западнорусский и московский. Оба языка были в то же время и разговорными языками чиновников и правящих классов соответствующих государств (ОЭРК, 65).

Н.С. Трубецкой прослеживает отдельно судьбы "западнорусского" и "московского светско-делового языка". Первый, по представлению ученого, быстро полонизировался и в качестве разговорного был в итоге вытеснен польским. Но незадолго до этого была произведена попытка создать на его основе "особый светско-литературный язык (для научных, публицистических и беллетристических произведений)" с некоторыми церковнославянскими элементами. На этом языке еще в XVII в. писалось довольно много, но данный язык не удержался. Иное положение создавалось в Московском государстве. Там "московский светско-деловой язык сложился на основе средневеликорусского говора города Москвы и сделался... не только официальным государственным языком московских приказов, но и разговорным языком служилого сословия Московского государства. Кроме государственных актов, на этом языке писались и некоторые литературные произведения без особых претензий на "литературность" — например, такие произведения, как описания путешествий в далекие страны или знаменитый памфлет Катошихина. Собственно литературным языком оставался все же язык церковнославянский, на котором писались не только произведения религиозно-учительного характера, но и произведения научного и просто беллетристического содержания" (ОЭРК, 66).

Таким образом, по представлению автора, деловой язык еще в эпоху домонгольской Руси был связан с местными говорами и тем самым не имел единой стабильной нормы, в отличие от церковнославянского, всегда и во все эпохи строго нормированного. Что же касается московского делового языка, то он, надо полагать, обладал определенной, достаточно четкой нормой, и потому, что он возник на основе одного говора, и потому, что был языком московских централизованных приказов. К концу XVII в. и в начале XVIII в., когда был введен в сакральный и литературный обиход общерусский церковнославянский язык, сложившийся на западнорусской (киевской) традиции, тогда же и в разговорном языке высших классов русского общества появились элементы "западнорусского светского языка". Этих элементов, равно как и заимствованных из романогерманских языков, было особенно много у "западнически" настроенных русских людей, которые при Петре Великом стали играть руководящую роль, а "вместе с ними продолжали выдвигаться и коренные киевляне и западноруссы" (ОЭРК, 66).

В XVIII в. наблюдалось тяготение к единому и нормированному разговорному языку русского образованного общества, притом это стремление к норме происходило на фоне достаточно сложной языковой ситуации. "Собственно, в сознании грамотного русского

жили совместно, по крайней мере, три языка, каждый прочно ассоциировавшись со своей специальной сферой применения: язык чисто церковнославянский, применяемый в богослужении, в произведениях религиозного содержания и прочно ассоциированный именно с религиозной сферой представлений; собственно русский язык, применяемый в практически-деловой жизни и в "домашних" разговорах на простые житейские темы и ассоциированный с сферой представлений практической повседневной жизни; наконец, упрощенно-церковнославянский язык, ассоциированный с наукой и со светской литературой, более или менее выпрэнной и торжественной, но без того специфического оттенка, который отличал чисто религиозную выпрэнность" (ОЭРК, 67).

Н.С. Трубецкой находит нужным пояснить, что он понимает под "упрощением" церковнославянского языка и под светским литературным языком, противопоставленным языку разговорному. По его словам, "этот язык светской литературы ("славяно-русской") по своему словарному составу был чисто церковнославянским, отличаясь в этом отношении от богослужебного языка только сначала избеганием, а потом и отсутствием некоторых специфических церковных слов (вроде *абие*, *егда*, *етерь*, *иногда* в значении "некогда" и т.д.), но в своем грамматическом строе приближался к русскому разговорному как по отсутствию некоторых специфически церковнославянских форм (например, форм прошедшего времени вроде *несохъ носящее*; форм двойственного числа, дательного на *-ови*, множественного на *-ове* и т.д.), так и присутствием специфически русских окончаний и синтаксических оборотов" (ОЭРК, 67).

Любопытно, что Н.С. Трубецкой не анализирует и даже не упоминает "ломаносовской" теории трех стилей, мимо которой не проходили многие исследователи литературно-языковой ситуации в XVIII в.

"Три языка" — церковнославянский, собственно русский разговорный и упрощенно-церковнославянский, — в принципе укладываются в схему теории трех стилей, с той основной разницей, что Н.С. Трубецкой пользуется при их разграничении, с одной стороны, функциональными (богослужебный, разговорный и т.д.), с другой — социологическими (деловой, разговорный, светский и т.п.) параметрами (признаками). Впрочем, он сам указывает на то, что различие "языков" со временем для двух из них стало восприниматься как различие стилей и постепенно сглаживалось. По сути дела, ломаносовское восприятие языковой ситуации сменялось шишковским. "Из тех трех языков, которые совместно жили в сознании каждого грамотного русского, чисто-церковнославянский выделялся как особый языковой тип с застывшей, строго определенной и (в принципе) более уже не подлежащей изменению структурой и строго определенной сферой применения. Остальные два — чисто русский деловой и упрощенно-церковнославянский светско-литературный — сознавались не как два особых языка, а скорее как два разных стиля одного языка, причем граница применения того и другого постепенно становилась все менее определенной. Сообразно с этим, по-видимому, изменилось и произношение упрощенно-церковнославян-

ского языка, и изменилось в сторону приближения к чисто русскому. Так получилось, что одно и то же церковнославянское по своему происхождению слово в богослужебном тексте произносилось иначе, чем в тексте светском литературном (например, в первом случае — с оканьем, во втором — с аканьем). В то же время шло, все усиливаясь, изменение грамматического состава светско-литературного языка, опять-таки в сторону применения чисто русской грамматики. Наконец, началось и выравнивание словарного состава" (ОЭРК, 67—68).

Выравниванию словарного состава ученый уделил много внимания. Проникновение словарных элементов "светско-литературного языка" ("упрощенно-церковнославянского") в "разговорно-деловой" ("чисто русский деловой"), помимо прочих причин, объясняется и "изменением культурного облика грамотных русских", для которых разговоры на "высокие" темы становились обычными и повседневными. Поэтому "к концу XVIII века разговорный язык руководящих слов русского образованного общества настолько "олигатурился", а светско-литературный язык, употребляемый теми же слоями в писаниях, настолько "обрусел" в своем формальном составе, что слияние этих обоих языков воедино стало почти неизбежным. К началу XIX века это слияние действительно и произошло" (ОЭРК, 68).

После такого слияния разговорный язык оказался образцом и для письменного литературного языка, т.е. "на этом языке стали писать все, начиная от частных писем и вплоть до философских трактатов и стихотворений". Все же, замечает Трубецкой, языковые различия, характерные для XVIII в., оставили свой след в литературном языке первой половины XIX в.; в частности, это сказалось в различном процентном отношении церковнославянских и русских элементов в прозе и поэзии. В поэзии вес церковнославянизмов (например, *злато, дева, очи, зеница* и т.д.) был большим, чем в прозе. Большим числом церковнославянизмов обладал и научный язык. Это свидетельствует, что церковнославянизмы стали уже стилевым показателем и притом не единственным и отчасти факультативным.

Свой краткий очерк истории развития русского литературного языка, изложенный нами в еще более сокращенном виде, Н.С. Трубецкой завершает образным итогом: "Можно сказать, что современный русский литературный язык получился в результате прививки старого культурного "садового растения" — церковнославянского языка — к "дичку" разговорного языка правящих классов русского государства. Русский литературный язык в конечном счете является прямым преемником староцерковнославянского языка, созданного Свв. славянскими первоучителями в качестве общего литературного языка для всех славянских племен эпохи конца праславянского единства" (ОЭРК, 69).

Правильное представление о происхождении и современных свойствах русского литературного языка возникает, по мнению исследователя, при сопоставлении его истории с историей других современных славянских литературных языков. "Кроме русского лите-

ратурного языка, преемником староцерковнославянской традиции является только еще современный болгарский литературный язык. Но преемство здесь не прямое, как в русском, а опосредствованное русским влиянием. В эпоху так называемого новоболгарского возрождения /.../ болгарский литературный язык /.../ был лишь, так сказать, болгаризованной формой русского литературного языка, причем, естественно, из русского литературного языка почерпались, главным образом, его церковнославянские элементы, но все же в их русской, а не среднеболгарской форме /.../. Прошедший через горнило русского литературного языка, церковнославянский словарный материал в русском облики является тем мощным звеном, которое связывает современный болгарский литературный язык с общеславянской литературноязыковой традицией" (ОЭРК, 69). Другие южнославянские литературные языки не связаны с церковнославянской традицией, притом "современный сербохорватский литературный язык возник *ex abrupto* на основе простонародного говора" (ОЭРК, 70). Западнославянские литературные языки также развивались вне связи с церковнославянской традицией. Хотя эта традиция в свое время проникла в Чехию, но она не могла пустить глубоких корней, и старочешский литературный язык, как и все другие западославянские литературные языки, возник вне связи с ней. Возникновение чешского языка можно отнести к XIII в., старопольского к XIV в., лужицких — к XVI в., а словацкого — к XVII—XVIII вв. Н.С. Трубецкой считает нужным сказать, что "хотя каждый из современных западославянских литературных языков возник самостоятельно, притом на основе данного живого разговорного языка, тем не менее все они связаны друг с другом известной общей литературноязыковой традицией. Но связь эта носит характер не преемства, а взаимного влияния, причем источником этого влияния является литературный язык чешский, сильно повлиявший в средние века на польский, в новое время — на словацкий и оба лужицкие и при своем возрождении сам испытавший на себе польское влияние" (ОЭРК, 72).

Немало места уделяется в статье истории украинского литературного языка. Автор отмечает большую взаимную близость всех восточнославянских наречий и диалектов, что ведет к взаимопониманию носителей этих наречий, особенно в контактных зонах. "Различия между основными русскими ("восточнославянскими") наречиями, — великорусским, белорусским, и малорусским, — не настолько глубоки, чтобы затруднять взаимное общение представителей этих наречий. Что касается до давности этих различий, то она тоже сравнительно незначительна" (ОЭРК, 73). Тем не менее, как показывает общеевропейский опыт, отдаленность (*resp.* близость) диалектов друг от друга не является необходимым условием возникновения нового литературного языка. Тем не менее новый украинский литературный язык возник "вне всякой связи с вымершим западнорусским литературным языком". Его основателями были Котляревский и Шевченко, избравшие для своих поэтических сочинений говоры Полтавщины и Киевщины, что "вполне

уместно и мотивировано самим содержанием” их произведений. ”Но известная часть украинской интеллигенции захотела большего, именно захотела создать на основе малорусского наречия настоящий литературный язык, применимый не только в вышеупомянутом литературном жанре, но и во всех других и способный стать органом умственной культуры для всей украинской интеллигенции” (ОЭРК, 75). Для этого, по мнению Трубецкого, следовало примкнуть к какой-нибудь традиции или к русско-церковнославянской, или к польской, и именно с последней и произошло несколько искусственное, но тем не менее осуществившееся слияние. Безусловно интересные и в некоторых своих частях достаточно спорные взгляды Трубецкого на формирование украинского национального литературного языка требуют своего отдельного изложения и рассмотрения. Относительно белорусского литературного языка он не писал ничего.

Таким образом, Н.С. Трубецкой делит славянские литературные языки на три группы: а) сербскохорватский и словенский, не связанные с какой-либо традицией (или освободившиеся от нее); б) русский и болгарский, основанные на церковнославянской традиции; в) западнославянские и украинский, связанные с чешско-польской традицией. Различие заключается в том, что в группе б) обнаруживается связь *по преемству*, а в группе в) связь *по влиянию*. Автор поясняет, что ”различие это, конечно, объясняется разницей во времени возникновения источников традиции той и другой группы. Староцерковнославянский язык возник в конце эпохи праславянского единства, т.е. тогда, когда отдельные славянские наречия относились друг к другу еще как разные диалекты одного языка, а не как самостоятельные языки. Поэтому старославянский язык был в потенции еще общеславянским литературным языком. Пересадка его из Солуни в восточную Болгарию, из Болгарии — в Сербию и Россию и живое взаимодействие всех этих его очагов были возможны именно потому, что в каждом из этих очагов он ощущался по сравнению с местным народным языком не как язык иностранный, а просто как язык литературный. И позднее, когда отдельные народные языки уже основательно разошлись, церковнославянский язык, например, у нас в России, ощущался не как чужой, а просто как старинный, устаревший, но тем не менее свой — родной литературный язык. Напротив, основной источник западнославянской (чешско-польской) литературной традиции, язык старочешский, сложился как литературный язык уже тогда, когда отдельные славянские языки совершенно обособились друг от друга. Пересадка его, хотя бы в Польшу, была невозможна, а возможно было лишь его влияние на местный польский язык” (ОЭРК, 78—79).

Между двумя группами славянских литературных языков, как отмечает ученый, тоже существуют ”линии связи”. Русский влиял на чешский в эпоху национального Возрождения (XIX в.), несколько раньше (с XVII в.) польский влиял на русский и т.д. Польский был и передатчиком западного, в первую очередь немецкого

влияния. Ср. *замок, право* (в значении), *духовенство* (но место ударения в *духовный*), *обыиватель, мещане, правомочный* и т.д.: "слова эти взяты из польского, но в самом польском они представляют из себя лишь ополяченную форму соответствующих чешских слов, которые, в свою очередь, являются искусственными "кальками" немецких слов *Schloss, Recht, Geistlichkeit, Bewohner, Bürger, rechtskräftig* и т.д." (ОЭРК, 80).

Сравнение со структурой и историей других славянских литературных языков привело Н.С. Трубецкого к выводу о целом ряде важных преимуществ, которыми обладает русский литературный язык. Эти преимущества носят внешний и внутренний характер. К внешним преимуществам относятся однородность и устойчивость внешнего облика, обусловленные продолжительной чисто литературно-языковой традицией и вытекающей из нее независимостью от народных говоров. К внутренним преимуществам относится прежде всего богатство словаря языка, особенно в оттенках значения слов. Эти оттенки могут иметь "торжественный и поэтический" обертон (*ладья — лодка, перст — палец, око — глаз, уста — рот* и т.д.), абстрактный характер (*страна — сторона, глава — голова, влачить — волочить, вопрошить — спросить* и т.д.), поэтически напыщенный (*чело, брада, злато, млад*), ученый (*ибо, дабы, средина*). Наконец, немало слов церковнославянского происхождения употребляются уже без оттенков. Такие слова — носители нейтрального значения, а их коррелятивные чисто русские пары оказываются специально стилистически мотивированными (*острый — вострый, пламя — полымя*). Следующим безусловным преимуществом является совершенная техника образования "новых слов". "Для того чтобы такие "новые слова" стали действительно "этикетками", обозначающими только данное понятие как таковое, необходимо, чтобы те уже существующие "старые слова", из которых (или из частей которых) эти новые слова образованы, не имели слишком ярко конкретного значения: иначе ассоциация с этими значениями будет мешать воспринимать данное слово как простую "этикетку" данного понятия. И тут-то русскому литературному языку приходит на помощь его церковнославянская словарная стихия... Если слово *млекопитающие* заменить словом *молококоормящие*, то "этикетки" не получится, а будет определенное высказывание лишь об одном, а не о всех признаках данного класса животных..." (ОЭРК, 83). То же самое, по мнению Н.С. Трубецкого, можно сказать о *Млечном пути* (*молочная дорога*), *пресмыкающихся* (*ползающие*), *вливания/вливаниях* и т.п. Наконец, он отмечает многочисленные стилистические возможности, о которых мы в данной статье умалчиваем.

Однако нельзя пройти мимо рассуждений о преимуществах церковнославянского языка как международного, межэтнического или, лучше сказать, надэтнического средства общения и орудия культурной, литературной и религиозной жизни. Вот что говорит об этом сам ученый: "Сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка,

ставит этот язык в совершенно исключительное положение. Трудно указать нечто подобное в каком-нибудь другом литературном языке. Литературные языки мусульманского мира основаны всегда на сопряжении местного, народного языка с языком арабским, иногда еще и на сопряжении этих двух языковых стихий с персидской (например, в турецком литературном языке). Но аналогия с русским языком здесь неполная, ибо дело идет о сопряжении языков совершенно различных, непохожих друг на друга не только по словарю, но и по всему своему грамматическому строю: арабский язык — семитический, персидский (а также афганский, хиндийский и т.д.) язык — индоевропейский, а турецкий язык — туранский. Эти языки по всей своей природе настолько различны, что неспособны слиться друг с другом в одно органическое целое и всегда продолжают существовать, не смешиваясь друг с другом. То же следует сказать и о сопряжении японского народного языка с китайским в японском литературном языке: весь строй "корневого" китайского языка слишком отличается от строя "агглютинирующего" японского языка, и это делает невозможным их органическое слияние. Нет полной аналогии между русским литературным языком и романскими, например, французским" (ОЭРК, 85). Далее Трубецкой подробно анализирует латино-французскую ситуацию и показывает, что она менее гомогенна, чем церковнославянско-русская. Все это дает ему возможность утверждать, что "русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков земного шара" (ОЭРК, 86).

Последние VII и VIII разделы статьи "Общеславянский элемент в русской культуре" посвящены важному вопросу о реальной и возможной роли русского языка как языка международного общения и языка межнационального общения народов России — СССР, проблеме использования русской гражданской кириллицы "для нерусских языков нашей страны". Трубецкой решительно высказывается в пользу кириллицы, в которой видит прогрессивное начало, "в противоположность латинскому алфавиту, этому символу обезличивающего империализма романо-германской цивилизации и воинствующего общеромано-германского шовинизма, лицемерно прикрывающегося личиною "интернациональности" и "общечеловечности" (ОЭРК, 93). Эта важная тема также требует отдельного и внимательного рассмотрения.

Таковы в общих чертах взгляды Н.С. Трубецкого на возникновение и историю русского литературного языка. Многие в этих взглядах нам кажется уже известным, принятым и устоявшимся в науке, многие разделы истории русского литературного языка в наше время разработаны полнее и подробнее, кое-что кажется не совсем убедительным, спорным, а к некоторым положениям хочется добавить дополнительные аргументы. Такие желания и мысли возникают, когда читаешь работу по частям, но в общем она поражает своей продуманностью, стройностью, цельностью концепции и связанностью отдельных ее частей. Если учесть к тому же,

что статья писалась в середине 20-х годов (автору было немногим более 35 лет), когда русское языкознание располагало рядом по сути дела разноплановых и несколько отрывочных исследований К. Аксакова, Я. Грота, А. Будиловича, П. Житецкого, А. Соболевского, А.А. Шахматова, С. Булича и других ученых и когда еще не было ни статей и книг В.В. Виноградова⁶, ни разысканий Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского, Н.Н. Дурново и др., то нужно признать, что статья Н.С. Трубецкого была первым в славистике трудом, рассматривающим историю русского литературного языка на фоне развития всех славянских языков. На том же основании, вероятно, следовало бы отдать пальму первенства Трубецкому в области применения широкого культурологического подхода к истории русского литературного языка в целом. Велики заслуги его и в разработке вопросов функциональных сфер литературного языка, вопросов соотношения "внешней" и "внутренней" истории литературного языка. Наконец, "общеславянский элемент" является первым и, безусловно, в принципе удачным опытом применения типологического подхода к изучению литературных языков.

В середине 20-х годов нашего века разработка истории зарубежных славянских литературных языков была в таком состоянии, которое даже трудно назвать зачаточным. Лишь в 30-е годы и, вероятно, все же не без некоторого влияния со стороны Н.С. Трубецкого и Пражского кружка, активным членом которого он был, появились интересные работы Б. Гавранка по чешскому и Б. Унбегауна по сербскому литературному языку.

Расцвет исследований по истории славянских литературных языков пришелся на послевоенный период, когда о работах Трубецкого уже забыли, хотя многие его идеи получили подтверждение и разработку в трудах крупных отечественных и зарубежных славистов. Не было никакого нарочитого умалчивания или тем более прямого или косвенного заимствования положений Трубецкого: лингвистическая наука сама пришла ко многим аналогичным положениям, занялась их более детальной разработкой, ушла далеко вперед.

Недавно, спустя 90 лет после написания, мы познакомились впервые с курсом "История русского литературного языка" А.И. Соболевского, образцово изданным и прокомментированным А.А. Алексеевым⁷. Чувство огорчения, что русские филологи не знали его раньше, у многих быстро сменилось чувством удовлетворения, что наука об истории русского литературного языка имеет, говоря словами Н.С. Трубецкого, "долгую и непрерывную традицию", имеет "свое преемство". Это же можно сказать, ознакомившись с исследованием Н.С. Трубецкого более чем 50-летней давности. И добавим — оно возбуждает в нас и ощущение традиции, и ощущение нового и в то же время непреходящего, вечного в науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Trubetzkoy N.S. Grundzüge der Phonologie. Prag, 1939; 2 Auflage. Göttingen, 1958; Principes de phonologie. P., 1949; Altkirchenslavische Grammatik. Schrift- Laut- und Formensystem. Wien, 1954; 2. Auflage. Graz etc., 1968; Die russischen Dichter des 18. und 19. Jahrhunderts: Abriss einer Entwicklungsgeschichte. Graz; Köln, 1956; Vorlesungen über die altrussische Literatur. Firenze, 1973; Letters and Notes. The Hague, 1975; Three Philological Studies by N.S. Troubetzkoy // Michigan Slavic Materials. 1963. N 3. Библиографию работ Н.С. Трубецкого, вышедших до 1939 г. включительно, см.: *Havránek V. Travaux du Cercle linguistique de Prague. Pr., 1939, 8, p. 335—342.**

² См.: *Виноградов В.В. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978, с. 252; Havránek V. Studie o spisovném jazyce. Pr., 1963, p. 265.*

³ Это суждение А.А. Шахматов высказал в "Записке об ученых трудах проф. В.И. Ламанского" в 1899 г. Тогда же он представил и "Записку об ученых трудах проф. Ф.Е. Корша", в которой писал: "Редкий экскурс Федора Евгеньевича в области классической древности или востока не сопровождался добычей, драгоценною для русской науки, и почти все написанное им может быть названо вкладом в историю нашего языка и нашего самосознания" (см.: Сб. ОРЯС 1901. Т. LXIX. с. XL, XLXIII); см. также: *Виноградов В.В. Русский литературный язык в исследованиях А.А. Шахматова // — Учен. зап. МГУ. Вып. 128. Труды кафедры русского языка. 1948. Кн. 1. С. 3.*

⁴ Нарисованная исследователем картина разговорного языка не характерна для состояния современной русской разговорной речи, но может найти свое подтверждение в инославянской среде — черногорской (сербской) или украинской. Следует отметить, однако, что для речи части русской интеллигенции в начале XX в., прежде всего для дворянской среды, такое положение было довольно характерным. В этом отношении могу сослаться на языковой узус моего дяди Владимира Ильича Толстого (1899 г.р.) и отчасти моего покойного отца Ильи Ильича Толстого (1897 г.р.), пользовавшихся в известных ситуациях сильно выраженным "калуцким" (реже тульским) говорком.

⁵ Как известно, книга В.В. Виноградова "Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв." (1-е изд. М., 1934; 2-е изд. М., 1938) начиналась словами: "Русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский" (2-е изд. С. 5).

⁶ Статья В.В. Виноградова "К истории лексики русского литературного языка" (Сб.: Русская речь. Нов. сер., I. Л., 1937) вышла в том же году, что и "Общеславянский элемент..." Трубецкого, а знаменитые виноградовские "Очерки" и книга "Язык Пушкина" — семью и восьмью годами позже.

⁷ Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980.

КОММЕНТАРИИ

Отдельные главы книги публиковались, иногда в сокращенном или в более развернутом виде на русском или сербскохорватском языках в следующих изданиях:

Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам). Опыт сравнительного рассмотрения — (сокращенный вариант): Функциональная стратификация языка. М., 1985. С. 9—24.

К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его "стандартности" — (сокращенный вариант): Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968. С. 124—134.

К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян: Вопросы языкознания. 1961. N 1. С. 52—66.

Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.): Славянское языкознание V Международной сессии славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 230—272.

Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962. С. 5—21.

Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI—XVII вв.): Вопросы русского языкознания. М., 1976. С. 177—204.

Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 236—247.

Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности: КСИС. Вып. 38. М., 1963. С. 27—38.

Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков): Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 122—134.

Отношение древнесербского книжного языка к древнеславянскому языку (на с.-хорв. яз.: Односно старог срpskog knjiškog jezika prema starom slovenskom jeziku // Научни састанак слависта у Вукове дане, 8. Београд, 1978. С. 15—25. Пер. В. Панкова.

К историко-культурной характеристике "славяно-сербского" литературного языка: — Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 267—281.

Конкуренция и сосуществование норм в сербском литературном языке XVIII века (на с.-хорв. яз.): Конкуренција и коегзистенција норми у књижевном језику XVIII века код Срба // Научни састанак слависта у Вукове дане, 10. Београд, 1980. С. 33—40. Пер. В. Панкова.

Архаизм и новаторство в языковой реформе Вука Караджича (на с.-хорв. яз.): Архаизам и новаторство у језичкој реформи Вука Караџића // Анали филолошког факултета, год. 1965, св. 5. Београд, 1966. С. 227—234. Пер. В. Панкова.

О последней попытке применения "общеславянской азбуки" к словенскому литературному языку: Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 260—266.

Взгляды В.В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка: Исследования по славянской филологии. М., 1974. С. 319—329.

Мысли Н.С. Грубещкого о русском и других славянских литературных языках: Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Калинин, 1981. С. 98—119.

Проблемам, рассматриваемым в этой книге, посвящены также следующие работы автора:

Об образовании восточнославянских национальных литературных языков // ВЯ. 1959. N 6. С. 64—67.

Каква е ролята на двуезичието в историята на славянските литературни езици? // Славянска филология. Т. 1. Отговори на въпросите за научна анкета по езикознание. Материали за V Международен конгрес на славистите. С., 1963. с. 24—25.

Създаване на койне в славянските езици и негово влияние върху литературните езици? // Славянска филология. Т. 1. Отговори... С. 44—46.

Как се установява границата между билингвизма и взаимните влияния в славянските езици? // Славянска филология. т. 1. Отговори... С. 326—327.

Вплив української словесної культури на південно-слов'янську в XVII—XVIII ст. // Тези доповідей VI Української славістичної конференції, 13—18 февр. 1964 р. Чернівці, 1964. С. 103—106.

Проблемы истории древнеславянского литературного языка на V Международном съезде славистов // ВЯ. 1964, N 4. С. 155—164.

Страничка из истории македонского литературного языка / Переводы "Любушиного суда" из Краледворской рукописи на македонский язык в XIX в. // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. Вып. 43. М., 1965. С. 17—34.

Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период // Славянские литературные языки в донациональный период: Тез. докл. М., 1969. С. 14—16.

Литературный язык у сербов в конце XVIII — начале XIX в. // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 269—328.

Литературный язык сербов в XVIII в. (до 1780 г.) // Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979. С. 154—197.

Труды В.В. Виноградова по истории русского литературного языка // В.В. Виноградов. Избр. тр.: История русского литературного языка. М., 1978. С. 1—9.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Типология славянских литературных языков	6
Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) (опыт сравнительного рассмотрения).....	6
К вопросу о зависимости элементов стиля стандартного литературного языка от характера его "стандартности".....	27
II. Взаимосвязь славянских литературных языков	34
К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян	34
Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII в.)	52
Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв.	87
Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI—XVII вв.)	108
III. Ранняя славянская письменность и ее традиции	128
Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян	128
Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности	140
IV Южнославянские литературные языки	154
Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков)	154
Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку.....	164
К историко-культурной характеристике "славяно-сербского" литературного языка	174
Конкуренция и сосуществование норм в литературном языке XVIII века у сербов	186
Архаизм и новаторство в языковой реформе Вука Караджича	194
О последней попытке применения "общеславянской азбуки" к словенскому литературному языку	201
V Из истории изучения славянских литературных языков	210
Взгляды В.В. Виноградова на соотношение древнерусского и древнеславянского литературного языка	210
Мысли Н.С. Трубецкого о русском и других славянских литературных языках..	220
Комментарии	237

Научное издание

Толстой Никита Ильич
ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА
СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

*Утверждено к печати Отделением литературы
и языка АН СССР*

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художник *А. Д. Смеляков*
Художественный редактор *Л. В. Кабатова*
Технический редактор *М. К. Серегина*
Корректор *Л. М. Сахарова*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ. N 38380

Подписано к печати 16.06.88. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная N 1. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 15,0. Усл.кр.-отт. 15,4
Уч.-изд.л. 19,9. Тираж 2800 экз. Тип.зак. 348. Цена 2р. 50к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

”Будучи модернизированной и обрусевшей формой церковнославянского языка, русский литературный язык является единственным прямым преемником общеславянской литературной традиции, ведущей свое начало от Первоучителей славянских, то есть от конца эпохи праславянского единства”.

Н.С. Трубецкой

